

KELLERMAN
ДЖОН АТАН

КЕЛЛЕРМАН

Убийца наносит еще
одну ударов.
Как предотвратить
следующий?

ПАТОЛОГИЯ

The International Bestseller

LITRU.RU

Annotation

Маньяк наносит удар только раз в год - 28 июня.

У его жертв нет ничего общего - кроме способа, которым их лишили жизни. Полиция - в тупике.

И тогда за дело берется Петра Коннор - талантливая ученица легендарного Алекса Делавэра. С помощью способного практиканта Айзека Гомеса ей удастся сделать поразительное открытие: серия деяний маньяка должна включать в себя семь убийств.

Почему? В ответе на этот вопрос - ключ к разгадке преступлений. Шесть человек уже мертвы. На карту поставлена жизнь седьмого...

- [Джонатан Келлерман](#)

-
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)

- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)
- [ГЛАВА 27](#)
- [ГЛАВА 28](#)
- [ГЛАВА 29](#)
- [ГЛАВА 30](#)
- [ГЛАВА 31](#)
- [ГЛАВА 32](#)
- [ГЛАВА 33](#)
- [ГЛАВА 34](#)
- [ГЛАВА 35](#)
- [ГЛАВА 36](#)
- [ГЛАВА 37](#)
- [ГЛАВА 38](#)
- [ГЛАВА 39](#)
- [ГЛАВА 40](#)
- [ГЛАВА 41](#)
- [ГЛАВА 42](#)
- [ГЛАВА 43](#)
- [ГЛАВА 44](#)
- [ГЛАВА 45](#)
- [ГЛАВА 46](#)
- [ГЛАВА 47](#)
- [ГЛАВА 48](#)
- [ГЛАВА 49](#)
- [ГЛАВА 50](#)
- [ГЛАВА 51](#)
- [ГЛАВА 52](#)
- [ГЛАВА 53](#)
- [ГЛАВА 54](#)
- [ГЛАВА 55](#)
- [ГЛАВА 56](#)
- [notes](#)
 -

Джонатан Келлерман

Патология

Посвящается Фэй

*Выражаю особую благодарность:
Джону Эйхаузу, Рику Элби, детективу Мигелю
Поррасу, Терри Поррас и Сьюзан Уилкоккс.*

ГЛАВА 1

Май принес в Голливуд лазурные небеса и калифорнийскую жизнерадостность. Петра Коннор работала ночью, отсыпалась днем. У нее были свои причины для ликования: раскрыты два убийства.

Первое произошло на свадьбе. Торжество устроили в главном бальном зале отеля «Рузвельт». Невеста — американка японского происхождения, жених — кореец. Оба — студенты юридического факультета, познакомились в университете. Ее отец — хирург, родился в Глендейле, отец жениха — почти не говорящий по-английски иммигрант, занимался продажей электробытовой техники. Петру все еще удивляли смешанные браки.

В погибшем опознали одного из кузенов невесты — тридцатидвухлетнего дипломированного бухгалтера Болдуина Йошимуру. Обнаружили труп в незапертой кабинке мужского туалета. Свернутая шея невольно вызывала ассоциации с событиями фильма «Экзорцист». Эксперт считал, что убийца должен обладать огромной физической силой, таким было и мнение медиков.

Петра снова работала без напарника. Ей пришлось поговорить со всеми друзьями и родственниками молодых. В конце концов она выяснила, что Болдуин Йошимура был большим волокитой, не обходившим вниманием и замужних, и незамужних женщин. Продолжая сбор информации, Петра уловила нервные взгляды со стороны родственников невесты. Троюродный брат погибшего по имени Уэнди Сакура случайно проговорился: оказывается, покойный Болдуин имел интрижку и с женой своего брата Дарвина Потаскушкой.

Дарвин, паршивая овца в их высокообразованном клане, работал тренером по спортивной борьбе в Вудленд-Хиллз.

Петра с трудом заставила себя пробудиться от дневного сна. Заехав в спортивную школу, зашла на занятие по дзюдо для продвинутых учеников. Дарвин был невысоким плотным человеком, с бритой головой, приятными манерами. Когда тренировка закончилась, он подошел к Петре, вытянул руки вперед, словно предлагая надеть наручники, и сказал: «Это сделал я. Арестуйте меня».

В участке он отказался от адвоката. Ему не терпелось все рассказать. Поведение брата и жены с некоторых пор казалось ему подозрительным, поэтому в день свадьбы, заметив, что они скрылись в пустой банкетной комнате, тихо последовал за ними. Встал за перегородкой и убедился, что брат охотно принимает страстные ласки изменницы. Дарвин позволил ей довести дело до конца, затем дождался, когда Болдуин пойдет в туалет, и там не таясь убил его.

— А как насчет вашей жены? — спросила Петра.

— А что такое?

— Вы ей ничего не сделали?

— Она женщина, — сказал Дарвин Йошимура. — Слабый пол. Болдуин — другое дело.

История раскрытия второго убийства началась с изучения кровавых пятен в Лос-Фелис, а закончилась в национальном лесном заказнике Анджелес Крест. Жертва преступления — бакалейщик по имени Бедрос Кашиджан. Кровь обнаружили позади магазина на Эджмонт, на автомобильной стоянке. Кашиджан и его пятилетний «кадиллак» исчезли.

Два дня спустя лесничие заказника Анджелес Крест наткнулись на «кадиллак», стоявший на лесной дороге, на месте водителя — труп Кашиджана. На щеке и рубашке — засохшие пятна крови, вытекшей из левого уха, видимых ран на теле не обнаружено. Обследование позволило установить — смерть наступила примерно два дня назад. Похоже, вместо того чтобы после работы отправиться домой, бакалейщик зачем-то проехал тридцать миль в восточном направлении. А может, его туда кто-то отвез?

Петра выяснила, что бакалейщик был вполне добропорядочен: женат, трое детей, имел хороший дом, а больших долгов за ним не водилось. В следственных материалах, собранных за неделю, удалось найти зацепку — за два дня до исчезновения Кашиджан участвовал в потасовке.

Драка произошла в баре на Альварадо. Публика там в основном латиноамериканская, но Кашиджан положил глаз на одну из сальвадорских официанток и частенько туда заходил, пил пиво и крепкие напитки, после чего заваливался в ее комнату над салуном. В баре разгорелся скандал: подрались двое пьяных посетителей.

Кашиджан оказался рядом и случайно получил удар по голове. Бармен клялся, что удар кулаком был единственным. Кашиджан покинул бар на своих ногах.

Вдова Кашиджана в одночасье получила два удара — потерю мужа и факт его супружеской неверности. Она сказала, что супруг жаловался на головную боль, причину боли объяснял тем, что нечаянно ударился о стеллаж с хлебом. Две таблетки аспирина вроде бы принесли ему облегчение.

Петра позвонила коронеру, весельчаку по натуре, Розенбергу. Она хотела уточнить, можно ли единственным ударом кулака раскроить череп так, чтоб жертва через два дня отдала богу душу. Розенберг ответил, что сомневается в этом.

Но вот в страховых документах Бедроса Кашиджана нашлось кое-что интересное: пять лет назад на пятой северной автостраде бакалейщик попал в автомобильную аварию, в которой пострадало девять автомобилей. Именно в этом происшествии он получил серьезную черепную травму и внутреннее кровоизлияние в мозг. В больницу его доставили в бессознательном состоянии, положили на операционный стол и произвели трепанацию черепа, удалили раздробленный сегмент костной ткани размером с пятидесятицентовую монету, чтобы через отверстие убрать гематому. Затем костный сегмент — «окошко», как тут же назвал его Розенберг, сшили кетгутами и закрепили винтами, после чего поместили на прежнее место, чтоб края распила срослись.

Услышав об этом, Розенберг изменил свое мнение.

— «Окошко» было более уязвимо, чем остальная часть черепа, — сказал он Петре. — К несчастью для вашего парня, оно и пострадало в потасовке. Любая черепная кость перенесла бы удар без страшных последствий, но «окошко»... Скрепы, держащие осколки сегмента, лопнули и кости вонзились в ткань мозга. Началось медленное кровотечение, и, наконец, — бум-с.

— Бум-с, — повторила Петра. — Ну вот вы опять сбиваете меня с толку своим жаргоном!

Коронер засмеялся. Петра тоже невольно улыбнулась. Никому из них не хотелось думать, что Бедросу Кашиджану так жутко не повезло.

— Единственный удар, — сказала она.

— Бум, — повторил Розенберг.

— Скажите, доктор Розенберг, а не могло ли это травматическое состояние послужить причиной того, что он ехал, не сознавая куда, в лес?

— Дайте подумать. Осколки костей, врезавшиеся в серое вещество коры головного мозга, медленное кровотечение... да, он мог быть дезориентирован.

— Однако это не объясняет, почему он выбрал именно Анджелес Крест.

Петра спросила у капитана Шулкопфа, следует ли ей возбуждать дело против парня, нанесшего роковой удар.

— Кто он такой?

— Пока не знаю.

— Это же обыкновенная драка в баре.

Шулкопф взглянул на нее так, как будто говорил с недоразвитой.

— Напиши в протоколе «смерть в результате несчастного случая».

Поскольку желания спорить не было, она уступила и пошла оповестить вдову Кашиджана о прекращении расследования. Вдова считала, что муж поехал в Анджелес Крест, потому что именно там в юности они любили гулять.

— По крайней мере, он оставил мне хорошую страховку, — сказала женщина. — Главное, что наши дети останутся в частной школе.

Когда оба дела были закрыты, подступило одиночество. Она явно сделала ошибку, вступив в интимные отношения с напарником. Теперь Петре приходилось работать и жить одной.

Объектом ее привязанности стал странный, неразговорчивый детектив Эрик Шталь. За его плечами была армия, в которой он служил в качестве офицера по особым поручениям. Их роман развивался медленно. Когда Петра впервые увидела его черный костюм, бледную кожу и пустые темные глаза, она подумала: предприниматель. Он ей не понравился, оказалось, что взаимно. Впоследствии все переменялось.

Они стали напарниками, расследуя дело под названием «Ледяное сердце». Работу координировали с Майло Стеджисом. Предстояло покончить с подонком-психопатом, расправлявшимся с людьми творческих профессий. Довести дело до раскрытия оказалось не просто: Эрик едва не погиб от ножевых ран. Просиживая часами у

дверей больничной палаты, Петра познакомилась с родителями Эрика и узнала, почему их сын так молчалив и держится отчужденно.

Когда-то у него была семья — жена и двое детей — но он всего лишился. Хизер, Дэнни и Дон. Их отняли у него жестоко, убили. Эрик восстановился в армии и целый год жил на антидепрессантах, затем пошел служить в полицию Лос-Анджелеса. Связи помогли ему получить должность детектива голливудском участке, и Шулкопф определил его в напарники Петры.

Если Шулкопф и знал о прошлом Эрика, то держал информацию при себе. Петра, ни о чем не подозревая, начала налаживать с напарником приятельские отношения и наткнулась на холодную стену. Вскоре она оставила свои попытки. Они отделились друг от друга и до минимума сократили общение.

Затем наступила та ужасная ночь. Даже сейчас Петра все еще подозревала, что Эрик думал о суициде, отчаянно бросаясь на преступника, вооруженного ножом. Эту тему она никогда не поднимала. Не видела смысла.

Она была не единственной женщиной в его жизни. Еще работая над расследованием «Ледяного сердца», он встретил экзотическую танцовщицу, глупенькую блондинку с точеной фигурой. Девушку звали Кайра Монтего, хотя она была известна также как Кэт Магари. Она сидела возле палаты в обтягивающей одежде, сморкалась в платочек, разглядывала ногти. Было заметно, что она не в состоянии читать глянецовый журнал — то ли из-за беспокойства, то ли, как подозревала Петра, из-за врожденного нарушения внимания. Петра пересидела девицу, и когда Эрик проснулся, именно ее рука сжала его ладонь, именно она заглянула, в его страдающие карие глаза.

Эрик лечился несколько месяцев, Кайра регулярно навещала его в арендованном бунгало в Студия-Сити, принося суп из ресторана, пластиковые столовые приборы. А также свою силиконовую грудь, накладные ресницы и бог знает что еще.

Петра сама готовила для Эрика. Она выросла в семье вдовца из Аризоны, где кроме нее было пятеро братьев, и научилась отменно стряпать. Во время недолгого замужества она создавала настоящие деликатесы. После развода полуночица Петра редко включала духовку. Но, желая выздоровления Эрику, снова ощутила острую необходимость в ней.

Глупая блондинка в конце концов исчезла за горизонтом, и Петра немедленно заняла ее место. Они с Эриком, преодолев первоначальную неловкость, постепенно сдружились, а потом и сблизились. Любви он отдался с пылкостью, как освобожденный из неволи зверь. Утолив острый сексуальный голод, Петра обнаружила, что лучшего любовника у нее еще не было: он был то нежен, то страстен, при этом всегда знал, чего она ждет от него в тот или иной момент.

Потом они перестали быть напарниками на службе, но остались любовниками. Жили врозь: Эрик — в одноэтажном коттедже, Петра — в своей квартире на Детройт-стрит, возле музея Роу. Затем грянуло 11 сентября, и сотрудники Эрика, зная о его службе в войсках специального назначения, нашли ему новое применение. Его перевели из убойного отдела во вновь созданный отряд национальной безопасности и откомандировали за океан для антитеррористической подготовки. Целый месяц он учился в Израиле распознавать смертников и делал многое другое, о чем не мог ей рассказать.

Когда была возможность, звонил, иногда посылал письма по e-mail, а ее электронных посланий получать не мог. Последняя весточка от него пришла неделю назад. Иерусалим — прекрасный город, израильтяне — люди жесткие, бестактные, но компетентные. Он планировал вернуться через две недели.

Два дня назад пришла открытка с изображением башни Давида. На ней аккуратным почерком Эрика выведены слова.

П.
Думаю о тебе, все в порядке.
Э.

Работа в одиночку ей нравилась, но она знала, что не за горами день, когда ей навяжут нового напарника.

Закрыв дела Йошимуры и Кашиджана, она взяла два отгула, чтобы немного отдохнуть.

Но вместо отдыха получила кровавую баню и Айзека Гомеса.

ГЛАВА 2

Случилось это в тот день, когда она решила опять заняться живописью. Заставила себя встать в десять утра, чтобы при свете дня написать копию картины Джорджии О'Киф.

Она всегда любила эту художницу. Петра выбрала не цветы и не черепа, а серый, вытянутый вверх Нью-Йорк — раннюю работу О'Киф.

Повторить гениальную картину Петра не надеялась, но одно лишь стремление приблизиться к оригиналу пойдет ей на пользу. Кисть она не держала в руке несколько месяцев, и первые мазки дались с трудом. Однако к двум часам дня она вошла во вкус и подумала, что получается неплохо. В шесть часов села на диван, чтобы взглянуть на результат, да так и уснула в гостиной.

Ночью в пятнадцать минут второго ее разбудил телефонный звонок.

— Несколько жертв. Клуб «Парадизо», бульвар Сансет, рядом с Западной авеню. Вызываем всех детективов, — сказал диспетчер. — Возможно, уже показывают по телевизору.

Идя в душ, Петра нажала кнопку пульта. Сообщение о происшествии прозвучало на первом же канале, который она включила.

Возле клуба «Парадизо» застрелены несколько подростков. Там шел концерт хип-хоп групп. Трагедия произошла на территории парковки. Из окна неизвестного автомобиля высунулся ствол.

Четыре трупа.

Когда Петра приехала, территория была оцеплена, а тела жертв коронер уже прикрыл кусками полотна. Под сине-черным голливудским небом возвышались рядком четыре холмика. Из-под задравшегося угла полотна, скрывающего одну из жертв, виднелась кроссовка. Розовая кроссовка небольшого размера.

Мощные лампы заливали светом парковку. На первый взгляд, здесь было больше сотни подростков, кое-кто слишком юн, чтобы в столь поздний час ходить по улицам без сопровождения взрослых. Детей разбили на группы и каждую отвели в сторону под надзором

полицейских. Пять групп, все — потенциальные свидетели. «Парадизо» — кинотеатр, который отдали сначала евангелистской церкви, а потом переделали в концертный зал, — мог вместить свыше тысячи зрителей. Из такой аудитории набралось не слишком много детей.

Петра поискала глазами других детективов и увидела Эб-рамса, Монтойю, Дилбека и Хааса. Вместе с ней их будет пятеро на пять групп.

Мак Дилбек имел за плечами тридцать лет службы. Ему и полагается быть старшим.

Петра направилась к Дилбеку. Он помахал ей рукой еще издали, когда до него оставалось десять ярдов.

Маку исполнился шестьдесят один год. Рост пять футов восемь дюймов. Серебристые набриолиненные волосы и такой же блестящий серый костюм из синтетики. Узкие округлые лацканы выглядели несколько старомодно, однако Петра знала, что он купил костюм новым. Мак пользовался лосьоном «Аква Велва», носил кольцо с искусственным рубином — память об окончании средней школы — и жетон полиции Лос-Анджелеса. Жил он в Сими-Вэлли, на работу добирался на старом «кадиллаке». По выходным предпочитал конные прогулки, либо катался на «харлее». Сорок лет женат, на бицепсе татуировка «Semper Fi»^[1]. Петра считала его умнее большинства врачей и юристов, с которыми была знакома.

— Извините, что прервал ваш отдых, — сказал он. Глаза усталые, но выправка, как всегда, безупречна.

— Похоже, нам понадобится весь наш штат. Мак помрачнел.

— Настоящая бойня. Четверо детей.

Он повел ее по широкой подъездной аллее подальше от тел — к Западной авеню. В этот ранний утренний час транспорта здесь почти не было.

— Концерт закончился в половине двенадцатого, но ребятишки крутились на территории стоянки — курили, пили.

Типичное поведение. Автомобили отъезжали, но один из них задним ходом двинулся к толпе. Ехал медленно, никто не заметил. Затем из окна показалась рука и ствол, раздались выстрелы. Охранник был слишком далеко и ничего не видел, зато слышал с дюжину выстрелов. Четыре попадания, все смертельны. Похоже,

девятимиллиметровый калибр. Петра взглянула на ближайшую группу ребят.

— На трудных подростков не похожи. Что это был за концерт?

— Обычный хип-хоп, латиноамериканские танцы, никакого гангстерства.

Несмотря на трагизм ситуации, Петра не сдержала улыбки.

— Никакого гангстерства? Дилбек пожал плечами.

— Большие дети. Как нам стало известно, аудитория вела себя прилично. Несколько человек перебрали спиртного, но ничего серьезного.

— Кто перебрал?

— Три мальчика из Долины^[2]. Белые. Безобидные. Родители их забрали. Дело не в этом, Петра, а в чем оно... разве кто знает? В том числе и наши потенциальные свидетели.

— Ничего? — спросила Петра.

Дилбек приставил к глазам ладонь козырьком, другой ладонью прикрыл рот.

— Этим ребятам не повезло: они здесь шатались, когда появились патрульные машины. Все, что нам удалось от этих ребят узнать, это описание автомобиля убийцы. Маленький, черный, возможно, темно-синий или темно-серый. Скорее всего, «хонда» или «тойота» с хромированными деталями. Никто не запомнил номер, хотя бы одну цифру. Когда началась стрельба, все либо попадали на землю, либо пригнулись, либо побежали.

— Но разбежались не все.

— Полиция прибыла в течение двух минут, — пояснил Дилбек. — Никому не дали уйти.

— Кто ее вызвал?

— По меньшей мере восемь человек. Официальный информатор — клубный вышибала.

Он нахмурился.

— Жертвы — два мальчика и две девушки.

— Какого возраста?

— Документы мы нашли у троих: двоим по пятнадцать лет, одной семнадцать. У четвертой, девушки, документов при себе нет.

— Совсем ничего? Дилбек кивнул.

— Бедные родители, должно быть, и сейчас нервничают, а уж что с ними будет, когда они услышат ужасную новость? Плохо дело. Должно быть, пора мне собирать вещички.

Он говорил о своей отставке столько лет, сколько Петра была с ним знакома.

— Я уйду раньше вас, — заявила она.

— Возможно, — согласился Дилбек.

— Я хочу посмотреть на тела, прежде чем их увезут.

— Смотрите сколько угодно, а потом идите вон к той группе.

Петра разузнала о жертвах все что могла.

Пол Аллан Монталво две недели назад отметил свое шестнадцатилетие. Пухлые щеки, круглое лицо, черные спортивные брюки. Гладкая смуглая кожа, пулевое отверстие под правым глазом. Еще два ранения в ноги.

Ванда Летиция Дуарте, семнадцать лет. Красотка, бледная, длинные черные волосы, кольца на восьми пальцах, пять пирсингов в ушах. Три смертельных ранения в грудь, с левой стороны.

Кеннерли Скотт Далкин, пятнадцать лет, выглядит на двенадцать. Светлая веснушчатая кожа, бритая голова цвета извести. Черная кожаная куртка, на кожаном ремешке подвеска в форме черепа. Пуля угодила в шею. Доктор Мартене сказал, что парень, судя по всему, хотел стать «крутым». В кошельке нашли карточку, удостоверяющую, что он — член почетного общества школы Бирмингема.

Неопознанная девушка, похоже, латиноамериканка. Невысокая, грудастая, с кудрями до плеч. Кончики прядей выкрашены в рыжий цвет. Обтягивающий белый топ, тесные черные джинсы из магазина «Кей Март». Розовые кроссовки — те, на которые Петра обратила внимание. Размер не больше пятого.

У нее тоже пулевое ранение в голову — отверстие чернеет возле правого уха. Еще четыре пули прошли грудь и живот. Карманы джинсов вывернуты. Петра осмотрела дешевую сумку из искусственной кожи. Жевательная резинка, салфетки, двадцать долларов, две пачки презервативов.

Безопасный секс. Петра присела возле тела девушки. Затем поднялась и пошла опрашивать подростков.

Восемнадцать человек уверяли, что ничего не знают.

Она обратилась сразу ко всем, действовала осторожно, пытаясь установить дружеский контакт. Она подчеркнула важность их показаний для следствия: необходимо предотвратить саму возможность повторения таких трагедий. На нее смотрели восемнадцать пар пустых глаз. Петра усилила напор — несколько человек кивнули в знак согласия. Возможно, виной тому был и шок, но Петра почувствовала, что она им уже надоела.

— Ты ничего не можешь мне сказать? — спросила она худого рыжеволосого подростка.

Он поджал губы и покачал головой.

Она выстроила всех в шеренгу, записала имена, адреса и номера телефонов. Держала себя невозмутимо.

Обратила внимание на двух нервничавших девушек. Одна хрустела костяшками пальцев, а другая топталась, переминаясь с ноги на ногу не переставая. Всем, кроме этих двоих, разрешила уйти.

Бонни Рамирес и Сандра Леон. Обеим по шестнадцать. Одеты одинаково — тесные топы, джинсы с заниженной талией, туфли на высоких каблуках. Друг друга не знают. Топ у Бонни черный, из дешевой ткани. Лицо покрыто густым слоем тонального крема, чтобы скрыть угревую сыпь. Волосы каштановые, вьющиеся, уложены в замысловатую прическу. Небось, не один час сооружала, чтобы добиться впечатления естественного беспорядка. Она по-прежнему терзала свои пальцы. Петра повторила, что лучше честно и откровенно все рассказать.

— Я не вру, — сказала Бонни.

Произношение распевное, характерное для восточной части Лос-Анджелеса, последний слог в слове имеет характерную интонационную окраску.

— А что насчет автомобиля, Бонни?

— Я вам сказала. Не видела я никакой машины.

— Точно?

— Точно. Я должна идти. Мне очень надо идти. И снова трещит костяшками пальцев.

— Куда так торопишься, Бонни?

— Джордж сидит с ребенком только до часа ночи, а сейчас намного позднее.

— У тебя что же, есть ребенок?

— Два года, — сказала Бонни Рамирес.

В ее голосе прозвучали гордость и самодовольство.

— Мальчик или девочка?

— Мальчик.

— Как зовут?

— Роки.

— Фотография есть?

Бонни потянулась за расшитой блестками сумкой и остановилась.

— Зачем вам? Джордж сказал, что если я не явлюсь домой вовремя, он уйдет, а Роки иногда просыпается ночью. Я не хочу, чтобы он испугался.

— Кто такой Джордж?

— Отец ребенка, — сказала девушка. — Роки тоже Джордж. Джордж-младший. Я называю его Роки, чтобы отличить от Джорджа, потому что мне не нравится, как ведет себя Джордж.

— А как ведет себя Джордж?

— Он мне не помогает.

У Сандры Леон блузка из шелка цвета шампанского обнажала плечо, покрывшееся мурашками. Сандра перестала топтаться на месте, крепко обхватила себя руками, на узкой грудной клетке сошлись не стесненные лифчиком мягкие груди. Смуглая кожа контрастировала с пышной копной платиновых волос. Темно-красная губная помада, искусственная родинка над губой. Девушка была обвешана дешевой бижутерией, имитирующей золотые украшения. Туфли с прозрачными каблуками — имитация хрусталя. Пародия на сексуальность. Шестнадцатилетняя девица строила из себя тридцатилетнюю женщину.

Прежде чем Петра задала вопрос, Сандра сказала:

— Я ничего не знаю.

Петра взглянула в сторону жертвы в розовых кроссовках.

— Интересно, где она купила эти кроссовки, — сказала она.

Сандра Леон смотрела куда угодно, только не на Петру.

— Откуда мне знать? Девица закусил губу.

— Ты нормально себя чувствуешь? — спросила Петра. Девушка с усилием перевела взгляд на Петру. Ее глаза ничего не выражали.

— А в чем дело? Петра не ответила.

— Могу я уйти?

— Ты уверена, что тебе нечего мне сказать?

Она прищурилась. В глазах промелькнула враждебность.

— Я даже не должна говорить с вами.

— Кто это тебе сказал?

— Закон.

— Тебе уже приходилось сталкиваться с законом? — спросила Петра.

— Нет.

— Но ты в нем разбираешься.

— У меня брат в тюрьме.

— Где?

— В Ломпоке.

— За что?

— За кражу автомобиля.

— Значит, твой брат разбирается в законе? — сказала Петра. — Вот и посмотри, где он сейчас.

Сандра пожала плечами., От резкого движения платиновые волосы съехали набок. / Парик.

Петра пригляделась повнимательнее. Заметила, что и глаза у нее странные. Пустые, окруженные заметной желтизной.

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Когда отпустите, буду чувствовать себя хорошо. Сандра Леон поправила парик. Подсунула под него палец и улыбнулась.

— Лейкемия, — сказала она. — Я проходила курс химиотерапии. Раньше у меня были хорошие волосы. Говорят, они отрастут, но, должно быть, врут.

Ее глаза наполнились слезами.

— Могу я теперь уйти?

— Да, конечно. Девушка ушла.

ГЛАВА 3

Всю неделю детективы вели следственные действия по делу «Парадизо»: опросили родственников погибших подростков, встретились еще раз с потенциальными свидетелями. Никто из жертв не был связан с преступным миром. Родители утверждали, что дети были послушными. Не нашлось и родственников с криминальным прошлым. Уцепиться детективам было не за что.

Девушка в розовых кроссовках оставалась неопознанной. Петра считала это своей личной профессиональной неудачей. Она сама вызвалась выяснить личность погибшей, сделала все возможное и в результате ничего не узнала. Единственный интересный факт сообщил коронер^[3]: несколько месяцев назад девушке сделали аборт.

Петра попросила у Дилбека разрешения обратиться к средствам массовой информации, и он дал добро. Три телевизионных канала в вечерних новостях демонстрировали эскизный портрет погибшей. Поступило несколько звонков. Ничего существенного.

Она занялась кроссовками в надежде, что здесь найдется зацепка. Не тут-то было: магазин «Кей Март», кроссовки изготовлены в Макао. Такую обувь отправляли в Штаты в огромных количествах. Петра увидела их даже на распродажах.

Снова попыталась встретиться с Сандрой Леон, потому что ее слишком нервное поведение казалось необъяснимым. Впрочем, возможно, оно связано с ее болезнью. Петра решила обращаться с несчастной девчонкой максимально деликатно: бог знает, через что она прошла со своей лейкемией. Звонила ей по телефону, но трубку никто не снимал.

После убийства миновало десять дней, но у детективов не было ни одной зацепки. На следующем совещании Мак Дилбек сказал, что этим делом отныне будут заниматься лишь трое детективов. Дилбек по-прежнему будет за старшего, а Люк Монтойя и Петра будут на подхвате. После совещания Петра спросила его:

— Что это значит?

Мак, не поднимая глаз, собирал бумаги.

— Что вы имеете в виду?

— На подхвате.

— Я открыт для идей.

— Неопознанная девушка, — сказала Петра. — Может, дело в ней. Об ее исчезновении никто не заявил.

— Странно, правда? — подхватил Мак.

— Может, кто-то хотел, чтобы ее не стало. Мак пригладил блестящие волосы.

— Вы хотите что-то узнать о ней?

— Попытаюсь.

— Да, это хорошая мысль. Он нахмурился.

— Что еще?

Он постучал пальцем по плоскому, изборожденному морщинами лбу.

— У меня здесь крутится одно сильное подозрение. А что, если и мотива никакого не было? Что, если группа плохих парней решила ради развлечения подстрелить несколько людей?

— Это было бы просто прелестно, — сказала Петра.

— Думаю, так могло быть.

— Конечно, могло.

Работа по выяснению личности погибшей девушки за два дня довела до изнеможения. Петра сидела за столом, жевала хот-дог. Кто-то кашлянул. Она подняла глаза.

Айзек Гомес. Опять.

Он стоял рядом. На нем была обычная голубая, застегнутая на все пуговицы рубашка, отглаженные брюки цвета хаки и дешевые мокасины. Черные волосы расчесаны на пробор и приглажены, словно у певчего в храме. Коричневое, гладко выбритое лицо. Прижимая к груди стопку старых книг по криминалистике, он сказал:

— Надеюсь, я вам не помешал, детектив Коннор. Конечно же, помешал. Но, разумеется, она ему улыбнулась. Глядя на Айзека, она не могла отделаться от впечатления, что так мог в юности выглядеть Диего Ривера. Волосы прямые, точно щетина; кожа цвета мускатного ореха; огромные влажные миндалевидные глаза. Крупные скулы и тонкий нос свидетельствовали о примеси индейской крови. Высокий рост, квадратные плечи, костлявые запястья, походка решительная, но несколько неуклюжая.

По документам юноше было двадцать два года.

Всего двадцать два, а год назад он уже стал доктором философии. По интеллекту он был много взрослее, бог знает на сколько лет. Однако когда разговор не касался фактов и цифр, обнаруживалась поразительная незрелость.

Петра была уверена в том, что он девственник.

— В чем дело, Айзек?

Она ожидала увидеть улыбку — смущенную улыбку, которая была ему свойственна. И не по причине природной жизнерадостности, а по причине легковозбудимости. Наедине с ним не раз замечала, как вырастает тканевый пузырь на его джинсах, ближе к паху. При этом у него краснели уши, и он быстро прикрывался учебником или ноутбуком. Она притворялась, что ничего не замечает.

В этот вечер улыбки не дождалась. Юноша выглядел сосредоточенным.

Восемь часов четырнадцать минут вечера. Комната детективов почти опустела, нормальные люди ушли домой. Петра сидела у компьютера, просматривала базу данных о пропавших подростках: она пыталась отыскать след девушки в розовых кроссовках.

— Вы уверены, что я не мешаю?

— Уверена. Что вы делаете здесь в такой час? Айзек пожал плечами.

— Да я тут... начал одну вещь, а закончил другую.

Он подкинул в руке стопку голубых тетрадей. Его глаза лихорадочно горели.

— Почему вы не положите их на стол? — сказала Петра. — Возьмите стул.

— Извините за беспокойство, детектив Коннор. Я знаю, что вы работаете над делом «Парадизо». При обычных обстоятельствах я бы не подошел.

Лицо осветилось улыбкой.

— Я знаю, что вы говорите мне неправду из вежливости. Я вас отвлекаю.

— Нисколько, — соврала Петра.

На самом деле нянчиться с вундеркиндом, когда хлопот полон рот, ей не хотелось. Она указала на стул, и Айзек уселся.

— В чем дело?

Айзек теребил пуговицу на воротнике.

— Я работал над множественной регрессией — вставлял новые переменные...

Тряхнул головой. Энергично, словно освобождая ее от лишней информации.

— Вам это неинтересно. Основной моей задачей было — найти дополнительные критерии упорядочивания имеющихся данных, и мне повезло: я наткнулся на то, что вам следует увидеть.

Остановился. Перевел дыхание.

— Ты о чем, Айзек? — поторопила его Петра.

— Может показаться... что это поверхностно, что это несущественно, совпадение... но я провел статистические тесты, несколько тестов, каждый из которых учитывал математическую погрешность других тестов. Теперь я уверен, что это не что-то случайное, не ошибка. Я знаю, что это закономерность, детектив Коннор.

Чистая смуглая кожа вдруг покрылась испариной. Петра выпрямилась.

— Можно подумать, что это фантазии, — сказал он, волнуясь как мальчишка, — но я уверен, что это реальность.

Айзек стал листать страницы. Начал говорить почти шепотом. Закончил, уже выстреливая терминами, словно очередями из автоматического оружия.

Мозговой штурм.

Петра слушала. Хотя он и вундеркинд, но в криминалистике — любитель. Говорит какую-то ерунду. Словно прочитав ее мысли, он сказал.

— Поверьте мне, это правда.

— Почему вы не расскажете мне о ваших статистических тестах?
— спросила Петра.

ГЛАВА 4

Ирма Гомес проработала на Латтиморов девять лет, прежде чем сказала о проблеме с Айзеком.

Семья врачей — Сет и Мэрилин Латтимор — жили в доме из девятнадцати комнат, построенном в стиле Тюдоров на Хадсон-авеню в Хэнкок-парк. Латтиморам было за шестьдесят, и оба работали хирургами, он — специалист по торако-томии^[4], она — офтальмолог. Супруги отличались педантизмом, но за рамками исполнения профессиональных обязанностей были приятными и щедрыми людьми. Они очень любили друг друга, вырастили троих детей. Младшее поколение пошло по стопам родителей, все работали в разных сферах медицинской деятельности. По четвергам супруги играли в гольф, потому что четверг был днем совместного обучения в загородном клубе. В январе они на одну неделю уезжали в Кабо Сан-Лукас и каждый май летали первым классом в Париж на самолетах «Эр Франс». Там они останавливались в одном и том же номере отеля «Бристоль», а обедали в ресторанах, имеющих не менее трех мишленовских звезд. Дома, в Калифорнии, каждый третий уик-энд проводили в своем кондоминиуме в Палм-Дезерт, где они отсыпались, читали второсортные романы и для защиты кожи от загара опустошали несметное количество банок с кремом.

Десять лет, шесть дней в неделю, Ирма Гомес выходила из своей трехкомнатной квартиры в Юнион-дистрикт, садилась в автобус и появлялась в восемь часов утра в особняке Латтиморов. Входила со стороны кухни, отключала систему сигнализации, после чего начинала уборку всего дома, мыла посуду, вытирала пыль. Отдельные виды работ — полировка мебели, серьезная чистка — были по предложению Мэри-лин распределены по дням недели, иначе Ирме было бы не справиться.

С понедельника по среду она работала на нижнем этаже, с четверга по субботу — наверху.

— В этом случае, — заверила ее доктор Мэрилин, — конец недели будет для вас не таким тяжелым, ведь комнаты детей закрыты.

«Детям» было двадцать четыре, двадцать шесть и тридцать, и несколько лет назад они выпорхнули из гнезда.

Ирма кивнула. Оказалось, что доктор Мэрилин была права, но даже если бы и ошиблась, Ирма не стала бы возражать.

От природы она была тихой женщиной и стала еще тише из-за неспособности справиться с английским за те одиннадцать лет, что она прожила Штатах. Когда она нанялась к Латтиморам, у нее с мужем Исайей было трое детей. Маленькому Исайе было четыре, Айзеку два, плюс шумный младенец Джоэл, непоседливый, как обезьянка.

Двадцатитрехлетняя Ирма Флорес, покинув деревню Сан-Франциско Гуайойо в Сальвадоре, прошла через всю Мексику, пересекла границу Соединенных Штатов и оказалась на территории к востоку от Сан-Диего. Под покровом ночи первым, кого она встретила в этой стране, был наглый подонок по имени Паз. Он шантажировал ее, требовал денег больше, чем было условлено. А получив отказ, попытался ее изнасиловать.

Ирме удалось вырваться, и она смогла добраться до Лос-Анджелеса. В церкви пятидесятников ей пообещали приют.

Пастор был добрым человеком. В свободное от пасторских обязанностей время он работал сторожем, и он нашел ей ночную работу — уборку офисов в центре города.

Церковь стала для нее утешением, в церкви она познакомилась с Исайей Гомесом. Его смиренность и бедная одежда вызвали у нее сочувствие. Он был красильщиком на ткацкой фабрике в Восточном Лос-Анджелесе. Стоя над котлами, он дышал ядовитыми испарениями, а потому приходил домой под утро бледный и усталый.

Они поженились. Когда Ирма забеременела маленьким Исайей, то поняла, что ночная работа ей не годится. Приобрела фальшивые документы и зарегистрировалась в агентстве на Ларчмонт-авеню. Ее первый хозяин, кинорежиссер, живший на Голливудских холмах, ужасал ее приступами гнева, пьянством и пристрастием к кокаину. Через неделю она уволилась. В следующий раз бог был к ней более милостив и привел ее к Латтиморам.

Ирма работала у Латтиморов девятый год. Внезапная простуда заставила доктора Мэрилин два дня сидеть дома. Возможно, поэтому она и заметила печаль в лице Ирмы. Ирма по большей части работала

в одиночестве, напевая себе под нос. В больших помещениях с высокими потолками разносилось гулкое эхо.

Разговор состоялся в столовой. Мэрилин сидела за завтраком, читала газету, прихлебывала чай и промокала платком покрасневший нос. Ирма находилась в кухне, примыкавшей к столовой. Сняв с плиты конфорки, она усиленно их терла.

— Вы не поверите, Ирма. На эту неделю назначены операции, а меня вывел из строя зловредный вирус.

Голос доктора Мэрилин, обычно низкий, стал теперь совсем как у мужчины.

— Знаете, когда я училась в медицинском институте и занималась педиатрией, то подхватывала все вирусы, известные человечеству. А позже то же самое творилось со мной во время беременности. Зато потом в течение многих лет я ни разу не болела. Сейчас я воспринимаю свою простуду как оскорбление. Наверняка меня заразил какой-нибудь пациент. Хотелось бы знать, кого лично я должна за это поблагодарить.

Доктор Мэрилин была миловидной невысокой женщиной, с волосами медового цвета. Выглядела намного моложе своего возраста. Каждое утро в шесть часов она проходила пешком две мили, после этого полчаса занималась на тренажере, поднимала гантели, избегала излишеств в питании и лишь в Париже отступала от этого правила.

— Вы сильная, скоро поправитесь, — сказала Ирма.

— Да, надеюсь... спасибо за ваш оптимизм... Ирма, будьте добры, не подадите ли мне джем из инжира, я намажу его на тост.

Ирма схватила банку и принесла хозяйке.

— Спасибо, моя милая.

— Что-нибудь еще, доктор Эм?

— Нет, благодарю, моя хорошая... У вас все в порядке, Ирма?

Ирма выдавила улыбку.

— Да.

— Вы уверены?

— Да, да, доктор Эм.

— Гм... не надо жалеть меня из-за простуды. Если вас что-то тревожит, расскажите.

Ирма повернулась к кухне.

— Дорогая, — окликнула ее доктор Мэрилин. — Я хорошо вас знаю и вижу, что вас что-то беспокоит. У вас было точно такое выражение лица, пока мы не позаботились о ваших документах. Потом вы так же выглядели, когда беспокоились об амнистии. Вас определенно что-то угнетает.

— Все нормально, доктор Эм.

— Повернитесь, взгляните мне в глаза и повторите то, что сказали.

Ирма повиновалась. Доктор Мэрилин пристально ее изучала: прямой взгляд внимательных карих глаз, губы упрямо поджаты.

— Очень хорошо.

Прошло две минуты, хозяйка съела тост.

— Прошу вас, Ирма. Перестаньте хандрить и облегчите свою душу. В конце концов, часто ли у вас появляется возможность поговорить? Мы с мужем постоянно на работе. А вы трудитесь в одиночестве. Может, это вас и беспокоит?

— Нет, нет; Я люблю работу, доктор...

— Тогда в чем дело?

— Ни в чем.

— Не надо упрячиться, милая.

— Я... Все нормально.

— Ирма.

— Я беспокоюсь об Айзеке.

Умные карие глаза тревожно заблестели, в них мелькнуло смятение.

— Айзек? Что с ним?

— У него все хорошо. Он очень умен. Ирма расплакалась.

— Он умен, а вы плачете? — удивилась доктор Мэрилин. — Может, я чего-то не знаю?

Они вместе пили чай, ели тонкие тосты с инжирным джемом. Ирма все рассказала доктору Мэрилин. Рассказала, что Айзек приходит домой из школы и плачет от скуки и раздражения. Ее сын окончил шестой класс за два месяца и принялся за учебники седьмого, восьмого и даже девятого классов и быстро с ними справился. Наконец его поймали за чтением учебника по высшей математике, который он тайком взял из библиотеки. За это его отправили в

учительскую. Директриса обвинила его в «несанкционированном пользовании учебными материалами и плохом поведении».

Ирма пришла в школу, попыталась уладить конфликт. Директриса, окинув презрительным взглядом бедную одежду Ирмы, обратила внимание на ее сильный акцент и заявила, что нужно остановить «преждевременное» развитие Айзека, мальчик должен соответствовать «школьным стандартам».

Когда Ирма попыталась объяснить, что мальчик не вписывается в стандарты, директриса оборвала ее и сказала, что Айзеку придется довольствоваться повторением пройденного материала.

— Это возмутительно, — вспыхнула доктор Мэрилин. — Совершенно возмутительно. Ну-ну, вытрите глаза... он на три года опередил программу? Самостоятельно?

— По некоторым предметам на два, по другим — на три.

— Мой старший, Джон, был примерно таким же. Не таким умным, как ваш Айзек, но школа его раздражала, потому что он всегда шел с опережением. У нас были трудности с ним... Сейчас Джон — старший ординатор в клинике психиатрии в Стэнфорде.

Доктор Мэрилин просияла.

— Возможно, ваш Айзек будет врачом. Разве это не замечательно, Ирма?

Ирма кивнула, она не слишком внимательно слушала доктора Мэрилин.

— Такой умный ребенок... Ирма, дайте-ка мне номер телефона вашей директрисы, я с ней немного поговорю.

Она чихнула, закашлялась, утерла нос и засмеялась.

— С таким баритоном я покажусь ей авторитетным человеком.

Ирма молчала.

— Ну, назовите мне номер. Молчание.

— Ирма?

— Я не хочу неприятностей, доктор Эм.

— У вас уже есть неприятности, Ирма. Мы должны найти решение.

Ирма смотрела в пол.

— Так в чем дело? — резко спросила доктор Мэрилин. — А, вы боитесь преследований, боитесь, что вас и всю вашу семью вышлют из страны. Не беспокойтесь об этом, моя дорогая. Вы находитесь здесь на

легальном положении. Когда мы готовили ваши бумаги, мы побеспокоились обо всех мелочах.

— Не понимаю, — сказала Ирма.

— Когда мы наняли этого адвоката — *abogado*...

— Не в этом дело, — перебила Ирма. — Я не понимаю, почему Айзек у нас такой. Я не умная, Исая не умный, два других ребенка тоже не умные.

Доктор Мэрилин задумалась. Откусив кусочек, отложила тост в сторону.

— Вы достаточно умны, моя дорогая.

— Не так, как Айзек. Он очень быстрый, Айзек. Ходит быстро, говорит быстро. В восемь месяцев говорит «папа», «мама», «горшок». Два других брата в четырнадцать, пятнадцать месяцев...

— В восемь месяцев? — удивилась доктор Мэрилин. — О господи! Поразительно. Даже Джон до года не произнес ни слова.

Она откинулась на спинку стула и задумалась, затем подалась вперед и взяла в ладони руку Ирмы.

— Понимаете, какой дар вы получили? Представляете, что может сделать такой человек, как Айзек?

Ирма пожала плечами.

Доктор Мэрилин встала, закашлялась и пошла к телефону, висевшему на стене кухни.

— Я намерена позвонить этой глупой директрисе. Так или иначе, мы доберемся до истоков этого безобразия.

Доктор Мэрилин выступила против школьной бюрократии, но результат был тем же, что и у Ирмы.

— Поразительно, — воскликнула она. — Эти люди — безмозглые кретины.

Она подключила доктора Сета, и они обратились к Мелвину Погу, старшему преподавателю частной школы-интерната Бертона. В свое время Джон, Брэдли и Элизабет Латтимор получили там почти по всем предметам высшие отметки.

Момент оказался как нельзя более удачным. Школа Бертона находилась под огнем критики некоторых прогрессивных выпускников. Они упрекали учебное заведение за то, что оно имеет дело исключительно с элитой, и хотя планы демократизации существовали, никаких шагов для их реализации не делалось.

— Этот мальчик, — заявил доктор Пог, — кажется, нам подходит.

— Он исключительно умен, — подхватил доктор Сет. — Хороший парень из религиозной семьи. Тяга к знаниям необычайная. Не хотелось бы ее задавить.

— Да, да, конечно, доктор Латтимор.

В верхнем ящике письменного стола Пога лежал чек, только что подписанный Латтимором. Сумма за обучение внесена целиком за год.

— Умный — это хорошо. Религиозный — это хорошо... Католик, вы говорите?

Айзек приехал в школу на Третьей улице возле площади Маккадден. Оказалось, она в нескольких минутах пешего хода от особняка Латтимора. Мальчик надел лучшую одежду, в которой ходил в церковь, побывал в парикмахерской. Школьный психолог устроил ему проверку, предложив множество тестов, и объявил, что ученик превзошел все стандарты.

Доктор Мелвин Пог назначил встречу с Ирмой, ее мужем Исайей Гомесом и их сыном. На встрече присутствовали также ассистент Пога, Ральф Готфрид, председатель комиссии факультета и Мона Хорнсби, старший администратор. Все люди крупные, бело-розовые, улыбающиеся. Говорили быстро, и когда родители переставали понимать, Айзек переводил.

Неделю спустя его перевели в школу Бертона, в седьмой класс. Вдобавок Айзеку даровали еще одну радость — позволили читать в кабинете Мелвина Пога. Стены там — с пола до потолка — заставлены книгами.

Счастливым и непослушным братьям, учившимся в бесплатной школе, все это казалось странным: и форменная одежда школы Бертона с дурацкими синими штанами со складками, белой рубашкой, зеленовато-голубым пиджаком и полосатым галстуком, и то, что утром Айзек уезжал на автобусе вместе с мамой, и то, что целый день якшался с англо-американцами. Мальчики занимались спортом, но никогда не слышали о хоккее на траве, водном поло, сквоше. О теннисе они имели представление, но знали, что для них это недоступно.

Когда они приступили с расспросами к Айзеку, он сказал: «Все нормально», постарался не дать волю эмоциям. Ни к чему им чувствовать собственное бесправие.

На самом деле все было гораздо лучше, чем «нормально», сказать по правде, все было сказочно. Впервые в жизни он почувствовал, что его пытливому уму позволено свободно расти туда, куда вздумается. Несмотря на то, что другие учащиеся школы смотрели на него как на маленькую темнокожую диковину, так что Айзек часто ощущал свое одиночество. Но ему нравилось быть одному. Его сознание жадно впитывало запах сухих кожаных переплетов и бумаги в кабинете Мелвина Пога, и этот запах казался ему благоуханным, как материнское молоко. Он проглатывал книги, делал примечания, которых никто не читал, оставался в школе, когда все уже расходилось по домам. Набрал полную сумку книг, ждал, когда придет за ним Ирма, и они отправлялись в долгий обратный путь.

Иногда мама спрашивала его, что он учит. Обычно в автобусе она дремала, а Айзек читал. Ему хотелось узнать об удивительных, странных явлениях, других мирах, других галактиках. В одиннадцать лет он сознавал бесконечность мира.

К двенадцати годам он обзавелся несколькими приятелями. Мальчики приглашали его в свои великолепные дома, хотя он не мог ответить им тем же. Его квартира была чистой, но маленькой, а Юнион-дистрикт — мрачным, опасным районом. Даже не спрашивая, он знал, что родители учеников из школы Бертона не позволят своим отпрыскам ехать в такое место.

Он привык к двойной жизни: днем прекрасные дома Бертона, изумрудные поля для спортивных игр, а ночью стрельба, крики и громкие звуки сальсы под окнами крошечной спальни, которую он делил со своими братьями.

По ночам он много думал о различиях между людьми. Богатые и бедные, белые и черные. Думал о преступлениях, об их причинах. Есть ли в мире справедливость? Разве Бог не интересуется жизнью каждого человека?

Иногда думал о матери. Она тоже ведет двойную жизнь? Может, когда-нибудь они об этом поговорят.

К четырнадцати годам он улыбался и говорил, как настоящий ученик школы Бертона. Айзек одолел программы по математике и биологии, прослушал расширенный курс истории. Четырехлетнюю программу прошел за два года. В пятнадцать получил диплом с

отличием. Как особо одаренного, его зачислили студентом в университет Южной Калифорнии.

Именно там он решил стать врачом, получил высшие оценки по биологии и математике. Университет хотел оставить его у себя. Ему выдали диплом с отличием и избрали членом «Фи Бета Каппа»^[5]. В девятнадцать он поступил в медицинский колледж.

Родители ликовали, а Айзек испытывал сомнения.

Четыре года лекций, без перерыва. Все происходило слишком быстро. В глубине души он знал, что не созрел для того, чтобы брать на себя ответственность за жизни других людей.

Он подал заявление и получил академический отпуск.

Отпуск для Айзека означал занятия в области эпидемиологии и биостатистики. К двадцати одному году он выполнил все курсовые работы, получил звание магистра и начал трудиться над докторской диссертацией.

«Отличительные и предсказуемые характеристики раскрытых и нераскрытых убийств в Лос-Анджелесе с 1991 по 2001 г.»

Когда он, сторбившись, сидел в дальнем углу библиотеки Доэни, в мозгу его вспыхивали воспоминания — стрельба, крики и перебранка.

Как ни старался университет оградить от журналистов своего вундеркинда, слухи об успехах Айзека дошли до члена городской управы Гилберта Рейса. Он тут же издал пресс-релиз, в котором изложил все, чего юноша сумел добиться.

Повинуясь настоятельному совету факультетского наставника, Айзек явился на ланч, где его усадили рядом с Рейсом. Он жал руки большим громкоголосым людям и не возражал против того, что говорил о нем Рейс.

Фото этой встречи было для Рейса дороже хлеба насущного. Снимки появились в газетах, издаваемых на испанском языке. Он начал свою пиар-кампанию задолго до предстоящих выборов. Айзек выглядел на фото, как бойскаут, напуганный бомбежкой. Под снимком стояла подпись: «Вундеркинд».

Это его немного расстроило, но в этот момент он хлопотал о допуске к файлам департамента полиции Лос-Анджелеса. Айзек знал, кому позвонить. Через два дня ему выдали долговременный пропуск аспиранта, гарантировавший допуск к архиву дел об убийствах, а также ко всем другим документам, хранившимся в архивных базах.

Его направили в голливудский участок, потому что Гилберт Рейс был закадычным другом заместителя начальника участка, Рэнди Диаса.

Сияющий Айзек объявился в голливудском полицейском участке с утра пораньше. Дело было в апреле, в понедельник. Встретил его нелюбезный капитан по имени Шулкопф. Айзеку показалось, что он похож на Сталина.

Шулкопф оглядел Айзека, словно подозреваемого. Даже не притворился, что слушает, когда Айзек торопливо излагал свои гипотезы, с тем же невниманием отнесся к изъявлению благодарности за разрешение поработать. Взор его был устремлен в пространство. Он жевал черный ус. Когда Айзек замолчал, Шулкопф холодно улыбнулся.

— Да, хорошо, — сказал капитан. — Обратитесь к Коннор. Она о вас позаботится.

ГЛАВА 5

Петра сейчас ничего бы не заметила. Даже если б ей подсунули это под нос.

На столе лежал лист бумаги с аккуратно отпечатанным текстом Айзека. Он сидел рядом, на металлическом стуле. Барабанил пальцами. Остановился. Сделал вид, что ему все равно.

Она еще раз прочитала заглавие, набранное жирным шрифтом.

Убийства 28 июня: совершены по шаблону?

Похоже на заглавие курсовой работы. А почему бы и нет? Айзеку всего двадцать два года. Что он знает помимо учебы?

Ниже заголовка список шести убийств, все они произошли 28 июня, в полночь или около того.

Шесть убийств за шесть лет. Первая ее реакция: тоже мне открытие. За последние десять лет число зафиксированных убийств в Лос-Анджелесе колебалось от 180 до 600 в год. В последние годы статистика улучшилась: около 250. В среднем — по полтора убийства в день. Разумеется, одни дни были тяжелыми, в другие не происходило ничего. Если взять в расчет летнюю жару — 28 июня — то день и должен был быть урожайным.

Все это она сказала Айзеку. Он выпалил заготовленный ответ, и она поняла, что возражения он предвидел.

— Дело не в количестве, детектив Коннор. Дело в качестве. Эти огромные влажные глаза. «Детектив Коннор». Сколько раз просила называть ее Петра? Парень хороший, но явно упрямый.

— Качество убийств?

— Я имею в виду не оценку. Под качеством я понимаю набор характеристик, присущих преступлениям...

Он замолчал, теребя уголок бумажного листа.

— Продолжайте, — сказала Петра. — Постарайтесь говорить просто — не надо математических выкладок, анализа и прочего. Моей профилирующей дисциплиной было искусство.

Он покраснел.

— Извините, я хотел...

— Это вы меня простите, — сказала Петра. — Я попросила вас рассказать мне о ваших статистических тестах, вы и рассказали. Невероятно быстро, со страстью уверовавшего в истину.

— Тесты, — сказал он, — не столь уж и важны, они исследуют феномен с математической точки зрения. Проверяют вероятность случайного в том или ином эпизоде. Для этого необходимо провести сравнительный анализ групп путем исследования дистрибуции... шаблонов. Именно это я и сделал. Сравнил 28 июня со всеми другими днями года. Вы правы, утверждая, что в отдельные дни убийств может случаться больше, чем в другие, и в этом нет ничего необычного. Тем не менее я выяснил, что никакой другой день такого шаблона не выдает. Даже летом убийства совершают по большей части в уик-энд или в праздники. Эти же шесть убийств совершались в разные дни недели. Фактически только одно — первое убийство — пришлось на уик-энд.

Петра потянулась за чашкой. Чай остыл, но она его выпила.

— Может, вам воды принести? — осведомился Айзек.

— Спасибо, не надо. Что еще?

— Итак... можно взглянуть на ситуацию по-другому, исследуя базовые вероятности.

Чтобы подчеркнуть эти термины, сопровождал их постукиванием указательного пальца по столешнице. Остановился, покраснел еще гуще и глубоко вдохнул.

— Давайте рассмотрим пункт за пунктом. Начнем с выбора оружия. Оно может быть разным. Лос-анджелесские убийцы предпочитают огнестрельное оружие. Я посмотрел статистику за двадцать лет. От семидесяти трех до восьмидесяти семи процентов преступлений совершены с помощью пистолетов, винтовок или пулеметов. Следом за огнестрельным оружием идут ножи и другие острые предметы — пятнадцать процентов. Получается, что два этих способа преступлений в сумме дают около девяноста процентов всех местных убийств. Цифры ФБР говорят о том же. На огнестрельное оружие приходится шестьдесят семь процентов, четырнадцать процентов — ножи. В шести процентах орудиями убийства стали кулаки и ноги, в остальных случаях — смешанные виды. 28 июня во всех шести случаях не использовались ни ножи, ни огнестрельное

оружие. Но все преступления — со смертельным исходом. В базах данных, которые я проверил, общее число случаев использования тупой физической силы не превышает пяти процентов. Это — редкое событие, детектив Коннор. Я уверен, что вам это известно лучше, чем мне.

— Айзек, я только что закрыла два дела. В первом случае удар кулаком в голову, во втором — свернутая шея.

Он нахмурился.

— Значит, вам попались редкие дела. Много ли вам встречалось таких эпизодов?

Петра подумала и тряхнула головой.

— Нет, не припомню.

— Если посмотреть еще более узко, только на черепные травмы, нанесенные неизвестным оружием, то статистика Лос-Анджелеса отводит им не более трех процентов, а в моей выборке такие убийства составляют сто процентов. Если добавить другие особенности — определенная календарная дата, примерно одно и то же время, вероятность того, что преступление совершено неизвестным убийцей, то закрадывается мысль, что все это не простые совпадения.

Он замолчал.

— А что же? — спросила Петра.

— Следует добавить еще кое-что. Полиция Лос-Анджелеса раскрывает от 66 до 75 процентов убийств, а эти шесть преступлений остались нераскрытыми.

— Потому, что совершены неизвестными преступниками, — сказала Петра. — Вы у нас достаточно долго и видели, какие дела мы раскрываем быстро. Полиция мигом хватает идиота, который держит в руке дымящийся ствол.

— Думаю, вы себя недооцениваете, детектив Коннор. Он сказал это искренне, без тени превосходства.

— На самом деле полиция очень эффективна. Вы раскрываете и преступления, совершенные неизвестными. Но ни с одним из моих шести преступлений вам справиться не удалось. Это подтверждает мою теорию: эти эпизоды в высшей степени необычны. Скажу еще об одной особенности: число убийств, совершенных группой преступников, за тот же шестилетний период возросло с двадцати процентов почти до сорока. Число преступлений, совершенных

убийцами-одиночками, пропорционально снизилось. Тем не менее ни одно из убийств, произошедших 28 июня, не было совершено группой преступников. Прибавьте к этому комбинацию необычных обстоятельств. Вероятность случайного набора таких характеристик я оцениваю равной единице из числа с таким множеством нулей, что я даже затрудняюсь назвать их точное число.

«Уверена, что можешь, — подумала Петра. — Просто жалеешь меня».

Она взяла список из-под его руки и внимательно прочитала.

Убийства 28 июня: совершены по шаблону?

1. 1997 г. 00:12. Марта Добблер, 29, Шерман Оукс, замужняя белая женщина. Ходила с друзьями в театр «Пен-таж» в Голливуде. Отправилась в дамскую комнату, не вернулась. Обнаружена в собственном автомобиле, на заднем сидении, вдавленный перелом черепа.

2. 1998 г. 00:06. Джеральдо Луис Солис, 63, вдовец, испанец. Обнаружили в доме, в столовой. Бульвар Уилшир. Украдены продукты, деньги не взяты. Вдавленный перелом черепа.

3. 1999 г. 00:45. Корал Лорин Лэнгдон, 52. Одинокая белая женщина. Прогуливала собаку на Голливудских холмах. Обнаружена патрульной машиной, под кустарником в шести кварталах от дома. Вдавленный перелом черепа. Собака («Бренди», кокапу^[6], 10 лет) затоптана ногами.

4. 2000 г. 00:56. Даррен Арес Хохонбреннер, 19, холостой чернокожий мужчина, матрос, находился в увольнении на берег в Голливуде. Найден на Четвертой улице, Центральный район. В карманах пусто. Вдавленный перелом черепа.

5. 2001 г. 00:01. Джуэл Дженис Бланк, 14, белая девушка; убежала из дома. Обнаружена садовниками в Гриффит-парке, неподалеку от лоцины. Вдавленный перелом черепа.

6. 2002 г. 00:28. Кертис Марк Хоффи, 20. Холостой белый мужчина, известен как гомосексуалист и наркоман. Обнаружен неподалеку от бульвара Сансет. Вдавленный перелом черепа.

Петра подняла взгляд.

— Я не усматриваю здесь какого-либо шаблона.

— Знаю, — сказал Айзек, — но все же.

— У меня есть подруга, психолог. Она говорит, что люди все воспринимают сквозь призму сознания. Мы видим мозгом, а не глазами. А то, что видим, зависит от контекста.

Теперь пустилась в разглагольствования она. Айзек был подавлен.

— Я думаю, — продолжала она, — что все зависит от взгляда. Вы обратили внимание на интересные моменты — более чем интересные... провокационные. — Петра взяла список провела по именам пальцем. — Эти люди различны по полу, возрасту... социальному положению. Преступления совершались в городе и на пригородных свалках. Если эти убийства серийные, то здесь должен присутствовать сексуальный фактор, но я не вижу, что может быть общего у шестидесятитрехлетнего мужчины и четырнадцатилетней девочки, если рассматривать их в качестве сексуальных объектов.

— Это верно, — сказал Айзек. — Но следует ли игнорировать другие факторы?

Петра ощутила головную боль.

— Вы потратили на это уйму времени, и я не отвергаю вашей идеи, но...

— Почему, — прервал он, — здесь должен быть сексуальный фактор?

— Потому что он — в основе действий маньяка.

— Это точка зрения ФБР. Да, да, мне все об этом известно. В отношении «организованных» убийц они придерживаются своей базовой теории, тупой версии того, что психологи называют психопатией. Дескать, действия преступников вызваны сексуальной агрессивностью. В общем смысле в таких рассуждениях есть правда. Но, как вы только что сами сказали, детектив Коннор, восприятие реальности зависит от того как она преломляется, так сказать от «призмы», которой вы пользуетесь. ФБР допрашивало арестованных убийц и пополняло свои базы данных. Эти данные хороши как пример. Но кто скажет, что пойманные убийцы похожи на тех, что гуляют на свободе? Может быть, ФБР отловило плохих парней с примитивной мотивацией? Что, если они попали за решетку из-за предсказуемости своего поведения?

Голос звучал возбужденно. Горячность высушила обычно влажный блеск карих глаз.

— Все, о чем я говорю, является исключениями, а они важнее правил.

— Каковы, на ваш взгляд, мотивы этих шести убийств? — спросила Петра.

Долгая пауза.

— Не знаю.

Оба молчали. Наконец, Айзек заговорил.

— Хорошо, спасибо, что выслушали.

Он взял список и положил его в блестящую коричневую папку. Петра знала, что детективы иронизируют над его работой. Слышала смешки вслед Айзеку. «Умник. Вундеркинд. Проект-однодневка Петры.» Иногда ей это надоедало, и она ледяным взглядом пресекала эти перешептывания.

Сейчас ей хотелось поддержать юнца, но нахлынуло раздражение: меньше всего ей нужна теория, выкапывающая шесть полузабытых дел-«глухарей». Не связанных с четырьмя жертвами у «Парадизо», одна из которых — неопознанный труп девчонки.

С другой стороны, Айзек был умнее ее, намного умнее. Отталкивать его — большая ошибка. А что если он через ее голову обратится к Шулкопфу или к Рейсу? Если это произойдет и окажется, что он прав...

Перед ее мысленным взором мелькнул газетный заголовок: «Молодой волшебник раскрывает забытые преступления». Текст статьи начинался так: «Детективы лос-анджелесской полиции потерпели фиаско...»

Айзек поднялся со стула.

— Извините, что оторвал от дела. Могу ли я что-нибудь для вас сделать? По вашему основному делу?

— Моему основному делу?

— По делу «Парадизо». Я слышал, оно идет трудно.

— Вот как? — сказала она.

Услышав холодок в собственном голосе, попыталась улыбкой скрыть раздражение. Космический у него IQ или нет, но Айзек, по существу, ребенок. Подросткового энтузиазма хоть отбавляй, а просчитать политические последствия не может.

— Случай трудный, — согласилась Петра. — Подростки-свидетели твердят, что ничего не видели. Чем вы можете мне помочь?

— Не знаю, — сказал он. — Может быть, взглянуть на дату?

Он снова покраснел.

— Я, наверное, кажусь слишком самоуверенным. Вы профессионал, а я ничего не знаю. Извините, больше я вас не побеспокою...

— Знаете ли вы что-нибудь о розовых кроссовках из «Кей Марта»?

— О чем, простите?

Она рассказала ему о неопознанной девочке.

Он расслабился. Интересно, как это с ним происходит.

— Вы подозреваете, что она и была запланированной жертвой убийцы, а другие пострадали невинно?

— В данный момент, Айзек, я ничего не подозреваю. Мне просто кажется странным, что никто не пришел ее опознать.

— Гм... да, должны быть причины... в ее прошлом не все в порядке... Не знаю, как здесь можно выйти на след. Я должен подумать. Не уверен, смогу ли что-нибудь вычислить, но буду стараться.

— Я была бы благодарна.

Слова ничего не значат, сдержать бы проклятую улыбку, не испугнуть.

Почти девять вечера. Мальчик тоже засиделся на работе. К тому же ему и не платят.

— Не хочешь перекусить? Может, гамбургер?

— Спасибо. Мне нужно ехать домой. Мама приготовила обед и обидится, если мы все вместе не соберемся за столом.

— Хорошо, — сказала она. — Возможно, в другой раз. Гений все еще живет с родителями... в Юнион-дистрикт,

вспомнила она. Возможно, какая-нибудь жалкая маленькая квартира. Какой контраст со здешними зелеными лужайками и роскошными деревьями. С ним носятся как с чудо-ребенком. Рабочий стол поставили в комнате детективов. У него нет причин торчать здесь допоздна.

— Сделайте для меня копию списка, — сказала она.

— Вы не отвергаете мою теорию?

— Я хочу о ней подумать. Лучезарнейшая улыбка.

— Хорошо. Приятного вечера, детектив Коннор.

— Вам тоже. «Профессор Гомес».

Он ушел, а Петра вернулась к размышлениям о бойне у «Парадизо».

Для совершения преступления выбрано огнестрельное оружие. По крайней мере, с этой точки зрения убийство выглядело обычным.

Неизвестно почему, но от сознания этого на душе стало еще тяжелее.

ГЛАВА 6

На следующий день на столе Петры лежала ксерокопия списка. В правом верхнем углу пометка: «Детективу К. С благодарностью. А. Г.».

Она отложила страницу в сторону и следующие два дня провела в общении с копами, расспрашивая их о пропавших людях на территории Калифорнии. Она разослала по факсу посмертные снимки девушки в розовых кроссовках. Получила несколько обратных звонков, но это ничего не дало. Внешне девица выглядела типичной латиноамериканкой, поэтому следовало запросить и Юго-Запад.

Весь следующий день она названивала в Аризону и Неваду, затем переключилась на Нью-Мексико. Детектив из Санта-Фе по имени Даррелл Две Луны сказал:

— Должно быть, это та девица, которой в прошлом году хватились в пуэбло Сан-Ильдефонсо.

— Нашей жертве сделали недавно аборт.

— Еще лучше, — обрадовался Две Луны. — Ходил слух о ее нежелательной беременности. Залетела от женатого, плохого парня. А мы-то дивились: если он от нее избавился, почему нет трупа? Это дело местной полиции, но спихнули на нас. Пришлите фотографию.

— А ее отец, — спросила Петра, — не из тех ли он парней, которые запросто могут примчаться в Лос-Анджелес, чтобы подстрелить дочурку?

— Уверен, морально готов. А вот стал бы так утруждаться? Сказать не могу.

Через двадцать минут звонок напарника Даррелла опроверг сказанное им. Человек по имени Стив Кац извинился:

— Я знаю, что Даррелл говорил с вами о Черил Руис. Прошу прощения, но на присланном фото не она. К тому же местная полиция не додумалась сообщить нам, что нашла Черил. Девчонка укатила в Миннесоту, родила ребенка и с тех пор живет в доме у тетки.

— Отличная координация действий. Это все новости? — поинтересовалась Петра.

— Да, — сказал Кац. — А как в Лос-Анджелесе? Я одно время служил в нью-йоркской полиции, на Манхэттене. Помню, что дел было

выше крыши.

— Скучаете?

— Когда как.

— От чего это зависит?

— От того, как долго тянется ночь. От того, что еще в твоей жизни есть.

Еще один день работы с нулевым эффектом вконец испортил настроение. Лучшее в такой ситуации — заняться сексом, не повредил бы и чуток романтики, но прошла неделя, с тех пор как звонил Эрик, и она даже не знала, где он сейчас находится.

Пора домой. Подольше полежать в горячей душистой ванне, приготовить на ужин что-нибудь вкусненькое и легкое. Следовательно, придется завернуть в магазин за овощами и чем-нибудь еще. Нет, она не в состоянии бродить под холодным светом супермаркета с другими одинокими покупателями. Лучше уж сварганить ужин из того, что завалилось в холодильнике. Будет достаточно, чтобы хватило сил взяться за копию картины О'Киф.

Высоченные нью-йоркские небоскребы превращали город в темный лабиринт.

Здания, без людей. Картина написана задолго до того, как башни Нью-Йорка превратились в мишени. До чего докатился мир!

Только она заперла на ключ ящики стола, в сумке запиликал мобильник. Она пошарила — под руку попал пистолет, салфетки, косметика. Трубку взяла после третьего звонка.

— Привет, — голос когда-то казался ей механическим, лишенным эмоций.

Тон и тембр остались теми же, но теперь этот голос звучал для нее по-другому. Мы слышим мозгом, а не ушами.

— Привет. Куда они послали тебя теперь?

— Я сам себя послал. Я внизу, на стоянке.

Сердце подпрыгнуло. Неужели одна фраза может сотворить с ней такое?

— На стоянке? Где?

— Прямо здесь.

— Я спускаюсь, — сказала она.

Эрик стоял в тени рядом с «аккордом» Петры. Руки опущены. Он смотрел на нее, замерев. Черная нейлоновая ветровка, молния наполовину расстегнута, под ветровкой белая футболка. Черные джинсы, туфли тоже черные, на каучуковой подошве, он надевал их, когда ходил в полицейские рейды.

Выглядит более худым, чем обычно. Бледный, щеки впалые, глаза так глубоки, что слились с вечерней мглой. Темные волосы подстрижены короче, чем прежде, — на военный манер.

Человек среднего роста, кожа да кости, бледнее семинариста. Никакого героизма, но в сознании Петры он вырос до образа Джеймса Дина^[7].

Как же она могла раньше думать, что в нем нет ничего, кроме сексуальности?

Она бросилась в его объятия. Он отстранился первым, погладил ее по щеке. Уткнулся лицом в ее волосы, крепко прижал к себе, как ребенка, нуждающегося в ласке.

— Ты в порядке?

— Сейчас да.

— Почему не поднялся наверх?

— Официально меня здесь нет.

Она взяла в ладони его лицо, поцеловала веки, отстранилась на расстояние вытянутой руки.

— А где ты сейчас должен быть?

— В Иерусалиме.

— Ты что, в самоволке?

— Формально — да.

— Что это значит?

— Израильтяне дали передышку, потому что сейчас озабочены обстановкой в Дженине. Подвернулась оказия, и я махнул сюда.

— Махнул.

Он едва заметно улыбнулся.

— Ну, ты знаешь. На самолете.

— Как долго здесь останешься?

— Я должен уехать завтра.

— Одна ночь, — сказала Петра.

— Разве не хорошо?

— Конечно. — Она поцеловала его в нос. — Ты на машине?

Он покачал головой.

— На такси.

Они сели в «аккорд». Петра завела двигатель и заметила темные тени под его глазами.

— Сколько времени добирался?

— Двадцать три часа.

— Ничего себе — автостоп.

— Часть пути действительно проехал автостопом. Летел коммерческим рейсом из «Хитроу». Старух в инвалидных колясках при досмотре тщательно шмонали, а вот парни, выглядевшие подельниками Усамы, прошли как ни в чем не бывало. Ты голодна?

Петра хотела бы оказаться радушной хозяйкой, но в холодильнике было шаром покати: пришлось пойти в ресторан.

Они зашли в итальянскую таверну на Третьей улице, неподалеку от Ла Бреа. Типичное заведение с претензией на старомодность: повсюду развешены бутылки кьянти. Заказали телятину и спагетти с моллюсками, а на десерт — торт из мороженого. Вино брать не стали: Эрик совсем не пил.

Она спросила его об Иерусалиме.

— Я был там несколько лет назад, проездом из Эр-Рияда. Тогда город показался мне красивым. Сейчас все сложнее. Полно подонков со взрывчаткой, губят невинных людей, разрушают здания.

Он намотал на вилку макароны и замер.

— Я встретил парня, который тебя знает. Суперинтендент^[8] Шарави.

— Даниэл! — воскликнула Петра. — Мы работали вместе над одним делом. Он, Майло и я.

— Он мне сказал то же самое.

Эрик отложил вилку, коснулся ее ладони, стал нежно перебирать пальчики.

— Ты действительно должен завтра вернуться?

— Да, так планировал.

— Через Лондон?

Он помолчал. Инстинктивная скрытность.

Я заказал билет на рейс «Джет Блю» из аэропорта Лонг-Бич до Нью-Йорка.

— Одна ночь, — вздохнула она.
— Я хотел видеть тебя.

Вернувшись в квартиру Петры, они уселись на диван, поставили диск Дианы Кролл.

Начал Эрик осторожно, так он делал всегда, с самого первого их сближения. Обычно такая прелюдия возбуждала Петру — медленное томление, эротический балет. Сегодня она не нуждалась в разогреве, с трудом сдерживала себя. Наконец терпение иссякло. Она почти сорвала с него одежду, обнажив бледное худое тело. Сама разделась так быстро, что едва не запуталась в брюках.

«Ну ты даешь, детектив».

Эрик ничего не заметил. Глаза его были закрыты, грудь вздымалась. Обнаженный, он казался моложе, беззащитнее.

Она прильнула к нему. Он открыл глаза, взял ее за плечи, огладил бедра, положил ладони на ягодицы. Приподнял ее и посадил на себя. Взяв инициативу в свои руки, продвигал ее вверх-вниз, сначала медленно, потом быстрее. Целовал соски, легонько покусывал. Откинул голову и протяжно вздохнул.

— Давай, милый, — сказала она.

Он ждал. Тогда за дело взялась она. Когда достигла оргазма, тяжело задышала, волосы упали на лицо, он ответил ей, выдохнув «Боже!».

Позже, в постели, уютно устроившись под простынями, она ущипнула его за ягодицу и сказала:

— Не знала, что ты религиозен.

— Это не та религия, которую мне прививали.

Его отец был священником. Достопочтенный Боб Шталь, из тех добряков, которые видят в каждом человеке лучшее. Мама Эрика, Мэри, настроена была не менее позитивно. Петра познакомилась с ними у дверей больничной палаты. Поначалу ловила на себе неодобрительные взгляды родителей Эрика, им явно не нравилось, как она одета.

Когда кровотечение удалось остановить и Эрика перевели в отдельную палату, напряжение ушло. Тогда он еще не очнулся. Они сидели возле постели втроем, пока он спал и понемногу

выздоровливал. Когда Петра решила уйти, чтобы дать им побыть рядом с сыном, они настояли, чтобы она осталась.

Однажды, незадолго до того как Эрик проснулся, Мэри Шталь обняла Петру и сказала ей:

— Вы — девушка, которую я всегда мечтала видеть рядом с сыном.

«Если бы ты только знала».

Эрик осторожно разминал ей плечи. Она как-то сказала ему, что там частенько побаливает.

— Ох, — выдохнула она. — Мне так не хочется отпускать тебя завтра.

— А ты меня свяжи, — предложил он. — И я буду оправдан.

— Не провоцируй.

Она старалась выудить из него хоть что-то о его работе.

— Тебе не следует ничего знать, — сказал он.

— Что, так плохо?

Перевернулся на спину, уставился в потолок.

— Что с тобой? — спросила она.

— Я думаю о ситуации в Израиле, там неспокойно. Каждый день ожидают у себя одиннадцатое сентября, но они не могут сделать то, что хотят. Мнение мирового сообщества, дипломатия и прочие высоконравственные соображения.

Тут он подчеркнуто драматическим жестом руками закрыл рот и глаза. Петра была уверена, он намерен прекратить разговор. Но он произнес:

— Политика может быть ядовитой. Когда вокруг слишком много политики, невозможно себя защитить.

ГЛАВА 7

Эрик, самый молчаливый из мужчин, иногда говорил во сне. Но не это разбудило Петру посреди ночи, а ее собственный внутренний голос — нечто вроде предупреждения. Она повернулась, посмотрела на его лицо. Оно было спокойно. Он даже улыбался, словно хорошо накормленный ребенок.

Второй раз она проснулась уже в полдень. Эрик уже поднялся и принимал душ. К половине первого Петра приготовила яичницу. Они ели и читали газеты. Боже, как это было по-домашнему!

В половине второго Эрик поцеловал ее и направился к двери.

— Я тебя отвезу, — сказала она.

— Я уже заказал такси.

Он приехал без багажа, уезжал тоже налегке. На нем были синие джинсы, темно-синяя рубашка на пуговицах, та же самая черная ветровка, те же туфли на каучуковой подошве.

Он пересек полмира лишь с кошельком в кармане. Словно ходил на рынок.

Туда и обратно. Чтобы увидеть ее.

— Откажись от такси, — сказала она. — Я тебя отвезу. Они сидели в модернистской по виду, но вполне уютной

кофейне над терминалом авиакомпании «Джет Блю», пока молодой человек не высунул голову из-за двери и не сказал, что посадка на самолет заканчивается.

Эрик встал, смущенно пожал плечами. Петра крепко обняла его. Еще один поцелуй, и он ушел. Она покинула терминал, сдерживая слезы.

Хоть и мчалась она по четыреста пятой автостраде с риском для жизни, но приехала на участок только в половине седьмого вечера. За столами сидели два детектива — Каплан и Салас. Они сдержанно кивнули.

Ни от Мака Дилбека, ни от кого-нибудь другого сообщений по делу «Парадизо» не было. Петра пошла к свободному компьютеру и

начала копаться в базе данных о пропавших подростках. По правде говоря, надежды найти что-то новенькое нет. Так и оказалось.

Что ж теперь делать?

Из другого конца комнаты кто-то окликнул:

— Детектив Коннор!

Айзек Гомес. На нем желтовато-зеленый костюм, желтая рубашка, жуткий красно-зеленый галстук, волосы прилизаны и причесаны на пробор. Подошел к ней. Неразлучен со своим кейсом.

— Какой вы сегодня нарядный, — сказала она. — Судьбоносная встреча?

«Ну, так и есть, свидание — даже шея покраснела».

— Да нет. Вы подумали над моей теорией? «Слишком быстро сменил тему разговора. Не свидание».

Петре захотелось над ним подшутить.

— Ну, расскажите же правду. Наверное, вас снова наградил Рейс.

— Нет, что вы, — пробормотал Айзек. Затеребил узел галстука.

Значит, произошло что-то еще более забавное? Айзек неловко переступил с ноги на ногу.

— Ну же, Айзек, — не отставала от него Петра. — У нас, простых людей, нет шанса общаться с властью имущими. Я только через вас кое-что о них и узнаю.

Полуприкрыв ладонью губы, понизила голос.

— Правду ли болтают о Рейсе? Ну, что он страдает метеоризмом?

Айзек слабо улыбнулся.

— Ну, что мне делать? Мистер Гомес — сама осмотрительность.

Он прыснул так, что Каплан и Салас обернулись в их сторону. Айзек посерьезнел.

— Сегодня, — ляпнул он, — мне придется пойти на ланч.

— Придется? Звучит как унылое домашнее задание. Айзек вздохнул.

— В каком-то смысле так и есть. Это решение мамы. Она считает, что мне нужно чаще бывать на людях.

— А вы возражаете.

— Я не отшельник, детектив Коннор. Просто желания нет... Мама всегда верила, что, стоит мне поступить в колледж, как передо мной распахнутся золотые ворота в другой, высший мир. Иногда мне кажется, что эта мысль ее волнует больше, чем мои успехи в учебе.

— Все матери заботятся о детях, — сказала Петра. Впрочем, что она об этом знала? Мать умерла, как только произвела ее на свет.

— Да, и она тоже, но...

Айзек поскреб щеку. Когда опустил руку, Петра увидела красное пятно. Гремучая смесь. Каким бы он ни был мозговитым, но, по сути, еще ребенок.

— Мама думает, что я добьюсь максимального личного успеха, если встречу девушку, которая введет меня в высший свет. Не в своей тарелке себя чувствовала, когда посещала мою школу — это ведь престижное частное заведение. Ей казалось, что она — человек второго сорта, но это, разумеется, полная ерунда: она — необыкновенная женщина. Мне не удалось ее переубедить, она не хотела общаться с родителями моих одноклассников. Тем не менее я уверен, что в глубине души она мечтает, чтобы я связал свою жизнь с дочерью состоятельных родителей. Того же хотят и хозяева дома, в котором мама работает. Они врачи, они меня опекают. Они считают, что моя мама замечательная, а она никак не выходит из роли служанки... там продолжается спектакль о Пигмалионе. Это так сложно и, думаю, для вас неинтересно.

Айзек прикусил губу. Одно веко у него подергивалось. Бедный парень действительно комплексует. Петре стало стыдно за то, что она над ним подтрунивала.

— Послушайте, — сказала она, — вы необычайно умны и талантливы. У вас все получится.

— Я постараюсь поговорить с мамой. Я слишком занят, мне не до походов на ланч.

Петра придвинула стул ближе к своему столу. Он с готовностью сел.

— Противное свидание, да? Он улыбнулся.

— По мне это так заметно?

— Что ж, — сказала она. — Думаю, мама подыскала вам красавицу с высоким IQ. И вы позабудете о работе.

— Девушка приятная, но не это главное — у нас абсолютно ничего общего. Ее семья приехала в наш приход недавно. Она религиозна и скромна. Для моей матери этого достаточно.

— Стало быть, не королева красоты, — догадалась Петра.

— Она похожа на мастифа.

— О господи!

— Звучит жестко, — сказал Айзек. — Но не это страшно. А то, что она жутко агрессивна. В церкви сама кротость, но стоит ее пригласить на обед...

Он покачал головой.

— Агрессивна в отношении чего?

— Всего. Судит о предметах, в которых совершенно не разбирается. Рассуждает о религии. О ядерном оружии. Едва сели за стол, как она начала твердить о том, что мне нужно чаще ходить в церковь. Поучала, во что я должен верить. При этом ничего интересного с точки зрения теологии не сказала.

— Ничего себе, — удивилась Петра. — Вы еще даже не женаты, а она распоряжается вашей жизнью.

Он снова рассмеялся.

— У вас мужской ум. Я хочу сказать, что мужчины часто говорят друг другу подобные вещи.

Снова сильно покраснел.

— Я вовсе не имел в виду, что вы не женственны, вы очень женственны, просто... Вы замужем?

— Была. Брак лопнул не потому, что я пыталась распоряжаться его жизнью. Я была почти идеальной женой, а он оказался хамом.

— Вы шутите, а я говорю правду. Он растерянно взглянул на нее.

— А то, что рассуждаю по-мужски, — сказала она, — так я росла с пятью братьями. Поневоле обогатишься.

— Умение мыслить по-мужски ценно на вашей работе — ведь ваши коллеги по преимуществу мужчины.

Ну вот, тема разговора и изменилась.

— Да, это помогает, — подтвердила она.

— Да... может, поговорим о происшествиях от 28 июня? Я не упомянул о том, что четыре или шесть из них произошли на территории голливудского участка. Я еще не уверен, добавляют ли они что к статистике...

— Наш район всегда отличался высоким уровнем криминала, Айзек.

— В нескольких районах уровень преступности еще выше — Рэмпартс, Центральный, Ньютон...

— Возможно, вы правы, Айзек. Обещаю посмотреть, только не сразу. Сейчас мне некогда.

— Стрельба у «Парадизо».

— Точно.

— Девушку опознали?

— Пока нет.

— Ну, ладно. Извините, что...

— Месяца полтора назад ей сделали аборт. Это вас не наводит на какую-нибудь мысль?

— Должно быть, — сказал он, — убийство в результате конфликта. С отцом.

— Из-за аборта?

— Я думал о беременности. В некоторых ситуациях нежелательная беременность может послужить мотивом для убийства, вы согласны? Теодор Драйзер написал об этом прекрасную книгу...

— Она сама прервала беременность, Айзек.

— Но, может, она сохранила это в тайне? Петра задумалась. А почему бы нет?

— Да, такая вероятность не исключена. Благодарю. Теперь все, что мне нужно, это установить ее личность.

Она ему улыбнулась и снова отвернулась к груде бумаг на своем столе.

— Детектив Коннор... — Да?

— Могу ли я поехать с вами? Посмотреть, с чего и как вы начинаете. Обещаю, что мешать не буду.

— Это же очень скучно, Айзек. Сплошная рутина и тупики.

— Ничего, — сказал он. — Чем дольше я здесь нахожусь, тем больше убеждаюсь в собственном невежестве. Пишу диссертацию о преступлениях, а самых элементарных вещей не знаю.

— Я не уверена, что, ходя за мной, вы многому научитесь.

— А я уверен в обратном, детектив.

Капля пота катилась по его левому виску и добралась до уха. Он смахнул ее. Как же долго, должно быть, он набирался смелости, чтобы попросить ее об этом? За спокойными аргументами скрывалась страшная нервозность.

— Хорошо, — сказала она. — Завтра утром я снова буду опрашивать свидетелей происшествия у «Парадизо». Можете пойти со

мной. Но только при одном условии.

— Каком?

— Называйте меня Петра. Если не послушаетесь, я стану называть вас «доктор Гомес».

Он улыбнулся.

— Я совершенно не заслуживаю такого звания.

— А я свое звание заслужила, но приходится от такой чести отказываться, — сказала она. — Чтоб не ощущать себя рядом с вами старой.

ГЛАВА 8

Автобус, в котором Айзек ехал в Юнион-дистрикт, был большим, разболтанным и дребезжащим, наполовину пустым — динозавр на дизельном топливе. Он гроыхал по темным городским улицам, визжал тормозами, изрыгал в атмосферу выхлопные газы.

Автомобиль домчал бы Айзека до дома за двадцать минут, а в общественном транспорте приходится трястись целый час.

Он сидел на заднем сидении, читал последнее издание «Патопсихологии» Дэвисона. Попутчиками оказались преимущественно домработницы и рабочие ресторанов, несколько человек находились в подпитии. Почти все латиноамериканцы, работающие нелегально. Такими совсем недавно были и его родители, пока им не помогли Латтиморы.

А ныне он уже в слегка поношенном костюме своего отца и разыгрывает из себя ученого.

Когда доберется до дома, отец, вероятно, будет на работе. Недавно папа устроился на вторую смену — загружал ткани в ядовитую краску, лишь бы принести в дом побольше денег. Исая, работающий кровельщиком, должно быть, давно пришел домой и уже спит, а Джоэл, скорее всего, где-то шляется.

Мать хлопочет в кухне. Сменила форменное платье служанки на выцветший домашний халатик и шлепанцы. На плите тихо кипит горшок с супом альбондигас. Из духовки только что вынута кастрюля с тамалес^[9], распространяющими пряный сладкий запах.

Айзек днем почти не ел — берег аппетит для маминой еды. В первый год своей работы он вел себя ужасно: ходил на поздний ланч и приезжал домой, не нагуляв достаточный аппетит. Мама ни слова не говорила, когда заворачивала недоеденный им ужин в фольгу. Но каким же грустным было ее лицо...

Сегодня он будет есть, а она — смотреть на него. Надо расспросить, как она провела день. Наверное, мама скажет, что день был скучным, и захочет узнать о волнующем мире, в котором живет сын. Он станет отнекиваться, а потом выложит несколько любопытных

деталей. Назовет несколько чисел и произнесет несколько длинных слов.

Хорошо подобранные многосложные термины всегда производили на маму сильное впечатление. Когда же он пытался говорить проще, она его останавливала и заявляла, что ей и так все ясно.

Она понятия не имела, о чем он говорит. На любом языке слова «анализ множественной регрессии» и «процесс учтенных изменений» не понимает никто, кроме произносящего. Но он ей этого не говорил.

Он был тонко чувствующей натурой.

Одним из посвященных.

Что бы эта фраза ни означала.

Он пребывал в дремотных мечтах, когда автобус резко дернулся и встал. Очнувшись от сильного толчка, Айзек поднял веки и увидел, что водитель вышвыривает из салона бродягу. Тот норовил проехать без билета.

Злобная ругань, сжатые кулаки. Двери автобуса с шумом захлопнулись. На обочине дороги остался несчастный грязный человек, надрывно кричащий об отмщении. Айзек смотрел на него, пока тот не превратился в крошечную точку.

Водитель выругался и прибавил скорости.

Вспышка ненависти. Преступления, которые изучал Айзек, часто начинались именно так.

Но убийства 28 июня имели другие причины. В этом он был уверен. Цифры, конечно, можно перевернуть, но те, которые он рассматривал, не были лживыми.

Надо убедить детектива Коннор.

«Петра».

Назвав ее по имени, Айзек смутился: она возбуждала его как женщина.

Он заерзал в кресле, стремясь скрыться от случайных взглядов. Пассажирам было на него плевать. Некоторые мотались по этому маршруту изо дня в день, они-то уж точно его знали, но ни один не попытался заговорить.

Клоун в чужом костюме.

Изредка кто-нибудь — женщина в возрасте его матери, — улыбался, когда он пробирался в салон автобуса. Чаще всего усталым людям было не до него.

Спящий экспресс.

Перед внезапным пробуждением он видел что-то приятное. Ему снилась детектив Коннор.

Петра.

Уж не влюбился ли он? Этого Айзек точно не знал.

Она была гибкой и грациозной, с копной черных волос.

Правильные черты лица. Кожа цвета слоновой кости, с просвечивающими сквозь нее голубыми жилками.

Она даже отчасти не напоминала современный образ идеальной женщины — грудастой глупой блондинки. Она была полной противоположностью, и Айзек вдвойне уважал ее за то, что она не шла на поводу у моды, была сама собой.

Серьезный человек. Кажется, ее трудно рассмешить.

Одевается всегда в черное. Глаза — темно-карие, но при прямом освещении кажутся черными, как колодец. Пытливые глаза, глаза расследующие, и в них ни тени флирта.

Общее впечатление — молодая Мортиция Адамс. Айзек слышал, что другие детективы сравнивают ее с Мортицией. Но изредка называли ее «Барби». Этого он понять не мог.

Копы голливудского участка продолжали избегать его расспросов о полицейской работе. Профессора в его университете мнили, что жизнь их сложна, но после того как Айзек поработал в полиции, он стал бояться, что расхохочется на университетском собрании.

Петра — не Барби.

Напротив. Энергичная, целеустремленная.

Не однажды он грешил тайной возней в постели, мысленно воображая ее обнаженную грудь, доводя себя до конвульсий. Ужасался собственной вульгарности.

Маленькая твердая грудь — хватит.

И все же... она была прекрасной женщиной.

ГЛАВА 9

Петра засиделась за столом далеко за полночь, совершенно забыв об Айзеке с его теориями и всем остальным, что не имело отношения к делу «Парадизо».

Она поговорила с копами, которые занимались бандами, и с их коллегами в Рэмпартсе. Никто ничего не слышал об убийствах, совершенных бандой, но пообещали проверить. Затем Петра попыталась связаться с восемнадцатью подростками, которых она опрашивала на стоянке.

Двенадцать человек застала дома. В пяти случаях то ли испуганные, то ли возмущенные родители попытались ей помешать. Петре удалось расположить их к себе, но подростки обнаружили полное неведение.

Среди шестерых детей, которых она не застала, были и две нервные девушки, Бонни Рамирес и Сандра Леон. Их телефоны молчали.

Петра уселась за компьютер, чтобы еще раз посмотреть сайт с пропавшими детьми. Ее почта оказалась полна, и она сначала открыла ее.

Разный производственный мусор и электронное письмо от Мака Дилбека.

люк и я работали сегодня в поле, ничего с нашей стороны, как у тебя? говорят, если не продвинемся, дело у нас отберут, ну разве не забавно? может, следует привлечь твоего вундеркинда? здесь понадобятся хорошие мозги, м.

Она тут же написала ответ:

ноль плюс ноль равняется... ты сам знаешь, чему, иду домой, завтра проверю двух нервных свидетелей, собираюсь взять с собой гения, хотя, если хочешь, возьми его себе. п.

Отправив письмо, вынула из шкафчика сумку, но мысль о пустой квартире пугала. Налила чашку кофе из общественной кофеварки,

чтобы немного взбодриться.

Кто-то оставил возле кофеварки пачку рулетов. С виду далеко не первой свежести — засохли по краям. А вот яблоко оказалось вполне съедобным, она взяла его, прихватила жевательную резинку с кофейным вкусом и пошла к столу.

Каплан и Салас ушли, а сменщики еще не явились. Она сидела в одиночестве, просматривала старые послания и почту — ничего интересного. Затем заполнила длиннющий бланк пенсионного фонда и бланк медицинской страховки.

Осталось заняться списком Айзека.

«28 июня».

Она выбрала голливудские происшествия из перечисленных шести, переписала имена жертв, вернулась к компьютеру, загрузила данные в статистический файл и включила поисковую систему.

Как и утверждал Айзек, все четыре преступления не раскрыты. Из четырех детективов, назначенных на эти дела, Петра знала двоих.

Нейлу Уолгрену досталось последнее убийство — Кертис Хоффи, двадцатилетний наркоман. Дело Джуэл Бланк взял Макс Стоукс.

Нейл уже перевелся в одно из подразделений Долины: он хотел сократить время на дорогу из дома. Произошло это вскоре после дела Хоффи. А Макс Стоукс вышел в отставку почти год назад.

Получается, оба преступления перешли в разряд «висяков».

И Нейл, и Макс были компетентными профессионалами. Должно быть, берясь за эти дела, они не знали, что скоро уйдут.

Во всяком случае Петре хотелось бы так думать.

Дела должны быть переданы другим следователям, но данных об этом в компьютере не оказалось.

Тогда она пошла по следам расследования третьего убийства. Корал Лэнгдон, женщина, погибшая вместе со своей собакой в Голливуде.

Это дело было передано Ширли Леонис. Увидев ее имя, Петра почувствовала, что глаза ее вновь на мокром месте.

Когда Петра пришла работать на голливудский участок, Ширли была единственной женщиной в отделе, занимавшемся убийствами. Невысокая, плотная, пятидесятидвухлетняя женщина с короной золотистых с проседью волос. Ширли больше походила на учительницу, чем на детектива. Замужем за полицейским,

регулирующим уличное движение. У нее было пятеро детей, и к Петре она относилась как к шестому ребенку, всячески старалась облегчить жизнь девушке из убойного отдела, заботилась даже о том, чтобы в дамской комнате всегда были тампоны. Никому другому это и в голову бы не пришло.

В прошлом декабре Ширли погибла, катаясь на лыжах. Налетела на дерево. Дурацкое, чертово дерево.

Петра тихонько всплакнула, потом осушила слезы и перешла к четвертому голливудскому убийству. Хронологически оно было первым из шести. С этого убийства начиналась выборка Айзека.

Марта Добблер, женщина, отправившаяся в театр с друзьями. Убийство произошло шесть лет назад, задолго до того как Петра начала работать. Дело вели два детектива, о которых она не слышала, — Конрад Баллу и Энрике Мартинес.

Эти полицейские ушли из участка раньше, чем она туда устроилась. Возможно, еще одна парочка пенсионеров.

Кто знает, может, они поступили мудро?

Впрочем, теперь это уже неважно.

ГЛАВА 10

Когда Петра в десять часов утра явилась на работу, Айзек сидел в углу за своим столом, согнувшись над документами. Он притворился, будто не заметил ее прихода.

Ее мучило от голода и вовсе не хотелось с ним нянчиться.

К половине одиннадцатого, проглотив две чашки кофе, она смогла взять себя в руки. Встала из-за стола, жестом указала Айзеку на дверь, и он последовал за ней со своим кейсом. Вчерашнего костюма не было. Он надел темно-синие слаксы, рубашка и галстук тоже были темно-синими. Одежда для поездки. Нынешние ребята любят однотонную гамму. На Айзеке эта одежда выглядела почти как костюм.

Из здания они вышли вместе, но не разговаривали. Петра оставила свой «аккорд» на стоянке, взяла из гаража служебную машину без опознавательных полицейских знаков. Уже несколько лет существовал запрет на курение, тем не менее автомобиль провонял табаком. С первой попытки двигатель не завелся.

— Негодная техника, — сказала она Айзеку. — Доложите об этом Рейсу.

— Мы с ним на такие темы не разговариваем.

Петра выехала на улицу. Айзек не улыбался. Неужто она его обидела? Только этого не хватало.

— Первое, что нам нужно сегодня сделать, — сказала она, — это еще раз поговорить со свидетелями. Обеим девицам по шестнадцать лет, и они явно психовали, когда я с ними говорила. У одной из них, правда, есть причина нервничать, но не связанная с преступлением. У девушки лейкемия.

— Это логично, — согласился Айзек.

— У вас все в порядке?

— Конечно.

— Спрашиваю, потому что вы все молчите.

— Мне нечего сказать. Взмах рукой.

— Со мной это, кажется, редко бывает.

— Да нет, — сказала он, — вы не болтливы, вы умны. Снова молчание.

Она вела драндулет по туманным голливудским улицам. Айзек смотрел в окно.

Эрик тоже смотрел в окно, когда она сидела за рулем. Эрик — наблюдательный человек.

— Умные люди, Айзек, имеют право высказываться. Только дураки действуют мне на нервы.

Наконец-то улыбка. Только она мгновенно исчезла.

— Я с вами, чтобы наблюдать и учиться. И благодарен за то, что вы тратите на меня время.

— Нет проблем.

Она проехала по бульвару Голливуд к Западной, затем через Лос-Фелис, развернулась на автостраде Голден-стейт, свернула на Десятую Восточную и направилась к Бойл-Хайтс.

— Первую девушку зовут Бонни Анна Рамирес. Она живет в Восточном Лос-Анджелесе на Сто двадцать седьмой. Вы знаете этот район?

— Плохо. Там в основном живут мексиканцы. А он — сальвадорец.

Тем самым он ей тонко намекнул: разве мы похожи?

— Бонни шестнадцать, но у нее есть двухлетний ребенок. Отец — подросток по имени Джордж. На принца он мало похож. Вместе они не живут. Бонни бросила школу.

Полквартала проехали в напряженном молчании, затем Айзек спросил:

— И что, она нервничала?

— Она этого и не скрывала. Вероятно, не жалуется полицию. В полицейских отчетах ее имя не упоминается, но в таком районе можно безнаказанно сделать что угодно.

— Верно, — согласился Айзек. — ФБР подсчитало, что в криминогенных районах на одно принятое к рассмотрению дело приходится шесть, по которым ничего не сделано. Мое предварительное расследование доказывает, что эта пропорция занижена.

— В самом деле?

— О многих преступлениях даже не сообщают. Чем выше уровень преступности на данной территории, тем это ближе к действительности.

— Похоже на то, — сказала Петра. — Система не срабатывает, люди перестают верить.

— Бедные люди в основном подавлены. Возьмите хотя бы мой район. За пятнадцать лет нашу квартиру трижды обворовывали, украли мой велосипед, отца ограбили, автомобиль угнали, у маленького брата отняли деньги, которые ему выдали на завтрак. Не могу сказать, сколько раз пьяницы или наркоманы угрожали матери, когда она шла с работы домой. Слава богу, с нами не случилось ничего серьезного, но по крайней мере дважды в неделю мы слышим выстрелы, а полицейские сирены воют еще чаще. Петра ничего не сказала.

— Бывало и хуже, — продолжил Айзек. — Когда я был маленьким, существовали кварталы, в которые нельзя было зайти. Стоило надеть не те туфли, и ты покойник. Потом появились отряды «Крэш». Они хорошо поработали. После скандала в Рэмпартсе антигангстерскую полицейскую работу свернули, и бандиты снова обнаглели.

Он сжал кулаки.

Петра, помолчав, сказала:

— Теперь понимаю, почему вы исследуете преступления.

— Возможно, я сделал ошибку.

— Что вы имеете в виду?

— Чем глубже вникаю в ситуацию, тем большим разбазариванием времени кажутся мне академические штудии серьезных криминальных проблем. Многие из Моих профессоров до сих пор считают, что причины преступности коренятся в несправедливом устройстве общества. Под понятием «коренные причины» они подразумевают бедность. И этническую принадлежность, несмотря на то, что мнят себя либералами. Я же думаю, что на самом деле бедные люди хотят того же, что и остальные. Проблема криминала коренится не в бедности людей, а в плохих людях, которые грабят бедняков, потому что они беззащитны.

Петра поддакнула. Айзек, похоже, не расслышал.

— Наверное, мне следовало поступить на медицинский факультет. Подготовиться по специальности, заработать деньги, перевезти родителей в приличный район. Или, по крайней мере, купить маме машину, чтобы она не отбивалась по вечерам от пьяниц и наркоманов.

Махнул рукой.

— Впрочем, вряд ли мама сядет за руль.

— Боится?

— У нее свои принципы.

— Да, матери бывают такими, — сказала Петра. «И откуда ты только знаешь?»

— Скоро приедем, трасса вроде не забита.

Бонни Рамирес жила с матерью, тремя старшими братьями и маленьким Роки в крошечном домишке, обшитом желтой вагонкой. Хибару окружала ограда в виде ржавой цепи. Вдоль улицы, квартал за кварталом, стояли такие же дома. Их построили для американских солдат, возвратившихся со Второй мировой войны. Некоторые строения почти развалились, другие сверкали свежей краской.

Было заметно, что семейство Рамирес старалось держать дом в порядке: маленькая лужайка, хотя и пожелтевшая, была аккуратно подстрижена, а цветы на кривых клумбах стоически переносили раннюю весеннюю жару. На деревянном крыльце детская прогулочная коляска, а рядом — непонятного назначения гипсовый пьедестал, позолоченный краской из баллончика.

Бонни не было дома, с Роки нянчилась ее мать. Малыш спал в кроватке, втиснутой в тесную гостиную. Полы в доме деревянные, потолки низкие. Пахнет вкусной едой и еще, едва заметно, — грязной пеленкой.

Анна Рамирес была женщиной невысокой, полной, с окрашенными в рыжий цвет волосами, пухлыми щеками и дряблыми руками. Из-за глаз, превратившихся едва ли не в щелки, ее взгляд казался подозрительным, даже когда она старалась проявить добросердечие. Голос и певучая речь выдавали в ней жительницу Бойли-Хайтс.

Она пригласила их за стол. Принесла банки с содовой и вазу с крендельками, посыпанными солью. Рассказала, что отец Бонни прошел Вьетнам, войну он пережил, а в мирное время погиб на строительстве большого здания: придавило тяжелым оборудованием. Бережно, словно икону, сняла со стены фотографию. На снимке был запечатлен красивый мужчина в военной форме. Портила его плохая кожа — к сожалению, этот генетический изъян унаследовала и Бонни.

— Не знаете, когда вернется Бонни? — спросила Петра. Анна Рамирес покачала головой и нахмурилась.

— Вы с ней разминулись. Она приходит и уходит. Прошлой ночью ее не было дома. Пришла, спала до десяти и снова ушла.

— Поздно возвращается?

— Всегда.

Роки пошевелился в кроватке.

— Я не хочу его разбудить, — сказала Петра.

— Не беспокойтесь, — успокоила ее Анна. — Он крепко спит.

Она посмотрела на вазочку с крендельками на коленях Петры, и Петра съела одну штуку.

— Могу я вам еще что-нибудь предложить?

— Нет, спасибо, мэм. Вы знаете, зачем мы пришли?

— Видимо, из-за стрельбы в Голливуде. Бонни мне рассказывала.

— И что она сказала?

— Что все произошло на стоянке. Она слышала выстрелы, но ничего не видела. Говорила, что разговаривала с женщиной-полицейским. Это были вы?

Петра кивнула.

Анна Рамирес посмотрела на Айзека изучающим взглядом.

— Вы похожи на моего племянника Бобби. Айзек слабо улыбнулся.

— Среди тех, кого подстрелили, была девушка, которую не удалось опознать.

— И что же, родители ее не хватились?

— Никто не приходил, мэм.

— Печально.

Маленький Роки запищал, зашевелился, заревел. Анна Рамирес подошла к кроватке и вынула ребенка. Бедный малыш раскраснелся, и немудрено: так кутать ребенка в жару!

Анна села в кресло и положила внука на полные колени. Роки срыгнул и снова уснул. Щечки в ямочках, черные кудрявые волосы. Очарование. Петра заметила, что ногти ребенка аккуратно подстрижены, а одеяльце безупречно чистое.

— Какой красивый малыш, — сказала она. Анна Рамирес вздохнула.

— Очень беспокойный. Итак, вы говорили о девушке...

— Я подумала, может, Бонни ее знает, — сказала Петра. Поняла вдруг, что употребляет единственное число, с тех самых пор как вошла в дом. Что же она об Айзеке забыла? Он сидел на стуле, прямой и неподвижный, словно у него должны были взять интервью.

— А у Бонни вы не спрашивали, знает ли она эту девушку?

— Спрашивала, и она сказала — нет. Я решила еще раз проверить.

Анна Рамирес нахмурилась.

— Вы ей не верите.

— Дело не в том...

— Да ничего. Иногда я и сама ей не верю.

Петра надеялась, что улыбка у нее получилась сочувственной.

— Ее братья окончили школу, двое работают в фирме «Джей Си», а вот Бонни никогда не любила школу. Вообще-то, она девочка хорошая... — Она глянула на Роки. — Так уж получилось... Теперь я опять стала мамой, ну и хорошо. Бонни нельзя ничего сказать, единственное, на чем я настаиваю, это чтобы она окончила школу. Без диплома сейчас и работы нормальной не найти.

Петра кивнула, а Анна снова вздохнула.

— В любом случае, мэм, когда Бонни придет домой, будьте добры, позвоните мне.

— Обязательно, — заверила ее Анна. — Вы думаете, что убитая девушка могла быть приятельницей Бонни?

— Этого я вам не могу сказать, мэм.

— А как она выглядела?

— Невысокая, полноватая. На ней были розовые кроссовки.

— Тогда это, наверное, Джеки, — сказала Анна Рамирес. — Джеки Оливарес. Она невысокая, и раньше была намного толще, потом похудела. Но все равно тоненькой ее не назовешь. И у нее есть проблемы.

— Какие проблемы?

— Два ребенка. Мальчик и девочка. А ведь ей только семнадцать.

— Вы когда-нибудь видели на ней розовые кроссовки? Анна приложила ко рту палец. Роки снова зашевелился и она тихонько покачала его на коленях, убрала с лобика влажные волосенки.

— Нет, — сказала она. — Таких туфель я на ней не видела. Но Джеки сюда больше не ходит. Я сказала Бонни, чтобы она не

приходила.

— Дурное влияние, — сказала Петра.

— Вот-вот.

— У меня есть фотография неопознанной жертвы, мэм, но должна предупредить, что зрелище не из приятных.

— Фотография мертвой девушки?

— Да, мэм.

— Я видела мертвецов и мужа мертвого тоже, так что показывайте.

Петра вынула наименее страшный снимок, из тех, что были сделаны в морге, и подала ей.

— Это не Джеки, — сказала Анна. — Эту девушку я никогда не видала.

Адрес, который сообщила Сандра Леон, был неподалеку от дома Рамирес, но, когда они туда подъехали, Петра поняла, что девчонка ее обманула.

На месте дома с указанным номером находились заколоченные винные погреба. Давно заброшенные строения стояли на заросшей кустарником улочке. Повсюду граффити. По улице бессмысленно слонялись злобные парни — бритые головы, татуировки по всему телу.

Петра поспешила выбраться отсюда, выехала на авеню Сото, неподалеку от морга, и остановилась на территории газозаправочной станции. Там она купила кофе для себя и колу для Айзека. Он попытался отдать ей деньги, но она и слышать об этом не хотела. Пока пили, она набрала номер телефона Западной педиатрической больницы и попросила соединить ее с онкологическим отделением. Долго ждала.

Услышав, что спрашивают адрес Сандры Леон, секретарь на другом конце провода сказала: «Это конфиденциально».

Петра легко солгала:

— У меня есть причина думать, что мисс Леон находится в опасности.

— Из-за болезни?

— Из-за преступления. Она стала свидетелем убийства с большим числом жертв.

Долгая пауза.

— Вам нужно поговорить с ее врачом.

— Пожалуйста, соедините меня.

— Фамилия... Леон... хорошо, нашла. Имя — Сандра. Второго имени нет. Ее лечащий врач — Кацман. Сейчас я вас соединю.

На другом конце линии Петра услышала мягкий мужской голос.

— С вами говорит доктор Боб Кацман. Я в отъезде, буду через две недели, но вы можете оставить свое сообщение. Если требуется срочное медицинское вмешательство по линии онкологии, звоните по номеру...

Петра не дослушала и снова соединилась с секретарем.

— Доктор Кацман уехал на две недели. Все, что мне требуется, — это адрес Сандры Леон.

— Вы из полиции?

«Да, я из полиции, детка».

— Детектив Коннор.

Петра произнесла свою фамилию по буквам.

— Голливудский участок, могу сообщить номер своего жетона, если хотите, проверьте...

— Нет, не надо. Я посмотрю в истории болезни. Спустя пять минут Петра располагала адресом Сандры Леон.

Девушка обратилась в больницу сама.

— Ей исполнилось восемнадцать?

— Не знаю, — сказала женщина в регистратуре.

— Есть ли в ваших документах имя взрослого человека?

— Мм... вроде бы нет.

— Кто оплачивает ее счета?

— ОЗД — онкологическая защита детей, это региональный фонд.

— Родственники участия не принимают?

— Она не одна такая, — сказала регистратор. — К нам то и дело поступают сбежавшие из дома подростки. Это же Голливуд.

Полученный адрес Сандры был на Гауэр-стрит, к северу от Голливуда. При быстрой ходьбе туда можно было дойти за несколько минут.

Петра выехала на автостраду.

— Видите, — сказала она Айзеку. — Такая тягомотина.

— А мне кажется, что это интересно, — возразил юноша.

— Что интересно?

— Процесс. Мне нравится, как вы складываете одно с другим.

Петра не верила в то, что она хоть что-то сложила. Посмотрела на Айзека. Не заметила и следа иронии на его лице.

— Я с интересом наблюдаю за тем, как к вам относятся люди. Например, мать Бонни. Она сразу увидела, что человек вы авторитетный, и отнеслась к вам с уважением. Она консервативная женщина, гордится военным прошлым своего мужа и к своим обязанностям относится серьезно.

— В отличие от дочери. — Да.

— Пропать между поколениями, — сказала Петра.

— Да, — подтвердил он. — Люди поколения Бонни считают себя свободными от условностей.

— Вы думаете, это плохо? Айзек улыбнулся.

— Мои научные руководители учили меня не выносить оценочные суждения, пока все данные не собраны.

— Мы не в институте. Позвольте себе немного сумасшествия.

Он потерял галстук.

— Я считаю, что слишком открытое общество похоже на обоюдоострый меч. Некоторые люди пользуются свободой разумно, другим сносит крышу. Я все же выбираю свободу. Иногда, когда мне удается разговорить отца, он рассказывает о Сальвадоре. Я понимаю разницу между демократией и ее альтернативами. В двадцатом первом веке ни одна страна не может сравниться с Америкой.

— Исключение — люди, у которых от избытка свободы сносит крышу.

— И именно с ними, — сказал Айзек, — вам приходится иметь дело.

Гауэр-стрит. Многоквартирный дом цвета спелой дыни стоял между бульваром Голливуд и Франклин-авеню.

— Ладно, — сказала Петра, выходя из машины. — Посмотрим, что наша маленькая врунья может нам сообщить.

В вестибюле Петра осмотрела почтовые ящики. На ящике № 11 выведено: «Хокинс А.» Фамилии Леон они не увидели.

Входная дверь оказалась не заперта. Они поднялись по ступеням и прошли в конец коридора к двери с № 11. Петра позвонила, и на

пороге появился очень высокий чернокожий человек в зеленом свитере и коричневых штанах. Возле ворота и на манжетах свитера вывязаны снежинки — лыжный свитер в июне. На крутом куполе лба — затейливый зигзаг — такие украшения любят профи из НБА. В руке человек держал ручку, подушечки пальцев запачканы чернилами. В открытую дверь Петра увидела часть квартиры. Просторной и ухоженной. К окну придвинут стол для рисования. В прихожей плавало облачко, пахнущее каким-то химикатом.

— Да? — сказал человек, крутя в пальцах ручку.

— Добрый день, сэр, — Петра показала полицейское удостоверение. — Я разыскиваю Сандру Леон.

— Кого?

Петра повторила имя.

— Она указала эту квартиру как место своего проживания.

— Возможно, когда-то она и жила в этой квартире, но я поселился здесь, по меньшей мере, год назад.

— Год, — повторила Петра.

— Двенадцать месяцев и две недели, если быть точным. Человек снова покрутил ручку. Широко улыбнулся.

— Клянусь, зовут меня не Сандра. Петра тоже ему улыбнулась.

— А как вас зовут, сэр?

— Александр Хокинс.

— Художник?

— Когда мне позволено им быть. Вообще-то, я работаю в бюро путешествий — «Серенити турс овер эт кроссроадс оф зе уолд».

Снова улыбнулся.

— Если это имеет значение.

— Не имеет, — сказала Петра, — другое дело, если вы знаете Сандру Леон.

— Вероятно, это привлекательная молодая дама, интересующаяся искусством? — предположил Хокинс.

— Ей шестнадцать лет, и, возможно, она была свидетелем убийства.

Хокинс посерьезнел.

— Нет, я не знаю никакой Сандры Леон.

— В этом доме есть владелец или менеджер?

— Хотел бы я, чтобы он у нас был. Эти роскошные апартаменты опекает привилегированное агентство по недвижимости, расквартированное в золотом городе Дауни. Я только что общался по телефону с их автоответчиком. Маленькая проблема с насекомыми. Могу сообщить вам номер телефона, помню его наизусть.

Петра позвонила в компанию из машины. Предыдущими жильцами квартиры одиннадцать являлась семья Ким. Они прожили там пять лет. За время существования агентства, то есть за семь лет, никто по фамилии Леон квартиру в этом доме не арендовал.

— Ну вот, — сказала она Айзеку. — Сандра солгала дважды. Поэтому я по-настоящему ею заинтересовалась.

Снова взялась за телефон и отправила подробное сообщение доктору Кацману.

— Что теперь? — спросил Айзек.

— Сейчас вернемся в участок, и я попробую отыскать маленькую Леон. Когда наткнушь на стену, что, скорее всего, и произойдет, присмотрюсь к вашим файлам.

— Рассматривая преступления 28 июня, я выяснил, нет ли под ними исторической подоплеки. Самая лучшая криминальная связка, на которую я наткнулся, это Джон Диллинджер^[10], родившийся в этот день. Полагаю, что для социопата это может послужить толчком к выяснению движущего мотива. Но Диллинджер грабил банки. Он был показушник, любитель эффектов, классический грабитель. Единственное, что могу сказать, наш убийца — полная ему противоположность. Он выбирал разные жертвы, чтобы внедрить свой шаблон.

«Наш убийца. Шаблон». Мальчик убежден в том, что все шесть преступлений совершены чьей-то одной рукой. О, простодушие юности!

Когда Петра подъехала к Уилкоксу, Айзек сказал:

— 28 июня произошло еще кое-что. Убийство эрцгерцога Фердинанда. 28 июня 1914 года. Начало Первой мировой войны.

— Выходит, — сказала Петра, — кто-то объявил войну добропорядочным горожанам Лос-Анджелеса.

ГЛАВА 11

В сознании крутилась мысль об однотипности смертельных ранений во всех шести убийствах.

Шесть часов вечера. Как Петра и предчувствовала, розыск малышки Леон завел в тупик. Позвонила в ближайшую пиццерию и заказала маленькую пиццу со всеми ингредиентами.

Айзек сидел в другом углу комнаты, писал что-то, стучал по клавишам ноутбука, делал заметки. Из всех сил старался продемонстрировать, что не нуждается в чьем-нибудь внимании. Когда принесли заказ, она подошла к нему и предложила разделить трапезу. Он вежливо отказался, пошел за ней к столу, постоял, пока она открыла коробку.

Петра отрезала кусок и начала с уголка слизывать сыр.

Айзек пожелал ей доброго вечера и ушел из участка.

Налила еще кофе, взяла одно из дел. Начала читать, отправляя в рот кусочки пиццы и прихлебывая кофе. Оставляла на бумаге жирные пятна. Совсем расклеилась.

Пока не обратилась к отчетам о вскрытии.

Шесть документов написаны шестью разными коронерами. Медицинские заключения почти идентичны.

Вдавленный перелом черепа.

Удар нанесен сзади.

Орудие убийства описывалось как тяжелое, трубчатой формы, в трех случаях — приблизительно 77 сантиметров длиной, 78 сантиметров — в двух. Что было очень близко, учитывая плотность кости, разный возраст и пол.

Два патологоанатома полагали, что орудие убийства изготовлено из металла или из твердого пластика, потому что не выявили в ране деревянных фрагментов.

Зато обнаружили много крови, обломки кости и серое вещество мозга.

Петра мысленно представила орудие убийства — трубу длиной семьдесят семь сантиметров. Тяжелая штукавина.

Вдавленный перелом черепа.

Кто-то — если это был один и тот же человек — обладал отработанным ударом именно в голову.

Она начала с детектива, который, как она знала, работал до сих пор.

Нейл Уолгрэн, детектив, расследовавший дело Кертиса Хоффи. Она слышала, что он перевелся куда-то в Долину.

Поиск отнял кучу времени, но она все-таки обнаружила его в «Ван Найс». Эта организация занималась угонщиками автомобилей. Странно, почему Нейл предпочел такую работу.

В офисе его не было, но секретарь дал ей номер его мобильного.

— Привет, — сказал он. — Барби из «Кен и Барби», верно?

Это он вспомнил Петру и Стю Бишопа. Да, хорошие были времена.

— Да, это я, — ответила она.

— Привет, — повторил Уолгрэн.

У него был звучный, доброжелательный голос. Петра смутно припомнила этого крупного румяного северянина, нос картошкой. Таких людей обычно встречаешь на зимней рыбалке, они сидят на льду и пьют то, что там у них заведено.

— Охотишься за хромированным железом? — спросила она. — А как-же мертвые тела?

— За десять лет мертвецов мне хватило. Предпочитаю хороший подержанный «лексус» со спутниковой системой навигации. Что случилось?

— Я тут просматривала старые дела и напала на твое — Кертис Хоффи.

— Мужчина-проститутка, удар по голове, — выпалил Уолгрэн.

— Вот-вот.

— Невнятица какая-то.

— Ты имеешь в виду место преступления или расследование дела?

— И то и другое. Не продвинулся ни на шаг, — сказал Нейл. — И неудивительно при такой-то жертве. Парню двадцать лет, и, как я выяснил, он промышлял проституцией с двенадцати. Видно, бедняга обслужил не того клиента, но на улице об этом не болтали, да никто и не мог припомнить, чтобы раньше случалось что-нибудь подобное.

— Возможно, у меня кое-что есть, подчеркиваю: возможно, — сказала Петра. — Тут у нас один чудак копался в старых делах и нашел с полдюжины «мокрух», в которых жертвам проламывали череп чем-то похожим на здоровенную трубу.

Она помолчала. Надо ли ему рассказывать о 28 июня? Нет, слишком фантастично. Не сейчас, к тому же Нейл работает сейчас с автомобильными кражами. Ему теперь наплевать.

— В самом деле? — удивился Нейл. — Я в свое время ни о чем таком не слышал.

Он, кажется, хотел оправдаться.

— Ну, разумеется, — успокоила его Петра. — К тому же, возможно, это ложный след.

— Кто это обнаружил? — спросил Уолгрэн.

— Интерн, практикант. Кто еще может убивать так время?

— Это, наверное, кто-то из бойскаутов-энтузиастов?

— Да. А кто взял дело, после того как ты ушел?

— Не знаю. Шулкопф сказал, что он устроит мне перевод. Он все еще работает? Такой же подонок?

— Да, работает, — подтвердила она. — Если он и устроил перевод, то записи об этом не оставил.

— Неудивительно, — сказал Нейл. — Даже тогда он не хотел, чтобы я тратил на это дело слишком много времени. Сказал, что нам надо сосредоточиться на убийствах, совершаемых бандами, а это было «дело Западного Голливуда». Понимаешь, что я имею в виду?

— Разборки гомиков.

— Стопроцентно. Ничтожная вероятность закрытия дела. К тому же муниципалитет в то время заикнулся на борьбе с криминальными группировками. А как раскрыть мокруху, когда на руках нет ни нормального медицинского заключения, ни родни трупа, ни политиков с дубиной в руках... Нейл замолчал.

— Конечно, — поддакнула Петра.

— По правде сказать, Шулкопф оказался провидцем. Насчет того, что расследование закончится ничем.

«А ты предпочел не вникать в сущность этого провидения».

— Значит, у Кертиса родственников не было? — спросила она.

Она умышленно назвала жертву по имени. Хотела, чтобы Нейл все-таки вспомнил, что речь идет о гибели человека.

— За телом никто не пришел. Здорово его огрели. Если больше не увижу чего-нибудь подобного, вряд ли огорчусь.

ГЛАВА 12

У Джуэл Бланк, четырнадцатилетней девушки, убитой в Гриффит-парке, родственники имелись, но, согласно записям детектива Макса Стоукса, расследованию они ничем не помогли.

Мать Джуэл, Грейс Бланк, двадцатидевятилетняя, незамужняя официантка, сожительствовала с тридцатидвухлетним бойфрендом, Томасом Криспом, безработным водителем грузовика и «байкером». Они не видели Джуэл уже более года, с тех самых пор как она убежала из дома на окраине Бейкерсфилда. Никто, похоже, ее и не разыскивал.

Поскольку Грейс сейчас двадцать девять, то дочь она, выходит, родила в пятнадцать лет. Петра догадывалась, как дальше сложилась судьба ребенка.

С малых лет бродяжничала в Гриффит-парке. Петра похолодела, вспомнив о Билли Стрейте. Такое же прошлое, такая же заброшенность. Билли жил в парке, почти одичал, рылся на помойках в поиске объедков, часто бывал на краю гибели. Если б парню не подфартило, то сидел бы сейчас с Джуэл Бланк на соседнем облачке.

Петра спасла ребенка. После того как мальчика забрала бабушка, Петра в течение года регулярно ему звонила, иногда навещала. Теперь Билли пятнадцать. Он вымахал в шесть футов ростом, занимается в средней школе, готовится к поступлению в колледж. Миссис Адамсон призналась, что внук собирается поступить в Стэнфорд. Она уже и с деканом говорила.

Прошло несколько месяцев, новых известий о Билли не поступало. Возможно, это и хорошо: стало быть, жизнь у парнишки идет нормально, и полиции им незачем интересоваться.

Записи о том, что дело Джуэл Бланк передано другому следователю, Петра не обнаружила.

Оказывается, Макс Стоукс провел массу следственных мероприятий, и в этом ему помогала Ширли Леонис. Два ветерана-следователя ходили по улицам, разговаривали с другими беглецами, обращались в приюты, церкви и агентства.

Джуэл ютилась то в одном, то в другом заброшенном доме. Уличные подростки считали ее «воображалой», назойливой попрошайкой, ловкой воровкой. Никто не знал, зарабатывала ли она на жизнь проституцией, но знакомым парням отдавалась только за дозу.

Оплатой служила всякая легкая наркота: марихуана, транквилизаторы, денатурат, ЛСД, экстази. Но не героин, в этом все твердо были уверены. Джуэл боялась шприцев. Петра вернулась к отчету о вскрытии тела. Старалась не смотреть на фотографии, запечатлевшие девичье лицо крупным планом. Следов от инъекций не обнаружено. Токсикологи нашли в крови значительное количество веществ, свидетельствовавших об употреблении конопли, алкоголя и эфедрина.

Кое-кто из подростков проболтался, что когда у Джуэл бывало плохое настроение, она уходила в парк, но с собой никого не брала.

Нет, она не говорила, что с кем-то там встречается.

Нет, у нее не было ни бойфрендов, ни регулярных клиентов. По крайней мере, она никого не упоминала.

Ее нашли полностью одетой, без признаков изнасилования. По заключению coronera, незадолго до смерти имела половой контакт.

К делу был приложен прижизненный снимок. На фотографии запечатлена школьница лет девяти. Джуэл Бланк была темноволосой, бледной, неулыбчивой.

Грейс Бланк и Томаса Криспа занимала только одна проблема: как за счет городской казны оплатить похороны Джуэл. В записях Макса Стоукса сказано об этом в двух фразах.

Я предупредил их, что погребение является обязанностью семьи. Таким положением дел заявители были недовольны, угрожали, что будут на меня жаловаться.

Тело Джуэл Бланк пролежало в морге месяц, пока похоронное бюро Инглвуда не отправило его на кремацию.

Стоит ли теперь переговорить с Максом? Отрывать беднягу от заслуженного отдыха, напоминать о старом «глухаре»?

Петра оглянулась. Три следователя, сторбившись, корпели над писаниной. Молодой красавчик Эдди Бейкер; еще один жеребец —

Райан Миллер и Барни Флейшер, сухопарый, лысый, немолодой — досиживал до пенсии.

Петра подошла к столу Барни. Он в этот момент выписывал требование на канцтовары. На крючковатом носу сидели очки-«половинки». Почерк у него мелкий, красивый, почти каллиграфический.

Петра спросила, знает ли он, где сейчас Макс Стоукс.

— Корваллис, Вашингтон, — сказал он, продолжая писать. — У него там дочь, Карен. Она врач, ни разу не была замужем. Вот теперь он ее и опекает.

Его не интересовало, зачем Петре понадобился Стоукс. Петра поблагодарила и вернулась к делу Джуэл Бланк. Собравшись с мыслями, отложила досье в сторону. Позвонила в Корваллис и узнала рабочий и домашний телефоны Карен Стоукс.

Трубку снял Макс.

— Петра Коннор, — удивился он. — А мы как раз садимся обедать.

— Извините. Я перезвоню позже.

— Ни в коем случае. У нас мясное ассорти — не остынет. Чем обязан?

Живо представляя себе румяную усатую физиономию Макса, она рассказала ему о возможности пересмотра дела Бланк и о том, что обнаружил въедливый ординатор-практикант.

— Так ты собираешься возобновить следствие? — спросил он.

— Еще не знаю, Макс. Зависит от того, что удастся накопать.

— Надеюсь, ты решишься на это. У тебя это может получиться лучше, чем у меня.

— Сомневаюсь.

— Не тебе судить, Петра. Молодая кровь и все такое.

— Вы с Ширли много поработали над этим делом.

— Бедная Ширли. Итак... что именно тебя интересует?

— И сама не знаю, Макс. Мне кажется, что вы с Ширли сделали все, что могли.

— Я тоже так думал... да и сейчас, нет-нет, и вспоминаю об этом деле. Бедная малышка. Все опрошенные твердили, что она была агрессивной, норовистой, а взглянешь на нее... крошечная худышка. Жестокое убийство.

Петра вспомнила запись коронера. Вес Джуэл — сорок два килограмма.

Затылочная рана... За что?

Размышления прервал голос Макса Стоукса:

— ...Говорил с родителями, вернее, с родительницей, мамашей. Там же был ее бойфренд.

— Солидная пара, — съязвила Петра.

— Нутром чую, Томас Крисп — подонок. Возможен типичный сценарий — мамашин бойфренд слишком близко подобрался к дочке, понимаешь? Коронер говорил, что Джуэл занималась сексом уже не один год. Бьюсь об заклад — Крисп домогался ее, поэтому она и сбежала. В лоб, конечно, я его об этом не спрашивал, только намекнул, и то он заерзал. За ним водятся кое-какие криминальные грешки. Это не сексуальные преступления и не убийства, тем не менее и мелкий преступник — преступник. Хорошим поведением он никогда не отличался, не притворялся, что горюет о Джуэл. Я осторожно его проверял, даже ездил в Бейкерсфилд. У него алиби. На момент убийства он уже третий день пьянствовал вместе с такими же алкашами. Сначала они сидели в баре, потом купили еще спиртного и пошли к матери. Соседи жаловались, позвонили в полицию. Крисп находился в Бейкерсфилде, его там все видели.

— А как насчет матери?

— Она пила с ними. На мой взгляд, умственно отсталая. Вроде горюет, льет слезы, а как только Крисп поддаст ей локтем под ребро — резко замолкает. Крисп больше всего возмущался тем, что придется раскошелиться на похороны.

— Я читала ваши записи, — сказала Петра. Макс вздохнул.

— Ну, что еще добавить? Иногда приходится проигрывать.

— Такова жизнь. На пенсии-то нравится?

— Нет. Подумываю устроиться в охрану. Чтобы дома не торчать целыми днями.

— Ну и правильно, — одобрила Петра.

— Что ж, успеха в деле малышки Джуэл.

— Еще одно, Макс. Я не нашла записи о передаче дела другому следователю.

— Я собирался передать его Ширли. Она не возражала. Тем более что была в теме. Ширли сама пришла ко мне, предложила стать

напарником. Дело в том, что за два года до этого у нее было похожее дельце.

— В самом деле? — спросила Петра.

— Да. Тоже пролом черепа. Только замочили не подростка, а женщину на Голливуд-Хиллз. И собаку ее тоже угробили. Как же ее звали? Да, память уже подводит.

— Женщину звали Корал Лэнгдон. Ширли думала, что эти случаи могут быть связаны?

— Сначала думала, а под конец — нет. Слишком много различий. Джуэл — бедная беглянка, а другая — как там ее — финансово независимая разведенная женщина с хорошим домом. Как ее — Ламберт, Лан... ну да ладно, Ширли считала ее прежнего мужа главным подозреваемым, потому что развелись они со скандалом. К тому же соседи говорили, что он всегда ненавидел собаку. Он тоже заявил об алиби, правда, проверить его невозможно. Сидел, мол, один дома, смотрел телевизор. Но Ширли не нашла ни одного свидетеля, который поставил бы под сомнение это заявление. К тому же один из соседей утверждал, что на момент убийства авто-

мобиль подозреваемого стоял возле дома.

— Почему Ширли не взяла дело Джуэл Бланк?

— А я думал, что взяла, — удивился Макс.

— А если взяла, почему об этом нет никаких записей?

— Гм. Не знаю, что тебе и сказать, Петра.

— А Ширли не подозревала, что дела Бланк и женщины с собакой как-то друг с другом связаны.

— Единственное, что их связывает, — это удар по голове. Лэнгдон, вот как ее звали. Так, значит, Ширли не работала по делу Джуэл?

— Похоже, что так.

— Это странно, — сказал Макс. — Ты же помнишь Ширли. Цепкая. С ней произошла настоящая трагедия. Я даже и не знал, что она катается на лыжах.

Она поблагодарила Макса, извинилась за то, что оторвала его от обеда, повесила трубку и погрузилась в дело Корал Лэнгдон.

Бывший муж убитой женщины был страховым агентом. Звали его Харви Ли Лэнгдон. Страхование подкидывало мотив к убийству, но Харви страховал имущество, а не жизнь. Ширли тем не менее

тщательно изучила документы Корал, позвонила нескольким страховым компаниям. Ничего подозрительного не обнаружила. Между Корал и Харви не было никаких финансовых неурядиц, за исключением алиментов — пятьсот долларов ежемесячно. Корал Лэнгдон работала исполнительным секретарем в аэрокосмической компании и хорошо зарабатывала.

Собака Бренди в семействе Лэнгдон была «яблоком раздора». Харви выразил сожаление по поводу безвременной кончины бывшей жены, но, услышав о гибели кокапу, откровенно ликовал. Ширли запротоколировала его комментарии, сохранив авторскую лексику и знаки препинания.

Глупая маленькая сука. Знаете, какой у нее был девиз? Мир — это мой туалет.

Психиатр получил бы удовольствие от сеанса общения с Харви, а вот для расследования Ширли его откровения оказались бесполезны.

Совпадали место преступления и способ его совершения — две особы женского пола, убиты ударом по голове в лесной зоне Голливуда — это, видимо, и побудило детектива Леонис заподозрить связь дел Лэнгдон и Джуэл Бланк. Обратила ли она внимание на то, что оба преступления совершены 28 июня?

Скорее всего, не заметила.

Неужели Ширли — проницательная, упрямая, неутомимая — пропустила такое совпадение?

Наверняка. А разве сама Петра когда-нибудь обращала внимание на дату совершения преступления? Ширли, скорее всего, сосредоточилась на подробностях самого убийства.

Удар по голове. Айзек сказал, что такие убийства встречаются редко.

Хотя потом Ширли все-таки решила, что эти дела между собой не связаны, но ведь она не знала, что прежде этих двух проломили два других черепа, и тоже 28 июня?

А теперь Ширли была мертва, и снова придется выяснять, кому из детективов передано дело.

Петра взгляделась в ксерокопию водительского удостоверения, сохранившуюся в папке с материалами. Корал Лэнгдон была

привлекательной женщиной, с загорелым овальным лицом и короткими густыми светлыми волосами. Высокая, стройная. Вероятно, сильная. Согласно записям Ширли, Корал посещала тренажерный зал, увлекалась кикбоксингом.

Чтоб напасть на такую жертву, убийца должен быть сильнее ее. Или уметь бесшумно подкрадываться сзади.

Петра представила себе эту картину. Лэнгдон поздно вечером выводит кокапу на прогулку. Из темноты выскакивает убийца...

С Джуэл Бланк справиться было куда легче. Бессильная маленькая девчонка в темном парке.

Ширли наверняка все обмозговала и пришла к выводу, что эти убийства между собой не связаны.

Однако шесть преступлений с одинаковыми датами... тут поневоле задумаешься.

Как сказал Айзек, статистика имеет значение.

«Как сказал Айзек».

Да что же эта фраза так к ней прилипла?

Она вернулась к началу списка и внимательно изучила два первых убийства. Марта Добблер, двадцатидевятилетняя домохозяйка. Отправилась на спектакль в театре «Пен-таж», зашла в дамскую комнату и не вернулась. Джеральдо Солис, дело участка Уилшир. Пожилого человека нашли за столом в собственной столовой. Мозги вытекли в тарелку с яичницей и колбасой. Очаровательная подробность.

Ничто в жизни Солиса не вызвало ее интереса, а вот некоторые детали дела Марты Добблер заставила ее призадуматься: Добблер вызвали из театра звонком на ее мобильник. Следователи установили, что звонили из телефона-автомата, находящегося по соседству со зданием театра.

Стало быть, кто-то ее выманил? Тот факт, что она согласилась и то, что тело обнаружили в ее собственном автомобиле — в отличие от других убийств — говорил о том, что преступника она знала. Следователи допрашивали мужа, инженера Курта Добблера. Отметили, что тот держал себя спокойно. У Добблера было алиби: он сидел дома вместе с девятилетней дочерью Марты, Катей.

Петра еще раз прочитала дело Солиса. В доме не обнаружено следов взлома. Выходит, старик тоже знал визитера?

Никакой связи между жертвами не усматривается, но мог ли убийца быть одним и тем же человеком?

Петра записала имена следователей — Конрад Баллу и Энрике Мартинес работали с делом Добблер. Имя детектива, ведшего дело Солиса, тоже было ей незнакомо — Джекоб Хастад, уилширский участок.

Барни Флейшер все еще сидел за столом — держал ручку, но не писал, а читал. Перед ним лежала папка в голубой обложке. Она всегда думала о Барни как о человеке, заканчивающем карьеру. Неужели его все еще привлекают к расследованиям?

Она подошла к нему и сказала:

— Простите, я хотела спросить, не знаете ли вы кого-нибудь из этих ребят?

Он закрыл дело об убийстве — на обложке стояло «Чанг» — и пробежал глазами по списку.

— Вам поручили рассмотреть нераскрытые дела?

— Я сама себе поручила, — усмехнулась Петра. — Гомес посоветовал мне посмотреть несколько старых файлов.

— Гений, — сказал Барни. — Хороший мальчик. Он мне нравится.

— Он с вами разговаривает?

— Время от времени. Любит послушать про старые времена. — Барни улыбнулся. — А кто ему расскажет, кроме старикашки вроде меня?

Он показал на дело Чанга.

— Это дело я вел пять лет назад. Сейчас мне уже ничего не поручают. Я бы уволился, только боюсь, это не пойдет мне на пользу.

Он снова посмотрел на список.

— Конни Баллу — старожил. Он был здесь задолго до моего прихода, лет за десять. Ушел около пяти лет назад.

Барни нахмурился.

— Что? — насторожилась Петра.

— Конни ушел при довольно... темных обстоятельствах.

— Какого рода?

— Он не умел пить. Мы все об этом знали, но покрывали его. Однажды он напился, сел за руль и врезался в здание на Кауэнга. Это

скрыть было уже трудно.

— А каким он был следователем? В трезвом состоянии? Барни пожал плечами.

— Это случалось не слишком часто.

— То есть не Шерлок, — сказала Петра.

— Да. Правда, в прежние времена, я слышал, он был приличным следователем.

— А что скажете о его напарнике, Мартинесе?

— У Энрике больших проблем не было, но и особых талантов — тоже. Из-за Конни схлопотал большие неприятности. Начальство решило, что он обязан был докладывать о запоях Конни, и уволило его со службы. Так же, казалось бы, должны были поступить и со всеми другими напарниками Конни, но единственным козлом отпущения стал Энрике. Кажется, он ушел в Центральный район, на административную работу, но не знаю, долго ли там продержался.

— Он живет сейчас во Флориде.

— Что ж, разумно, — сказал Барни. — Он ведь кубинец.

Пьяница и бездарь. Понятно, почему дело Марты Добблер не было раскрыто. Однако оно не было передано другому следователю. Петра поинтересовалось, почему.

— Шулкопф, — сразу ответил он.

— Он что же, не передает нераскрытые дела?

— Он этого не любит. Пусть лучше так и лежат нераскрытыми. Людей не хватает, да и борьба с бандами для него — вопрос первостепенной важности. Вы об этом не знаете, потому что вы свои дела раскрываете.

Барни снял очки и потер покрасневшую переносицу. Глаза у него были голубые, большие и чистые, окруженные сетью морщинок.

— Знаю, вы его не любите, Петра, но вряд ли на его месте я поступил бы иначе. Всегда встает вопрос о приоритетах. Дела остывают не без причин.

— Кто сказал, что я его не люблю?

Барни улыбнулся, и Петра не сдержала улыбки. Он снова взглянул на список и сказал:

— Джек Хастад умер. Самоубийство. С работой не связано. Мы с ним иногда играли в гольф. Джек выкуривал в день по четыре пачки, заработал рак легких. Ему делали химиотерапию. Он перестал на нее

ходить и вместо этого принимал анальгетики. Не могу сказать, что он поступил нерационально. Согласны?

— Да, — сказала Петра.

— Вот так-то.

— Спасибо, Барни.

— Полагаю, — добавил старый детектив, — что вы хотите держать ваше расследование в секрете.

— Это было бы неплохо, — подтвердила Петра.

— Без проблем, — сказал Барни. — Я его тоже недолюбиваю.

ГЛАВА 13

На следующий день, в полдень, Мак предложил встретиться по поводу стрельбы у «Парадизо». Он, Петра и Люк Монтойя ели сэндвичи в маленькой комнате совещаний и сравнивали записи. Сорокалетний Монтойя был лыс, мускулист, лицо, как у кинозвезды, а таких длинных ресниц у взрослого человека Петра больше никогда не видала. На нем красовались спортивный кремовый пиджак, бежевые полотняные брюки, белая рубашка и бледно-голубой галстук. Очень аккуратный, однако выглядел он подавленно и почти не говорил.

Мак облачился в обычный серый костюм из синтетики, его лицо было непроницаемо.

Мак и Люк опросили целую армию свидетелей. Результат нулевой. Не было даже слухов о какой-нибудь местной группировке.

Петра рассказала о лживой Сандре Леон.

Люк задумчиво пожевал нижнюю губу, а Мак сказал:

— Выходит, мы не знаем, где девчонка живет. Петра покачала головой.

— А ее врач? Может, он знает?

— Я оставила ему сообщение на автоответчике.

— Попробуй добраться до него, не дожидаясь конца его отпуска.

А я займусь Комптоном. В прошлом году после концерта с рэп-музыкантами на автостоянке была стрельба. Уложили троих. Дело осталось нераскрытым, но кое-что следствие нарыло. Надо бы сравнить с нашими идеями. Посмотреть, что за компания там собралась, и все такое.

Петра снова позвонила в офис доктора Роберта Кацмана, пообщалась с автоответчиком, затем набрала номер онкологического отделения и поговорила с секретарем. Та переадресовала ее к администратору отделения, женщине по имени Ким Пагионидес.

— Сандра Леон, — сказала Пагионидес таким тоном, что было ясно: девушку эту она знает и не одобряет.

— Вы ее недавно видели? — спросила Петра.

— О нет. — Нервический смешок. — Нет, не видела. Когда доктор Кацман вернется, попрошу, чтобы он с ней связался.

— Мне нужно немедленно с ним поговорить.

— К сожалению, он сейчас очень занят.

— Я — тоже. Где он сейчас находится?

— Он в пути. Объезжает разные города. Распространяет материалы четырех научных конференций. Важные документы. Мы говорим о спасенных жизнях.

— А я говорю о разрушенных. Так что, может быть, добрый доктор уделит мне внимание?

Молчание.

— Сейчас я взгляну в его расписание, — сказала, наконец, Ким Пагионидес.

Спустя несколько мгновений.

— Он в Балтиморе, в университете Джона Хопкинса. Сообщаю вам номер его сотового телефона.

— Спасибо.

— До свидания.

Петра набрала номер мобильного и услышала тот же текст «доктора Боба». Медоточивый и обнадеживающий голос. Врачам, лечившим ее отца, скончавшегося от болезни Альцгеймера, не мешало бы получить у доктора Кацмана.

Петра старалась скрыть душившую ее ярость и соблудности приличия, но чувствовала, что готова зарычать на доктора Боба. Ну и пусть!

Час сорок три минуты, Айзек еще не пришел. Ну и хорошо, подумала Петра. Не буду отвлекаться. Она позвонила в пенсионный отдел лос-анджелесской полиции и выяснила адреса проживания бывших следователей — Конрада Баллу и Энрике Мартинеса.

Мартинес жил в Пенсаколе, штат Флорида, а Баллу — сравнительно недалеко, в Палмдейле. В одном часе езды, если выдерживать скоростной режим.

Поскольку дело «Парадизо» сейчас притормозилось, самое время прокатиться к Баллу, глядишь, и нервозность пройдет.

Она решила ехать на своем автомобиле. Заодно и музыку послушает.

Петра уже подходила к своему «аккорду», когда кто-то ее окликнул. Мелькнула глупая надежда, что это Эрик. В прошлый раз они повстречались на стоянке. Вдруг он вернулся?

Оглянувшись, увидела бегущего к ней Айзека. На нем была белая рубашка, хаки и кроссовки. Кейс хлопал его по бедру.

— Привет, — сказала она. — Что случилось?

— Я задержался в колледже. Торопился, надеялся застать вас.

— Какая-нибудь еще новость по делу?

— Нет. Просто думал, что мне лучше поехать с вами. Петра не ответила, и Айзек смутился.

— Если, конечно, вы не против...

— Ладно, — сказала она. — По правде говоря, я собиралась поговорить с одним человеком по поводу преступлений из вашего списка.

Он широко раскрыл глаза.

— Значит, вы считаете, что здесь что-то есть...

— Думаю, вы наткнулись на нечто интересное. И, поскольку пока мне делать нечего, почему бы нам это не проверить?

Направляясь к пятому выезду, она сказала:

— Нам нужно четко уяснить главное. Это не официальное расследование. Важно соблюдать осторожность.

— То есть...

— Никому ничего не разбалтывать. Временно.

Ее голос звучал сухо. Айзек придвинулся поближе к дверце.

— Да. Конечно.

— Особенно капитану Шулкопфу, — продолжила Петра. — Он меня не любит. Никогда не любил. Отыгрывался на мне, когда я вела одно шумное дело. Мог навсегда испортить мою карьеру. А теперь у меня сложилось впечатление, что и к июньским убийствам у него особое отношение. Каждый раз следователь, отвечавший за дело, по тем или иным причинам уходил. Кто-то — на пенсию, кто-то на другой участок, а кто-то в мир иной. Вряд ли в этом есть что-то необычное. Со времен беспорядков и скандала в Рэмпартсе, в участке произошли

огромные перемены. Удивляет меня то, что ни одно дело из вашего списка не было передано другому следователю. Впрочем, Шулкопф не любит возиться с «глухарями». Так что, если мы и накопаем что-нибудь новенькое об этих убийствах, он вряд ли обрадуется.

Повисла долгая пауза. Потом Айзек сказал:

— Это я виноват. Разворошил старое.

— Пустяки, — ответила Петра. — Главное — жертвы заслуживают большего внимания.

Прошло несколько минут.

— Почему вы ему не нравитесь?

— Потому что у него плохой вкус.

— Думаю, меня он тоже едва терпит, — улыбнулся Айзек.

— А вы что, часто с ним контактируете?

— Да нет, я поговорил с ним только при поступлении, да время от времени встречаю его в коридоре. Он притворяется, что меня не видит.

— Не принимайте это на свой счет, — сказала Петра. — Он — мизантроп. К тому же плохо воспитан.

— Это верно, — согласился Айзек.

Она свернула на двести десятое шоссе, затем выехала на сто четырнадцатое и взяла курс на северо-восток, в Долину Антилоп. Миновали Бербанк, Глендейл и Пасадену. Горные отроги и зеленый пояс — национальный лесной заповедник, место последних мгновений жизни Бедроса Кашиджана, излюбленный уголок всех психопатов.

Сегодня здесь красиво. Голубое небо, редкие перистые облака.

Хорошо бы приехать сюда с мольбертом, найти удобное место и поработать.

Как давно не держала она кисти.

По пути рассказала Айзеку о размерах предполагаемых орудий убийства и об остальных деталях шести преступлений.

— Данные измерений близки, — удивился он. — Этого я не заметил.

«А ни один из следователей не заметил дату 28 июня».

— Это надо было искать специально.

— Мне следует быть более внимательным в будущем, — сказал Айзек.

«В будущем?»

— Важен звонок из телефона-автомата, — продолжил он. — Получается, что миссис Добблер знала этого человека. А что, если мистер Солис тоже его знал? Человек, известный всем жертвам.

— Я думала об этом, — сказала она. — Но это поспешный вывод.

— Хотя и вероятный.

— Если наш убийца был знаком со всеми шестью жертвами, то круг общения у него необычайно широк. Тут у нас и беглецы, и мужчины-проститутки, и исполнительные секретари, и пенсионеры, и в придачу матрос Хохенбреннер. Кстати, в его дело я еще не вникала.

Айзек смотрел на пустыню. Если он и слышал ее монолог, то виду не подал. Наконец, сказал:

— У мистера Солиса на тарелке была еда, которую готовят на завтрак, но убийство произошло в полночь.

— Люди едят когда вздумается, Айзек.

— Мистер Солис тоже?

— Не знаю, — ответила она. — А вы что же, думаете, что наш плохой парень пробил Солису голову, после чего приготовил яичницу с ветчиной и подал ее труп?

Айзек смущенно поежился. «Вот тебе, получай», — подумала она, испытывая злобное удовлетворение.

— У меня слишком мала база данных, чтобы делать выводы...

— Убийца-кулинар, — оборвала его Петра. — Как будто нам недостаточно других заморочек.

Он замолчал. В автомобиле стало жарко. В пустыне на десять градусов жарче, чем в городе. Июнь начался с жары.

Июнь. Сегодня четвертое. Если в этом сумасшествии есть какой-нибудь смысл, то через двадцать четыре дня появится еще одна жертва.

— Ну, а что исторические архивы? Происходило 28 июня что-нибудь необычное?

— Ничего особенного.

Он говорил тихо, уставившись в окно. Напуган?

«Какая ты плохая Петра, какая злая. Он же еще мальчишка».

— Расскажите мне, что вы нашли, — сказала она. — Может, там что-то важное.

Айзек наконец отвел взгляд от пейзажа.

— Я изучил различные источники и составил несколько списков. Длинные списки. Правда, ничего пока не вырисовывается. Сейчас покажу.

Он открыл кейс, вынул свои бумажки.

— Я выписал дни рождения, самая ранняя дата — 28 июня 1367 года. Родился Сигизмунд, король Венгрии и Богемии.

— Он был плохим парнем?

— Обычный король-автократ.

Палец Айзека двинулся вниз по длиннющему, набранному мелким шрифтом списку.

— Есть здесь папа Павел IV, художник Питер Пауль Рубенс, еще одна творческая личность — Жан-Жак Руссо, несколько актеров — Мел Брукс, Кэти Бейтс... как я и сказал, список внушительный. В нем и Джон Диллинджер.

— А кроме Диллинджера, есть там другие плохие парни?

— В списке с датами рожденья — нет. А в списке с датами смерти есть еще несколько. Но никто из них не замешан в дела такого рода.

— Такого рода? — переспросила Петра.

— Серийные убийства.

Она стиснула зубы. Насмотрелся сериалов. Такие дела практически не раскрыть. Постаралась придать своему голосу мягкость.

— А кто из плохих парней в этот день умер?

— Питер Ван Дорт, голландский контрабандист. Его повесили 28 июня 1748 года. Томас Хикки, колониальный солдат, осужденный за измену, повешен в 1776 году. После значительного хронологического перерыва по списку идет Джозеф Коломбо, нью-йоркский мафиози, расстрелян в 1971 году. Десятью годами позже подорвали аятоллу Мохаммада Бехешти, основателя иранской исламской партии. Впрочем, «плохим парнем» его назовут лишь те, у кого другие политические воззрения.

— А есть ли в ваших списках маньяки-извращенцы? Вроде Теда Банди, душителя из Хиллсайда?

— К сожалению, ничего такого я не обнаружил, — сказал он. — С исторической точки зрения 28 июня произошло немало бед, однако не больше, чем в любой другой день. По крайней мере, ничего необычного с точки зрения статистика я найти не смог. История

основана как на трагедиях и политических переворотах, так и на достижениях выдающихся людей.

Он свернул бумаги в тугую трубку и забарабанил ею по своему бедру.

— Не могу поверить в то, что пропустил сходство числовых данных по орудиям убийства.

— Прекратите стучать, — приказала Петра.

Включила приемник, настроилась на станцию, передающую более тяжелый рок, чем слушала обычно. Заглушала мешанину мыслей громом барабанов, звучанием гитар, истерическим визгом — до тех пор пока внезапно перед ее носом не начали вырастать горы.

«4 июня».

Она увеличила скорость.

Национальный лесной заказник остался далеко позади. Они объезжали каньон за каньоном со скоростью восемьдесят пять миль в час. С восточной стороны мелькали серо-коричневые ложбины пустыни. К дороге прижался аэропорт для маленьких самолетов, за ним тянулись белые коробки складов и фабрик. В отдалении выстроились аккуратные дома с красными черепичными крышами. Петра заметила между строениями крошечные зеленые лужайки, кое-где имелись изумрудные бассейны. Несмотря на строительный бум, свободного пространства еще много.

Дорожный щит объявил о въезде в Палмдейл. Петра вслух произнесла название города.

— Раньше он назывался Палменталь. Основан немцами и швейцарцами. Название сменили на английское в начале двадцатого века, — пояснил Айзек.

— И что? — сказала Петра.

— Ничего, вдруг эти сведения вам пригодятся.

— Что ж, — сказала она. — Образование хорошо для души. Где вы все это узнаете?

— В моей средней школе давали факультативно углубленный курс географии. Я изучал несколько пригородов Лос-Анджелеса и был удивлен: раньше я считал, что все здесь имеет испанские корни, а оказалось, что во многих случаях

это не так. Игл-Рок называли западной Швейцарией. Когда воздух здесь был хорошим.

— Древняя история, — заметила Петра.

— Моя голова битком набита ненужной информацией. Иногда что-нибудь лишнее само выскакивает изо рта, — сказал Айзек.

— И иногда вы сообщаете интересные факты.

Петра заглянула в путеводитель Томаса и поехала в восточном направлении по адресу Конрада Баллу.

Зная об алкогольном прошлом Баллу, она предположила, что он живет в каком-нибудь мрачном жилище для пенсионеров, а то и хуже. Первые несколько построек, мимо которых проехали, и в самом деле производили грустное впечатление, но затем картина изменилась: она увидела большие дома, высокие ворота.

Баллу жил в особняке среднего размера, построенном в испанских традициях, в месте под названием Голден Ридж Хайте. Красивый район: здесь росли пальмы и клены, лужайки окружал кустарник. Много жилищ на колесах, пикапы и микроавтобусы. Улицы широкие, чистые и спокойные, за домами дворики с видом на пустыню, на горизонте, словно декорация, — остроконечные горные вершины. На вкус Петры, слишком спокойно, однако она представила теплые, тихие, звездные ночи и подумала, что здесь, должно быть, неплохо.

Петра подъехала к поребрику, распугав стаю ворон. На подъездной дорожке стоял десятилетний «форд». У соседней висели над гаражом баскетбольные корзины, а лужайки были скорее бетонными, нежели травяными. Дом Баллу выгодно от них отличался: ползучий карликовый можжевельник, безупречный газон, роскошные саговые пальмы. Дорожку, посыпанную галькой, обрамляли обрезанные наискось короткие трубки бамбука. Еще один бамбуковый стебель, вставленный в каменный резервуар, служил фонтаном. Слышалось несмолкающее мелодичное пение воды.

Любитель Японии?

Не похоже на жилище алкоголика. Может, устарела база данных пенсионной конторы, а вместе с ней и база данных полиции Лос-Анджелеса? Ей следовало бы прежде позвонить, а не тратить понапрасну время и газ. Не хватало ей осрамиться в глазах мистера Геня.

Японские иероглифы на тиковой панели входной двери, медное дверное кольцо в форме рыбы. Карп — кои — такую рыбу держал в своем маленьком пруду Алекс Делавэр.

Петра стукнула кольцом. Мужчина, отворивший дверь, был невысок, кривоног, худ, если бы не живот, нависший над пряжкой ремня.

Пряжка в форме кои.

На вид от шестидесяти пяти до семидесяти. Обритая загорелая голова, висячие белые усы. Хлопчатобумажная рабочая рубашка, джинсы, красные подтяжки, ботинки на шнурках. Из заднего кармана торчит белый носовой платок. Человек оглядел Петру и Айзека и потер руки, будто бы он только что их вымыл.

Ясные бледно-голубые глаза, никакой пьяной мути. Умные глаза.

— Я продаю только по выходным, — сказал он.

— Детектив Баллу?

Человек замер. Глаза превратились в два кусочка гранита.

— Давно меня так никто не называл. Петра показала ему свое удостоверение. Он покачал головой.

— Я с этим давно завязал. Выращиваю и продаю рыбу. И думать не думаю о прошлом.

Он повернулся, чтобы уйти в дом.

— Марта Добблер, — сказала Петра. — Когда-нибудь о ней вспоминаете?

Конрад Баллу стиснул челюсти.

— Нет. Плевать я хотел на все это.

— Да ведь было это не так уж давно, сэр. Шесть лет назад. Я сейчас рассматриваю незаконченные дела, включая и дело Добблер. Если бы я могла воспользоваться вашими соображениями...

— Нечем воспользоваться. Баллу потер лысую голову.

— Начальство и психиатры, они дали мне пинка. — Он едва не плюнул. — Напрасно утруждались, сам мог уволиться. Я не был сумасшедшим. Обыкновенный пьяница. Благодарю бога, что никого из них не убил.

Покачал головой.

— Им следовало выгнать меня раньше. Проклятый участок.

— Вы скучаете по полицейской работе, — сказала Петра. Баллу вскинул на нее глаза. Улыбнулся. Рассмеялся.

— Вы любите рыбу?

— Есть?

— Смотреть. Пойдем. И практиканта с собой прихватите.

Обстановка дома была бы стандартной, если бы не коллекция азиатских предметов: циновки, столики из розового дерева, фарфоровые вазы и декоративные цветочные горшки, бумажные экраны на стенах — и на каждой вещичке изображение кои.

Слишком много предметов для такого помещения и, как показалось Петре, ничего ценного. Такое броское, залитое лаком барахло можно купить в любом рассчитанном на туристов магазине Чайна-тауна или Малого Токио.

Баллу провел их мимо этого китча через двойные двери на задний двор. То есть туда, где когда-то был задний двор. Ныне каждый дюйм этой территории превращен в пруды. Закрепленная на столбах сеть служила крышей для водного пространства, отбрасывала тень, холодила пустынный воздух. За прудами высился бамбуковый забор, за ним стоял соседский автофургон.

Раздавалось громкое хлюпанье. В отличие от водоема Алекса, эти пруды красотой не отличались. Простые прямоугольные цементные резервуары. Их было двенадцать, а между ними — дорожки. Не были они и прозрачными, как у Алекса. Зеленая, мутная вода. Движение на поверхности воды создавали аэрационные трубки.

Но когда Конрад Баллу приблизился к первому пруду, поверхность воды взбурлила, и десятки — нет, сотни — маленьких золотых и розовых рыбьих мордочек высунулись наружу, разевая рты.

Баллу показал на ближайшую стену, возле которой, рядом с сетями, были сложены ярко-голубые пластиковые ведра и стоял уличный автомат. Вместо конфет его стеклянное брюхо было набито шариками цвета ржавчины, размером в половину горошины.

Баллу показал им на машину.

— Бросьте четвертак.

Петра бросила двадцатипятицентовую монету. Он взял ее ладонь и подсунул под сопло автомата. Повернул ручку, машина выбросила шарики, и Петра ощутила аромат свежих морепродуктов.

— Покормите их, — предложил Баллу. — Это забавно.

— В каком пруду?

— В этом. Здесь детки, им необходима подкормка.

Указал на первый пруд, где молодь до сих пор высывалась из воды. Петра подошла и бросила шарики. Начался плавниковый хаос.

Айзек уже дошел до третьего пруда. Согнулся и разглядывал рыбу, высунувшуюся его поприветствовать. Рыба здесь была крупнее — красная и черная, золотая и голубая.

— Мистер Баллу, вы используете отечественный корм или заказываете его из Ниигаты?

Баллу перевел на него взгляд:

— Ты знаешь кои.

— Я всегда ими восхищался, — сказал Айзек. — У работодателей моей матери есть пруд.

— Восхищаешься? — сказал Баллу. — Тогда займись этим сам.

Айзек рассмеялся.

— Что тут смешного, сынок?

— У меня на это и денег нет. И места тоже. Я живу в квартире.

— Гм, — сказал Баллу, — тогда устройся на хорошую работу, скопи деньжонок и купи дом. Возьми кредит и устрой себе японский сад и пруд с такой рыбой. Ничто лучше этого не приводит в норму кровяное давление.

Айзек кивнул.

— Сделай все это, сынок, возвращайся сюда, купи у меня рыбы, а я дам тебе бесплатно *карасу* — это та, черная. Символ удачи.

— Вот бы и мне немного удачи, — сказала Петра. — По делу Марты Добблер.

— Ну дайте же потолковать о приятных вещах... может, чаю? — предложил Баллу.

В кухне он налил в керамические чашки обжигающую зеленую жидкость.

— Не думайте, что я фанатик. Азиатская культура успокаивает душу. Я выписался из реабилитационного отделения, и меня нанял предприниматель, разводивший кои. Приятный старый человек. Я у него два года махал шваброй и помалкивал, на третий год начал задавать вопросы, кое-чему научился. Перед смертью он включил меня в завещание. Оставил мне рыбу. Это побудило меня купить дом и

заняться бизнесом. Такое занятие очень успокаивает. О прежней работе не хочу и вспоминать.

Петра пила горячий ароматный чай.

— Марта Добблер — хороший пример, — сказал Баллу. — Отвратительная картина. К чему ни привыкнешь, работая в убойном отделе.

Сунул большой палец под подтяжку и рассеянно посмотрел в окно. Снова перевел взгляд на Айзека.

— Похоже, ты хороший паренек. Что тебе делать в таком месте?

— Айзек собирается стать врачом, — вмешалась Петра. — Между прочим, у него уже есть докторская степень в биостатистике.

— Между прочим? — сказал Баллу, снова оглядывая Айзека. — Мы говорим с Эйнштейном?

— Ну что вы, — пробормотал Айзек.

На темной коже проступил румянец, теперь она своим цветом напоминала умеренно прожаренную говядину.

— Может, лучше поговорим о Марте Добблер? — бросилась ему на помощь Петра.

ГЛАВА 14

— Помню, что меня заинтересовал муж, — сказал Конрад Баллу. Он замолчал и снова принялся за чай.

— Заинтересовал как главный подозреваемый? — спросила Петра.

Старик кивнул.

— Никаких улик против него не было. Все говорили, что он и жертва были в хороших отношениях.

Он поставил чашку.

— Никакой реакции на смерть жены. Каменное лицо. Ни слезинки. Перед тем как идти к людям с известием о смерти близкого им человека, я набиваю карманы носовыми платками. В этот раз ни одного не потребовалось. Добблер стоял, глаза его ничего не выражали. Иногда такое случается. В первый момент. Потом наступает реакция. Я подождал. Он все так же стоял. Я подумал, что у него шок. И вдруг он говорит: «Думаю, вам лучше войти».

— Этот человек — инженер, — сказала Петра.

— Ну и что?

— Возможно, это не объяснение, но иногда люди такого склада... Она вспомнила собственное детство. Доктор Кеннет Коннор, профессор антропологии аризонского университета, брал маленькую дочку на академические посиделки. Там Петра видела преподавателей. Коэффициент умственного развития у большинства из них был немного выше среднего. Несколько человек показались ей страшно скучными, а несколько — действительно выдающимися.

— Какого склада? — спросил Баллу.

— Инженеры, физики, математики, люди с выдающимися мозгами. Бывает, что в эмоциональном плане они реагируют не так, как все остальные.

Баллу взглянул на Айзека, словно желая получить немедленное подтверждение из первоисточника. Айзек выдавил из себя улыбку.

— Хорошо, — сказал Баллу, — Добблер специализировался в ракетостроении. Работал над электроникой, разрабатывал компьютерную программу.

— А кроме странного поведения, что еще вызвало ваши подозрения?

— Ее выманили из театра. Должно быть, убийце был известен распорядок ее дня, потому что откуда бы ему знать, где она находится в данный момент? И кто еще мог бы заставить ее покинуть театр, не сказав подругам, куда она направляется?

— Это мог сделать муж, — сказала Петра. — В случае крайней необходимости. Если, например, что-нибудь случилось бы с дочерью.

— В таком случае она наверняка бы покинула театр, — согласился Баллу. — Ребенок обеспечил Добблеру алиби. Он весь вечер был дома с дочерью. Марта с подружками устроила себе выходной. Я разговаривал с тремя женщинами, с которыми она была в театре. Никто из них не рассказал ничего пикантного о личной жизни Марты. Правда, когда я на них надавил, то почувствовал, что Курта они недолюбливают. Одна даже заявила, что убил он. Это в отчете не зафиксировано.

— Да, сильное заявление, — сказала Петра.

— Просто он ей не нравился. Впрочем, и всем остальным — тоже.

— Как он познакомился с Мартой?

— Это произошло в Германии. Она тоже из разряда умников — изучала астрономию. Его прислали по программе международного обмена студентами. Когда поженились, она забросила свою науку и заделалась полноценной мамашей.

— Какая скучища!

— На мой взгляд, тоже, — согласился Баллу. — Возможно, она пыталась избавиться от скуки известным способом. Но если и завела роман на стороне, то свидетельства тому я не обнаружил.

— А с дочерью говорили? — спросила Петра.

— Бедная малютка. Не хотелось оказывать на нее давление. — Баллу дернул себя за ус. — Она действительно реагировала — без конца ревела. Думаете, Добблер пытался ее успокоить? Все, что он сделал, это предложил ей сок.

— Сок?

— стакан апельсинового сока. — «На, выпей, тебе станет легче». — Слово витамин С сможет облегчить ее горе. — Баллу хрипло рассмеялся. — Я готов был его побить... а как случилось, что вы снова вернулись к этому делу?

— Оно может быть связано с другими преступлениями.

— Вы подозреваете, что Добблер убил кого-то еще?

— В других случаях были такие же переломы черепа. Долгое молчание. Из кухни было слышно, как булькает в прудах рыба. Затем громкий всплеск.

— Сезон нереста, — сказал Баллу. — Прыгают. Иногда выпрыгивают из пруда, и, если не явлюсь вовремя, нахожу мертвую рыбу.

Встал, выглянул из окна. Снова уселся.

— Пока все нормально. Вы хотите рассказать мне о других убийствах?

— Пять вдавленных переломов черепа, — сказала Петра. — С интервалом в год. Каждый раз 28 июня.

Баллу крикнул.

— Вы шутите?

— Хотелось бы, чтобы это и в самом деле была шутка.

— Когда они произошли? До Марты?

— После. Насколько мы знаем, Марта была первой. Если эти убийства серийные.

— Если? — воскликнул Баллу. — Все в один и тот же день? Это звучит в высшей степени убедительно.

— Но жертвы совершенно разные — и пол, и возраст, и раса. Петра сообщила ему несколько подробностей.

— Понимаю. И все же... как вы это обнаружили? Выходит, участок обратился, наконец, к нераскрытым делам?

— Их нашел мистер Гомес.

Баллу снова внимательно посмотрел на Айзека.

— Правда?

— Это произошло случайно, — сказал Айзек.

— Чепуха! Не верю ни в какие случайности. То, что я врезался в здание, случайностью не было. И то, что обнаружил ты, вовсе не случайность, а хорошая голова.

Он вдруг перегнулся через стол, хлопнул Айзека по плечу.

— Ты действительно заслуживаешь получить пруд, большой пруд. Ты сможешь его себе позволить, ты его соорудишь, и я тебе дам самых лучших рыб.

— Надеюсь.

— Не надо надеяться. С хорошей головой и упорной работой всего можно добиться. Только так я и смог вырваться из этой вонючей дыры.

Он повернулся к Петре.

— Хочу сказать вам еще кое-что о Марте. Мы обнаружили в машине кровь, которая принадлежала не ей.

Такой записи Петра в деле не видела. И, словно бы читая ее мысли, Баллу сказал:

— Об этом узнали позже, после вскрытия. Крови было немного — одно пятнышко. Эксперт, снимавший с обивки вещдоки, по ошибке сунул взятый соскоб в другое место. Ну, а когда образец поступил ко мне, я, вероятно, был не в состоянии составить хороший отчет.

Он вынул платок, высморкался и сказал:

— Все, что я помню, это то, что кровь была не ее. У нее кровь второй группы, резус положительный, а эта была первой, резус отрицательный. У Курта кровь первой группы, резус положительный, так что, выходит, тоже не его. Правда, у нее мог быть бойфренд.

Баллу пожал плечами. Петра ничего не сказала.

— Да, да, — продолжил Баллу. — Это было не лучшее мое время, впрочем, плевать. Настоящая жизнь не в судебных отчетах.

— Где находится образец крови?

— Если где и находится, то у коронера.

— Хорошо, — сказала она. — Спасибо.

— А в других делах не нашли чужих образцов крови? — спросил Баллу.

— Отчеты об этом не сообщают.

Она была раздражена и боялась, что он заметит. Баллу медленно и тяжело поднялся на ноги.

— Это и все, что я могу вам сообщить. Так что всего хорошего. Марта, насколько я слышал, была приятной женщиной. Из Германии приехали родные — мать, отец, сестра. Забрали тело. Вид у них был потрясенный. Кажется, я записал в отчет их адреса и телефоны.

— Да, записали, — подтвердила Петра.

— Хорошо, — сказал Баллу. — Иногда я не уверен в том, что когда-то сделал.

Когда они отъехали от дома Баллу, Айзек сказал:

— Это был человек, которого Марта знала. А алиби мужа, сидевшего дома с дочерью, не слишком крепкое.

— Не слишком, — согласилась Петра. — Пока девочка спала, он мог позвонить Марте и хитростью выманить ее из театра. Сделав свое дело, он вернулся, как ни в чем не бывало. Отсутствие ее крови в машине говорит о том, что убийство произошло в другом месте, а автомобиль потом старательно вычистили.

— Автомобиль Добблера.

— Не исключено, что это был чистоплотный маньяк. Но прежде чем делать заключение, нужно увериться в том, что криминалисты ничего не пропустили.

— А это часто бывает? — спросил Айзек.

— Чаще, чем хотелось бы. Меня, однако, удивляет одна вещь: Марта — единственная жертва, которую не оставили на улице. Снова получается, что убийца ее знал.

Петра миновала окраину Палмдейла и вернулась на сто четырнадцатую автостраду.

— Сначала муж убивает жену, а потом продолжает убивать незнакомцев. Странно, вы не находите?

— Ничего похожего не встречала. Чаще слышишь о человеке, имеющем жену или любовницу. Он заботится о детях, готовит барбекю и в то же время ведет тайную жизнь, в которой насилует и убивает своих жертв.

— Человеческая маска, — сказал Айзек.

— Мы все их носим.

Петра свернула с двести десятой автострады на бульвар Бранд и поехала в северном направлении по тихому и уютному кварталу. Она привезла копии записей Баллу, пролистала их, пока не нашла рабочий адрес Курта Добблера и домашние телефонные номера.

Дом находился на Росита-авеню, в Тарзане. Это через долину к западу. В такое время дня она доберется туда не менее чем через час. Проверила данные по бюллетеню министерства автомобильного транспорта. Добблер по-прежнему там числился. На его имя зарегистрированы два автомобиля. Двухлетний «инфинити» купе и трехлетняя «тойота» автофургон.

Дочери Кате, наверное, пятнадцать — она слишком молода для вожделения, но Курт приобрел себе два автомобиля. Тайная жизнь?

— Что собираетесь делать? — спросила она у Айзека.

— Когда?

— Сейчас.

— Собирался привести в порядок собранные материалы, хотя это не к спеху.

— Я могу по пути вас подбросить.

— А вы куда?

— В дом Курта Добблера.

— Сейчас? — спросил Айзек.

— Нечего тянуть, — ответила Петра.

— Не возражаете, если и я с вами?

— Буду рада.

— Тогда поехали, — взволнованно произнес он. — Можете одолжить мне свой телефон? Я хочу позвонить маме. Скажу, что не приеду обедать.

ГЛАВА 15

Самая оживленная автострада штата. Час пик. По пути из Бербанка до Энсино они то и дело останавливались, средняя скорость составляла десять миль в час. Выбравшись из автомобильного потока у Бальбоа, Петра вывернула на бульвар Вентура и ехала по нему всю оставшуюся дорогу, застревая в пробках, слыша раздраженные крики водителей, отвлекаясь на разговоры по мобильному телефону. Путешествие было по-настоящему опасным.

Когда добрались до Тарзаны, она была слишком взвинчена, чтобы разговаривать, поэтому Айзек вытащил из кейса книжку, углубился в нее и что-то подчеркивал желтым маркером. Петра взглянула и увидела, что страницы испещрены формулами. Больше она смотреть не захотела. В школе математика была для нее самым трудным предметом. За исключением геометрии, поскольку благодаря способностям к рисованию она с удовольствием чертила сложные фигуры.

Кто-то позади нее надавил на клаксон. «Ну, и что, по-твоему, я должна делать, придурок? Въехать в хвост идущей впереди колонне?»

Она вдруг почувствовала боль в руках, вцепившихся в руль, и заставила себя расслабиться.

Айзек улыбнулся. Чем рассмешили его эти формулы?

— Это самая увлекательная часть полицейской работы, — сказала она.

Его улыбка стала шире.

— Мне это нравится.

— В самом деле?

— Во всяком случае, есть время подумать.

— Это единственное, что может утешить.

Он оторвал взгляд от книги и посмотрел на нее.

— Сказать по правде, в вашей работе мне нравится все.

Дом Курта Добблера на Росита-авеню — бледно-серый, двухэтажный — стоял на самом низком участке дороги, другие постройки располагались выше. Передний двор почти полностью

замощен и заасфальтирован. Дверь и ставни выкрашены в темно-серый цвет. «Инфинити» цвета шампанского стоял на виду, сверкая чистотой. Напротив него — серая, пыльная «тойота» со спущенным колесом.

Дверь открыл красивый мужчина. Высокий, широкоплечий, возраст — около сорока. Густая грива темных вьющихся волос, на висках седина. Выпуклый подбородок, крупный нос, большой рот. Возле глаз лучики морщин, которые его ничуть не портили. Петра не могла представить себе женщин, которых бы красили морщины.

На нем была просторная рубашка, рукава закатаны до локтей; выцветшие джинсы, белые кроссовки. Он держал тарелку и посудное полотенце. С тарелки капало. Отец-одиночка, занимающийся хозяйством?

Из дверей вырвался аромат вареного мяса. Обед закончился, а это значило, что дорога заняла у них уйму времени. «С удовольствием съела бы стейк».

— Мистер Добблер?

— Да.

Дружелюбные карие глаза, сутулость. На седловине носа вмятинки, следовательно, он носит очки.

На вид ничего неприятного. Ладно, посмотрю, как он отреагирует, когда покажу ему свое удостоверение.

Он улыбнулся.

— Я думал, что вы — свидетель Иеговы. Взглянул на Айзека.

— Не случилось ли чего в нашей округе? — поинтересовался Добблер.

— Я — детектив из голливудского участка, сэр. Расследую убийство вашей жены.

— Моей жены? — Улыбка увяла. — Прошу прощения. По-видимому, вам нужен мой брат Курт. Меня зовут Тед Добблер.

— Вы тоже здесь живете?

— Нет. Я живу в Сан-Франциско. Сюда приехал по делу. Курт настоял: не хочет, чтобы я жил в гостинице. А вы снова открываете дело Марты?

— Дело Марты не было закрыто, сэр.

— Вот как? Ну да ладно, пойду приведу Курта. Он наверху, с Катей. Помогает ей готовить домашнее задание. Проходите в дом.

Петра и Айзек последовали за ним через маленькую пустую прихожую. Вошли в скромную гостиную. Узкий коридор вел в кухню.

— Секундочку, — сказал Тед Добблер, метнулся в кухню и вернулся уже без тарелки и полотенца.

Дубовая лестница с левой стороны комнаты вела на второй этаж. Оттуда слышались голоса — высокий девичий и ворчливый баритональный.

Тед Добблер остановился у ступеней.

— Я не хочу вмешиваться, детектив, но у моего брата в последнее время все хорошо. Может, появились новые данные? Могу я сказать ему об этом?

— Ничего существенного, — заверила его Петра. — Мы просто наводим порядок в старых делах.

Тед вскинул плечи.

— Понял. Располагайтесь поудобнее. Скажу Курту, что вы здесь.

Петра и Айзек уселись в противоположных концах длинного дивана. Очень мягкий диван с нарядной обивкой. На белом хлопке набивной рисунок — огромные красные розы и зеленые лианы, изогнутые, словно змеи. Круглые подлокотники, отделанные кантом швы, снизу — красная с золотом оборка. Напротив дивана стояли два кресла, на металлическую раму которых натянута очень черная кожа.

Журнального столика в комнате не было, стоял лишь пуфик, на нем лежал пульт от телевизора.

Убранство комнаты было в том же роде: женственность его весьма причудливо сочеталась с формами, свидетельствующими о присутствии в доме мужчины. Возле одной стены стояли огромный телевизор с экраном в семьдесят дюймов и почти пустые книжные шкафы. Рядом — антикварный столик для рукоделия, накрытый кружевной салфеточкой. На белых стенах висели репродукции фламандских натюрмортов и две большие фотографии в медных рамках — на одной был запечатлен пуск космического шаттла, а на другой — бомбардировщик, рвущийся в небо. Ковер на полу был серого цвета, такого же, как и сам дом. Похоже, что его давно не чистили. В доме сильно пахло вареным мясом.

Мужчина, спустившийся по лестнице, оказался еще выше Теда Добблера, по прикидкам Петры, шесть футов четыре дюйма. Более

худой, чем брат. Волосы такие же густые, вьющиеся, только совершенно седые. Кожа более смуглая. Толстые линзы очков в серебристой оправе. Руки длинные с большими кистями. Чертами лица похож на Теда, тем не менее не кажется привлекательным.

На нем была белая рубашка с воротником поло, коричневые штаны, черные туфли.

Остановившись там же, где недавно стоял его брат, он молча смотрел на них и одновременно куда-то в пространство.

— Мистер Добблер? — сказала Петра.

— Вам это уже известно.

Другой бы на его месте улыбнулся, но Курт Добблер оставался серьезным.

— Извините за беспокойство, сэр. Добблер ничего не сказал.

— У вас не найдется времени на разговор?

— О Марте?

— Да, сэр.

Добблер крепко сцепил ладони, поднял глаза к потолку, словно отыскивал там божественное откровение. Петра знала, что такая поза означает неискренность.

— О чем именно?

— Знаю, вам это будет неприятно, сэр. Прошу прощения...

— Ладно, — прервал ее Курт Добблер. — Почему бы и не поговорить?

Он сел в одно из черных кресел, напряженный и сутулый. Длинные ноги, костлявые колени. Лоснящиеся штаны. Где она в последний раз видела что-то подобное?

— Возможно, вопрос вам покажется глупым, но не хотите ли сообщить что-нибудь касательно Марты... то, чего шесть лет назад не сказали следователю?

— Конраду Баллу, — уточнил Добблер.

Он произнес номер телефона. Это был телефон их участка.

— Я часто звонил Баллу. Иногда он и сам мне звонил. Даже сидя, он был значительно выше уровня глаз Петры.

В его присутствии она чувствовала себя маленькой.

— Так есть ли и у вас что...

— Он пьяница, — сказал Добблер. — От него часто несло алкоголем. В первый же вечер я учуял это, когда он сюда явился. Мне следовало пожаловаться. Он до сих пор работает следователем?

— Нет, сэр. Он вышел на пенсию. Добблер никак не отреагировал.

— А к детективу Мартинесу вы чувствовали большее расположение? — спросила Петра.

— К кому?

— К следователю, которому передали это дело после ухода Баллу.

— Единственный детектив, с которым я имел дело, был Баллу. Да и то не часто.

Губы Добблера раздвинулись в неприятной улыбке. Да ее и улыбкой-то назвать было нельзя.

— Такие там у вас, выходит, порядки.

— Понимаю, это трудно, мистер Добблер...

— Не трудно. Бесполезно.

— В тот день, когда пропала ваша жена, вы были здесь, — сказала Петра.

Добблер не ответил.

— Сэр?

— Это было утвердительное предложение, а не вопрос.

— То, что я сказала, верно?

— Да.

— Что вы тогда делали?

— Домашнее задание, — ответил Добблер.

— Вместе с дочерью?

— Она спала. Я делал свое домашнее задание.

— Вы что же, где-то учились?

— Я беру работу на дом. День у меня не нормированный. Я работаю не с девяти до пяти.

— Вы работаете на компьютере?

— Я составляю аэрокосмическую программу.

— Что это за программа?

— Система управления полетом и посадкой летательного аппарата.

Судя по тону, Добблер не надеялся, что она поймет.

— Кольцевые волноводы? — спросил Айзек. — Аккумуляторные кольца?

Добблер обернулся к юноше.

— Аккумуляторные кольца являются разработкой физиков и инженеров, работающих в области авиационной и космической техники. Я составляю инструкции, которые позволяют сводить к минимуму действия человека.

— Человеческий фактор, — сказал Айзек. Добблер махнул рукой.

— Это психология.

И обратился к Петре:

— Так вы раскопали что-либо новое в деле Марты?

У него подпрыгнула коленка. Губы были крепко сжаты.

— Мне хотелось бы знать, какой была Марта.

— В каком отношении?

— Как человек.

— Что именно вас интересует — какую она любила музыку?

Какую предпочитала одежду?

— Да, что-то в этом роде, — сказала Петра.

— Она любила негромкий рок и яркие краски. Любила звезды.

— Она ведь астроном?

— Да, но звезды ей нравились и с эстетической точки зрения, — сказал Добблер. — Ей хотелось, чтобы мир был красив. Она была умна, но эти иллюзии я считаю глупыми.

— Наивными?

— Глупыми.

Добблер посмотрел ей в глаза.

Петра вынула блокнот и сделала вид, что записывает. «Негромкий рок и яркие краски».

— Зачем вы здесь? — спросил Курт Добблер.

— Мы смотрели незакрытые дела, пытались понять, не сможем ли их разрешить.

— Дела Баллу. Вы их смотрели, потому что он алкоголик. Он допустил серьезные ошибки, а теперь вы боитесь скандала.

— Нет, сэр. Мы смотрели и нераскрытые дела других следователей. У Баллу было только дело Марты.

— Незакрытые дела, — повторил Добблер. — Это эвфемизм провала. Получается, что дело Марты для вас всего лишь статистический факт.

— Нет, сэр. Она... была человеком. Поэтому мне и хочется узнать о ней больше.

Добблер, похоже, обдумывал ее слова. Покачал головой.

— С тех пор прошло много лет. Я уже забыл ее лицо.

— В тот вечер, когда она вышла из дома, — сказала Петра, — какое было у нее настроение?

— Настроение? Она была в прекрасном настроении.

— А она не планировала после спектакля пойти куда-то еще?

— Да, говорила, — сказал Добблер.

Коленка задергалась. Костяшки сжимавших ее пальцев побелели.

Вопрос, похоже, сильно его задел.

— Что она вам говорила? — спросила Петра. Ответа не было.

— 28 июня, — подсказала она.

— А что это значит?

— Эта дата имеет для вас какое-то значение?

— В этот день убили мою жену. В чем дело? Вы играете со мной в какую-то игру?

— Сэр...

Добблер соскочил с места и в три длинных прыжка оказался у лестницы. Побежал, переступая через две ступеньки, остановился посреди марша.

— Я должен помочь дочери. Прощайте.

Он исчез. Айзек начал было подниматься, но, увидев, что Петра осталась сидеть, плюхнулся на диван. Наконец она встала, и он наблюдал, как она перемещается по комнате Добблера. Петра дошла до коридора в кухню, внимательно приглядываясь к обстановке. Услышав шаги на ступенях, сделала знак Айзеку, чтобы тот шел к выходу.

Она взялась за дверную ручку, когда Тед Добблер сказал:

— Извините. У Курта стресс.

— Новый стресс? — обернулась к нему Петра.

— Работа. Очень ответственная работа. Он и в самом деле ничего больше не может сообщить вам о Марте.

— Он только что сказал вам это? Тед помотал головой.

— Он не сказал ни слова, просто пошел в свою комнату и запер дверь. Извините, если он немного... Курт сильно страдал.

— А как ваша племянница? Тед моргнул.

— Курт очень для нее старается.

— Ну, да, — сказала Петра, — фанатичный отец-одиночка. В некоторых темах она была докой. Профессор Кеннет

Коннор был идеальным отцом-одиночкой. Петра могла себе представить, что значит вырасти под опекой Курта Добблера.

— Точно, — подтвердил Тед.

Петра повернула ручку и вышла из дома. Тед крикнул им вслед:

— Наверняка он захочет узнать, что вам удастся обнаружить.

Даже на улице по пути к машине она ощущала запах вареного мяса. Петра страшно проголодалась. Айзек позвонил маме и сказал, что не придет сегодня обедать, но Петра была уверена, что мать оставит что-нибудь для своего золотого сыночка.

— Ну что, отвезти вас обратно, или зайдем в кафе и перекусим?

— Я не голоден, — сказал он.

Не голоден? Петра вдруг вспомнила, что никогда не видела его за едой. А, да ведь он ездит в автобусе, да и рубашек у него, кажется, только три.

Вероятно, единственное, что он может себе позволить, — это редкие походы в «Макдоналдс».

— Пошли, — сказала она.

Она выбрала ресторан возле границы Энсино и Тарзаны, где кормили стейками и морепродуктами. Место это казалось вполне демократичным и недорогим. Но Петра изучила меню и обнаружила, что цены здесь кусаются. Ну да ладно, главное — утолить зверский аппетит.

В закутке позади стойки бара удобно и темно. Красные кабины, темные деревянные панели, на стенах фотографии знаменитостей. К ним подошла официантка, рыжеватая блондинка, молодая, привлекательная, грудастая. Петра заметила, как она оглядела Айзека. Потом внимательно посмотрела на Петру, и в глазах ее появилось любопытство.

Петра читала ее мысли: какие могут быть между ними отношения?

Когда Айзек уселся на почтительной дистанции от Петры, а она сделала за него заказ, как за ребенка, официантка улыбнулась. С ходу принялась бесстыдно флиртовать с мальчиком.

Он совершенно не замечал ее улыбок, встряхивания волосами, выгибания спины, поглаживания пышной груди. Вежливо улыбался и благодарил пышку за каждую услугу. Когда принесли заказ, он наклонил голову, внимательно посмотрел на стейк и наконец разрезал его.

Отличное толстое филе. Айзек хотел довольствоваться гамбургером, но Петра настояла на стейке, а пышка ее в этом поддержала.

— Полезно для сильных костей. Улыбка, волосы, спина, грудь.

Спохватившись, Петра заказала два бокала бургундского: хотелось побаловать мальчика.

Проголодавшись, она набросилась на жаркое, словно перед ней было лицо Шулкопфа.

После нескольких минут молчаливого истребления пищи она спросила Айзека, как ему понравилась еда.

— Замечательная. Очень вам благодарен.

Доев мясо, он посмотрел на печеную картофелину величиной в собачью голову.

— Большая, — сказала Петра.

— Огромная.

— Наверное, радиоактивная. Вырастили по специальной схеме в Айдахо.

Он рассмеялся и воткнул вилку в картофелину.

— Итак, что вы думаете о мистере Добблере?

— Нелюдимый, настроен враждебно. Понимаю, почему следователь Баллу назвал его странным.

— Что-нибудь еще можете о нем сказать? Айзек задумался.

— У него чрезвычайно низкий эмоциональный фон. И общаться с ним очень трудно.

— Да, это так, — согласилась она. — Но через него мы могли бы на что-нибудь выйти. Прошло столько лет, а дело не сдвинулось с мертвой точки. После Баллу и Мартинеса он вряд ли преисполнился уважением к полиции.

«Пьяница и человек-невидимка. Вот вам и полиция во всей красе. Интересно, что об этом думает Айзек. Напишет ли об этом в своей диссертации? Может, упомянет и о ней?»

— К сожалению, — сказала она, — встречаются такие сотрудники, как Баллу и Мартинес. К счастью, их меньшинство.

«Маленькая мисс Защитница».

— Больше всего удивляет меня во всем этом то, что мистер Курт Добблер ни разу не подал на них жалобу. Все разочарование держал при себе.

Айзек положил нож и вилку.

— Зачем ему, если он не хотел раскрытия дела? Петра кивнула.

— Удивительно, — сказал он. — А я об этом и не подумал. Они снова принялись за еду.

— То замечание, что он сделал, — сказал Айзек, — будто он не помнит лица жены... Иногда личности в пограничных состояниях с трудом сохраняют в сознании облик близкого человека. За исключением случаев, когда те их предали. Когда это происходит, они становятся весьма эмоциональны.

— Если у жены на стороне роман, то это тоже предательство, — сказала Петра. — Это предположил Баллу, правда, я не уверена, следует ли обращать внимание на его высказывания.

Айзек кивнул.

— Что такое личности в пограничном состоянии? — спросила Петра.

— Это — психическое нарушение, при котором имеются проблемы идентификации и интимной жизни — трудности общения с другими людьми. Такие личности испытывают более высокий уровень депрессии, и они чаще совершают насилие. Женщины склонны наказывать самих себя, а мужчины могут впадать в агрессию.

— Они убивают своих жен?

— Специально я статистику не изучал, но это первое, что приходит на ум.

Петра слышала свой голос, словно со стороны.

— Добблер и в самом деле со странностями, однако проходит время, и потеря близкого человека воспринимается уже не так остро. Ты забываешь. Это защитная реакция. Я слышала, как об этом говорят родственники жертв.

Голос ее звучал спокойно, она не давала воли своим чувствам. Вспомнила, как часами смотрела на фотографии. Юные мама и отец, студенты колледжа, на первом свидании. Мама склонилась над

кроватькой, где лежат ее маленькие братья. Мама — настоящая красавица — в цельнокроеном купальнике на берегу озера. Вот и все, что Петра могла представить себе, думая о женщине, которая умерла, подарив ей жизнь.

Ее лицо, должно быть, выдало что-то, потому что Айзек смутился.

— Прежде чем погрузиться в психологию Курта, — сказала Петра, — вспомним, что группа его крови не совпадает с образцом, снятым с сиденья автомобиля. У нас нет вещественного доказательства, связывающего его с преступлением. К тому же у Добблера имеется алиби.

Она взялась снова за стейк и поняла, что уже не голодна.

— А что теперь? — спросил Айзек.

— Пока не решила. Предположим, я возьмусь за это дело. За любое дело из списка. — Она улыбнулась. — Видите, во что вы меня втравили?

Ну, так и есть. Снова зарделся. Эмоциональный барометр мальчика настроен слишком тонко — все чувства написаны на лице.

Полная противоположность Курту Добблеру. У того полная атрофия эмоций.

Стоп! Айзек что-то бормочет:

— ...Извините, если я усложнил...

— Да, усложнили, — сказала Петра. — И ладно. Вы правильно сделали.

Он замолчал. Петра легонько взяла его за предплечье.

— Послушайте, благодаря вам я слегка развеселилась. Он выдавил улыбку.

— Дело в том, — продолжила она, — что сегодня я вовсе не планировала влезать в полдюжины нераскрытых дел, которые, возможно, так и не будут доведены до конца. Но вы правы: на них следует обратить внимание, уж слишком много в них общего.

Когда она это решила?

Когда увидела, что все жертвы погибли от однотипных ранений?

Или, может быть, раньше. Вероятно, почувствовала сразу, только сама себе в этом не признавалась.

— Если я брошу это, то окажусь не лучше Баллу и Мартинеса. Поэтому я их беру. Хорошо?

Он что-то пробормотал.

— Прошу прощения?

— Надеюсь, что вы справитесь.

— Справлюсь, — сказала она. — Так или иначе.

Вы только ее послушайте. Маленькая мисс Карма. — Десерт будете?

И, не дожидаясь ответа, Петра подала знак рыжеволосой официантке.

ГЛАВА 16

Айзек понял, что сделал ошибку.

Он сказал Петре, чтобы она высадила его на перекрестке Пико и Юнион. Возле автобусной остановки, где он выходил обычно, за четыре квартала от дома. Ему не хотелось, чтобы она видела магазины, торгующие дешевым спиртным, и деревянные дряхлые строения, превращенные в дома дневного пребывания. Четырехэтажные оштукатуренные развалюхи, такие же, как и его дом, сплошь покрытые граффити.

Его мать содержала квартиру в безупречной чистоте. Его дом был не хуже соседних. То есть такой же плохой. Иногда бездомные входили в вестибюль и справляли там нужду. Когда Айзек поднимался по скрипучим ступеням на свой третий этаж, то старался не притрагиваться к перилам, выкрашенным коричневой краской. Красили их так часто, что они казались желатиновыми. Иногда они и в самом деле были липкими как желе: к ним приклеивали жевательную резинку. И кое-что похуже.

В последний год учебы в колледже, когда голова его была забита биологией и органической химией, он стал, входя в дом, надевать резиновые перчатки. А перед дверью своей квартиры поспешно снимал их и прятал.

Шум, запахи. Он старался от всего этого отключиться.

Сегодня утром, отправляясь в университет, он отметил, что фасад дома кажется более неприглядным, чем всегда.

Вечерами он мог забыть об этом, его воображение устремлялось к величественным деревьям и прекрасным кирпичным университетским стенам, к старинным фолиантам библиотеки Доэни.

Его другая жизнь.

Жизнь, которая когда-нибудь у него будет. Возможно. Кого он дурачит? Петра умна, она знает, что семья Гомес живет не в особняке.

И все же мысль о том, что она увидит его дом, вызывала в нем протест.

Поэтому он пошел пешком.

Поворот направо, мимо магазина, облюбованного старыми пьяницами, темные улицы, переулки, а здесь, как всегда, бродяги и наркоманы.

Смирившиеся со своей судьбой. С некоторыми из них он перебрасывался словом-другим. Иногда отдавал им остатки завтрака: мама укладывала ему с собой слишком много.

Впрочем, по большей части он их игнорировал, они отвечали ему тем же.

Так было многие годы, никаких эксцессов.

Сегодня он попал-таки в переделку.

Он не замечал их, пока они не начали смеяться.

Позади него слышалось хриплое громкое улюлюканье. Очень близко. Когда они за ним пошли?

Он был занят своими мыслями: Марта Добблер, Курт Добблер.

28 июня не за горами.

Петра. Темные глаза. Как она расправилась с огромным стейком! Сжала его предплечье... руки тонкие, но сильные. Агрессивность, но такая женственная.

Снова взрыв хохота за спиной. Ближе. Обернувшись через плечо, он ясно увидел их в свете фонаря.

В футах тридцати от него. Трое. Развинченные движения.

Треплются. Наскакивают друг на друга. Смеются. Испанская речь с мексиканским акцентом. Через слово — английский жаргон, точнее единственный смачный глагол «фак», и все его производные.

Айзек ускорил шаг, осторожно и быстро оглянулся.

Круглые бритые головы. Невысокого роста. Мешковатая одежда.

Один из них вскинул к небу кулак и издал вопль. Голос высокий, как у девчонки.

Возможно, все это не имеет к нему отношения. Может, они просто болтаются по улице.

Они по-прежнему толкали друг друга. Юные голоса. Несвязная речь. Панки. Должно быть, находятся под действием стимуляторов.

До дома еще два квартала. Он обернулся.

Они не отставали.

Он пошел еще быстрее.

Один из них крикнул:

— Гомик! Ну и дела!

Все эти годы, несмотря на криминогенную обстановку в районе, он ни разу не попадал в такой переплет. Обычно к восьми часам вечера он уже был дома. Но сейчас время близилось к одиннадцати. Они с Петрой вернулись в участок поздно, и он еще немного посидел там. Петра работала за столом, а он делал вид, будто не обращает на нее внимание.

Притворялся, что и сам работает. Ему просто хотелось посидеть с ней за компанию.

Петра.

День промелькнул так быстро. Он был рядом с ней, смотрел на нее, слушал. Вникал в тонкости работы детектива, узнавал такое, о чем не прочтешь ни в одном учебнике. Высказывал мнение, если она им интересовалась. И она спрашивала куда чаще, чем он того ожидал.

Интересно, по доброте душевной или она действительно ждала от него помощи?

Пожалуй, задавала вопросы искренно: Петра не терпела дураков.

— Эй, ты, гомик, извращенец поганый, который час? Айзек продолжал идти.

Остался один квартал.

Обед, десерт, «эспрессо» — такого кофе он никогда не пил. Даже когда доктор Гомперс изредка приглашал его на ланч, такого кофе ему не подавали.

— Эй, поганец, куда несешься?

Айзек перешел на рысцу и услышал их крики, улюлюканье и топот ног. Айзек надал скорости и почувствовал, как мгновенно взмок.

Слава богу, Петра не видит его позора.

Резкий удар в поясницу. Тяжелый ботинок угодил по почкам. Пронзила боль, он пошатнулся, но остался на ногах, хотя и сбился с ритма. Когда он снова попробовал бежать, кто-то дернул его кейс.

Его записи. Его ноутбук. Он не отпускал руку, но тут ему вцепились в шею, Айзек увернулся от удара, и кейс выпал из руки.

Замок открылся, бумаги разлетелись в разные стороны. Тяжелый компьютер, по счастью, не вывалился.

Его рукописные расчеты упали на край тротуара. Страницы с анализом множественной регрессии субэтнических популяций в

высококриминальных районах. Он не успел разместить их на жестком диске. Глупец, глупец! Если потеряет, то ему понадобятся часы, чтобы...

Кулак — крепкий кулак с острыми костяшками — смазал его по голове. Айзек зашатался и отлетел назад.

Удержался на ногах, попятился и посмотрел на них.

Они оказались даже моложе, чем он предполагал. Лет четырнадцати-пятнадцати. Маленькие, выросшие в гетто подростки. Двое худых, один чуть поплотнее. Ровесники его двоюродного брата Самуэлито. Но Сэмми мальчик хороший, он ходит в церковь, а у этих троих бритые головы, широченные штаны.

Тот факт, что они еще дети, мало его утешил. Подростки могут быть самыми опасными преступниками. Они не сдерживают своих порывов, сознание их недостаточно развито. Он читал, что, если не исправить их поведение до двенадцати лет...

Троица его окружила, трое злобных карликов, хихикающих и сквернословящих. Он переместился, чтобы не быть к ним спиной. Щека, на которую пришелся удар кулаком, горела.

Подросток, который поплотнее приятелей, расставил ноги и поднял кулаки. Маленькие руки. Айзек невольно вспомнил диккенсовского Оливера Твиста.

Ночной ветерок пронесся по улице, зашевелил бумаги с расчетами.

— Дай мне свои чертовы деньги, гомик, — сказал плотный подросток.

Голос гнусавый, только-только начал ломаться.

По отдельности Айзек мог запросто расшибить в лепешку каждого, но вместе... пока он раздумывал над вариантами, самый маленький взмахнул рукой и сверкнул чем-то металлическим.

О господи, никак пистолет?

Нет, нож. Плоский нож в открытой ладони. Мальчишка покрутил рукой.

— Я зарежу тебя, гомик.

Айзек еще немного попятился. Еще один порыв ветра унес бумажный листок на несколько футов в сторону. Плотный подросток сказал:

— А ну, выкладывай деньжата, если не хочешь получить в бок перо.

Голос его то и дело давал петуха.

Стать жертвой идиота, у которого молоко на губах не обсохло? Малыш придвинулся к нему вплотную. Встал под фонарь, и Айзек разглядел его оружие. Карманный нож, дешевка, темная пластиковая ручка, лезвие, наверное, два дюйма длиной. Запястье у мальчишки тонкое, слабое. От него дурно пахло, да и от остальных — тоже. Запах нестиранного белья, марихуаны и взбудораженных гормонов.

Маленькие правонарушители. Ситуация неприятная. Мысль о дурацком маленьком лезвии, воткнутом в его плоть, взбесила Айзека.

Он выхватил из кармана пропуск в полицейский участок и сказал:

— Полиция, придурки. Вы попали.

Надеялся, что они смотрят телевизор. Надеялся на их глупость.

Они замерли на долю секунды. А потом хрипло:

— Че?

— Полиция, мать вашу так, — повторил он уже громче, постаравшись извлечь из груди самый низкий баритональный звук.

Сунул руку в другой карман и вытащил пенал, благо было темно и предмет подходил по размеру. Он прижал его к своему рту и сказал:

— Я офицер Гомес, вызываю подкрепление. Здесь у меня трое несовершеннолетних правонарушителей. Возможно злоупотребление наркотиками. Я задержу их здесь до вашего прибытия.

— Фак, — сказал плотный и задохнулся.

Айзек сообразил, что забыл назвать адрес. Неужели они настолько глупы?

Худой мальчишка посмотрел на нож. У него было личико сорванца.

Второй, который до сих пор никак себя не проявлял — не говорил и ничего не делал — потихоньку ретировался.

— Куда пошел, мерзавец? — заревел ему вдогонку Айзек. Мальчишку как ветром сдуло.

Теперь перед ним были двое. Положение улучшилось. Даже нож не помешает ему спастись.

Плотный подросток пританцовывал на месте. Худой слегка попятился, но попытки уйти не делал. Он опасен, в его крови недостаточно страха. И нож, как назло, именно у него.

Айзек снова вытащил пенал. В этот раз он держал его в вытянутой руке. Пошел на худого подростка, целясь в него дурацким пеналом, и приказал:

— А ну, брось свою пилку для ногтей, молокосос, пока я тебя не пристрелил. Живо!

Плотный подросток бросился наутек. Худой что-то обдумывал, а потом вдруг швырнул нож в Айзека.

Лезвие просвистело возле его лица в нескольких миллиметрах от левого глаза.

— Ах ты, сволочь безмозглая, — завопил Айзек, а мальчишка немедленно скрылся.

Он остался стоять. Тишина, после них остался лишь зловонный запах.

Айзек подождал: надо было увериться, что они окончательно скрылись. Затем он стал дышать нормально. Пошел собирать бумаги, сунул их в кейс и бегом пробежал квартал до своего дома. Грудь распирало, в животе горело. Затем его стала бить дрожь.

Его стошнило, рвотная масса обожгла горло.

Когда желудок избавился от всего обеда, он сплюнул и вошел в дом.

Завтра, перед тем как поехать в участок, он навестит Джарамилло.

Когда-то, еще до Бертона, до всех странных, удивительных ужасных поворотов в жизни, они с Джарамилло были друзьями.

Может, это что-нибудь да значит.

ГЛАВА 17

Странность Курта Добблера произвела на Петру впечатление, и через несколько дней после побоища у «Парадизо» она поймала себя на том, что думает о нем.

Настал полдень. Айзек не появлялся.

От Эрика тоже не было известий. И доктор Роберт Кацман, с его медоточивым голосом, так и не откликнулся на ее сообщение.

Почему Добблер не пожаловался начальству на некомпетентность пьяницы Баллу?

Чем больше она думала о том, как халтурно проходило следствие, тем менее доверяла отчету по делу.

Образец крови, взятый с сидения автомобиля Марты Добблер, относится к первой группе с отрицательным резусом, а кровь Добблера тоже первой группы, но с положительным резусом. Все это согласно записям Баллу.

Насколько можно ему верить?

Она перелистала дело, отыскала, наконец, запись коронера об анализе образца.

Петра решила найти сам образец.

Ассистент коронера был уверен, что образец сохранился. Однако не нашел его и направил Петру к следователю, человеку по имени Баллард.

— Гм, — сказал он. — Мне кажется, он находится в биологическом подразделении вашего отдела вещдоков. В Паркеровском центре.

«Моего отдела вещдоков».

— Вам так кажется? — переспросила Петра.

— Записи о том, что его забрали, не существует, — сказал Баллард, — тем не менее здесь его нет. Следовательно, куда-то он должен был поступить, верно?

— Если только он не потерян.

— Ради вашего блага надеюсь, что это не так. В Паркеровском центре когда-то были проблемы с вещдоками, помните? Потерянные образцы, испорченные.

Она об этом не слышала. Вечерние газеты, должно быть, проглядели этот факт и не сообщили о путанице.

— А где еще он мог бы оказаться? — спросила Петра.

— Даже не представляю. Если только его не послали в криминалистическую лабораторию на анализ ДНК. Но даже и в этом случае мы отправляем не все, частицу оставляем себе. Разве только образец был слишком мал, и его невозможно было разделить. Да, возможно, так и произошло... Вот, вижу запись — два с половиной сантиметра. Значит, размеры его составляют три четверти дюйма на полдюйма. Написано, что он находился на виниловой обивке автомобильного сидения. Выходит, он тонкий. Вполне возможно, что он целиком хранится в лаборатории. А зачем он вам нужен?

— Так, для интереса, — ответила она, повесила трубку и позвонила в Сакраменто.

В криминалистической лаборатории не было записи о получении биологического образца с места убийства Марты Добблер. Паркеровский центр им его не направлял.

Даром только время потратила.

Пора присмотреться к другим июньским убийствам.

В деле Джеральдо Солиса она нашла интересную запись, сделанную следователем Джексом Хастадом. Согласно показаниям дочери Солиса, в день убийства старик ожидал электрика для починки проводки.

Хастад, похоже, не обратил на это внимания.

Петра позвонила в уилширский участок и узнала, что, в отличие от голливудского участка, дело Солиса после самоубийства Хастада было передано другому следователю. Однако с момента убийства Солиса прошло два года, и все это время его дело находилось у Хастада, включая три месяца, когда Хастад находился на излечении. Через неделю после самоубийства Хастада дело Солиса перешло к следователю по имени Скотт Вебер.

Вебер до сих пор работал в Уилшире, и Петра, позвонив, застала его на рабочем месте.

— С этим делом у меня ничего не вышло, — сказал он. — Почему вы вдруг им заинтересовались?

Петра рассказала о возможном сходстве незаконченных дел, рассказала о вдавленном проломе черепа Марты Добблер, но о других убийствах, совершенных 28 июня, упоминать не сочла нужным. Вебер хотел узнать больше, но, когда она сообщила ему несколько подробностей, он тут же потерял интерес.

— Не вижу никакого сходства, — заявил он. — Людей часто бьют по голове.

«Но фатальный исход бывает не так часто. Если верить моему эксперту».

— Верно, — сказала она.

— Каким орудием воспользовался преступник в вашем деле?

— Какой-то трубой.

— И у меня тоже, — признался Вебер. — А вещдоки обнаружили?

«Пропавший образец крови».

— Нет, ничего не нашли.

Почему она так уклончиво разговаривает с другим следователем? Да потому что ей самой ничего не ясно.

— Ну-ну, — сказал Вебер.

— Один вопрос. В деле была запись об электрике, который должен был починить проводку...

— У вас есть копия дела?

— Наш практикант, готовясь к диссертации, нашел его и сделал копию.

— Он что, был у нас? — спросил Вебер.

— Кажется, он снял копию с дубликата Паркера.

— О... да, наверное, сняли дубликат. Дело не раскрыто, что с ним еще делать?

— Я вас спрашивала насчет электрика, — напомнила она.

— А в вашем деле тоже был электрик? — поинтересовался Вебер.

— Я просто подумала, что электрик может нас куда-нибудь вывести...

— Вы интересуетесь, не упустил ли я эту линию? — Вебер рассмеялся, но смех ей не показался дружелюбным. — Я обратил на это внимание. Хотя после убийства прошло два года. Кабельная фирма Солиса не сделала записи о визите электрика. Я разговаривал с

дочерью: вдруг она вспомнит, что говорил в тот день старик. Возле дома аварийной машины никто не видел. О'кей?

— О'кей, — сказала Петра. — Извините, если я...

— Я не смог больше ничего сделать, — сказал Вебер. — Дело заморожено.

Итак, записи о визите электрика в фирме не обнаружено. Выходит, телефонный звонок, заставивший Джеральдо ждать электрика, был фальшивым. Если это так, то это напоминает дело Марты Добблер. Ей позвонили из телефонной будки и выманили из театра.

Ремонт кабеля в полночь?

Петра вспомнила инцидент в собственной жизни, когда она натерпелась страха. Два года назад, посреди отпускной недели, позвонили в дверь. Шел двенадцатый час, и ей пришлось встать с постели. Какой-то шутник заявил, что он посыльный из службы по доставке товаров. Петра сказала, чтобы он убирался, однако человек настаивал, говорил, что она должна поставить подпись на пакете. Петра схватила пистолет, накинула халат и приоткрыла дверь. На пороге стоял худой малахольный тип в коричневой униформе. Настоящий посыльный, с настоящим пакетом. Одна из родственниц прислала ей домашнее печенье.

— Припозднился, — сказал он, притопывая ногой. Парень даже не заметил, что в правой руке у нее девятимиллиметровый пистолет.

Петра знала, что служба доставки держит своих работников в черном теле, но этот человек готов был, кажется, расшибиться в лепешку.

Стало быть, это возможно. Убийца звонит Джеральдо Солису и рассказывает о необходимости ремонта кабеля. Является поздно. Солис открывает дверь. То, что аварийной машины соседи не видели, ничего не значит. В такой час в спокойном, солидном районе кто будет смотреть?

В деле имелись адрес и номер телефона дочери Джеральдо Солиса. Мария Солис Мэрфи, тридцати девяти лет. Петра навела справки и выяснила, что живет она рядом, в Голливуде, на Рассел-стрит.

Работала Мария в больнице «Кайзер Перманент», в отделе обеспечения питания. То есть из дома до больницы она могла прийти

пешком.

Мария была на работе. Сняв трубку, она договорилась встретиться с Петрой возле больницы через двадцать минут. Когда Петра приехала, Мария ее уже ждала.

Поджарая, хорошенькая, очень короткие темные волосы с осветленными кончиками. Бледно-голубое платье, белые носки и теннисные туфли. Три тонких кольца в одном ухе, в другом — бриллиантовая розочка и золотая клипса. Татуировка в виде розы на левой щиколотке. Сорокалетняя женщина в роли панка. На правом безымянном пальце золотое обручальное кольцо. У Марии Мэрфи было гладкое лицо и танцующая походка. В другой одежде она сошла бы за двадцатипятилетнюю девушку.

На бейдже написано: «М. Мэрфи, магистр, диетолог». Очень плотное тело. Мальчишеские бедра. Должно быть, воздействие витаминов?

— Детектив? — сказала она низким голосом.

— Миссис Мэрфи?

— Если не возражаете, я бы прошлась. Засиделась в помещении.

Они двинулись по бульвару Сансет в западном направлении. Прошли мимо фаст-фуда, миновали контору, поставляющую протезы, мелькнула вывеска специалистов в области реабилитации, бросилась в глаза реклама поставщиков постельного белья... все это — неизбежный антураж любой больницы. Отделение, где Сандру Леон лечили от лейкемии, находилось в двух кварталах к востоку. Что же случилось с доктором Кацманом?

— Я очень благодарна вам за то, что вы решили обратиться к делу отца, — сказала Марта Мэрфи.

— Не совсем так, миссис Мэрфи. Я работаю в голливудском участке, занимаюсь расследованием одного преступления, а на дело вашего отца обратила внимание, потому что обнаружила в нем сходные черты с убийством, над которым работаю. Сходство не слишком сильное, речь идет о мелких подробностях.

— Каких, например?

— Я не имею права их разглашать, мэм. Простите.

— Понимаю, — протянула Мария Мэрфи. — Тело отца обнаружила я. И никогда этого не забуду.

Этот факт был отмечен в деле. Джеральдо Солиса обнаружили в час ночи. Он лежал, уткнувшись лицом в тарелку с едой. Петра спросила Мэрфи, почему она так поздно зашла домой.

— Я не зашла. Я жила там. Приходила и уходила. Жила там временно.

— Временно?

— Я тогда была замужем, но у нас с мужем возникли проблемы. Так что время от времени жила в доме отца.

Петра взглянула на золотое кольцо Мэрфи. Мэрфи улыбнулась.

— Это подарок моей подруги. Ее зовут Белла.

Петра чувствовала, что Мэрфи приглядывается к ней, оценивает уровень ее толерантности.

— Значит, у вас с мужем были семейные проблемы.

— Я отказалась от традиционной роли, пошла поперек течения, — сказала Мэрфи. — Дейв, мой муж, хороший человек. Разрыв инициировала я. Тогда я была довольно взбалмошна.

— Как на это отреагировал Дейв?

— Он не был счастлив, — призналась Мэрфи.

— Он взбесился?

Мэрфи резко повернулась к Петре.

— Все было не так, выбросите это из головы. Дейв и папа прекрасно ладили друг с другом. Если хотите знать правду, то у папы было больше общего с Дейвом, чем со мной. Каждый раз, когда мы ссорились, папа принимал сторону Дейва. Он не мог уразуметь, что я делаю и зачем. Вся семья была против меня.

— Большая семья? — спросила Петра.

— Два брата, две сестры. Мама к тому времени умерла. Когда она была жива, я себя сдерживала. Не хотела причинять ей боль. Когда все раскрылось, они ополчились против меня, хотели лечить меня у психиатра. Они не знали, что я уже два года этим занимаюсь.

— Вы не хотели огорчать мать, а как же отец?

— Вот именно, — сказала Мэрфи. — С папой мы никогда не были близки. Он все работал, постоянно был занят. Я ничуть не ставлю ему это в вину. Он делал то, что должен был делать. Просто между нами не было близости. Даже когда мы с ним остались одни, нам почти нечего было сказать друг другу.

Она поморщилась, глотнула воздух, ускорила шаг.

— Сколько времени вы жили вдвоем с отцом?

— Около месяца, да и то не постоянно — сказала Мэрфи. — Большую часть вещей я хранила у себя дома, а у отца мало что изменила. Ему я рассказывала, что работаю на две ставки и не хочу садиться за руль усталой. Дом отца намного ближе к больнице.

Дорога из Ковины до Голливуда занимает не меньше часа, и движение намного оживленнее. Поездка из дома Солиса в Огден была по сравнению с этим сущим пустяком.

— Когда вы сказали отцу правду? — спросила Петра.

— Я не говорила. Это сделали родственники. За несколько дней до убийства.

— А что же Дейв?

— Дейв уже знал. Он не разозлился, а опечалился. Впал в депрессию. Давайте не будем об этом.

Петра решила, не откладывая, поговорить с Дейвом. Она кивнула Мэрфи, постаралась проявить понимание.

— Не появилось ли у вас каких-нибудь мыслей об убийстве отца, уже после бесед со следователями?

— Я разговаривала только с одним детективом, — сказала Мэрфи. — Высокий, грузный, скандинавского типа.

— Детектив Хастад.

— Да, с ним. Он показался мне хорошим человеком. У него был жуткий кашель. Позже он позвонил и сказал, что врачи диагностировали у него рак и что он ложится в больницу. Пообещал передать дело отца другому следователю. Я тревожилась за Хастада. Такой кашель был явно не к добру.

— Дело было передано следователю Веберу. Он с вами говорил?

— Мне кто-то звонил, — припомнила Мэрфи. — Один раз. Но было это через несколько лет после болезни Хастада. Сама я в участок звонила несколько раз, но, честно говоря, не часто. Когда никто не откликнулся, я пустила все на самотек...

— Что вам сказал детектив Вебер?

— Он сказал, что дело отца перешло к нему, однако с тех пор никаких известий от него не поступило. Мне следовало бы проявить настойчивость. Вероятно, я подумала, что улики нет и дело не будет раскрыто. Чужой человек и все такое...

— Чужой человек?

— Грабитель, — пояснила Мэрфи. — Хастад придерживался этой версии.

— А детектив Вебер вас о чем-нибудь спрашивал?

— Вроде бы нет... хотя он спросил, ожидал ли отец электрика. Об этом я говорила следователю Хастаду. Это была единственная вещь, которая, по моему мнению, могла иметь отношение к делу. В остальном, как мне кажется, дело было безнадежно. Я имею в виду... поиск убийцы.

Ничего истерического в ней сейчас не было. Разговорчивая, спокойная женщина. Смирившаяся с тем, что убийство ее отца, возможно, никогда не будет раскрыто.

Петра шла, ожидая, что еще она скажет.

Пройдя полквартиры, Мэрфи заговорила вновь:

— Следователь Хастад, по-видимому, не обладал необходимой энергией.

— Вы хотите знать, работал ли он над делом так усердно, как это следовало?

— Не знаю. Возможно. Я — человек, который опирается на факты.

— Что вы имеете в виду?

— Я могу принять факты, даже если они горькие. Если отца убил грабитель, то единственное, что полиция может узнать, повторил ли этот преступник свое злодеяние, верно? Это то, что подразумевал следователь Хастад. — Она повернулась к Петре. — А то, что вы расследуете сейчас... там тоже задействован грабитель, притворившийся работником сервиса?

— Я нахожусь на предварительной стадии, мэм.

— Значит, мне не следует слишком надеяться?

— Это долгий процесс.

— Самым странным показалось мне то, — сказала Мэрфи, — что, если это был грабитель, единственное, что он украл, это продукты. Пучок салата-латука, белый хлеб и две банки лимонного йогурта. Странный грабитель, не правда ли? Но следователь Хастад сказал, что это бывает: они едят, метят территорию. Он подумал, что человека спугнули и он не успел украсть что-то существенное. — Она пожала плечами. — Возможно, были взяты наличные. Не знаю. Хотя не думаю, потому что как только у папы появлялись лишние наличные

деньги, например оставались от военной пенсии, он тут же клал их в банк.

Мэрфи пошла чуть медленнее, и Петра приноровилась к ее шагам. Движение на бульваре было быстрым и шумным, и им пришлось лавировать, чтобы не столкнуться с рабочими, которые, вгрызаясь отбойными молотками в тротуар, устанавливали оранжево-белое ограждение.

Мэрфи посмотрела на их каски.

— У папы была такая же. Он работал на стройке после окончания морской службы. Затем завел собственный бизнес. В Калвер-Сити открыл магазин покрывшек. Когда бизнес разладился, ему исполнилось шестьдесят пять, и он сказал, что с него хватит. Дома он по большей части смотрел телевизор.

— Вы очень точно запомнили, какие продукты взял преступник, — сказала Петра.

— Потому что это была моя еда. Я купила ее накануне. Отец предпочитал колбасу чоризо и жареный картофель. Он смеялся над моими пристрастиями. Называл мои продукты едой для кроликов.

Боль в ее глазах говорила о том, что между ней и отцом были не только диетические разногласия.

— Взяли вашу еду, — сказала Петра.

— Разве это имеет какое-то значение?

— Может, был человек, который хотел подобраться к вам через вашего отца?

— Нет, — сказала Мэрфи. — Не было такого человека. После развода все было спокойно. Мы с Дейвом остались в дружеских отношениях, постоянно общаемся.

— А дети у вас есть? Мэрфи покачала головой.

— Расскажите мне о звонке из кабельной компании. Почему вы думаете, что звонок был ложным?

— Утром, когда я уходила на работу, папа сказал мне, что кабельная компания пришлет кого-то для ремонтных работ.

— В какое время?

— После полудня, в начале вечера. Ну, вы знаете, точное время они никогда не называют, — сказала Мэрфи. — Отец в это время иногда дремал, поэтому он попросил, чтобы я разбудила его к семи часам.

— У вас были проблемы со связью?

— Нет, в том-то и дело, — подхватила Мэрфи. — Вероятно, что-то было не в порядке с соседними линиями.

— Он хотел, чтобы вы его разбудили, — напомнила Петра. — Значит, в это время вы были дома?

— Нет. Я позвонила в три и сказала отцу, что приду поздно. Он попросил меня позвонить еще раз.

— В семь?

— Да.

— Вы позвонили?

— Да, и он в это время уже не спал.

— Как ваш отец был настроен?

— Хорошо. Нормально.

— Затем вы вернулись на работу?

Мэрфи дотронулась пальцем до подбородка.

— Вообще-то, я ушла с работы рано. День был трудным, я моталась между Дейвом и Беллой. Поговорив с отцом, я села в машину и поехала к Белле. Мы поужинали и пошли в клуб, выпили немного. Танцевать нам не хотелось. Она просила, чтобы я поехала к ней, но я не была к этому готова, поэтому она отправилась домой, а я к отцу. Вошла в дом и почувствовала запах бекона и яиц. Это показалось мне странным. Так поздно отец никогда не ел. Обычно он выпивал стакан другой пива, иногда с чипсами, пока смотрел телевизор, но горячую пищу в такой час не ел. Если он поздно съедал что-нибудь тяжелое, у него начиналось несварение.

Мария остановилась. Глаза ее наполнились слезами.

— Вспоминать до сих пор тяжело.

— Извините, что вызвала вас на этот разговор.

— Последнее время я не думала об отце. Мне следует чаще его вспоминать.

Мэрфи вытащила из кармана платок, промокнула глаза, высморкалась.

Когда они снова пошли, Петра продолжила:

— Итак, кто-то приготовил яичницу.

— Такую еду готовят на завтрак, — сказала Мэрфи. — И это еще одна странность. Отец был очень дисциплинированным человеком — бывший моряк, он привык к порядку. Папа четко знал, какую пищу

следует есть утром. Во время ланча он ел бутерброды, а на ужин готовил основное блюдо.

— Вы не верите, что он приготовил себе ту еду?

— Яичницу-болтуню? — спросила Мария. — Он ее терпеть не мог. Ел или глазунью, или крутые яйца.

Она расплакалась, прибавила шаг, почти побежала. Петра нагнала ее. Мэрфи всплеснула руками и сжала губы, стараясь сдержать рыдания.

— Мэм...

— Мозги, — всхлипнула Мэрфи. — Они лежали на тарелке. Вместе с яйцами. Лежали поверх яиц. Словно кто-то посыпал сверху тертым сыром. Серым, розовым... может, повернем назад? Мне пора на работу.

Вернувшись в больницу, Петра спросила, не вспомнит ли Мария чего-нибудь еще.

— Нет, — сказала Мэрфи и повернулась, чтобы идти. Петра дотронулась до ее руки. Рука была крепкой и мускулистой. Мария напряглась.

Посмотрела на пальцы Петры на своем рукаве. Петра поспешно ее отпустила.

— Еще один вопрос, мэм. Вашего отца убили 28 июня. Имеет ли это число какое-нибудь значение для вас или для членов вашей семьи?

— Почему вы спрашиваете?

— Просто проверка.

— 28 июня, — тихо повторила Мэрфи. — Единственное значение — убийство папы. — Она опустила плечи. — Этот день скоро наступит. Годовщина. Думаю, надо сходить на кладбище. Я не часто туда хожу, надо бы почаще.

Интересная женщина. В день убийства отца она испытала сильнейший стресс. Старик не проявлял к ней теплых чувств, напротив. С отцом у нее никогда не было близости. Дочь нарушила жизненные принципы бывшего моряка, оскорбила его в лучших чувствах.

Обстановка в доме, должно быть, была напряженная.

Судя по твердой, словно железо, руке, Мэрфи была сильной женщиной. Ей ничего не стоило схватить кусок трубы и ударить по старому черепу.

В доме пропала еда Мэрфи. Здоровая пища, над которой смеялся старик.

Вероятно, последнее время отец сильно над ней издевался. Выбрасывал на глазах дочери-лесбиянки ее вегетарианские припасы, вот она и не удержалась.

Петре приходилось встречать людей, убивавших за гораздо меньшие прегрешения.

Она въехала на стоянку возле участка, посидела, пытаясь выстроить связную картину.

Мэрфи приходит домой после тяжелых — по ее словам — дней, после метаний между мужем и любовницей. Звонит отцу, по его просьбе, но он ругает ее последними словами. Она вешает трубку, идет обедать в клуб, напивается. Возвращается домой в час ночи, хочет перекусить и видит, что отец ждет ее.

Они начинают ругаться. Он осуждает ее образ жизни. Смеется над ее кроличьей едой.

Отец сгребает ее здоровую, полезную еду, выбрасывает в ведро и говорит все, что он о ней думает.

Мэрфи — диетолог. Такой жест выводит ее из себя. Начинается ссора.

Он кричит, она кричит. Она хватается то, что ей попало под руку — возможно, трубу... кто знает? Бьет старика по голове, усаживает его за стол. Готовит жирную, калорийную дрянь, которую он называет едой.

Тычет его лицом в тарелку. «На, ешь это!»

Затем придумывает фальшивую историю о ремонте кабеля и обманывает доверчивого Джека Хастада.

Вот такая мелодрама. И никаких свидетелей.

Но если старика убила Мария Мэрфи, то что же можно сказать о Марте Добблер и других пяти жертвах 28 июня?

Чтобы продолжить расследование дела Солиса, надо поговорить с бывшим мужем Мэрфи, многострадальным Дей-вом. Впрочем, в глубине души она понимала, что это будет пустой тратой времени.

Курт Добблер убил жену, Мария Мэрфи — отца.

Получается, между этими делами нет никакой связи.

Нет, что-то здесь не так. Если Айзек прав — а ей все больше казалось, что он прав, — то убийство произошло вовсе не на почве семейных неурядиц.

Женщину выманивают из театра. Мужчину-проститутку убивают в темном переулке, а девочку — в парке. Моряк на побывке...

Яйца и мозги на тарелке.

Обдуманная манипуляция.

Извращение. Патология.

ГЛАВА 18

Петра пришла на рабочее место. В комнате было шумно: говорили по телефону, стучали по клавишам. Айзек сидел в своем углу, что-то писал, подперев щеку.

Коротко махнул ей и снова уткнулся в работу.

«Не хочет мне мешать?»

Неужели на него так подействовали стейк и бургундское? Вчера она предложила довезти его до дома, но он настоял на том, чтоб она высадила его у автобусной остановки.

Петра догадалась, что он стыдится своих трущоб. Спорить не стала и, когда он со своим кейсом направился к дому, подумала, что мальчик похож на усталого старика.

Она тоже не станет ему мешать. Петра налила кофе, посмотрела почту. Ничего особенного — служебные записки разного рода. На компьютер по электронной почте пришли шесть писем: четыре объявления от компаний, занимающихся консервированием, они предлагали колбасный фарш. Еще одно — спам. И еще письмо от Мака Дилбека, он сообщил, что ко вторнику, если ничто не помешает, убойный отдел займется делом «Парадизо».

Она уже собиралась сбросить почту в корзину, когда зазвонил телефон.

В ухо заверещало записанное на пленку сообщение от городской полицейской футбольной команды: «Большая игра с лос-анджелесскими шерифами в следующем месяце. Крепкие, атлетически сложенные офицеры намерены...»

Она нажала на кнопку «Enter» и открыла спам.

Дорогая Петра,

Это сделано по причинам безопасности. Все нормально. Надеюсь, у тебя так же. Скучаю по тебе. Л. Эрик.

Она улыбнулась. «Я тоже посылаю тебе свою Л.» Она сохранила письмо и начала разыскивать Дэвида Мэрфи.

Имя распространенное, но нашлось легко. Выйти на сорокадвухлетнего Дэвида Колвина Мэрфи помогло его пятилетнее проживание по одному и тому же адресу в Ковине. Он переехал в Мар-Висту, на западной стороне. Три года назад зарегистрировал «додж неон», через двадцать месяцев после этого приобрел «шевроле».

Никаких дел с полицией, даже штрафов за парковку нет.

Она нашла номер его телефона. Ответила женщина.

— Будьте добры, Дэвида Мэрфи.

— Он на работе. С кем я говорю?

Петра назвалась, и женщина сказала:

— Полиция? А в чем дело?

— Я навожу справки о старом деле. Вы знали Джеральдо Солиса, мэм?

— Бывший тесть Дейва. Он был... Я жена Дейва.

— Где работает ваш муж, миссис Мэрфи?

— «Хелсрайт фармаси». Он фармацевт. Она произнесла это с гордостью.

— Какое отделение, мэм?

— Санта-Моника. Уилшир, возле Двадцать пятой улицы. Но я не знаю, что он сможет вам сказать. Ведь с тех пор прошло несколько лет.

«Да не растравляй ты рану».

Петра поблагодарила, повесила трубку. Нашла номер телефона аптеки. Глянула в сторону Айзека. Парень по-прежнему смотрел в бумаги, но рука была опущена, и Петра заметила на левой щеке, между скулой и ухом, красно-лиловый синяк.

Спохватившись, Айзек снова прикрыл ладонью скулу.

Что-то случилось вчера вечером.

Криминальный район. Поздно возвращался домой.

Или того хуже — случилось что-то дома?

Она вдруг поняла, как мало знает о его частной жизни. Решила выяснить насчет синяка. Но сейчас он явно не хочет с кем-либо общаться.

Петра позвонила в «Хелсрайт фармаси», отделение в Санта-Монике.

По телефону голос Дэвида Мэрфи звучал приятно. Ее звонку он не удивился. Жена, должно быть, предупредила.

— Джерри был чудесным стариком. Не могу представить, чтобы кто-то мог поднять на него руку, — сказал он.

Мария говорила, что при разводе ее отец был на стороне мужа.

— И все же такой человек нашелся, — возразила Петра.

— Ужасно, — воскликнул Мэрфи. — Итак... что я могу для вас сделать?

— Не припомните ли чего-нибудь необычного в день убийства мистера Солиса? Может, при первом расследовании дела что-то было упущено?

— Извините, ничего такого не помню, — сказал Мэрфи.

— А что вы вообще помните?

— День был ужасный. Мы с Марией были на пике бракоразводного процесса. Она моталась взад и вперед между нашим домом... между мной и ею... Беллой Кандински. Белла сейчас ее сожительница.

— Эмоциональный день, — заметила Петра.

— Еще бы. Она приходила домой, объяснялась со мной, расстраивалась, бежала к Белле, затем — снова ко мне. Уверен, Мария чувствовала себя канатом, который тянут в разные стороны. Меня тогда словно оглушили.

— Оглушили?

— Ну как же! Брак вдруг распался. Из-за другой женщины. — Мэрфи рассмеялся. — Слава богу, это было давно. С тех пор много воды утекло.

— Во время убийства Мария жила в доме отца?

— Она то приезжала, то уезжала, — сказал Мэрфи.

— Из-за семейных проблем.

— Мы ссорились. В то время я не понимал, в чем дело.

— Вы навещали мистера Солиса?

— Я был там почти все время. До того как брак дал трещину. Мы ладили с Джерри. Должно быть, Мария чувствовала себя обиженной.

— Почему?

— Джерри всегда был на моей стороне. Он был очень консервативен. Выбор Марии не укладывался в его голове.

— Должно быть, это вызвало между ними конфликт.

— Конечно.

— Не на жизнь, а на смерть? Мэрфи снова рассмеялся.

— Вы, наверное, шутите. Нет, нет, ничего подобного. Даже и не думайте.

— Что не думать? — спросила Петра.

— То, на что вы намекаете. Послушайте, вообще-то я сейчас занят...

— Я ни на что не намекала, просто спросила, — сказала Петра, — но поскольку мы уже заговорили на эту тему, то насколько серьезным был конфликт между Марией и ее отцом?

— Это полная ерунда. Мария — потрясающий человек. У них с Джерри были классические разногласия, конфликт отцов и детей. У меня с родителями было то же самое, да у кого их не было? Она ни за что не подняла бы на него руку. Она потрясающий человек. Даже и не думайте.

Она защищает его, он защищает ее. И при этом они в разводе. Удивительно.

— Поверьте мне, я знаю, что говорю, — заявил он.

— Мистер Мэрфи, в деле есть запись о ремонте кабеля. Мария говорила вам об этом?

— Нет, мне об этом сказал Джерри. Когда я звонил, мастер был в доме.

— Вы звонили мистеру Солису?

— Да. Я хотел узнать, где Мария. Она ушла из дома очень расстроенной, и я предположил, что она поехала к отцу. Я хотел ее успокоить. Трубку снял Джерри, и он был в ворчливом настроении. Потому что монтер пришел поздно.

— В котором часу это было?

— Ого! — воскликнул Мэрфи. — Все-таки пять лет прошло. Помню, что на улице уже стемнело. И работал я допоздна... было, наверное, часов восемь-девять. Возможно, даже половина десятого. Джерри говорил, что монтер обещал прийти к шести, затем позвонил и перенес на семь часов, но вовремя так и не явился. Старик был раздражен. Все-таки, думаю, что было это между половиной девятого и девятью.

— Мистер Солис был расстроен?

— Да, потому что пришлось ждать. Когда я попросил передать трубку Марии, он сказал, что ее нет дома и он понятия не имеет, где

она... Он не был настроен на разговор. Да и по природе своей он был ворчун.

Стало быть, Джеральдо Солис, раздосадованный задержками, в тот вечер настроился на скандал. Был готов к конфликту.

— У мистер Солиса был скверный характер?

— Я бы не сказал, — ответил Мэрфи. — Я бы скорее назвал его брюзгой. Человеком он был дисциплинированным. Как-никак, бывший моряк... он считал, что мир должен работать по строгому расписанию. Когда что-то шло не так, он бесился.

— Как, например, опоздание. Или дочь-лесбиянка.

— Да... Ох, уже не предполагаете ли вы...

— Я просто задаю вопросы, мистер Мэрфи.

— Электромонтер? — задумался Мэрфи. — Но... полиция сказала, что Джерри убили примерно в полночь... Мне казалось, что он ушел уже несколько часов назад!

Электромонтер, являющийся после наступления темноты. Фирма утверждает, что в расписании не предвиделось никакого ремонта. Впрочем, два года спустя это было не столь уж важно. Ошибки в бумагах случались постоянно, и кабельные компании, обслуживавшие Лос-Анджелес, особенно этим грешили. И все же...

— Тесть назвал вам причину ремонта? — спросила Петра.

— Для Джерри это стало еще одним поводом к раздражению. Сам он ни на что не жаловался, тем не менее компания настаивала на ремонте. Общая проверка, что-то в этом роде. Господи, вы в самом деле думаете...

— Мистер Мэрфи, вы об этом говорили первому следователю?

— Хастаду? Он об этом не спрашивал, да у меня и в мыслях не было ничего подобного. Он все интересовался, в каких отношениях я был с Джерри. И как относилась к нему Мария. Мне казалось, что он меня прощупывает. Психологически. Он также спрашивал, где я был в полночь. Поэтому я и решил, что убийство произошло в это время. Обычно я в это время уже сплю, но в ту ночь я расстроился и провел время с приятелем, коллегой по работе. Мы пошли выпить, и за пивом я, так сказать, поплакался ему в жилетку.

— Можете ли вы вспомнить, что еще говорил мистер Солис о предстоящем приходе монтера?

— Вряд ли он говорил что-то еще. Просто сказал, что расстроен.

— И он определенно сказал вам, что кабельщик пришел и находится в доме?

— Да. Впрочем, может, я сам это предположил. Он разговаривал тихо, поэтому я и решил, что в доме кто-то есть. Впрочем, поклясться не могу. В суде уж точно клясться бы не стал.

«Суд. Из твоих уст да Богу в уши».

Петра еще немного с ним повозилась, но безрезультатно. Поблагодарила.

— Не за что. Желаю удачи. Джерри действительно был чудным стариком.

Кабельщик — вполне возможно, ненастоящий — является, когда уже стемнело. Ходит по дому, присматривается. Возможно, оставляет заднюю дверь или окно открытыми, чтобы прийти сюда еще раз.

Или он сразу приканчивает Солиса, а потом как ни в чем не бывало готовит завтрак и сует старика лицом в тарелку.

Берет себе продукты в дорогу.

Здоровая пища. Убийца себя бережет.

Какие выводы из всего этого можно сделать применительно к случаю Курта и Марты Добблер?

Айзек прав: убийство жены, а затем убийство пяти посторонних людей — история необычная. Петра никогда о таком не слыхала.

С другой стороны, что, если Курт, прикончив Марту по какому-то личному мотиву, почувствовал вкус к убийству?

Слишком извращенно. Она знала, что думает так, потому что Добблер был чрезвычайно неприятным человеком.

Еще одна странность: убийство шести людей ударом по голове в один и тот же день, в одно и то же время.

Айзек, сидя в углу комнаты, продолжал изучать цифры. Рукой прикрывал синяк.

Мальчик усложнил ее жизнь. Ну зачем он явился сюда, лучше бы работал у шерифа.

Петра сделала перерыв, посетила дамскую комнату, выпила еще кофе, вернулась к «делам 28 июня». Отложила в сторону папку Солиса и стала рассматривать другие, не голливудские дела.

Моряк, Даррен Арес Хохенбрэннер. Увольнение на берег. Согласно показаниям двух других моряков, в Голливуде они пошли

смотреть кино, а Даррен отправился в другое место.

Тело обнаружили в центре города, на Четвертой улице. Карманы обчищены.

В отличие от остальных жертв, моряк был чернокожим. Грабеж, закончившийся убийством. Петра посмотрела размеры раны. В точности как у Марты Добблер, вплоть до миллиметра.

Следователем по этому делу был детектив по имени Ральф Сикрест. Он все еще работал. Голос звучал устало.

— А, этот, — сказал он. — Да, помню. Он вышел из вашего района и явился к нам.

— Не знаете, зачем он оказался в вашем районе? — спросила Петра.

— Думаю, его подцепили, — сказал Сикрест.

— Гомосексуалист?

— Возможно.

— Хохенбреннер был геем?

— Этого так и не выяснили, — сказал Сикрест. — Но моряки, сошедшие на берег?... Хотя, возможно, он заблудился. Парень был со Среднего Запада — из Индианы. Впервые в городе.

— Он был приписан к базе Порт-Хьюнем.

— Это не город. Почему вы им интересуетесь? Петра рассказала ему обычную байку.

— Еще один пролом черепа? А вашу жертву ограбили?

— Нет.

— Моего ограбили. Молоденький паренек. Потерялся, оказался в криминальном районе. К тому же был накачан наркотиками.

— Чем именно?

— Марихуаной и еще какой-то дрянью. Впрочем, не помню, дело давнишнее. Парень напился, перебрал, его подцепили, вот и вся история.

Петра повесила трубку, посмотрела в деле Хохенбреннера данные токсического анализа. В крови содержание алкоголя 0,2 промилле. При весе тела Хохенбреннера это означало кружку пива. Были найдены следы ТНС^[11], но минимальные. Согласно данным экспертизы, вещество попало в организм за несколько дней до убийства.

Вот тебе и «накачан». Вряд ли детектив Ральф Сикрест усердно работал над делом.

На бумаги упала тень. Петра подняла глаза, ожидая увидеть Айзека.

Нет, мальчик ушел. И кейса нет. Исчез, не сказав ни слова.

К ней подошла секретарша с нижнего этажа. Блондинка, из разряда тех, что бывают на стадионе капитанами группы поддержки. Звали ее Кирстен Кребс. На работу она пришла недавно и к Петре с первого взгляда отнеслась враждебно. Она подала телефонное сообщение.

Доктор Роберт Кацман ответил на звонок. Полчаса назад.

Кребс направилась к лестнице. Петра сказала ей вдогонку:

— Почему вы меня с ним не соединили?

Кребс остановилась. Повернулась. Разъяренно на нее посмотрела. Подбоченилась. На ней был голубой обтягивающий топ, тесные брюки из черного хлопка. Вырез на топе частично открывал загорелую веснушчатую ложбинку на груди. Длинные светлые волосы. Хотя красивым ее лицо назвать было нельзя, двое детективов оглянулись на ее твердые молодые ягодицы. Она излучала волнующую сексуальность.

— Ваша линия была *занята*. Полный восторг.

Петра улыбнулась, глядя на вздернутый девичий нос. Кребс фыркнула и развернулась на каблуках. Прежде чем уйти, глянула на стол Айзека.

Не намного старше Айзека. Уровень IQ в два раза ниже, но в ее распоряжении было другое оружие. Она могла съесть мальчишку живьем.

«Слушайся меня, приемный сынок».

Петра подняла трубку и позвонила доктору Кацману. Снова медоточивый голос автоответчика. Оставила свое сообщение.

Не столь медоточивое.

ГЛАВА 19

Ирония судьбы: Ричард Джарамилло был толст, а прозвали его Флако^[12].

Это было в четвертом классе. Потом Джарамилло вырос, стал худым и кличка оправдалась.

Мало что у Джарамилло точно так же сошлось.

Айзек знал его в начальной школе: беспокойный, пугливый толстый мальчишка, в старомодной одежде. В классе он сидел на задней парте и читать не выучился. У учителя было пятьдесят ребят, не говоривших по-английски, поэтому он попросил Айзека, чтобы тот позанимался с Флако.

Флако отнесся к занятиям рассеянно. Айзек почти немедленно заключил, что самой большой проблемой Флако было неумение сосредоточиться. Вскоре он понял, что с концентрацией внимания у Флако действительно плохо.

Флако ненавидел все, что имело отношение к школе, поэтому Айзек решил, что, возможно, в этом случае сработает вознаграждение. Поскольку Флако был толстяком, можно было попробовать воздействовать на него едой. Мама пришла в восторг, когда Айзек попросил давать ему с собой в школу двойную порцию тамалес. Наконец-то ее мальчик стал есть.

Айзек приносил Флако тамалес, и тот выучился читать на уровне, приемлемом для начальной ступени школы. Дальше этого Флако так и не продвинулся. Даже тамалес оказались бессильны.

— Здорово, — сказал он Айзеку. — Я перейду в пятый класс, как и ты.

Затем отца Флако посадили в тюрьму за убийство, и мальчик перестал ходить в школу. Айзек обнаружил, что скучает по преподавательской работе. К тому же он не знал, что делать с лишними тамалес. Он хотел позвонить Флако, но мама сказала, что семейство Джарамилло, устыдившись позора, покинуло город.

Оказалось, что это неправда: просто миссис Гомес не хотела, чтобы Айзек общался с плохим мальчиком из семейки, где все друг друга стоят. На самом деле семья Джарамилло съехала из дома и

переместилась в район притонов и ночлежек. В крошечном помещении хозяйничали тараканы.

Десять лет спустя мальчики случайно повстречались на улице.

Произошло это душным вечером в пятницу, недалеко от автобусной остановки.

Полдня Айзек провел в Бертоне, на семинаре. Потом ходил в Музей науки и промышленности. Выйдя из автобуса, возвращался домой, когда увидел на углу два черно-белых полицейских автомобиля. Они стояли с включенными мигалками. В нескольких футах от машин четверо полицейских шмонали худого подростка в мешковатой футболке, обвислых штанах и дорогих теннисных туфлях.

Он стоял, упершись ладонями в кирпичную стену, расставив ноги на ширине плеч.

Айзек остановился в сторонке и наблюдал. Полицейские развернули парня, что-то спросили и заорали.

Мальчишка никак не реагировал.

И тут Айзек узнал его. Детская полнота исчезла, но черты лица оставались все теми же. Айзек чувствовал, что смотрит во все глаза и мысленно вопрошает: «За что?»

Он отступил еще дальше, думая, что полицейские арестуют Флако Джарамилло. Однако они этого делать не стали, лишь погрозили, покричали и потрясли мальчика. Затем, решив, что достаточно его застращали, все четверо уселись в автомобили и унеслись прочь.

Флако вышел на мостовую и сделал неприличный жест вслед машинам. Заметил Айзека и повторил жест. Когда Айзек повернулся, чтобы уйти, он крикнул ему:

— Какого черта ты тут смотришь, придурок?

Голос его тоже изменился. Маленький мальчик с густым баритоном.

Айзек пошел в сторону.

— Эй, придурок, ты меня слышал?

Айзек остановился. Флако приближался к нему. Темное, помятое, решительное лицо. Накопившиеся гнев и унижение готовы были вырваться наружу. Хотелось их на ком-то выместить.

— Это я, Флако, — сказал Айзек.

Флако подошел к нему совсем близко. От него пахло марихуаной.

— Кто ты такой, черт возьми?

— Айзек Гомес.

Глаза Флако стали похожи на лезвия бритвы. Худое лицо, большой нос, слабый подбородок, оттопыренные уши — все это осталось, как в детстве. Уши стали еще крупнее, и бритый череп это подчеркивал. Флако был маленьким, но широкоплечим. На лбу скульптурно выступали вены. Явное свидетельство силы и желания применить ее.

Татуировки на пальцах и на левой стороне шеи. Та, что на шее, изображала свирепую змею, с открытой пастью, обнаженными клыками. Она словно собиралась вонзиться в подбородок Флако Джарамилло. На тыльной стороне правой руки число «187» — полицейский код — «убийство».

— Кто?

— Айзек. Четвертый класс...

— Гомес. Мой чертов учитель. Ни фиги себе. — Флако потряс головой. — И как же...

— Ну как ты? — спросил Айзек.

— Прекрасно, — Флако улыбнулся.

Гнилые зубы, наверху нескольких не хватает. От одежды исходит сильный запах марихуаны. Видимо, это и привлекло к нему полицию. Но они ничего не нашли. Флако вовремя выбросил наркотик.

— Чертов учитель, — повторил Флако. — Ну а ты-то как, что ты вырядился, словно педик?

— Частная школа.

— Частная школа? Это еще что такое?

— Учебное заведение, — сказал Айзек.

— Зачем ты туда ходишь? Айзек пожал плечами.

— Это они заставляют тебя одеваться, как педика?

— Я не педераст.

Флако оглядел его еще раз. Улыбнулся.

— Ты был как учитель. А я ни черта не знаю.

Айзек снова пожал плечами, старался держаться невозмутимо.

— Мне было девять, и я думал, что ты способный. Улыбка Флако дрогнула.

— Видно было, что ты там думал.

Он хлопнул Айзека по спине рукой с числом «187». Вытянул ее для сердечного рукопожатия. Кожа была твердой, сухой и мозолистой,

словно плохо отшлифованное дерево. Засмеялся. Из его рта дурно пахло.

— Рад был увидеть тебя, приятель. Ну а мне пора отчаливать, — сказал Айзек.

— Отчаливать? Это что за слово — из кино или еще откуда-то? — Флако на секунду задумался. Лицо его просветлело.

— Пойдем, покурим травку, приятель. У меня есть, эти сволочи не нашли.

— Нет, спасибо.

— Нет, спасибо?

— Не курю.

— Да ну? — удивился Флако. — Ну ты даешь! Отступил на шаг, еще раз оглядел Айзека.

— Да, дела!

— Тем не менее спасибо. Флако махнул рукой.

— Иди, приятель, иди.

Когда Айзек повернулся, Флако сказал:

— Ты пытался научить меня. Я не забыл. Ты приносил мне кукурузу или что-то в этом роде.

— Тамалес.

— Как бы ни было, ты считал меня способным. Да?

— Да.

Флако обнажил гнилые зубы.

— Интересно, что ты там считал. Эй, приятель, давай-ка проверим это: как насчет того чтобы «отчалить» отсюда? Я покурю, а ты посмотришь и мы поговорим, что ли, приятель. Узнаем, как кто жил все эти годы.

Айзек подумал, но не слишком долго.

— Конечно, — сказал он.

В конце встречи он даже сделал две затяжки.

Они сталкивались друг с другом раз или два в год. И это всегда бывали случайные встречи на улице. Иногда у Флако не было времени для Айзека. В другой раз он жаждал общения. Когда такие встречи происходили, Флако курил и говорил, а Айзек слушал. Однажды, когда им было по шестнадцать, Айзек по какой-то причине пребывал в плохом настроении. Он глубоко затянулся, дым обжег ему легкие, в

голове появилась странная легкость. Он много смеялся, потерял контроль. Домой пошел, как во сне, пролежал в постели до обеда. Ел с аппетитом. Мама смотрела на него с одобрением.

Когда им было по семнадцать, Флако попросил Айзека растолковать ему некие юридические документы, поскольку умение читать у него так и осталось на уровне четвертого класса.

Судя по документам, Флако украл сигареты из автомата, и ему назначили год исправительных работ. Пункт 466.3 Уголовного кодекса. Об этом хвастливых татуировок не сделаешь.

На следующий год Флако показал Айзеку свои пистолеты. Большой черный автоматический оттягивал карман его просторных штанов. Другой, шестизарядный, поменьше, был прикреплен к щиколотке.

Пистолет на щиколотке, он, наверное, видел в кино.

— Классный, — одобрил Айзек.

К тому времени он узнал характер Флако: нервный, нестабильный, совершенно лишенный страха. Последнее качество делало Флако опаснее любой клыкастой змеи.

Флако продолжал говорить о пистолетах, о том, на что они способны, как их следует чистить. Рассказал, как выгадал на покупке.

Айзек слушал. Когда слушаешь, люди чувствуют себя спокойно и думают, что ты умен и интересен.

Флако любил говорить:

— Ну, у тебя и жизнь, приятель. Ты будешь богат.

— Сомневаюсь.

— Какие могут быть сомненья?! Ты станешь богатым врачом, и у тебя будет доступ ко всем наркотикам. Мы ведь по-прежнему будем друзьями?

Айзек рассмеялся.

— Ничего смешного, — сказал Флако. Но он и сам смеялся.

Айзек вышел из автобуса и направился в бар на Пятой, возле улицы Лос-Анджелес. Он подумал, что это недалеко от переулочка, где 28 июня испустил дух моряк Хохенбреннер.

Плохое соседство, хотя Даунтаун и подремонтировали.

Флако околачивался днем возле «Кантина нуэва», делал какие-то свои делишки. Айзек не спрашивал, что именно, но Флако и самому не

терпелось похвастаться. Некоторые истории Айзек слушал, другие пропускал мимо ушей.

Иногда Флако бывал молчалив. Теперь они стали взрослыми и знали, что в их же интересах не следует обсуждать некоторые темы.

В этом году Айзек дважды заходил в бар, оба раза по просьбе Флако. Однажды Флако просил прочитать бумаги касательно дома на Сто семьдесят второй Южной. Агент по недвижимости заверил Флако, что все в порядке, но этот городской пижон был скользким типом, а Флако знал, кому он может доверять.

Флако, в свои двадцать три года, скоро станет домовладельцем. У Айзека не было ничего, и он не мог не отметить иронию судьбы.

Во второй раз Флако сказал, что просто хочет поговорить, но, когда Айзек пришел в бар, Флако сидел в кабинке, и это был один из дней, в который он почти ничего не сказал. Он все заказывал для них обоим пиво и спиртное, а Айзек растягивал свой бокал до последнего. Все равно захмелел, устал и сидел, глядя на людей, входящих и выходящих из бара. Они подходили к Флако. Обменивались взглядами. А затем — и деньгами, и чем-то поблескивавшим хромом в бумажных пакетах, и порошками в полиэтиленовых мешочках.

«Не хватает мне прямо сейчас попасть под арест. Прощай медицинский колледж».

Флако усадил Айзека в глубине кабины лицом к бильярдному столу, спиной к стене. Затем сел рядом с Айзеком. Запер его.

Хотел, чтобы Айзек все видел. И знал.

После двух кружек пива и спиртного Флако сказал:

— Мой старик умер, пырнули ножом в китайском квартале.

— Ох, Флако, прими мои соболезнования, — сказал Айзек. Флако рассмеялся.

Сегодня в баре было жарко, темно, пахло потом. В помещении почти пусто, за исключением пары старых испанцев, сгорбившихся у барной стойки, и троих парней, которые, похоже, только что пересекли границу. Они гоняли шары на бильярдном столе. Щелк, щелк, щелк. Противное бряканье шаров, катящихся по металлическому желобу. У врачей Латтиморов в доме был бильярдный стол — для бильярда они выделили целую комнату. И бряканья там не было: шары бесшумно падали в кожаные сетки.

Бряк. Испанские ругательства.

Флако в кабинке развалился на стуле. На нем была черная хлопчатобумажная куртка поверх черной футболки, на столе перед ним пустые пивные кружки и рюмки. Он отрастил волосы, но как-то странно. Макушка у него выбрита, по бокам оставлены две черные полоски, на затылке болталась короткая тугая косичка, похожая на хвост рептилии. В углах рта подобие усов. Все, что ему удалось вырастить.

Айзек решил, что он похож на злого китайца, каким его представляют себе голливудские режиссеры.

Флако поднял голову, когда Айзек подошел к кабинке. Глаза у него были сонные.

Айзек стоял, пока Флако не поманил его пальцем.

Быстрое сердечное рукопожатие.

— Братишка!

— Привет!

Айзек сел против него. Он зашел в аптеку, купил тюбик тонального крема и постарался спрятать синяк. Получилась заплатка, но если специально не смотреть, то можно и не заметить.

Отечность было уже не скрыть, по Флако не приглядывался, к тому же в баре плохое освещение, поэтому Айзек надеялся, что ему не придется ничего объяснять.

— В чем дело? — неразборчиво спросил Флако. Длинные рукава застегнуты на запястьях. Обычно он

их закатывал. Скрывает следы от уколов? Флако говорил, что не колется, уверял, что предпочитает вдыхать, но кто знает?

Он всегда был беспокоен, неспособен долго оставаться один.

— Все по-старому, — ответил Айзек.

— Если по-старому — фак тебя — то почему ты здесь? Айзек пожал плечами.

— Ты всегда это делаешь, — заметил Флако. — Дергаешь плечами. Ты это делаешь, когда хочешь что-то от меня скрыть.

Айзек рассмеялся.

— Ничего смешного, — мотнул головой Флако.

— Мне нужен пистолет, — сказал Айзек.

— Пистолет? — захихикал Флако. — Зачем? Подстреливать самолеты? Не хочешь ли ты сделаться террористом?

Он раздул щеки, попытался сымитировать ружейный выстрел. Результат вышел хилый. Он закашлялся. Явно что-то принял.

— Для собственной безопасности, — сказал Айзек. — Район-то криминальный.

— Тебе кто-то угрожал? Скажи, кто, и я его прикончу.

— Нет, все в порядке. Но ты знаешь, как это бывает: все вроде хорошо, а потом — раз, и плохо. Сейчас, например, похуже.

— У тебя проблемы, приятель?

— Нет, все хорошо. Хочу, чтобы и дальше все так было.

— Пистолет... твоя мама... тамалес... — Флако облизнулся. — Они были такими вкусными. Может, угостишь меня еще?

— Обязательно.

— Да?

— Без проблем.

— Когда?

— Когда захочешь.

— Я постучу тебе в дверь, ты пригласишь меня, представишь маме, и она угостит меня своей вкусной кукурузой?

— Ну конечно, — сказал Айзек, зная, что этого никогда не будет.

Флако и сам это понимал.

— Пистолет, — он вдруг задумался. — Это... сам знаешь, ответственность.

— Я смогу с ним управиться.

— Ты хоть умеешь стрелять?

— Конечно, — солгал Айзек.

— Враки!

— Я умею.

— Ты отстрелишь собственную задницу и прочие причиндалы, приятель. Я буду плакать.

— Все будет нормально.

— Бац-бац, — сказал Флако. — Нет, приятель, зачем тебе понадобился пистолет?

— Я добуду его, — заявил Айзек. — Так или иначе.

— Дурачок.

Флако понял, что он сказал, и осекся. Айзек стал подниматься из-за стола. Флако взял его за запястье.

— Выпей, брат.

— Нет, спасибо.

— Ты меня не уважаешь?

Айзек развернулся, посмотрел Флако в глаза.

— Я считаю, что все наоборот: это ты меня не уважаешь. С лица Флако сбежала улыбка. Он по-прежнему держал

Айзека за запястье. Еще одна татуировка с числом «187». На другой руке. Больше и свежее. Черные чернила. В верхнем кружке цифры «8» уместился крошечный улыбающийся череп.

— Так ты не будешь пить со мной?

— Одну кружку, — согласился Айзек. — Затем пойду. Пора дело делать.

Флако, покачиваясь, подошел к бару, вернулся с двумя кружками пива. Пока они пили, он вынул из черной куртки белый пластиковый мешок и сунул его под стол.

Айзек посмотрел вниз. На мешке — логотип ювелирной фирмы.

— С днем рождения, дружок.

Айзек взял у Флако мешок. Тяжелый. На дне лежало что-то, завернутое в туалетную бумагу. Держа руки над столом, Айзек частично развернул сверток.

Блестящий предмет, маленький, широкий и тупорылый. Выглядел он воистину устрашающе.

ГЛАВА 20

Пятница, 14 июня, 16:34, Комната детективов. Голливудский участок

На автоответчике доктора Роберта Кацмана Петра оставила два новых сообщения, последнее звучало сердито.

Тут же пожалела, что сорвалась. Даже если ей удастся добраться до онколога, что толку? Он лечил Сандру Леон от лейкемии, что еще может он ей сообщить?

Тем не менее она заметила, что клерк в онкологическом отделении говорил о Сандре как-то нервно. Но кто сказал, что она имеет отношение к девушке в розовых кроссовках или к стрельбе у «Парадизо»?

Петра спустилась вниз, нашла секретаршу. Кирстен стояла возле аппарата, охлаждающего питьевую воду. На ней была рубашка-безрукавка и джинсы. Петра попросила Кребс немедленно соединить ее с Кацманом, как только он позвонит.

Уставившись в пол, Кребс сказала:

— Да, хорошо.

А когда решила, что Петра ее не слышит, пробормотала:

— Разбежалась.

Петра вернулась к столу, не зная, что ей теперь делать. Оставалось две недели до 28 июня. Айзек уже несколько дней не появлялся. Уж не потерял ли он интерес к расследованию этого гнусного дела? Или стесняется синяка?

В любом случае — кому до него есть дело?

К сожалению, ей. Она вернулась к копиям следственных материалов, еще раз просмотрела те два дела, которые она знала лучше всего, — дело Добблер и дело Солиса — в надежде обрести озарение, но не обрела.

Так и мучилась, пока еще раз не прочитала отчет коронера о Корал Лэнгдон, той, что прогуливала собачку. Она увидела там то, на

что прежде не обращала внимание. Имелся вещдок — маленький пучок шерсти. Он прошел лабораторный анализ.

На одежде Лэнгдон обнаружили два типа собачьей шерсти. В окончательном заключении об этом не упоминалось. Патологоанатом счел это неважным. Возможно, так оно и было.

Присутствие шерсти кокапу было неудивительно. Маленькую Бренди убили вместе с хозяйкой.

«Глупая маленькая собачонка. Мир — это мой туалет».

Наряду с кудряшками цвета шампанского, прилипшими к красному кашемировому кардигану Корал и к ее черным хлопчатобумажным брюкам восьмого размера от Анны Клейн, криминалисты сняли меньшее, но все-таки значительное количество прямых грубых волосков.

Короткие, темно-коричневые и белые. Собачьи. Анализ на ДНК не делали и породу не определяли.

Да и кому это придет в голову? Можно было найти множество объяснений, в том числе то, что у Корал Лэнгдон было две собаки. Хотя, если верить делу, другой собаки у нее не было. Детектив Ширли Леон, скорее всего, не придавала значение дате — 28 июня — но Ширли была собачницей: у нее было три афганских борзых, а потому она наверняка обратила бы внимание на наличие второй собаки.

Возможно, маленькая Бренди общалась с мохнатым приятелем, подцепила его шерсть и перенесла на Корал.

Возможно также, что бездомная собака набрела на трупы и подошла их обнюхать.

Не исключено, что Корал Лэнгдон, прогуливаясь поздно вечером по Голливудским холмам, в компании крошечной собачки, от которой невозможно было ожидать защиты, повстречалась с другим собачником.

Они остановились, принялись говорить о собаках. Собачники все такие: привязанность к животным вызывает у них взаимный интерес.

Собаки могли служить хорошей приманкой для злоумышленников. Петра вспомнила случай, над которым работала в начале карьеры. Вор, приятный на вид парень — как же его звали? — всегда водил с собой неуклюжего семидесятифунтового бульдога... Монро. Она вспомнила кличку собаки, но не имя владельца. В чем там было дело?

Парень приглядывался к женщинам, приехавшим на парковку на роскошных автомобилях последней модели. Как только они выходили из машины, он проходил мимо, держа на поводке Монро. Женщины бросали взгляд на курносую сморщенную собачью морду и таяли. Тут же вступали в разговор. Молодой человек — Льюис или как там его — разыгрывал роль истинного собачника, хотя на самом деле Монро принадлежал его сестре. Женщины ворковали над терпеливо выдерживающим их ласки животным и отходили в полном восторге. Половина из них забывали запереть машины и/или включить сигнализацию.

Итак, присутствие собаки всегда внушает доверие к ее владельцу.

Петра думала, как могло все произойти у Лэнгдон. Мужчина с собакой — белый, вполне добропорядочный — тот, кто не выглядел неуместно на Голливудских холмах, — выходит на тихую улицу.

Корал со своей кудрявой собачкой, мужчина — с собакой побольше. Собака неопасная, какой-нибудь питбуль. Короткая темно-коричневая шерсть с примесью белых волосков. Возможно, это пойнтер или помесь.

Какая-нибудь спокойная и не грозная собака.

Петра придумывала сценарий, представляла себе, как Корал и неизвестный собачник остановились поболтать. Возможно, посмеивались над мохнатыми любимцами, обменивавшимися любезностями.

Говорили, что собаки часто похожи в своих повадках на людей.

Корал — одинокая, но здоровая и моложавая — могла благосклонно отнестись к мужскому вниманию. Возможно, пофлиртовала или даже обменялась телефонами. При трупке Корал никаких записей с телефонными номерами обнаружено не было, но это ничего не значило. Собачник мог забрать их, когда работа была закончена.

Его работа.

Приятная беседа закончилась.

Корал и Бренди повернулись, чтобы уйти.

Бумс.

Удар сзади. Как и все остальные. Трус. Расчетливый, изворотливый трус, не желающий смотреть в лицо своей жертве.

«Креативно». Так бы назвал это Майло Стеджис. Его любимый эвфемизм, который он употребляет, если дело застопорилось.

Петре хотелось бы знать, что он обо всем этом думает. И Делавэр — тоже.

Она раздумывала, позвонить ли им, когда к ее столу подошла Кирстен Кребс и сунула ей под нос квиток телефонного разговора.

— Он что, повесил трубку? — спросила Петра.

— Это не тот, которого вы *просили* соединить с вами, — сказала Кребс. — Но, поскольку вас так интересуют ваши *сообщения*, я принесла его вам лично.

Петра схватила листок. Три минуты назад звонил Эрик. Своего телефона он не сообщил.

Она прочитала на листке сообщение, написанное корявым почерком Кребс.

«Не верь тому, что увидишь в новостях».

— Понятия не имею, что это значит, — сказала Кребс. — Говорил он как-то странно.

— Он детектив из нашего участка.

На Кребс это впечатления не произвело.

— Вы сказали ему, что меня нет? — спросила Петра.

— Он был не тот, о ком вы говорили, — настойчиво сказала Кребс.

— Черт... — Петра перечитала записку. — Ладно. Можете идти.

Кребс уперла руки в бока, выставила ногу, втянула щеки.

— Если вас интересуют выборочно какие-то определенные сообщения, то дайте мне подробную инструкцию.

И с достоинством удалилась.

«Не верь тому, что увидишь в новостях».

Петра пошла в раздевалку, где был старенький телевизор.

Стационарный приемник стоял на подоконнике. Петра включила его, стала переключать каналы, пока не нашла местную станцию.

Региональные новости, ничего, даже отдаленно напоминавшего Ближний Восток.

Да, может, Эрика там сейчас нет?

«Не верь...» Ладно, все нормально, он позвонил, значит, не о чем беспокоиться.

Почему же он не настоял, чтобы его с ней соединили?

Потому что он этого не хотел. Плохая ситуация? Что-то, о чем он не мог говорить?

Стучало сердце, болел желудок. Она заторопилась назад, в комнату следователей. Барни Флейшер сидит за своим столом, па плечи накинута спортивная куртка. Что-то бормочет и аккуратно складывает в стопку газеты.

— У нас можно где-нибудь посмотреть «Си-эн-эн»?

— Я предпочитаю «Фокс ньюс». Честно, сбалансированно и все такое.

— И все же?

— Самое близкое место — «Шеннон».

Петра никогда не была в ирландском пабе, но знала, где он находится. В Уилкоксе, к югу от бульвара, пешком недалеко. Барни сказал:

— У них отличный плоский экран. Когда нет спорта, там показывают новости.

Она прибежала в «Шеннон», села за барную стойку, заказала колу. Плоский плазменный экран, пятьдесят два дюйма по диагонали, напоминал окно в стене. Он был настроен на «Эм-эс-эн-би-си».

В выпуске новостей ничего не сказали о Ближнем Востоке, а бегущая строка внизу кадра была отключена. Петра спросила бармена, нельзя ли ее настроить.

— Мы это сделали специально, — сказал он. — Строка выжигает на экране линии.

— А если включить ее на несколько минут? Или перейти на другой канал?

Он нахмурившись посмотрел на ее безалкогольный напиток. С какой стати он станет выполнять ее запросы? Но бизнес шел медленно, и за барной стойкой никто больше не сидел, поэтому он нажал на кнопку дистанционного пульта, и по экрану побежала строка.

Петра вытерпела финансовые новости, финальные встречи баскетболистов в борьбе за кубок, затем зарубежные происшествия: землетрясение в Алжире — Ближний Восток — но ничего, связанного с Эриком, она не увидела.

Зачем он тогда позвонил...

Ведущая программу журналистка заговорила громче, и Петра прислушалась.

— «...передают, что благодаря американским военным число жертв террориста-смертника в Тель-Авиве оказалось не столь большим, как было запланировано...»

Прибрежное кафе. Забитый ресторанами проспект вдоль средиземноморского берега. В этот жаркий солнечный день люди хотят отдохнуть. Двое немецких туристов, несколько иностранных рабочих из Таиланда, неизвестные американские «офицеры службы безопасности».

С другой стороны улицы идет подонок с бомбой под плащом.

Черный плащ подонка в жаркий день насторожит любого, у кого есть хоть капля наблюдательности.

И насторожил. Его повалили на землю, прежде чем он успел дернуть шнур детонатора на поясе, набитом гвоздями и пластиковыми шариками.

Один — ноль в пользу хороших парней.

Несколько мгновений спустя подонок номер два, в двадцати футах от места происшествия, приводит в действие свою бомбу. Вместе с собой он уносит на тот свет двух израильтян — мать и ее дочь-подростка.

«Как передают, десятки людей ранено...»

Двое убийц. Но, если бы не чьи-то внимательные глаза, жертв могло бы быть еще больше.

Чьи-то.

Десятки раненых могли лежать на земле в радиусе взрыва. Эрик, видимо, был не так плох, если позвонил. Почему он не настоял на том, чтобы его с ней соединили?

— Ну, насмотрелись? — спросил бармен. — Могу я убрать бегущую строку?

Петра бросила ему десять долларов и вышла из бара.

ГЛАВА 21

Вернувшись в участок, она побежала вверх, в раздевалку, включила старенький приемник. Передавали четырехчасовые новости. О террористическом акте в Тель-Авиве рассказали в третью очередь. Сначала говорили о доверии к властным структурам, потом о мошеннических операциях банка в Линвуде.

Все те же голые факты, изложенные почти в тех же словах. А она чего ожидала?

Петра вошла в комнату следователей и почти столкнулась с Кирстен Кребс.

— Вот вы где! Он на проводе.

Петра подбежала к своему столу, схватила трубку.

— Коннор.

— А, разгневанный детектив, — сказал медоточивый голос. — Это доктор Боб.

— Прошу простить меня, доктор Кацман. У меня сейчас напряженная неделя.

— Думаю, что таких недель у вас было немало. «У тебя — тоже, ты ведь онколог».

— Спасибо за то, что позвонили. Как я уже и говорила, Сандра Леон была свидетелем преступления, и мы сейчас никак не можем ее отыскать.

— К сожалению, ничем не могу вам помочь, — сказал Кацман. — Она больше не мой пациент. И я тоже не смог ее найти.

— Где ей делали химиотерапию?

— Надеюсь, что нигде. У Сандры нет лейкемии. Хотя она хотела убедить нас в обратном.

— Она солгала, сказав, что больна?

— Умение лгать — ее главное достоинство. Пожалуй, я неправильно выразился, сказав, что она больше не мой пациент. Она никогда не была моим пациентом. Поэтому я спокойно могу говорить с вами.

— Объяснитесь, доктор.

— В прошлом году она явилась с направлением от врача из Окленда, сказала, что ей поставили диагноз: острая миелогенная лейкемия. Что она находится в состоянии ремиссии и нуждается в медицинском наблюдении. В письме также было сказано, что она — совершеннолетняя и живет с родственниками, уровень доходов ниже прожиточного минимума, нуждается в финансовой поддержке. Наш социальный работник отправил ее в нужные агентства и записал на прием ко мне. В агентства Сандра сходила, но на осмотр в онкологическую клинику не явилась.

— Что за агентства, о которых вы говорите?

— У нас имеется несколько государственных и местных программ для детей, болеющих раком. Агентства предоставляют лекарства, транспортные услуги, ваучеры для проживания, парики — в том случае, когда пациенты теряют волосы. Оплачивают лечение.

— Ага, — сказала Петра.

— Вот-вот, — поддакнул Кацман. — Как только ребенок зарегистрирован, его родственники также пользуются различными льготами. Вы получаете доступ к продуктам и прочему.

— Значит, Сандра получила все, что можно, но на прием не явилась.

— Формально контроль за дальнейшим развитием событий не входит в сферу обязанностей агентства. Все, что они требуют, это установление диагноза, ходом лечения они не интересуются. Позднее я обнаружил в одном из документов, что она считалась активным пациентом.

— Эти формы Сандра заполняла сама.

— Угадали.

— Вы ее когда-нибудь видели?

— Несколько месяцев спустя, после беседы с социальным работником. Когда она не появилась в первый раз, мы позвонили по номеру, который она указала, но телефон был отсоединен. Это насторожило меня, но я решил, что она переехала. Или передумала и обратилась к другому врачу. Затем ко мне на подпись пришло несколько ее документов, и я заинтересовался тем, что происходит. Направил к ней домой социального работника. Оказалось, что Сандра дала адрес почтового отделения.

— Где?

— Этого я не знаю, — сказал Кацман. — Возможно, Лоретта, социальный работник, вам подскажет.

— Назовите, пожалуйста, ее фамилию, — попросила Петра.

— Лоретта Брейнерд. Так что, Сандра была свидетелем убийства?

— Убийств, — поправила его Петра. — У «Парадизо» открыли стрельбу.

— Я слышал об этом, — сказала Кацман.

— В Балтиморе?

— Я уехал за день до того, как это случилось.

— Вы все-таки ее видели, — сказала Петра. — Как она вам показалась?

— Я попросил Службу помощи детям с онкологическими заболеваниями послать ей письмо с предупреждением, что она потеряет все свои привилегии, если не придет на осмотр. Она явилась на следующий день точно по расписанию. Плакала, извинялась. Говорила о семейном кризисе, о том, что ей пришлось срочно уехать.

— Куда уехать?

— Если она и сказала, то я все равно не помню. Честно говоря, я не слушал. Был раздражен тем, что она думает обвести меня вокруг пальца. Не помню, когда она сменила пластинку. Отличная актриса. Самым важным для меня было произвести осмотр, потому что то, что я видел, мне не понравилось. Кожа ее была желтой, желтыми были и белки глаз. Желтизна может быть симптомом рецидива — поражения печени. Я назначил полный анализ крови. Готов был в случае чего взять анализ спинного мозга, сделать спинномозговую пункцию — таких тестов боятся даже самые покладистые пациенты. Но когда я сказал об этом Сандре, она осталась спокойной. Я подумал, что она, наверное, ничего этого не проходила. Запросил историю болезни, назначил ей встречу на пять часов вечера в тот же день. Она сказала, что голодна, и я дал ей денег на гамбургер в кафетерии. Ей и ее кузине.

— Ее кузине?

— С ней была девушка, примерно того же возраста, — сказал Кацман. — Они приехали с мужчиной лет сорока. Он высадил их у клиники и уехал. Анализ крови показал, что у Сандры лейкемии нет, но есть гепатит А — вирусный гепатит. Это не так плохо, как гепатит С, но его следовало лечить. Я готов был взять ее под наблюдение, но она не пришла для повторного осмотра. Удивительно. Тогда я позвонил

врачу из Окленда. Он никогда о ней не слышал. Он даже не был онкологом. Он — семейный врач, работающий по государственной страховой программе в клинике «Меди-Кэл». Она, Должно быть, добыла фирменный бланк и подделала письмо.

— Гепатит угрожает ее здоровью?

— Нет, если только с иммунитетом будет все в порядке. Гепатит А, по мнению медиков, может пройти сам.

— Глаза у нее до сих пор желтые, — заметила Петра.

— Она пришла ко мне... месяца четыре назад. Через полгода пациенты обычно выздоравливают.

— А как его можно подхватить? — заинтересовалась Петра.

— Антисанитария. — Кацман сделал паузу. — Проститутки и люди, ведущие беспорядочный образ жизни, находятся в зоне риска, если они занимаются анальным сексом.

— Вы считаете, что Сандра из этой категории?

— Она кокетлива, но это и все, что я могу сказать.

— Пока она была в вашей системе, сколько денег успела выкачать?

— Понятия не имею.

— А кузина? — спросила Петра. — Что вы можете сказать о ней?

— Спокойная девушка. Сандра побойчее. К тому же она хорошенькая, несмотря на желтизну. Кузина просто тихо сидела.

— Она была возраста Сандры?

— Может быть, чуть помоложе.

— А рост? Ниже Сандры? Волосы кудрявые, рыжеватые?

Молчание.

— Похоже, что так.

— На ней случайно были не розовые кроссовки?

— Да, — сказал Кацман. — Ярко-розовые. Это я запомнил.

Похоже, он удивился, что память к нему вернулась.

— Что еще можете вы мне сказать об их взаимоотношениях?

— Не обратил внимания. Был сосредоточен на желтизне Сандры.

Петра напряглась. Неужели она добралась до убитой девушки?

— Не могла ли она заразить Сандру, доктор?

— Целоваться с человеком, болеющим гепатитом А, я бы не стал, но рукопожатием спокойно бы обменялся.

— Что вы можете сказать о взрослом мужчине, приехавшем вместе с девушками?

— Запомнил только, что он довел их до приемной и ушел. Заметил это только потому, что вышел проводить пациента. Я хотел с ним поговорить: как-никак, взрослый человек, должен отвечать за них и все такое, но он мгновенно ушел.

— Как он выглядел? — спросила Петра.

— Я видел только его спину.

— Но вы определили его возраст, — сказала Петра. — Около сорока.

— Считайте, что средний возраст. Я определил это по его осанке. От тридцати до пятидесяти.

— Что на нем было надето?

— Прошу прощения, — сказал Кацман. — Не хочу фантазировать.

«Не так мало для "мгновенно ушел"».

— Может, Лоретта Брейнерд что-нибудь вспомнит? — сказала Петра.

— Не думаю, хотя можете сами ее об этом спросить.

— Спасибо, доктор.

— Вот еще что, — спохватился Кацман, — Сандра сказала, что ей пятнадцать лет, но мне кажется, что она старше. Я бы сказал, восемнадцать или девятнадцать. Не могу подтвердить это с научной точки зрения, но такая мысль пришла мне в голову, когда я понял, что меня водят за нос. В ней чувствовалась какая-то... если не умудренность, то самоуверенность. — Он рассмеялся. — В том, что касалось ее игры.

Петра позвонила Брейнерд. Социальный работник с трудом припомнила Сандру Леон.

Повесив трубку, Петра вспомнила разговор на автостоянке. Девушка только что стала свидетелем трагической гибели своей «кузины», но при этом не испытывала ни шока, ни горя. Девушку-подростка, впервые столкнувшуюся с трагедией, должны были переполнять эмоции. Здесь же все было по-другому: в глазах ни слезинки, она переминалась с ноги на ногу... от нетерпения. Словно Петра отнимала у нее драгоценное время.

В ее глазах вспыхнуло беспокойство, только когда она впервые встретила взглядом с Петрой.

Убийство оставило ее спокойной, а вот копы заставили занервничать.

В больнице она соврала, что ей пятнадцать, а в тот вечер сказала, что шестнадцать.

Ее платье и макияж подтверждали догадку Кацмана, что она старше.

Одета она была наряднее девушки в розовых кроссовках. Вечернее платье, на лице накладная мушка. Что-то праздновали?

Девушек сопровождал взрослый мужчина. Сандра упомянула о брате, сидевшем в тюрьме за угон машины. Петра пролистала свой блокнот, нашла торопливую запись.

«Брат. Ломпок».

Она позвонила в тюрьму штата, поговорила с заместителем начальника, узнала, что в этих стенах содержатся двое по фамилии Леон: Роберт Лерой, шестидесяти трех лет, мошенник и вор, и Рудольфе Сабино, сорока пяти лет, убийца и садист. Заместитель был настолько любезен, что проверил списки посетителей обоих заключенных. Рудольфе Леона не навещали уже три года. Печальный случай, у него был ВИЧ, и он страдал слабоумием. К старшему мужчине, Роберту Ле-рою Леону, ходила толпа посетителей, но ни Сандры, ни другой девушки приблизительно того же возраста и внешности никто не видел.

Еще одна ложь?

Сандра Леон быстро превращалась из свидетеля преступления в человека, представляющего интерес для полиции.

Петра позвонила на пейджер Маку Дилбеку и рассказала о жульничестве Сандры.

— Она знала жертву, но не была расстроена. Так, может, ей заранее было известно, что должно произойти? — сказал Дилбек.

— Я тоже так думаю.

— Хорошая работа, Петра. Ничего не выяснили о взрослом мужчине?

— Пока нет. Я о другом сейчас думаю. Леон попыталась было заявить мне что-то про свои права, и я спросила, был ли у нее опыт

столкновения с законом. Она сказала, что ее брат угодил за решетку в Ломпоке. Оказывается, это еще одна порция вранья, но зачем давать информацию, которая указывает на ее связь с криминалом? Почему просто не промолчать?

— Возможно, ваш вопрос, сбил ее с толку, — предположил Мак. — Она лгунья, но пока не очень умелая. Вот и выболтала полуправду с фальшивой подробностью.

— В этой истории есть родственник, — сказала Петра, — но не брат. Впрочем, может быть, и брат, но не в Ломпоке. Онкологический обман был тонко продуман. Вряд ли он пришел бы в голову обычной девушке. У Сандры есть опыт. Думаю, она член криминальной группы. Семейное дело.

— Что-то вроде цыганского табора? Может быть. Как те сомалийцы, которых мы арестовали в прошлом году. Почему бы и нет? Если Леон в их группе специализируется на обмане, то это действительно интересно.

— Роберт Леон посажен за обман и кражу, но он слишком стар, чтобы быть ее братом.

— Интересно.

— Может, убийство связано с мошенничеством, и девушка в розовых кроссовках была намеченной жертвой. Они инсценировали все так, чтобы со стороны это выглядело как гангстерская разборка. Сандра не была напугана, потому что обо всем знала заранее.

— Сыровато, — сказал Дилбек. — Одни домыслы. Надо бы прошерстить пенитенциарную систему, федеральные тюрьмы и тюрьмы штата.

— Кто будет этим заниматься?

— Вы возражаете?

— Я буду делать это одна?

— Монтойе только что поручили новое дело, остаток моего дня расписан: собрание по поводу перестрелки в центре города. Буду сидеть там и выслушивать, насколько все они умнее нас. Конечно, если вы хотите поменяться со мной ролями...

— Нет, спасибо, — сказала Петра. — Я возьму свою волшебную палочку.

Она посмотрела в открытой базе данных всех мошенников по фамилии Леон, проглядела и остальные базы данных. Оказалось

слишком много однофамильцев. Настало время включить логику. Сандра Леон привезла Кацману письмо из клиники в Окленде. Следовательно, либо она, либо кто-то из ее знакомых там лечился.

Она сосредоточилась на Леонах, живших в районе тихоокеанского побережья, и сузила поиск до двенадцати человек.

Двое — Джон Б., двадцать пять лет, и двадцатичетырехлетний Чарльз К. — подходили по возрасту на роль брата. Оба были из Окленда, и когда она ознакомилась с их делами, то поняла, что отработала свою долю из денег налогоплательщиков.

Второе имя Джона было «Бэрримор», а Чарльза — «Чаплин».

Вспомнила слова Кацмана о Сандре: она отличная актриса.

Затем выяснила, что молодые люди были братьями, и позволила себе улыбнуться.

Проходивший мимо детектив заметил:

— Неужто счастье возможно?

— Раз в сто лет, — ответила Петра.

Джон Бэрримор Леон отбывал пятилетний срок в Норко за почтовое мошенничество, а Чарли Чаплин Леон заработал свои два года в Чайно — он взламывал торговые автоматы в Оклендском пассаже.

До надзирателей в Норко Петра не дозвонилась, а старший охранник поступил на эту работу недавно. А вот его коллега в Чайно оказался кладезем информации. Леоны были членами оклендской криминальной группировки под названием «Игроки». Несколько кузенов Леонов отбывали срок. По прикидкам охранника, состав группы определялся кровным родством процентов на 50-60, другие попадали туда, вступив в брак; некоторых неофициально усыновляли. Большинство составляли гватемальцы, но были также афроамериканцы и белые, и по крайней мере два азиата.

— Подельники на любой вкус, — сказала Петра. Охранник из Чайно рассмеялся.

— Они прибегают к насилию? — спросила она.

— Во всяком случае я об этом не слышал. Они специализируются на обмане, используют множество схем для получения государственного пособия. Они думают о себе как об актерах, потому что их босс пытался им стать.

Босс был неудавшимся актером с сорокалетним стажем в области имущественных преступлений. Шестидесятитрехлетний Роберт Лерой Леон — по прозвищу Директор. В данный момент он находился в Ломпоке. К нему приходило много посетителей, но Сандры не было.

Мак был уверен: девушка проговорилась, сказала частичную правду.

Петра расспросила охранника обо всем, что он знал об «Игроках». Он сообщил имена некоторых возможных членов группировки, но не более того. Она сделала записи и загрузила их в компьютер.

Войдя в «Гугл», она набрала слово «Игроки» и получила 1 640 000 ссылок. «Мошенничество игроков» привело ее на веб-сайт, посвященный протесту против корпоративных преступлений.

Было почти семь часов, Петра в ошеломлении ощутила вдруг, что сил у нее нет. Она смотрела на экран и думала, что делать дальше, когда голос Айзека оторвал ее от созерцания всех этих нулей.

— Привет, — сказал он.

Она взглянула на синяк на его щеке. Бледный — нет, замазанный. Он пытался скрыть его под гримом. Неуклюжая попытка — неровное, осыпающееся пятно.

— Привет, — ответила она. — Надеюсь, другой парень пострадал больше.

ГЛАВА 22

Румянец смущения проступил на лице Айзека даже через грим.

— Пустяки, — он старался говорить небрежно. — В коридоре было темно, и я наткнулся на стену.

— Вот как, — сказала Петра.

На плече синей рубашки белели крошки грима, Он проследил за ее взглядом, поспешно стряхнул их.

— Может, вам нужна моя помощь? На часах была половина восьмого.

— Так поздно на работу? — удивилась Петра.

— У меня были неотложные дела в кампусе, а потом я решил зайти сюда, узнать, может, нужно что-то для вас сделать.

«Один миллион шестьсот сорок тысяч ссылок». Петра улыбнулась.

— Вообще-то, тут такое дело...

Она сообщила ему информацию о Сандре Леон и «Игроках». Он торопливо застучал по клавишам своего ноутбука.

Счастлив заняться делом.

Петра страшно устала и проголодалась.

Она пошла в «Шеннон», уселась у барной стойки на прежний табурет, заказала пиво и сэндвич с солониной. Плоский экран был настроен на рекламу. Выпивох не интересовала покупка волшебных циркониевых браслетов.

Бармен сменился — теперь это была женщина, и она не стала протестовать, когда Петра попросила ее переключиться на «Фокс ньюс» и добавить бегущую строку.

— Да, она раздражает, — сказала женщина. — Хочешь прочитать что-нибудь, а строка режет экран пополам.

Трое выпивох дружно кивнули. Это были пожилые мужчины, седоватые, морщинистые, в измятой рабочей одежде. Бар пропах их потом. Судя по цвету лиц, день Святого Патрика начался для них давно.

Один мужчина взглянул на Петру и улыбнулся. Это была не похотливая улыбка, а отеческая. Она неожиданно вспомнила своего отца, которого так стремительно скосила болезнь Альцгеймера.

Петра жевала сэндвич, пила пиво, заказала еще одну кружку, кинула взгляд на экран и услышала: «Тель-Авив».

Обугленная и покореженная уличная мебель, вой сирен «скорой помощи», хасид подбирает фрагменты человеческих тел. Число жертв выросло до трех — один из раненых скончался. Число пострадавших известно точно: двадцать шесть.

Ответственность за взрыв взяли на себя и «ХАМАС», и боевики Арафата.

«Ответственность».

Петра выругалась. *

Сэндвич дал о себе знать: желудок взбунтовался. Она бросила деньги на стойку и вышла. Барменша крикнула вслед.

— С вами все в порядке, детка?

Когда Петра была уже у двери, женщина закричала:

— Может, вам с собой завернуть?

Она без цели поехала по улицам, нарушая правила. Слышала возмущенные сигналы подрезанных ею автомобилистов, но не обращала внимания.

Она мчалась на своем «аккорде», словно участвовала в гонках. Не смотрела на людей. К черту работу: конца ей не видно.

Сегодня она не хотела иметь дела с преступниками, мошенниками, негодяями и развратниками. У нее лопнуло терпение, надоело отслеживать подозрительные поступки и неожиданные взрывы насилия.

«Двадцать шесть человек ранено».

Эрик позвонил ей, значит, у него все в порядке.

Но Эрик стойчески переносил боль. После ранения, придя в сознание, он отказался от анальгетиков. Его продырявили, а он утверждал, что ничего не чувствует. Врачи не понимали, как он может терпеть такую боль.

Он сидел, опершись спиной на больничные подушки, такой бледный...

Его родители, она и та девица молча ждали.

«Прощай, крошка, я победила».
Ну, и какова же награда?

Она приехала домой, избежав аварии, и как сумасшедшая схватила кисть, писала четыре часа подряд, пока не заболели глаза. В полночь, не рассмотрев, что у нее получилось, выключила свет, ползком добралась до кровати, сняла одежду и улеглась. Уснула, едва сомкнув глаза.

В четыре часа четырнадцать минут ее разбудил телефон.

— Это я, — произнес он.

— Ох, — тупо сказала она, отчаянно пытаюсь врубиться. — Как ты?

— Хорошо.

— Ты не ранен? Слава богу!

— Небольшое ранение...

— Ты... О господи...

— Крошечный кусок шрапнели в икре. Поверхностная рана.

— Боже мой, Эрик...

— Навылет, ничего страшного.

Она села в постели, сердце частило, руки похолодели.

— Шрапнель в ноге, и ты говоришь, что ничего страшного!

— Мне повезло, — сказал он. — Первый подонок набил пояс гвоздями, болтами и обрезками металла. У второго были шарикоподшипники, и они прошли насквозь.

— Они? Значит, у тебя не одна рана?

— Пара маленьких отверстий. Я нормально себя чувствую, Петра.

— Пара означает два? Молчание.

— Эрик?

— Три.

— Три шарикоподшипника в твоей ноге?!

— Ни кость, ни сухожилия не повреждены, попало в мышцу.

Ощущение — словно я слишком много работал.

— Откуда ты звонишь?

— Из больницы.

— Из какой? Где? В Тель-Авиве? Молчание.

— Черт тебя подери, — возмутилась Петра. — Что, я позвоню сейчас Арафату и выдам государственную тайну?

— В Тель-Авиве, — сказал он. — Я не могу долго говорить. Сейчас начато расследование.

— Словно им неизвестно, кто это сделал.

Молчание.

— Это ты выследил первого, да? — спросила Петра. Он не ответил.

— Я права? — настаивала она.

— Это было очевидно, Петра. Тридцать градусов жары, а он в плаще, и кажется, что его вот-вот вырвет.

— Подросток? Они используют для этого подростков, верно?

— Чуть за двадцать, — сказал Эрик. — Говнюк. Придурок.

— Ты был там с американцами, с полицейскими? Кто-нибудь еще его заметил?

Молчание.

— Ответь, Эрик.

— Они немного отвлеклись.

— Значит, героем оказался ты.

— Плохое слово.

— Брось, — сказала она. — Ты герой. Я хочу, чтобы ты был моим героем.

Он не ответил.

«Заткнись, девочка. Ты должна утешить, а не разыгрывать даму его сердца».

— Извини, — сказала она. — Я просто... не знала... и очень волновалась.

— Твоим героем я могу быть, — сказал он. — А до остальных мне нет дела.

ГЛАВА 23

Понедельник, 17 июня, 10:34. Комната следователей. Голливудский участок

Когда Петра приехала в участок, ее поджидал Айзек. Она прошла мимо него в дамскую комнату и долго не выходила.

Ей надо было успокоиться. Несмотря на прошедшие выходные, чувствовала себя измотанной из-за того, что все неприятности переживала в одиночестве.

Стараясь выкинуть из головы террористический акт — и работу, — она занимала себя домашними делами и маниакальным стоянием у мольберта. Занятие живописью погрузило ее в еще большую депрессию. Копия картины О'Киф выглядела мрачной мешаниной. Старушка была гением. Петра знала, что никогда не достигнет ее уровня.

Но неужели даже простое копирование может даваться с таким трудом?

Придя в раздражение, она размазала по всему полотну черную краску. Тут же пожалела об этом и, заплакав, уселась у мольберта.

Давно она не плакала. Кажется, с тех пор как спасла Билли и вывела его к новой жизни. Что за чертовщина с ней происходит?

На черную краску наложила белую, за ней последовал слой красной, она слышала, что кто-то — какой-то знаменитый художник — использовал этот тон для грунтовки.

В носу щипало от запаха скипидара. Петра вымыла кисти и приняла очень горячую ванну. Тело покраснело, кожа натянулась.

Может, пробежка принесет облегчение. Или прогулка пешком. Нет, к черту! Она съест мороженое.

В воскресенье она ходила по магазинам и звонила своим пяти братьям. И их женам и детям. Пять счастливых семей. Они жили полноценной, суетливой домашней жизнью.

Короткий звонок от Эрика поздним вечером в воскресенье вызвал румянец на щеках, но одновременно заставил почувствовать себя одинокой, так как он повесил трубку, не сказав, что скучает по ней.

Он останется в Израиле дольше, чем планировал. В посольстве ему предстояли встречи на высоком уровне. Затем, возможно, съездит в Марокко и Тунис. Спокойные места, по сравнению с Ближним Востоком, но все это только разговоры. Больше он ничего не мог сказать.

В его отсутствие она обратилась к газетам и телевизионным новостям, искала другие источники. Других подробностей о террористическом акте она не узнала.

Геополитический масштаб, обычное дело.

На каком-то уровне — разве не все мы цифры статистики?

Сейчас она стояла в дамской комнате возле зеркала. Высморкалась, поправила волосы.

«Тридцать лет, а лицо начинает обвисать».

Выпрямила спину, выставила грудь — уж какую подарила природа — поморгала ресницами, взбила волосы, встала в гордую позу.

«Эй, моряк».

Тут же подумала о мертвом моряке, Даррене Хохенбрен-нере, с проломленным черепом в трущобном переулке. Другие июньские убийства.

Одиннадцать дней до 28 июня, а она не продвинулась вперед, с тех пор как Айзек вручил ей этот маленький подарок.

Мальчик уже здесь. Испытывает нетерпение.

Петра придала лицу деловое выражение, стерла все претензии на роль роковой женщины. Можно подумать, что они у нее когда-нибудь были!

Он оставался за столом, пока она его к себе не поманила.

— Ну, что?

— Насколько я могу сказать, полиция мало что знает об «Игроках». В данный момент пятеро предполагаемых членов группировки находятся в тюрьме. Предполагаемых, потому что все пятеро отрицают свое членство в какой-либо группе.

Петра вынула блокнот.

— Я уже занес все в компьютер, могу вам распечатать. Она отложила блокнот.

— Кто сидит в тюрьме?

— Двое — это те, кого обнаружили вы, — Джон и Чарльз — внуки Роберта Леона. Еще один, не родственник, по имени Энсон Крафт, осужден за проживание по фальшивым документам. Есть там и женщина, Сьюзан Бьянка. Сьюзан держала в Неваде легальный бордель, затем попыталась открыть нечто подобное в Сан-Луис-Обиспо и была посажена в тюрьму за сводничество. Она — младшая сестра второй жены Роберта Леона — Кэтрин Леон. Роберт — интересный человек. Сорок лет назад он был дизайнером одежды, затем играл эпизодические роли в мыльных операх — здесь, в Голливуде. А после его потянуло к преступлениям. Как он начал, неясно. Он родом из Гватемалы, но прожил большую часть жизни здесь. Его первой женой была мексиканка, дочь гангстера из «Нуэстра фамилия». Она умерла от рака, однако с этой группировкой он, похоже, не связывался. По крайней мере, так говорят заключенные. Он создал порнографический театр в Сан-Франциско, а также несколько стрипклубов и книжные магазины для взрослых. Там он и встретил Кэтрин. Она была танцовщицей. Думаю, в таком окружении его мог кто угодно познакомить с другими преступными элементами, но, возможно, он угодил в гангстерскую группировку. — Айзек пожал плечами. — Вот и все, что мне удалось узнать.

— И это все?

— Возможно, вам, лучше будет поговорить с местной полицией.

— Да я пошутила, Айзек. Вы сделали куда больше, чем удалось бы мне.

Комплимент, похоже, пролетел мимо: Айзек остался серьезным.

Петра вернулась к своему компьютеру. Из архива информации достала дело Роберта Леона. На самом последнем снимке был запечатлен худой седовласый мужчина, с длинным морщинистым лицом. Густые волнистые волосы зачесаны назад, усы угольно-черные.

Ему шестьдесят три, но выглядит он моложе. Выразительные черты лица. В мыльных операх он изображал латиноамериканского любовника.

Леон самодовольно улыбался, тем не менее улыбка была обаятельной.

Над улыбкой жесткие глаза закоренелого преступника.

— Вам не попадались родственники братьев? — спросила она.

— Специально не искал, — сказал Айзек, — но в еженедельной газете Сан-Франциско наткнулся на статью. Там написано, что у Роберта Леона куча детей. Что-то в этом цыганское, хотя они и не этнические цыгане.

— И что, статья интересная?

— Я бы не сказал. Неважно написана. Хипповая проза, в стиле шестидесятых годов. Я ее тоже распечатаю.

Для Петры, родившейся в 1973-м, движение хиппи было далекой историей. А что уж говорить об Айзеке?

— Хорошо, спасибо, — сказала она. — Вы дали мне материал для дальнейшей работы.

— Что касается 28 июня, то ничего нового я не нашел. Он замялся.

— Что?

— Может, я устроил много шума из ничего?

— Нет, это не так, — сказала Петра. — Тут явно что-то есть. Я сейчас поработаю с тем, что вы сообщили мне о Леоне и его банде. Потом мы вместе, около четырех-пяти часов, устроим мозговой штурм по поводу 28 июня. Если, конечно, вы будете свободны.

— Буду свободен, — сказал он. — У меня есть дела в кампусе, но к четырем часам я вернусь.

Его улыбка была широка, словно море.

Петра еще раз позвонила в Ломпок и узнала подробности о посетителях Роберта Леона. Ее заинтересовали три имени. Восемнадцатилетняя девушка по имени Марселла Дукет, судя по имевшемуся в деле адресу, жила в Венеции на Брукс-авеню. Петра обратила внимание и на двух мужчин в возрасте сорока с лишним лет: оба проживали в Голливуде. Сорокапятилетний Мартин Леон жил на Уитли-авеню. Лайл Марио Леон, сорока одного года, проживал на Сикомор-драйв.

Петра попробовала позвонить по всем трем телефонам. Телефоны молчали.

Снова обратилась к архиву информации. И Альберт, и Лайл отсидели срок за ненасильственные преступления — Альберт в Неваде, а Лайл — в Сан-Диего. Снимки отражали их сходство с Робертом Леоном — та же худоба, те же волнистые волосы. Альберт уже поседел. Он делал пробор посередине и носил волосы до плеч. Красавцем не назовешь: нос кривой, переносица сломана. В деле написано, что тело его испещрено шрамами.

Волосы Лайла Леона были все еще темными. Виски коротко острижены, на макушке волосы густые, расчерчены бритыми проборами на квадраты. Пожалуй, слишком экстравагантно для его-то возраста. Серьга в ухе указывала на то, что этот человек презирает условности. Его посадили за то, что он втюхивал старикам бесполезные чистящие средства. В Сан-Диего он сидел меньше года.

Мелкий жулик, пытающийся выглядеть большим пижоном?

Не было упоминания о связи этих людей с Робертом Леоном. Судя по разнице в возрасте, патриарх рано обзавелся сыновьями. Впрочем, Альберт и Лайл могли быть кузенами Роберта.

Имя Марселлы Дукет в криминальных отчетах не упоминалось. Девушка молода, ее время еще не пришло.

Возможно, все это ничего не значит, однако, похоже, придется побегать.

Адреса Альберта и Лайла Леонов оказались фальшивыми. Такая же обманка, как у Сандры: в многоквартирных домах не имелось сведений о том, что кто-либо из них снимал там квартиру. Ни тот, ни другой преступник не были условно освобождены, на их имена не регистрировались транспортные средства. Все это не позволяло их отследить.

Петра поехала в Венис. Дом на Брукс-авеню был одним из трех обитых вагонкой строений. Всюду грязь, подходяще для гангстеров. Хибарка скривилась на своем фундаменте. Крыша под толем, изношенные доски. Обнесенная цепью площадка завалена хламом: старыми покрывками, выброшенными стиральными машинами, пустыми бутылками из-под лимонада, сломанной деревянной тарой.

Был час пополудни, бритоголовые спали. Петра ощущала близость океана — приятный соленый запах, лишь чуть-чуть разбавленный гнилью. От дома до берега несколько шагов. На пляже

Вениса нарушения закона были нормой, и мошенники каждое воскресенье обрабатывали туристов.

Замечательное место для «Игроков» и подобного им сброда. У Петры екнуло в груди. Неужели наконец она вышла на след?

Покинув машину, оглядела окрестности, коснулась пальцами бедра, убедилась, что пистолет на месте. Над океаном поднимался густой серый туман — обычная июньская муть — и весь район был окрашен в тона, напоминавшие размытые газетные снимки.

Уж не потому ли неизвестный преступник выбрал для своих злодеяний июнь? Депрессия, вызванная плохой погодой.

Петра подождала, издали оглядела дом, который, по утверждению Марселлы Дукет, был местом ее проживания. Убедилась, что поблизости нет подозрительных автомобилей. Забор был закрыт на замок и засов, но по высоте доходил лишь до уровня ее талии.

Петра подошла поближе, подождала, не выскочит ли питбуль. Не выскочил. Она еще раз осмотрела улицу, вставила ногу в звено цепи и перелезла через ограду.

На звонки и стук в дверь никто не ответил. Петра собиралась обойти хибару, когда дверь соседнего дома отворилась, оттуда вышел мужчина, подозрительно взглянул на нее.

Латиноамериканец, лет около двадцати пяти, голая грудь. Жидкие волосы подстрижены ежиком, такие же жидкие усы. Как у того старого актера... Кантинфласа.

На нем были просторные синие трусы и больше ничего. Мягкая безволосая грудь и все другие части тела были цвета кофейного мороженого. Солидное брюшко, крупный выпяченный пупок — на память от принимавшей его акушерки.

Ни татуировок, ни шрамов. На мачо он явно не тянул. Просто сонный и дряблый парень, поднимающийся в три часа дня.

Она деловито ему кивнула.

Он тоже кивнул. Понюхал воздух. Зевнул.

Петра подошла к нему.

— Вы постоянно здесь живете, сэр?

Он что-то тихо ответил, Петра подошла поближе и сказала:

— Простите, вы меня слышите?

— Только летом.

— Когда вы сюда приехали?

Парень уставился на нее. Она показала значок. Он снова зевнул. В открытую дверь за его спиной она увидела комнату с серым ковром и голубым диваном. На диване большой кейс из черной кожи. Шторы на окнах опущены. Запах плесени на ковре соединялся с туманным июньским воздухом.

— Первого мая, — ответил он. — А что?

— Почему в мае? — спросила Петра.

— Потому что занятия закончились.

— В колледже?

— В филиале Калифорнийского университета в Норидже. Он подтянул трусы, которые тут же сползли обратно.

— В чем дело?

Петра вместо ответа улыбнулась и в свою очередь спросила:

— Что изучаете?

— Фотографию. Фотожурналистику. Я живу в Долине. Подумал, что Венис — хорошее место, чтобы сделать снимки для портфолио.

Он нахмурился.

— Так что происходит?

Петра посмотрела на небо.

— А туман на снимки не влияет?

— С правильными фильтрами можно сделать приличные фотографии.

Снова нахмурился.

— В чем проблемы? В том, что поначалу я не понял, что это за район. Теперь-то я вижу.

— Проблемы?

— Невозможно уйти и оставить в доме свою технику.

— Плохие соседи?

— Весь район такой. По вечерам стараюсь не выходить. Возможно, в конце месяца уеду отсюда.

— Как же аренда?

— Я плачу ежемесячно.

— А кто хозяин?

— Какая-то корпорация. Я узнал об этом месте из объявления, опубликованного в калифорнийском бюллетене «Сан».

— Дешево? — поинтересовалась Петра.

— Очень дешево.

— Я ищу молодую женщину по имени Марселла Дукет.

— Из соседнего дома?

— И что же, в соседнем доме живет девушка?

— Жила. Последнее время ее не видел.

— Как долго не видели? Он поскреб подбородок.

— Возможно, недели две.

Это совпадало со временем побоища у «Парадизо».

— Могу я узнать ваше имя, сэр? — спросила Петра.

— Мое?

— Да.

— Овид Арназ.

— Мистер Арназ, у меня есть фотография. Не такая, какие делаете вы. Это снимок коронера. Вы согласны взглянуть?

— Я бывал в морге, — сказал Овид Арназ. — Учился. Встречался с фотографами-криминалистами.

— Впечатление не для слабонервных. Арназ вытянул шею.

— Было интересно.

Он глянул на соседнюю развалюху.

— И что же, она умерла?

Петра показала ему наименее страшный посмертный снимок девушки в розовых кроссовках.

Овид Арназ посмотрел на него совершенно спокойно.

— Да, — сказал он. — Это она.

Петра позвонила в тихоокеанское отделение, объяснила ситуацию любезному сержанту, и через пять минут к домику поспешили три патрульных автомобиля. Фургон техобслуживания прибыл через двадцать минут. Пока он ехал, полицейские стояли у дома, а Петра говорила с Овидом Арназом.

Он оказался первоклассным источником информации — фотографическая память, внимание к деталям.

Он помнил розовые кроссовки Марселлы Дукет — она всегда их носила — совершенно точно описал ее лицо и фигуру. Более важным оказалось то, что, по его словам, она жила с двумя другими людьми. Еще одна девушка — хорошенькая, стройная блондинка. По всей видимости, это была Сандра. И с ними мужчина постарше, со странной стрижкой.

Лайл, пижон Лайл.

Петра показала Арназу фотографию Лайла, чтобы знать наверняка.

— Это он. Одет, как пират.

— Что вы имеете в виду?

— Шелковые рубашки с широкими рукавами. Как у старинного пирата.

Он оказался менее полезен, когда дело коснулось поведения соседей и их взаимоотношений. Нет, он не замечал, чтобы эта троица конфликтовала друг с другом. И не имел представления о том, чем они занимались и как проводили свободное время.

Никто из троих в разговоры с ним не пускался. Они шли своим путем, он — своим.

— Днем я как правило фотографировал. Вечера проводил в Долине: там живут мои друзья. Иногда там и ночевал.

— У ваших друзей. Арназ посмотрел в сторону.

— Да, или у родителей.

Видимо, это место так его пугало, что по ночам он возвращался к маме с папой.

— Им не нравится, что я живу здесь, хотя я и говорю, что тут замечательно.

— Они, пожалуй, правы, — сказала Петра. — Поздно от родителей не выезжайте.

— Да, — сказал Овид Арназ. — Главное, чтобы моя техника была в безопасности.

ГЛАВА 24

Мак Дилбек смотрел на фотографию Марселлы Дукет.

— Наша жертва.

— Возможно, наша главная жертва, — сказала Петра. — В полицию она не попадала, но жила с членом известной криминальной группировки. Похоже, другие подростки на автомобильной стоянке попали под огонь случайно.

Петра и Мак пили кофе в «Муссо энд Франкс». Они сидели на жестких стульях в одной из кабин первого зала. Здесь были и голливудские старики, и любители ретро — ровесники Петры. Эти сновали туда и сюда. Петра ела пирог с яблоками, Мак же предпочел с ревенем и ванильное мороженое. Люка Монтойю бросили на расследование поножовщины на Сельма-авеню, и в деле «Парадизо» он временно не участвовал.

Мак отломил вилкой равносторонний треугольник от пирога и аккуратно отправил в рот. Было пять часов вечера, он отработал полтора дня, но серый костюм сиял и белая рубашка, казалась только что отглаженной. Петра передала Айзеку записку, в которой отменила их встречу. Она была в приподнятом настроении, поскольку удалось идентифицировать личность погибшей девушки, хотя оставалось еще много нерешенных вопросов.

Одиннадцать дней до 28 июня, но более важно то, что должно произойти сейчас.

— Вы проделали огромную работу, — сказал Мак. — Установили личность.

Он промокнул рот льняной салфеткой.

— Абракадабра, — произнесла заклинание Петра и взмахнула воображаемой волшебной палочкой.

— Значит, вы думаете, что здесь замешан Лайл, — улыбнулся Мак.

— Он и Сандра Леон жили вместе с Марселлой в Венеции. Хозяин сказал, что Леон заплатил за полгода вперед твердой валютой. Он назвал себя Льюисом Тайгером.

— Тайгер это «тигр», а имя «Леон» по-испански означает «лев», верно? — спросил Мак. — Лев, Тигр — круто.

— Если это его рук дело, то он — подлая змея, — сказала Петра. — «Игроки» ни разу не были замечены в насилии, но, может быть, внутри группировки все по-другому. Может, Роберт Леон железной рукой правит из своей камеры в Ломпоке. Сандра его никогда не навещала, а Марселла приходила к нему в прошлом году. И знаете что? Она — единственная женщина, которая к нему ходила. Ей тогда было шестнадцать, несовершеннолетняя. Ей пришлось выписывать, специальный пропуск.

— Вы думаете, она обидела босса?

— Коронер сказал, что Марселла недавно сделала аборт. Возможно, этим она нарушила какое-то правило.

— Тем, что забеременела, или тем, что сделала аборт?

— Возможно и то и другое, — сказала Петра. — Возможно, отец ребенка был чужаком. Или это был Лайл. Он жил с обеими девушками в очень маленьком доме. Там все что угодно могло произойти. Насколько мы знаем, беременность в этой среде не осуждается, назначение женщины — родить ребенка, а вот то, что она пошла на аборт, явилось преступлением.

— Клану требуется молодняк, — сказал Мак. — Похоже на культ. А как насчет Сандры?

— Сандра больна. Гепатит А. Болезнь могла воспрепятствовать ее половой жизни, либо Лайл знал об этом и отстранился. Либо он ее и заразил.

Она повторила слова Кацмана об антисанитарном сексе. Мак отрезал и съел маленький кусочек пирога.

— Странная затея — она пыталась изобразить онкологическое заболевание, когда на самом деле больна гепатитом. Возможно, группировка об этом знала и воспользовалась ее болезнью для получения медицинских льгот.

— Опасная игра, как полагаете? Вирусный гепатит — штука весьма серьезная.

— Гепатит А проходит сам по себе. Обычно он длится не более шести месяцев.

Мак положил вилку и указательным пальцем провел по краю посмертного снимка.

— Если предположить, что Марселлу убил Лайл или другой «игрок», то вы думаете, что Сандра об этом знала?

— Когда я с ней говорила у «Парадизо», она не была шокирована. Но она дергалась, поэтому я ее и заметила. Возможно, девчонка научилась держать язык за зубами.

— «Игроки»... — задумался Мак. — Никогда о них не слышал.

— Они обыкновенно работают на севере штата и в Неваде.

— Это все вам Айзек рассказал? Петра кивнула.

— Гений, — сказал Мак, отодвинул тарелку, оставив на ней полпирога в форме многоугольника. — Это прогресс, но я не уверен, что нам не следует подпускать к этому делу парней из Центра Паркера.

— И что же, мы им откроем имя убитой и сообщим возможную причину преступления, чтобы охоту устроили они?

— Вы ведь знаете, Петра, как все происходит. Возможно, так будет даже лучше. Их капитан — Д'Амброзио. Когда ему нужно пять парней, он пять и получает. Просит десять — ему дают десять. Это дело требует большого числа полицейских.

— Хорошо, — согласилась Петра.

— Хорошего мало, но...

Мак аккуратно сложил салфетку.

— Я сделаю все, что от меня зависит, чтобы возможность продолжить дело предоставили вам.

— Не беспокойтесь об этом, — сказала она.

— Нужна справедливость.

— На какой планете?

— Да уж, — вздохнул он. — Выбирать не приходится.

— Понятно, — усмехнулась она, но подумала, что похоже, выбор уже сделан.

ГЛАВА 25

Пистолет весил всего ничего, но Айзек ощутил, что кейс заметно потяжелел.

Он завернул его в дешевую голубую бандану, купленную в нескольких кварталах от «Кантина нуэва», в магазинчике, отдающем все товары за девяносто девять центов. Пакет сунул на дно кейса, под ноутбук.

Профессиональные принадлежности.

От бара до университета было несколько автобусных остановок, и он успел в назначенное время к профессору Лей-бовицу.

Добрый дядюшка доктор Лейбовиц. В первую их встречу Айзек подумал: «Слишком хорошо, чтобы быть правдой». Позже он увидел, что Лейбовиц поддерживает всех своих студентов. Год назад он ушел на пенсию.

Встреча, как всегда, прошла хорошо. Лейбовиц улыбался и крутил пустую курительную трубку. Много лет назад он отказался от табака, но трубки хранил и составил приличную коллекцию.

— Как продвигается ваш многомерный анализ?

— Некоторые первоначальные гипотезы продвигаются, хотя процесс кажется бесконечным. Каждая новая находка порождает еще одну гипотезу.

На самом деле в свои расчеты он не заглядывал больше недели: так увлекся размышлениями о дате 28 июня. Все вытеснили текучка будней комнаты детективов, шум, раздражение, выматывающая работа.

Петра.

Лейбовиц умудренно кивнул:

— Такова наука.

Напившись крепкого чая у Лейбовица, Айзек устремился в редко посещаемую мужскую комнату в конце коридора. Прислонившись спиной к двери, поставил кейс на пол, вынул пистолет. Развернул. Взвесил в руке.

Направил дуло на зеркало и оскалился.

Крутой парень.

Смешно.

Шаги в коридоре вызвали у него панику. Поспешно сунул в кейс пистолет и бандану. Пистолет со стуком упал на дно.

Человек прошел мимо. Айзек нагнулся и еще раз завернул пистолет. Сверху надел коричневый бумажный пакет. Мама сегодня положила в него завтрак.

Если бы кому-либо вздумалось заглянуть в кейс, то он увидел бы заляпанный жирными пятнами пакет, пропахший чилийским стручковым перцем и кукурузной мукой.

Материнской любовью.

Внести пистолет в помещение участка проблемы не составило. После одиннадцатого сентября охрана при входе на участок стала строже, однако последовательностью не отличалась. Обычно удовлетворялись проверкой людей по радужной оболочке глаза. Когда возросла угроза террора, добавили переносной металлический детектор, и все полицейские входили в заднюю дверь с южной стороны здания.

Политические связи Айзека позволили ему добыть внушительного вида значок лос-анджелесской полиции и ключ 999, которым он отпирал заднюю дверь. Ему редко приходилось пользоваться этим ключом. Участок был старым, с плохо работающей вентиляционной системой, и дверь обычно открывали для проветривания.

Айзек поднялся по ступеням в радостном предвкушении встречи с Петрой.

В комнате сидело четверо мужчин-детективов, а ее не было.

Спустя час он наконец-то смирился с тем, что она не придет. Собрал вещи, спустился на нижний этаж, дошел до задней двери. Теперь она была закрыта. Он отворил ее и вышел на залитую асфальтом площадку. На ней стояли черно-белые полицейские седаны и машины без опознавательных знаков.

Теплый вечер. Почему же она его обманула? Ведь к дате 28 июня она вроде бы отнеслась серьезно.

«Это не обман, дурачок. Она -детектив и много работает. Видимо, что-то произошло».

Он отправился домой, к ужину пришел вовремя. Мама была счастлива. Завтра утром он отправится прямо в кампус. Усядется в углу за столом в библиотеке. Его окружают желтые стены, пыльные ряды старых ботанических атласов.

Он будет сидеть. И думать.

Нужно что-то родить.

Необходимо что-то показать Петре.

ГЛАВА 26

Вторник, 18 июня, 14:02. Кабинет капитана Шулкофа

Когда этот урод вызвал Петру, она была готова. Прекрасно понимала, что сделала, готова была принять огонь на себя.

По заведенному распорядку следовало сначала известить дежурного лейтенанта, получить разрешение на разговор с капитаном, добиться его разрешения на обращение в департамент по связям с общественностью, затем по телефону обратиться с просьбой к клеркам департамента, написать заявление с подробным изложением обстоятельств дела и ждать положительного решения.

Она поступила по-другому: вызвала пять знакомых журналистов — газетчиков, которым из осторожности предоставила «анонимную» информацию.

Патриция Гласс из «Таймс» и четверо телекорреспондентов. Радиожурналистов не пригласила, потому что в этом случае они были бесполезны.

Все пятеро проявили интерес, и она отправила по факсу самую чистую фотографию Марселлы Дукет вместе со снимком Лайла Леона. Приперчила это намеками на таинственные «преступные клики и кабальные отношения» и просьбой «не говорить больше, чем следует».

— Клика? Вроде «семьи» Мэнсона?^[13] — воскликнула Легадия Гомес с «Пятого канала».

Берт Кнутсен из «Местных новостей» реагировал почти так же. Недавний выпускник колледжа, работавший на «Эй-би-си», сказал:

— Это что из той же области, что и каббала Мадонны? Петра на всякий случай отрицать не стала: главное сейчас — продемонстрировать фотографии.

Все четыре местных новостных канала показали их в одиннадцать часов вечера, а на следующее утро продемонстрировали еще раз. В «Таймс» ничего не появилось, но там жуткая бюрократия, и, возможно, снимки напечатают завтра.

В два часа Шулкопф приказал ей явиться к нему в кабинет.

Она готовилась попасть в ад, но оказалась в скучном чистилище. Шулкопф откинулся на спинку кресла, награждая ее всеми соответствующими случаю выражениями. Но без обычного сарказма. Он скорее исполнял необходимый ритуал. Казался рассеянным, словно все то, что он говорил, не имело для него значения.

Петра даже заскучала по его прежней манере. Все ли у него в порядке со здоровьем?

Когда он остановился, чтобы перевести дыхание, она так и спросила:

— Как вы себя чувствуете, сэр?

Он резко подался вперед, разъяренно взглянул на нее, пригладил набриолиненные черные волосы.

— А в чем, собственно, дело?

— Вы выглядите немного... усталым.

— Я тренируюсь для марафонской дистанции и никогда не чувствовал себя лучше. Прекратите болтовню, Коннор. Не пытайтесь перевести разговор на другую тему. Вы все испортили, оттого что не прошли все инстанции, понапрасну потратили чужое время и, вероятно, загубили дело.

— Я признаю, что слегка поторопилась, сэр, но что касается понапрасну истраченного времени...

— Понапрасну, — повторил он. — Дело у вас заберут.

— Впервые об этом слышу, — солгала она. — Это...

Он прервал ее взмахом руки. Его ногти, обычно безупречные, были слишком длинны. Бежевый костюм — подделка под модный дизайнерский бренд, — висел складками, а воротник рубашки казался слишком растянутым. Похудел? Из-за тренировок перед марафоном?

Он явно выглядел усталым.

Потом Петра заметила еще одну несообразность: со стола исчезла обрамленная фотография Шулкопфа и его третьей жены, сделанная во время их отпуска. Место, где стояла фотография, пусто.

Домашние проблемы?

— Прошу прощения, сэр, — сказала Петра. Еще один взмах руки.

— Не вздумайте повторить что-нибудь подобное, если не хотите неприятных последствий. Ваши полномочия ограничены.

— Мои полномочия?

Шулкопф самодовольно улыбнулся.

— Кстати, как дела у вашего подопечного?

— Он занимается научной работой.

— И что это значит?

— Он работает над докторской диссертацией, и наши трудности его не занимают.

Шулкопф прищурился.

— Значит, в этом отношении у вас проблем нет?

— Нет, сэр. А в чем дело?

— Мне не нужны ваши вопросы, Коннор.

— Поняла, сэр.

— Вы не выпускаете из виду Альберта Эйнштейна?

— Я не знала, что мне положено...

— У вас задание, Коннор, — быть нянькой. Поняли? И не вздумайте это задание провалить. — Шулкопф поерзал в кресле. — Итак, чего вы добились, обратившись к масс-медиа?

— Нам поступают звонки...

— Избавьте меня от болтовни.

— Пока ничего, сэр, но звонки все же...

К изумлению Петры, Шулкопф кивнул и сказал:

— Кто его знает, возможно, что-то из вашей хреновины и выйдет.

Если нет, то вы облажались.

К четырем часам вечера она получила тридцать пять сообщений. Все чепуха. В половине пятого позвонила Патриция Гласс из «Таймс». Она сказала:

— Вы, очевидно, больше в нас не нуждаетесь.

— Нам необходима любая помощь, — сказала Петра.

— Вам тогда следовало подождать, — отрезала Гласс. — У меня была статья, готовая к печати. Редактор увидел ее вчера вечером и зарубил. Мы, мол, не публикуем старые истории.

«А сама-то ты считаешь актуальными свои статьи?» — подумала Петра. Вслух же сказала:

— Ошибаетесь, Патриция, она не старая. Ведь дело пока не раскрыто.

— Все, о чем уже говорят, — устарело. В следующий раз дайте мне знать, а уж потом обращайтесь к ним. Не тратьте попусту мое

время.

— Прошу прощения, если поставила вас в такую ситуацию, но...

— Поставили, — прервала ее Гласс. Щелчок, и трубка легла на рычаги.

К половине шестого позвонили еще двадцать человек. У пятерых, похоже, имелись проблемы с психикой; три звонка были от явных психов; остальные — от благонамеренных горожан, которым нечего было сказать.

Ну вот, заварила кашу, а взамен не получила ничего.

На какую-то минуту Петра почувствовала себя плохо, потом подумала: «Чему удивляться — ведь мы живем в мире, где идиоты-фанатики подрывают сами себя».

И все же успокоить себя подобными рассуждениями ей было трудно. Она уже собиралась домой, когда вдруг зазвонил телефон, и голос Эрика произнес:

— Я на аэродроме Кеннеди. Самолет до Лос-Анджелеса вылетает в восемь вечера. Если все пройдет по расписанию, то к одиннадцати часам я буду на месте.

— Надолго назад? — спросила Петра. — Или по пути в другое место?

— Других планов у меня нет.

— Что случилось с Марокко и Тунисом?

— Отменили.

— Ты нормально себя чувствуешь?

— Да.

— В состоянии путешествовать? С твоей ногой?

— Я подумывал оставить ногу здесь, а потом решил прихватить с собой.

— Не смешно, — сказала она.

Потом поняла, что смешно. Впервые он попытался с ней пошутить, а она не отреагировала. О господи...

— Я за тобой заеду. Какая авиакомпания? Эрик молчал.

— Ты что же, хочешь, чтобы я кружила по аэропорту? — спросила она.

— Американская.

Она положила трубку, чувствуя, как колотится сердце. Занесла в файл то, что требовалось, выключила компьютер, собрала вещи и вышла из комнаты детективов.

Надо подготовиться, а уж потом отправляться в международный аэропорт Лос-Анджелеса. Легкий ужин в спокойном месте — в монгольском ресторанчике на Ла Бреа. Семья, которая владела им, встречала ее как особу королевской крови. Затем полежать в ванне, напустить в воду ароматической пены, подаренной одним из братьев. Она ею еще не пользовалась. Затем тщательный макияж, возможно, даже тушь. Ресницы она обычно не красила, потому что каждый раз тушь попадала в глаза. Немного румян... ее скулы до сих пор хороши. Она считала, что это была ее лучшая черта.

В первые годы брака Ник постоянно восторгался ее скулами. Тогда он еще что-то замечал.

Эрик никогда о них не высказывался, да и о прочих ее физических достоинствах. Никогда не говорил комплименты, только в минуты интимной близости. Тогда пылкие слова вырывались с его уст, словно птички из клетки.

После, тяжело дыша и отдавшись желанию, они вновь погружались в молчание...

Она тоже никогда не говорила ему комплиментов.

Заметит ли он ее скромные усилия? Неважно, зато она почувствует разницу.

Тушь и румяна... надо переодеться во что-то женственное и — была не была — сексуальное?

После такого дня, как сегодня, может ли она быть сексуальной?

Что ж, увидим.

Она спустилась по лестнице к черному ходу и на площадке почти столкнулась с Айзеком. Он только что отворил дверь и пошел наверх.

На машине Айзек не ездил. Почему же он вошел в дом со стоянки?

Возможно, потому, что тут она его сажала в машину, когда они куда-нибудь ехали. Он оправился от удивления и сказал:

— Привет!

Держался он прямо, расправив плечи. Улыбался ей с... какой-то бравадой?

— Привет, — ответила она.

— Я надеялся вас застать, — сказал он. — Вчера вы работали допоздна.

Вчера? Они же договорились о встрече. Она совсем забыла.

— Прошу прощения. Возникли некоторые обстоятельства.

— Что-то, связанное с «Парадизо»?

— Да, — солгала она.

Он ждал разъяснения. Когда его не последовало, провел кейсом по своей ноге. Маленький мальчик. Разочарованный. Куда подевалась его бравада?

— И сейчас мне надо уехать, — сказала она.

— Ну конечно, — сказал он. — А когда же у вас найдется для меня время?

Приличнее всего было бы вернуться с ним наверх. Но она слишком устала.

— У меня есть одна знакомая, библиотекарь в университете, она проверяет исторические ссылки.

— Что это за ссылки?

— Старые криминальные истории — из книг, бумаг. Все, что имеет отношение к 28 июня.

— Вы думаете, кто-то изучает историю и воплощает в жизнь возмездие???

— Это все, к чему я пришел, — сказал он. Уверенности в его голосе она не почувствовала.

Петра обдумала его слова. Айзек, должно быть, воспринял ее молчание как скептицизм, потому что покраснел.

— Я не сказал ей, зачем мне это нужно, просто попросил обратить внимание на эту дату. У нее есть доступ к отделу редких изданий, поэтому, если что-то не попало в Интернет, она это обнаружит.

— А я думала, что Сеть метет все подряд, — удивилась Петра.

— Именно этим Сеть и занимается — метет. Она — огромный виртуальный пылесос, засасывающий все, что попадает на пути, без разбору. Но в углах кое-что остается. Ни один вебсайт не принимает неясные ссылки. Вот и со мной была такая история, я тогда оканчивал курс антропологии, мы изучали племенные свадебные ритуалы. Казалось бы, первичные и вторичные источники не упустили ничего, но...

Он осекся. Стукнул одной ногой другую.

— Я еще сделал несколько микрофиш главных лос-анджелесских бумаг, но все, что я успел, было за последние пятьдесят лет. Если бы у меня было время, сделал бы больше. Конечно, если источник не местный, возникнет проблема.

— Я благодарю вас за то, что вы тратите на это столько времени.

— Возможно, все окажется напрасно.

— Ну, теперь вы заговорили совсем, как я, — сказала Петра.

Он слабо улыбнулся.

— В любом случае желаю вам приятного вечера. Он пошел наверх.

— Будете работать? — спросила она.

— Посмотрю. Если найдется свободный стол, то что-нибудь сделаю.

Он прикусил губу.

— Конечно, если вы свободны, то, может, поужинаем вместе или...

— Мне бы очень этого хотелось, Айзек. К сожалению, я должна бежать. Увидимся завтра?

— Возможно, — сказал он, голос прозвучал напряженно. — Не уверен, смогу ли прийти. Завтра у меня две встречи, а потом я планировал вернуться и снова заняться микрофишами.

— Не перетрудитесь, — сказала она почти по-матерински.

— Я не устал, — ответил он чуть заносчиво, как мальчишка.

Она улыбнулась ему вслед, но он отвернулся. Не говоря ни слова, Петра открыла дверь и поспешила на стоянку.

Вечер был теплым и влажным. К дальнему концу стоянки шли два детектива. Петра их не узнала. Они смеялись и разговаривали. Один повернулся, взглянул на нее и снова обратился к товарищу.

Петра заторопилась к своему автомобилю, выбросила из головы образ смущенного Айзека.

«Пора заняться собой, собой, собой. Монгольский ресторан, они всегда меня привечают. И я этого заслуживаю».

Возможно, она возьмет журнал и почитает его за едой. Что-нибудь легкое.

Притворится, что у нее все хорошо.

Затем поедет за Эриком.

ГЛАВА 27

«Глупец!»

Айзек сгорбился за столом, повернувшись лицом к грязной стене. Лицо от смущения пылало, глаза точно песком запорошило. В комнате детективов он был один, если не считать старика Барни Флейшера, который, казалось, всегда здесь находился, но неизвестно чем занимался.

У Флейшера тихонько работало радио, слышалась легкая инструментальная музыка. Он даже не поднял глаз, когда в комнату вошел Айзек. Никто из детективов не обращал внимания на его приходы и уходы. Казалось, он стал для всех чем-то вроде механизма.

И для Петры — тоже.

Как мог он пригласить ее на обед, когда она неслась на место очередного преступления! О чем он думал?

В отличие от Флейшера, Петра работала. Работа значила для нее очень многое. Несмотря на усталость, она шла по следам, которые никак не желали материализоваться.

Такая женщина, как она, дорожила своим временем. Ей даже пообедать некогда.

С ним.

Для нее он был бесплатным приложением, и ничем больше.

И все же она уделяла ему время. Брала с собой, рассказывала о подробностях дела.

Эта кожа, эти глаза. И черные волосы, так красиво и естественно всегда лежащие.

«Прекрати, дурачок».

Он снова задумался об убийствах 28 июня. Не была ли его гипотеза пустым увлечением?

Он был так уверен. Радость открытия, когда он заметил повторяемость событий, чуть не сбросила его со стула.

Эврика!

Тогда он умерил свой пыл, постарался не делать скоропалительных выводов — считал и пересчитывал, проверял свою

гипотезу множеством способов. Дата не вызывала сомнений. Он нащупал нечто.

Но что, если он убедил себя в значении этой математической случайности, что, если его ослепила собственная чепуховая гипотеза?

Все дело в том, что он хотел что-то предъявить Петре.

Неужели все, что он делает, не отличается от потешного брачного ритуала распушившей хвост глупой птицы? Он надеялся, что это не так.

Нет, в его гипотезе что-то есть. Петра — настоящий эксперт, и она в нее поверила.

Может, потому что он ее достал?

Всю жизнь — его академическую жизнь — ему говорили, что его ждет успех. Что хорошие мозги в сочетании с настойчивостью не могут дать осечки.

Но настойчивость может быть чрезмерной, разве не так?

Он знал за собой эти грехи — необоримость влечений, иррациональное упорство.

Барни Флейшер оглянулся через плечо и сказал:

— Привет.

— Привет, Флейшер.

— Что, жжешь полуночное масло?

— До полночи еще несколько часов.

— Она ушла. Несколько минут назад.

— Знаю, — сказал Айзек.

Флейшер внимательно смотрел на него, и Айзек заметил в глазах старика холодное, жесткое одобрение. Когда-то он был детективом...

— Может, нужна моя помощь, сынок?

— Нет, спасибо. Подумаю над диссертацией.

— Ладно, — сказал Флейшер.

Сделал музыку погромче и продолжил заниматься своими делами.

Айзек вынул ноутбук, включил его, вызвал на экран страницу с цифрами, притворился, что задумался. Вместо этого снова окунулся в мучительные сомнения.

«Прекрати, будь объективным».

Шесть жертв, между которыми нет ничего общего, кроме даты. Его расчеты показывали, что это должно иметь значение, но может ли он доверять своей интуиции?

Нет, нет, как бы смешно ни выглядели его доводы, в них был смысл. Он столько раз проверил данные, что сомневаться в реальности этого смысла не приходится.

28 июня. Сегодня 18 июня.

Если он прав, то кто-то — какой-то случайный, ни о чем не подозревающий, невинный человек — выйдет в ночь полный надежд и испытает страшную боль от раздробленных осколков черепа, впившихся в ткань мозга.

Затем — пустота.

Неожиданно ему захотелось, чтобы он ошибся. Такого с ним до сих пор не бывало.

ГЛАВА 28

Среда, 19 июня, 1:20. Четвертый терминал. Международный аэропорт Лос-Анджелеса

Прибытие самолета было отложено на 2 часа, и в багажном отделении повисла атмосфера омерзительной неопределенности.

Усталые родственники и друзья сидели, расхаживали, вглядывались в табло, качали головами, иногда ругались.

Петра сидела и перечитывала журнал «Пипл».

Ванна, принятая ею три часа назад, подняла тонус, но Петра была слишком взвинчена, чтобы насладиться ею в полной мере.

Она выскочила, обтерлась полотенцем, долго занималась макияжем и одеждой. Выбрала черный топ в обтяжку и серые хлопчатобумажные слаксы. Гладкий черный лифчик придал груди пышность, которой ее не наградила природа.

Быстро добралась до аэропорта, после двух кругов нашла место на парковке и все же приехала рано.

Стала ждать.

Когда наконец объявили о времени прибытия — произошло это через час, — Петра покинула терминал и пошла по темной полупустой галерее нижнего этажа аэропорта.

Женщина, идущая одна. Пистолет лежал в сумочке. Возле багажного отделения — ни одного детектора на металл. Этому проколу службы безопасности она сегодня была рада.

Когда вернулась, помещение заполнили пассажиры рейса из Мехико. Но вот они разошлись, и на табло замигала надпись: «Приземлился». Это был самолет Эрика. Петра встала возле вращающихся дверей, смотрела на прибывших через стекло.

Тусклое освещение, по трапу спускается жидкая струйка пассажиров. Эрик появился в числе последних. Петра увидела его, прежде чем он подошел к дверям.

Темно-синяя футболка, вылинявшие джинсы, тенниски, на плече небольшой зеленоватый альпинистский рюкзак.

В левой руке легкая деревянная трость.

Прихрамывает.

Когда он увидел ее, тут же выпрямился и помахал тростью, будто бы она ему не нужна.

Вошел в дверь, и она бросилась к нему, крепко обняла, почувствовала его напряжение. Трость хлопала ее по ноге.

— Разрешите пройти! Раздраженный женский голос.

Они загородили проход. Отступив в сторону, Петра почувствовала на себе убийственный взгляд карги, одетой во все черное. Петра улыбнулась и снова стиснула Эрика в своих объятиях.

— Один чемодан, — сказал он.

Они пошли к ленте багажного транспортера. Петра потянулась за рюкзаком. Он не позволил ей его взять.

— Я нормально себя чувствую.

И отдал ей трость в качестве доказательства.

Они молча стояли возле багажной ленты, на которую по желобу скатывались чемоданы.

Петре представлялось все очень романтичным.

Она встала спиной к вращавшемуся багажу и крепко поцеловала Эрика.

По пути домой он сказал:

— Спасибо, что заехала за мной.

— Это было трудным решением. Он дотронулся до ее колена.

— Как приятно видеть тебя рядом, — сказала она.

— Взаимно.

— Как твоя нога? На самом деле.

— С ней все в порядке. На самом деле.

— Сколько времени тебе придется ходить с палкой?

— Я могу ее выбросить хоть сейчас.

Она выехала на четыреста пятую северную автостраду. Движение небольшое. Можно увеличить скорость.

— К тебе? — спросила она.

При этом подумала, что в студенческий городок ей ехать не хочется.

— Можем и к тебе.

— Можем.

Когда приехали, он сказал, что весь «провонял», и ему необходим душ. Она открыла кран и, пока вода нагревалась, приготовила ему кофе. Он снял рубашку, она увидела белую кожу и проступающие кости, тонкий слой мускулов, который не позволял назвать его полным дохляком. На плече — повязка.

Он перехватил ее взгляд.

— Задел осколок. Пустяки.

Он снял джинсы. На левую икру была наложена толстая повязка.

— Ты ее намочишь, — сказала она.

— Там воспаление, но инфекции нет. Через два дня я пойду к врачу и ее поменяю.

Он направился в ванную, а Петра пошла следом. Встала в дверях, смотрела, как он, прихрамывая, забрался в душевую кабину, пустил крепкую струю. Вода застучала по стеклянной стенке.

Петра смотрела на смутное отражение.

К черту.

Скинула одежду и присоединилась к нему.

Она не щадила его, и позиции были самые разные. Раненый мужчина, но не больной. Он благодарно вскрикивал и, когда все было кончено и они, обнаженные и мокрые, лежали на кровати, сказал:

— Как же я скучал по тебе.

Дотронулся до ее груди. Сосок тут же затвердел.

— Я тоже по тебе скучала.

Они поцеловались, и он снова возбудился. Действительно ли он тосковал по ней? Или ему нужна была лишь интимная близость?

А есть ли здесь разница?

Она высвободилась из продолжительных объятий.

— Проголодался? Он обдумал вопрос.

— Может, найду что-нибудь в твоём холодильнике. Она положила руку на его плоскую теплую грудь.

— Не двигайся. Я сейчас что-нибудь соображу.

Он ел сэндвич с индейкой, картофельные чипсы и наскоро приготовленный салат. Ел он, как всегда — молча, сосредоточенно.

Жевал медленно, с закрытым ртом. Ни одной крошки, ни одного жирного пятна на губах.

Она смотрела на его запястья. Слабые для мужчины. Длинные, тонкие пальцы. Ему надо было стать музыкантом. Она никогда не слышала, чтобы он напевал вполголоса, и он не говорил, что интересуется музыкой.

Вода ослабила повязку на его плече, он снял ее, положил мазь, которую достал из рюкзака, принял антибиотик. Петра подумала, что трехдюймовая рана куда больше, чем «пустяки». Она была с неровными краями и окружена сморщенной красной плотью. Ужасно. Интересно, как в таком случае выглядит его нога?

— Почему ты сократил поездку? — спросила она.

— Чтобы тебя увидеть.

— Хотелось бы поверить.

— Это правда, — сказал он.

— Частично, может, и правда. А ты расскажи все целиком.

Произошло следующее: Эрик, израильский офицер службы безопасности и трое других иностранных полицейских — англичанин, австралиец и бельгиец — сидели в кафе на улице А-Яркон. Пили кофе глясе и безалкогольные напитки, за исключением англичанина — тот накачивался пивом. В Тель-Авиве было больше тридцати градусов, к тому же влажно. После душа человек потел уже через несколько минут.

Все пятеро целый день тренировались, смотрели отснятый материал, изучали данные Интерпола, сканировали частично рассекреченные документы. Другие полицейские были в подавленном настроении, они ненавидели Тель-Авив.

Эрик против города ничего не имел. Несколько лет назад он уже дважды бывал здесь: выполнял поручения американского посольства. Курьерская служба из Эр-Рияда в Израиль через столицу Иордании Амман. Твердые маленькие пакеты — он понятия не имел, что находилось внутри, однако проходил через все таможни без объяснений. Позже он изучил здесь каждый переулок, селился в дешевых прибрежных гостиницах, посещал бары, клубы и рестораны. По улицам ходили тайские и румынские проститутки.

По соседству располагалось множество посольств. Проститутки знали, куда идти.

Когда израильтянин отошел, чтобы купить еще несколько бутылок, другие полицейские, воспользовавшись его отсутствием, снова заговорили о том, как они презирают эту проклятую страну. Слишком шумная, слишком влажная, еда слишком острая, а израильтяне очень грубые.

— Слишком... сами знаете, что, — сказал бельгиец.

Неприятный от природы, антисемит по убеждениям, он был готов высказать все, что думает, как только израильский офицер отходил от них на шаг в сторону. Ухмылки, гримасы, постукивания по носу. Презрительные комментарии вполголоса об арабах и о евреях, Пусть, мол, истребят друг друга.

И этого парня Брюссель послал работать в качестве миротворца. Дома он был полицейским бюрократом, а до этого служил в армии.

Офицер бельгийской армии... Когда в последний раз бельгийцы с кем-нибудь сражались? Возможно, это было в пятидесятых годах, когда они истребляли конголезцев.

Вчера, когда бельгиец и Эрик были вдвоем, стояли у писсуаров в мужской комнате полицейского управления на Французском холме в Иерусалиме, бельгиец отвел струю в сторону и начал поливать пол. Смеясь, приговаривал:

— Вот так я к ним всем отношусь.

Когда появился первый террорист-смертник, израильтянин все еще был в стороне — заказывал напитки. Эрик готов был поклясться, что почувствовал самоубийцу по запаху, прежде чем увидел его воочию. Он ощутил страх террориста, невероятное нервное напряжение.

Какова бы ни была причина, но Эрик среагировал первым.

Он повернулся и увидел парня, пробиравшегося между столиками. Молодой, невысокий, толстенький, волосы зачесаны наверх, кончики высветлены. Должно быть, работал иод израильтянина, постоянно ошивающегося на пляже.

Но кое-что упустил. Длинное черное пальто в тридцатиградусную жару. Он потел, и глаза у него были ошалелые.

— У нас проблема, — сказал Эрик, мотнул головой и приготовился действовать.

— Вся чертова страна пробле... — начал было бельгиец. Эрик поднялся. Медленно, осторожно. Взял в руку пустой стакан, словно

собирался снова его наполнить.

Смертник в черном пальто подошел ближе.

Австралиец и бельгиец ничего не замечали, но англичанин проследил за взглядом Эрика и начал вставать. Они обменялись безмолвным посланием: окружить его, повалить на землю.

Алкоголь притупил его реакцию: ступня зацепилась за ножку стула, и он повалился вперед.

Бельгиец засмеялся и что-то сказал по-французски.

Эрик медленно развернулся, стараясь не встречаться глазами с террористом.

Десять футов между ними... пять. Эрик знал, что преступник старается встать в середину толпы, хочет увеличить количество жертв.

Теперь они соприкасались локтями. Эрик уже по-настоящему чувствовал запах парня, омерзительный запах страха и преступления.

Дикие глаза. Губы шевелятся, должно быть, это немая молитва...

На лбу и подбородке угревая сыпь, грязь в складках на шее. Подросток, самое большое — двадцать лет.

Бельгиец сказал что-то еще. Громче. Эрик порядочно знал французский, чтобы разобрать: «Жарко, как в аду, а эти идиоты одеваются, словно польские беженцы».

Парень в пальто, возможно, почувствовал презрение в этих словах, потому что остановился. Гневно взглянул на бельгийца. Сунул руку под пальто.

До бельгийца наконец что-то дошло. Он побелел. Заморгал и намочил в штаны.

Эрик прыгнул, ударил Черное Пальто по горлу правой рукой, а левой вывернул террористу руку. Вверх и назад. Назад дернул очень сильно. Услышал треск костей. Парень вылупил глаза и заорал.

Упал.

Полы пальто распахнулись. На туловище большой толстый черный жилет. Снизу торчит провод.

Пытаясь дотянуться до него, Эрик схватил террориста за плечо и наступил ногой ему на руку, сломал ее. Прыгнул ему на грудь — треснули ребра.

Террорист закатил глаза.

— Что происходит? — спросил кто-то.

Последнее слово утонуло в крике.

Полетели, переворачиваясь, столы и стулья. Разлетелись стекла. Тарелки с едой упали на землю. Люди в панике вскочили с мест.

Террорист не шевелился.

Слава Богу, все кончено.

Англичанин вдруг сказал «Черт!», и в этот раз Эрик проследил за его взглядом.

В толпе появилась еще одна фигура в длиннополном пальто. Примерно того же возраста, поменьше, потоньше, с черными волосами. Пальто на этот раз было оливкового цвета.

Слишком много народу, трудно что-то предпринять.

Номер Два крикнул и сунул руку под полу своего пальто.

Эрик упал на землю.

Преисподняя разверзлась.

ГЛАВА 29

Эрик рассказал эту историю быстро, бесцветным голосом, но Петре от этого стало еще страшнее.

Он встал с постели, пошел на кухню, вернулся с двумя стаканами воды. Подал ей один стакан.

Перед глазами все еще стояла страшная сцена.

— Извини, что заставила тебя...

— В департаменте думают, что я сейчас на пути в Марокко. Совместная работа сотрудников безопасности — чистый обман. Европейцы — клоуны, все это только пиар. После теракта всех нас вызвали в американское посольство. Кучка послов — по посланнику на страну — в дорогих костюмах, со сладкими улыбками, засыпали нас цитатами. Американец, хлыщ из «Лиги плюща», сказал, что «международная команда работала как хорошо отлаженный механизм».

— Включая бельгийца, — сказала Петра.

— Бельгиец уже нацепил медаль, которую дал ему его посол. Бархатная коробочка и все такое... должно быть, таких там у них целый склад.

Он подкатился к Петре.

— Я уехал, прежде чем они добрались до меня. Упаковал вещи, взял билет, и вот я здесь.

— Когда сообщишь в департамент?

— Не знаю, должен ли я. Она удивленно на него посмотрела.

— Я уже подумываю выйти в отставку. Если бы не ты, мне было бы совсем плохо. Долгое время я считал, что не буду счастлив, но сейчас, кажется, шанс у меня есть.

Он легко поцеловал ее в губы.

Она взяла его за плечо и прижала голову к своей груди.

— Больше, чем шанс, — сказала она.

— А как же отставка? — спросил он. — Ты не возражаешь?

— Почему я должна возражать? Кто лучше меня знает, как ты относишься к работе?

Он обдумал ее слова.

— Есть мысли, чем ты хочешь заняться? — спросила Петра.

— Может быть, частной работой.

— Охраной?

— Не знаю, — сказал он. — Может, займусь фундаментальными исследованиями. Довольно с меня политики.

— Я тебя не осуждаю.

— Думаешь, я сошел с ума?

— Конечно нет, — возразила она.

Но голова ее шла кругом: какая неожиданность! Значит, прощай напарничество. Теперь она не сможет каждый день видеть его на работе.

Может, депрессия у него не только от работы?

— Если буду прилично зарабатывать, куплю дом.

— Это было бы замечательно, — сказала Петра.

— Неплохо иметь лишнее пространство.

— Согласна.

— Долина — это все, на что я могу рассчитывать, — сказал он. —

Но, может быть, найду место с хорошим естественным светом. Выделил бы помещение для тебя. Писать картины.

— Это было бы чудесно.

— У тебя большие способности. Я говорил тебе это? Он не говорил.

— Много раз, милый, — сказала она.

Часы на прикроватном столике показывали 3:18. Завтра она будет помирать от усталости.

— Может, это глупо, — сказал он.

— Делай все, чтобы быть счастливым, Эрик.

— Мне бы этого очень хотелось.

— Доброй ночи, дорогой. Он уже спал.

Когда зазвонил телефон, она подскочила и спросонья удивилась, обнаружив в своей постели Эрика. Ах да... аэропорт, она привезла его к себе, ужас...

Проклятый телефон продолжал звонить. Эрик открыл глаза и приподнялся на локтях.

Совершенно проснулся. Что значит тренировка. Петра до сих пор не могла очнуться.

Утро. 5:15.

Она схватила трубку.

— Что случилось?

— О, извини. Я разбудил тебя. Это Гил, Петра. Гилберт Моралес, один из ночных детективов. Ей этот человек всегда нравился. Сейчас она его ненавидела.

— Я подумал, что могу послать машину. Она простионала.

— Я чувствую себя подонком, Петра, но дежурный в страшном нетерпении. Он пришел сюда, думая найти тебя здесь... ведь ты до сих пор работаешь по ночам, правда?

— Побоище у «Парадизо» вынуждает меня работать днем и ночью.

— А я нарушил твои биоритмы. Извини, продолжай спать. Она уже поднялась.

— Почему дежурный так нервничает?

— Это все «Парадизо», — сказал Гил. Когда он все объяснил, она поблагодарила его, причем искренно.

Лайл Марио Леон, обманщик стариков, живший одно время в доме с Марселлой Дукет и Сандрой Леон, и главный подозреваемый в массовом убийстве, звонил ей три раза.

С промежутком в час от двух до четырех часов ночи. Ему необходимо было поговорить с ней. Он отказывался назвать причину дежурному офицеру, но утверждал, что дело не терпит отлагательства.

В пять часов утра Леон упомянул «Парадизо». Дежурный набрал номер рабочего телефона Петры, не получил ответа, пошел в комнату следователей. Попросил Гила позвонить ей домой.

— В чем дело? — спросил Эрик.

Петра смотрела на номер мобильного телефона, который оставил Леон. Набрала его и услышала записанное на пленку сообщение.

«Аукционная служба. Наши офисы сейчас закрыты, но...» Черт! Вот тебе и срочно. Возможно, этот чокнутый работает под прикрытием.

Или она набрала не тот номер.

Снова попыталась, услышала то же сообщение, подождала, пока оно закончилось, и сказала:

— Это детектив Коннор.

— Слава богу, наконец-то, — ответил мужской голос. — Спасибо, что позвонили.

Голос приятный, хотя и не такой, как у Кацмана. У этого парня голос поставленный. Похоже, он брал уроки. Звучит молодо, а ведь Лайлу Леону сорок один год.

Петра недоверчиво спросила:

— С кем я говорю?

— Лайл Леон. Вы показали мою фотографию на телевидении, поэтому нам необходимо встретиться.

— Сейчас?

— Вы меня почти убили.

— Ваш голос, сэр, кажется мне очень живым.

— Я не шучу, — сказал Леон. — Вы не понимаете.

— Просветите меня.

— Я знаю, кто убил Марселлу. И всех остальных.

В детали он вдаваться не стал, а настоял на встрече лицом к лицу, по ходу разговора становился все беспокойнее. Она предложила встретиться с ней через час в участке.

— Только не там: слишком заметное место. Я не могу рисковать.

— Вы это о чем?

— Не хочу стать следующей жертвой.

— Чьей?

— Все слишком сложно. Теперь, когда им известно, кто я такой, я стал для них мишенью. Я напуган, и в этом мне не стыдно признаться. В своей жизни я много чего сотворил, но это... совершенно новая игра. Мне нужно встретиться с вами не в людном месте. Нужно, чтобы вокруг было много свободного места. Как насчет парка?

— Да, конечно, — сказала Петра. — Я примчусь в темный парк ни свет, ни заря, только потому, чтобы вы обещаете дать информацию.

— У меня больше, чем информация. У меня ответы на все вопросы.

— Да вы хотя бы намекните.

— Не рискую. Мне нужно быть уверенным в том, что вы меня защитите.

— От кого? Долгая пауза.

— Детектив, я могу разрешить ваше дело, но мы должны действовать по-моему. Как насчет парка Ранчо? Сравнительно открытое пространство. Рядом с...

— Это невозможно, сэр.

— Хорошо, хорошо, — сказал Леон. — Тогда где-нибудь еще. Сами предложите. Возьмите с собой других детективов. Я об этом не беспокоюсь. Я не хочу, чтобы меня видели в Уилкоксе, потому что, насколько я знаю, они за этим местом следят.

— Кто «они», сэр? Молчание.

— Ваши приятели «Игроки»? — спросила Петра. Смех.

— Хотел бы я, чтобы так оно и было. С ними бы я разобрался.

— Кто же тогда?

— Хорошо, не в парке, но не в Голливуде и не в Венеции.

— Почему не в Венеции? Леон вопрос проигнорировал.

— А на Долину согласны?

— В Вентуре, возле Ланкершима, есть работающее ночью кафе.

— Слишком публичное место... как насчет Энсино?

— Если скажете точно, чего вы боитесь, сэр, я смогла бы...

— Вы были там. На стоянке после стрельбы. Видели тела. И вы меня спрашиваете?

— Назовите мне имя, сэр. Я добьюсь, что кто бы это ни был...

— Вот вам мое последнее предложение: в Энсино, на Вентуре, к западу от Сепульведы, есть предприниматель, торгующий «ягуарами» и «лендровеерами». Рядом кафе. Сейчас оно закрыто, но владельцы держат скамейки на улице. Они прикованы к земле цепями. Свет магазин не выключает, поэтому некоторые скамейки освещены. Я буду ждать на неосвещенной скамье. Когда увижу, что вы приближаетесь, выйду с поднятыми руками. Вы будете знать, что это не засада.

— Звучит довольно театрально, — заметила Петра.

— Жизнь — театр, детектив. Ну, так что, через час?

Петра прекрасно знала это место: она там обедала. Переулков сзади нет, и все же, даже с поддержкой, надо быть осторожной.

Придорожное кафе. Сходство с Тель-Авивом пугало. Но такой шанс упускать было нельзя.

— Хорошо, через час, — сказала она.

ГЛАВА 30

— Там вполне может быть засада, — предупредил Эрик.

— Я вызову подкрепление, — сказала Петра, — сумасшествие какое-то.

— Да, нужно вызвать.

Он смотрел, как она одевается, и молчал, пока она не спросила его, что он думает о звонке. Он поднялся с постели, хромя подошел к стулу и потянулся за своей одеждой.

— Что ты делаешь?

— Пойду с тобой.

— Сколько времени ты поспал?

— Встал — так встал.

Темные глаза смотрели на нее в упор.

— В этом нет необходимости, — возразила она. — За дело отвечает Мак Дилбек. Я позвоню ему, и пусть он решает.

— Но ведь этот человек ждет именно тебя.

— Только потому, что мое имя — в связи с этой историей — упомянули в новостях.

Историю дала им она. Эрик закончил одеваться.

— Где твой запасной пистолет?

— Останься здесь. Отдыхай. Меня есть кому защищать.

— Кому же?

— Как насчет бельгийца? — спросила она.

Эрик рассмеялся. Пошел к шкафу...-Он знал, где она хранит другой пистолет.

— Я звоню Маку, — сказала она. И взялась за телефон.

— Мак — хороший человек.

Пистолет он нашел на верхней полке. Он лежал в футляре между двумя черными свитерами. Отыскал черную нейлоновую кобуру, приладил.

— Тебе не следует этого делать, — она все пыталась его отговорить.

— Да, но ведь это — развлечение. Петра набрала номер Мака.

Над бульваром Вентура в пять часов сорок три минуты утра висел густой предрассветный сумрак, изредка освещаемый фарами проезжавших машин. «Ягуары» и «форды» на огороженной площадке казались серыми холмиками. До рассвета недалеко, а хорошо это или плохо, покажет время.

Мак Дилбек прибыл на старом «кадиллаке», припарковал его, как и договаривались, в двух кварталах от места встречи — возле спящего медицинского учреждения. Петра впервые видела его без костюма и галстука. Волосы были расчесаны на пробор, но подбородок покрылся белой щетиной. Люк Монтойя приехал в служебном автомобиле без опознавательных полицейских знаков. Накануне он доехал на нем до дома. Официально он делом не занимался, но в это утро принял в нем участие. Он напряженно улыбался, предвкушая наконец что-то интересное после долгой унылой рутины.

Увидев Эрика, оба подняли брови, но ничего не сказали.

По протоколу требовались только полицейские, но в этот раз прибыла вся команда. Тут были и четверо детективов, редко бравших в руки оружие. Они целые дни говорили по телефону и писали отчеты. Стрельба у «Парадизо» была делом исключительным. Если приготовлена засада, все закончится плохо.

Петра дважды объехала придорожное кафе с северной стороны бульвара и почувствовала облегчение. Ни она, ни Эрик не заметили никого возле маленького киоска. А Эрик был невероятно наблюдателен.

Если человек, заявивший, что он Лайл Леон, говорил правду, если он и в самом деле был напуган, то единственным местом, где можно спрятаться, был киоск. Улизнуть отсюда нелегко: с южной стороны высокая стена, по меньшей мере двенадцать футов. Дальше — территория в пол-акра, принадлежащая складу британских автомобилей.

Автомобиля рядом не видно, так что, в случае чего, сбежать Леону не удастся.

Мак еще раз продумал стратегию. Вел он себя, как всегда, профессионально, по-деловому. Петра, в туфлях на резиновой подошве, перейдет через бульвар и с северной стороны обогнет киоск, стараясь не попасться на глаза случайному автомобилисту. Приблизившись к зданию, прижмется к белой известковой стене и

только потом себя обнаружит. Если за киоском кто-то спрятался, этому человеку придется обойти его и обнаружить себя, хотя бы частично. С востока и запада подойдут одновременно трое других детективов. Они будут готовы к любым неприятностям.

Закричать не удастся — не хватит времени.

Петра считала, что путь от бульвара может стать источником многих неожиданностей. Эрик тоже понимал это, и она сознавала, что это его тревожит. Виду, однако, он не подавал. Зная, что он ведет наблюдение с бульвара, Петра чувствовала себя лучше.

— Как вы? — спросил ее Мак.

— Приступим.

Чувствуя себя во всеоружии, Петра бодро пошла к киоску. Не успела приблизиться, как из-за здания вышел человек с поднятыми руками. Он пошевелил пальцами, расставил ноги и оперся на выносной стол.

Мак с Монтойей налетели на него, а Эрик похлопал по телу в поисках спрятанного оружия.

— Дружественный прием, — сказал мужчина тем же натренированным телефонным голосом. — Приятно, когда к тебе проявляют повышенное внимание.

Даже после того как ему надели наручники, Эрик обыскал его еще раз. Эрик в своем репертуаре.

То же удлиненное морщинистое лицо, что и на снимке.

— Это он, — сказала Петра.

На Лайле Леоне была темно-бордовая шелковая рубашка, черные нейлоновые штаны, шнурованные ботинки с высокими каблуками. Киношные пираты носили что-то подобное...

Прежнюю шевелюру сменил консервативный ежик. На мочке правого уха заметно маленькое темное отверстие: раньше там сверкала серьга.

Рубашка была произведением искусства. Петра обратила внимание на лейбл. Стефано Риччи. Как-то раз она видела подобную рубашку в бутике.

Леон улыбнулся ей. Он был хорошо сложен и ухожен. Красивый мужчина.

Эрик подал ей толстый кошелек, который он обнаружил в кармане задержанного. Внутри были водительские права, похожие на настоящие, и полторы тысячи долларов в купюрах по пятьдесят и двадцать долларов. Адрес на правах — бульвар Голливуд, а дом с указанным номером, насколько Петре было известно, принадлежал почтовому отделению.

— Можем мы теперь поговорить? — спросил Леон.

ГЛАВА 31

Все пятеро втиснулись в «кадиллак» Мака и, завернув за угол, выехали на боковую улицу. Хорошие, ухоженные дома, первые лучи солнца окрашивали их в серо-лиловые тона, и этот городской пейзаж казался почти красивым.

Петра представила, что кто-то из бдительных граждан, заметив старый автомобиль, звонит к ним в голливудский участок и нервно объясняет ситуацию.

Лайла Леона стиснули на заднем сидении, между ней и Люком. Хороший одеколон с оттенком корицы. Лайл старался улыбаться, хотя губы отказывались слушаться.

Явно напуган.

Интересно, чем?

— Расскажите нам вашу историю, мистер Леон.

— Марселла была моей племянницей, Сандра — троюродной сестрой. Я должен был позаботиться о них, но ситуация вышла из-под контроля.

— Где ее родители? — спросила Петра.

— Отец Марселлы давно умер, а мать ушла.

— Ушла от «Игроков»?

— Можем мы оставить «Игроков» в покое?

— Все будет зависеть от того, в каком направлении пойдет рассказ.

— Туда рассказ не пойдет, — сказал Леон. — Мы — воры, но никого не убиваем.

— Почему ушла мать Марселлы? — спросила Петра.

— Сказала, что ей необходим простор, а кончила тем, что стала проституткой в Вегасе. Марселла была младшей из четверых детей. Одна из моих кузин взяла их всех, Потом она устала, и я взял Марселлу.

— Ну а теперь расскажите о Сандре.

— Отца Сандры посадили на два года в тюрьму в Юте, а у матери возникли проблемы с головой. Мне доверили опекать их обеих, но, как я и сказал, ситуация вышла из-под контроля. Во всем виноват Венис.

Мы отправились туда прошлым летом, в этом году снова туда поехали. Договорились работать на берегу по два часа в день, а остальное время — лежать на пляже. Девочкам это нравилось.

— Что за работа?

— Продавать товары. Солнечные очки, шляпы, разные мелочи для отдыхающих.

Мак подал голос с переднего сидения:

— Пока вы продаете барахло туристам, они обчищают им карманы?

Петра почувствовал, как напряглись плечи Леона. Мак был опытным копом, но сейчас он повел себя неправильно: задирает Лайла. Леон был мошенником, а может, и того хуже, но надо дать ему выговориться.

— Итак, прошлым летом вы поехали в Венис? Леон все еще пребывал в напряжении.

— Чистка карманов — это грубо, сэр. Мы практикуем испытанную временем американскую традицию: купи дешево, продай дорого.

Он сидел за то, что продавал старикам бесполезные предметы домашнего пользования. Петра представила себе рассыпавшиеся в пыль фальшивые золотые цепочки, очки от солнца, таявшие от летнего зноя.

— Девушкам нравился Венис, но там возникла проблема? — спросила она.

— Марселла повстречала мужчину. Пауза.

— И забеременела.

— И сделала аборт, — продолжила Петра.

— Вы и об этом узнали?

— Это показало вскрытие.

— Я и не знал, что на вскрытии это можно обнаружить... ну да ладно. Теперь вы видите, что я говорю правду.

— Насчет беременности Марселлы? Да, разумеется.

— Аборт... вот из-за чего начались проблемы, — сказал Леон. — Похоже, что из-за него. Сначала он говорил совсем по-другому: возмущался тем, что она не предохранялась. Пришлось ему заплатить. Он, кажется, успокоился. Летом он снова объявился, спрашивал, где ребенок. Я сказал, что ребенка не было, и он слетел с катушек.

— О ком мы говорим?

— Это Омар Селден. Вот кто настоящий негодяй. Участник группового изнасилования, хотя по виду и не скажешь. Наполовину белый, наполовину мексиканец, что-то вроде этого. Он числится в вашей базе данных. Сидел некоторое время за воровство, но никогда за то, что делал на самом деле.

— И что же именно?

— Убивал людей, — сказал Леон. — Он совершил много убийств. Об этом он говорил Марселле. Даже если половина его рассказов правда, то он монстр.

— Он хвастался Марселле убийствами?

— На нее это произвело впечатление, — сказал Леон. — Глупая девчонка.

— Кого убил Селден?

— Он утверждал, что является главой банды ВВО. Говорил, что и в тюрьме продолжал заниматься своим делом. За сотню баксов убил кого-то. Я сказал тогда Марселле, что это брехня. Так я в то время думал, и оказалось, что был неправ.

Аббревиатура ВВО расшифровывалась как «Венис Ватос Оуквуд». Банда психопатов-выродков, которых считали неактивными до прошлого года: с этого времени они начали расстреливать людей при свете дня.

Петра вспомнила дело, над которым работал Майло Стеджис. Семейного человека, продавца из магазина «Гуд гайз», убили, когда он гулял возле аквапарка с двухлетним сынишкой. Ребенка забрызгало кровью. Он онемел и смотрел на отца широко открытыми глазами. Убийца, четырнадцатилетний подросток, был признан недееспособным. На него, близорукого, никто до сих пор не обращал внимания.

— Однажды я ему заплатил, — сказал Лайл Леон. — Подумал, что теперь мы от него избавились. Целый год я о нем не слышал и подумал, что можно вернуться в Венис: уж очень там нравилось девчонкам. И тут эта дурочка Марселла встречается на улице Селдена. Стоило мне на миг отвернуться, а она ему уже подмигивает. Он ей тоже мигает, вскоре они разговорились.

Леон покачал головой.

— Вы видели Марселлу. Толстая, маленькая, да еще эти глупые розовые туфли, которые она постоянно носила. Сандра — красотка, надень на нее мини-бикини, модные очки от солнца, и на нее будут оглядываться. А кого выбрал Селден? Марселлу. А Марселла и рада стараться.

Тинэйджеры, подумала Петра. Даже шулеры не могут их проконтролировать.

Затем призадумалась над восхищенным описанием достоинств Сандры и удивилась: о чем он думает? Гепатит А. Нездоровая половая жизнь.

В автомобиле повисло напряжение. Мак и другие полицейские тоже недоумевали.

— Сандра — красотка, — повторила она.

— И что же? — сказал Леон. — Я говорю объективно. Сандра, если захочет, может привлечь к себе внимание.

Если этого хотел он. Использовал девушку в качестве приманки, а сам с Марселлой пользовался моментом. Но Марселла подцепила нежелательного воздыхателя.

— У Сандры гепатит, — сказала Петра. Леон промолчал.

— Вы же знали, мистер Леон. Ходили с ней в клинику. Вы когда-нибудь оказывали ей серьезную медицинскую помощь?

— Это проходит без лечения. Так и врачи говорят...

— Вы тоже врач, — сказала Петра.

— Послушайте, — вспылил Леон. — Я заботился о девушках. Десять лет они жили вместе со мной, хорошо питались, выучились читать, и я их не трогал. Ни разу.

Петра вспомнила неприглядный дом на Брукс-авеню. Взрослый мужчина и две девушки в самом соку, с кипящими в крови гормонами.

— Итак, Омар Селден и Марселла возобновили свой роман, — сказала она.

— Да какой это роман, — вздохнул Леон. — В первое лето она улизнула к нему, а он обошелся с ней, как с дурочкой. Этот идиот не пользуется презервативом. Насколько я знаю, он подкладывал ее своим друзьям. Скорее всего, и забеременела она не от него. Он ясно дал понять, что становиться отцом не желает. Припугнул меня, пока я не заплатил ему и не пообещал оплатить аборт. Тысяча баксов из моего кармана. И вот проходит год, Марселла мигает ему, а он подмигивает в

ответ. Произошло это за неделю до убийства. Я остался дома, а девочкам позволил пойти на концерт новой группы. Отпустил их в десять часов и собирался забрать их в два часа ночи. К одиннадцати часам я был в Венеции. В половине двенадцатого дверь с грохотом распахивается, и надо мной стоит Селден. Он выбил дверь ударом ноги. И вот он стоит и спрашивает: «Где мой сын?» Идиот почему-то предположил, что там был сын. Ну кто же может родиться от такого мачо? Я сказал ему, что ребенка не было, потому что я сделал все, чего он хотел. А он мне: — «Ну уж нет, приятель. Я этого никогда не говорил». Я пытался его урезонить.

Леон сделал глубокий вдох. У него подергивалась щека.

— Сначала я думал, что он меня слушает, но он вдруг раздулся. Клянусь, это произошло буквально, его словно накачали велосипедным насосом. Лицо покраснело, вены вышли наружу. Он орал, что я убийца.

По лицу Леона пробежала дрожь — со лба к подбородку. Губы тоже дрожали.

— Тогда я и понял, что он сумасшедший. Прошлым летом он лез на стенку из-за ее беременности. Не мог дождаться, когда она сделает аборт. Теперь он требует ребенка. Я старался его успокоить, но он схватил меня за волосы и закинул назад голову. Затем выхватил пистолет, ткнул дуло мне в шею и заскрежетал зубами. Мне казалось, что я в аду. И тут он начал шепотом нести какую-то чушь — о том, что он вырвет мне язык за мою ложь. Мне все-таки удалось его уговорить.

— На что же он клюнул? — спросила Петра. Леон не ответил.

— Я знаю, что вы обладаете даром убеждения, Лайл, но одним очарованием такого человека, как Селден, не проймешь.

Леон смотрел прямо перед собой.

— Вы предложили ему сделку, и сейчас вам стыдно. Мы переживем это, если ваша печальная история куда-нибудь нас выведет.

Леон снова напрягся.

— Сделка состояла в том, — сказал он, — что я позволил ему снова крутить шашни с Марселлой. Чтобы он снова сделал ее беременной и получил чертова ребенка.

Все молчали. В «кадиллаке» было жарко и душно. Одеколон Леона, смешавшись с запахом пота, приобрел кислый оттенок.

— Я не собирался выполнять условия сделки, — сказал он. — Мы назначили встречу на следующий вечер, и идиот, похоже, был счастлив. Когда я подумал, что он ушел, собрал все наши вещи, забрал девушек, и мы уехали.

— Куда уехали? — спросила Петра.

— В другое место.

— Куда именно?

— У нас есть разные места.

— Какого рода эти места?

— Дома, квартиры, комнаты с краткосрочной арендой.

— Дайте нам адрес, мистер Леон, или мы арестуем вас за препятствие ходу следствия.

Леон развернулся к ней.

— Я вам позвонил и я же препятствую?

— Вы позвонили, чтобы себя обелить.

— Я рассказал о том, в каком в жалком положении оказался. Какое же тут обеление?

— Не отвечайте вопросом на вопрос.

— Так поступают психиатры, и это срабатывает, — сказал Леон.

Петра взглянула ему в лицо.

— Вы не психиатр! Немедленно сообщите адрес!

— Хорошо, хорошо... Я отвез их в Голливуд. Он дал адрес на Норд-Маккадден.

— Там сейчас никого нет. Я запуган до смерти, живу в машине.

Давит на сочувствие.

— В этом случае, я полагаю, далеко вы не уедете, — сказала Петра.

— Послушайте меня.

Он дотронулся до ее запястья. Она сердито на него взглянула, и он убрал руку.

— Селден так этого не оставит. Вы видели, что он сделал с Марселлой. И с другими подростками. К тому же я не знаю, где сейчас Сандра. В тот день, когда убили Марселлу, она исчезла. Все, что ей надо было сделать, это остаться на день в квартире, но, когда я вернулся, она исчезла.

— Откуда вернулись?

— У меня были дела.

— Что за дела?

— Нужно было добыть наличные. Ну какая вам разница? Сандра должна была меня дожидаться, и мы бы с ней уехали из Лос-Анджелеса. А она, видно, решила действовать самостоятельно.

Леон закрыл глаза.

— Я боюсь, что Селден или его сообщники где-то ее отловили.

— Что, Селден такой вездесущий?

— Он словно собака — идет на запах. Кто знает, что ему рассказала Марселла. Может, он теперь знает, где мы останавливаемся и что делаем.

— Может, Сандра решила, что умнее было бы не появляться в одной компании с вами.

— Нет, — сказал Леон. — Этого не может быть. Она ничего с собой не взяла. Ни одежду, ни лягушку. Это мягкая игрушка, она спит с ней каждую ночь. Я подарил ей лягушку, когда она была маленькая, сказал, что это — от матери. Она с ней никогда не расстается.

— А деньги у нее есть?

— Я всегда даю ей на карманные расходы. Но немного. Сто или сто пятьдесят баксов.

— Хватит, чтобы купить билет на автобус.

— Боюсь, что она вышла ненадолго, а ее похитили, — сказал Леон.

— Куда вышла? Леон замялся.

— Сандра попала в зависимость.

— Наркотики?

Он кивнул. Ни дать, ни взять — неудавшийся родитель. И тут Петра вспомнила: «Игроки» считали себя талантливыми актерами.

— Какие наркотики?

— Марихуана, колеса.

— Значит, вы полагаете, что она пошла раздобыть дозу и попалась на глаза Селдену? — спросила Петра.

— Так, наверное, и было, — сказал Леон. — Насколько мне известно, ее наркоторговцем был человек, знавший Селдена, он и предупредил негодяя.

— В вашем изображении он — «крестный отец».

— Наверняка так все и было, — настаивал Леон. — Другого объяснения я не вижу.

— Если только не вы сами убили Марселлу, и Сандру тоже.
Обвинение Леона не взволновало.

— Зачем, — сказал он спокойно, — мне бы это понадобилось?

— Может, ваши отношения с девушками были другого рода, не такими, как вы нам тут рассказали.

— Спросите кого угодно, — сказал он. — Любой вам ответит.

— Могу я спросить Роберта Леона?

— Попробуйте.

— Хотите сказать, что не станет со мной говорить?

— Говорить-то он будет, только при этом ничего не скажет.

— Вы навещали его шесть недель назад, — сказала Петра. — С какой целью? Чтобы рассказать о состоянии его бизнеса? И доложить о том, как заботитесь о девушках?

— Мы — одна семья. Поэтому и посещаю.

— Что думает Роберт об убийстве Марселлы?

— Нельзя сказать, что он счастлив, — проворчал Леон. — То же самое относится и к остальным нашим родственникам.

— Эта трагедия поставила вас в еще более опасную ситуацию? Леон покачал головой.

— Физически они мне не угрожают. Я вам уже сказал: мы не совершаем насилия.

— То есть физической угрозы от них нет, а...

Леон посмотрел на лампочку в потолке «Кадиллака».

— Финансовые трудности. Я вынужден уйти.

— Из «Игроков».

— Слишком много я напортачил, чтобы мне позволено было остаться. Поэтому и не выхожу из машины. Не могу больше останавливаться в домах, принадлежащих группировке. Впрочем, перемена может пойти мне на пользу. Я даже не хочу оставаться в Калифорнии. Слишком уж здесь людно.

— Вы нам очень нужны в Калифорнии. Причем здесь, в Лос-Анджелесе. Важный свидетель, — пояснил Мак.

Леон кивнул, уронил голову.

— Я знал, что это может случиться, но должен был высказаться.

— В интересах справедливости, — сказала Петра.

— В интересах привлечения к ответственности монстра, который убил мою племянницу и, возможно, кузину.

«И до того, как доберется до тебя».

— Если вы его поймаете и вам понадобится живой свидетель, не сажайте меня за решетку.

— Не так драматично, — сказала Петра. — Мы отправим вас в безопасное место.

На самом деле она не имела полномочий на такое обещание.

— Ну вот, — вздохнул Леон. — Вы меня успокоили.

— Перейдем к делу, — вмешался Мак. — Где мы можем найти Селдена?

— Марселла говорила мне, что он живет в Долине. Ездил оттуда в Венис. Если ваши парни чего-то стоят, то у них должно быть на него досье.

Дорога от Долины до Вениса и что-то еще, сказанное Леоном в начале разговора, дали новый толчок раздумьям Петры.

— Селден не похож на насильника. В каком смысле?

— У него нет татуировок, и он толстый, рыхлый. Он говорил Марселле, что учился в каком-то государственном колледже, по крайней мере, год. Может, это и так. При первом знакомстве он психом не кажется.

— Он фотограф? — спросила Петра.

Леон еще больше напрягся. Старался не встречаться глазами с Петрой.

— Вы его знаете?

— Расскажите о его фотографических занятиях. Леон облизнул губы.

— Он ходит повсюду с камерой, говорит, что делает снимки. Так он и с Марселлой познакомился. Сказал ей, что она красива, и попросил стать его моделью. Если бы она была самокритична, то поняла бы, что он ей впаривает. Санди — совсем другое дело. У нее все как надо. И если снять ее на черно-белую пленку, желтизны в глазах никто не увидит.

Они отвезли Леона в участок, посадили в изолятор и отыскивали старые дела. Все подтвердилось.

Омар Артур Селден, а также Омар Анчо, а также Оливер Артуро Рудольф. Бандитские клички: Живчик, Толстяк, Фотограф. Долгие годы член группировки ВВО.

Петра знала еще одно имя, не значившееся в материалах.

Овид Арназ.

Спокойный молодой человек, которого она встретила на Брукс-авеню. На фотографии, сделанной четыре года назад, когда его арестовали за воровство, он выглядел абсолютно непримечательно. Селден отсидел три года.

Через год после освобождения он повстречал Марселлу Дукет на океанском побережье.

Петра стиснула челюсти, едва не застонав: она вспомнила, как складно рассказывал он ей об аренде хибары на лето, о том, что готовится стать профессиональным фотографом. Еще он уверял, что боится выходить ночью в криминальный район.

Узнав имя владельца земельного участка, она проверила Леона и девушек, а об Арназе-Селдене даже не подумала. Может, он там и вообще не жил.

Может, видел, как она приехала. Возможно, засел в пустом, заброшенном доме, чтобы вести наблюдение за хибарой Марселлы. Надеялся выследить Лайла Леона и кончить дело.

Этот ублюдок был совсем рядом.

Она вспомнила реакцию Селдена на посмертный снимок Марселлы. Никаких эмоций.

Утверждал, что и раньше видел мертвецов. Посещал морг, поскольку это входило в программу будущего фотожурналиста.

Она проглотила наживку целиком, почти не взглянула на документы и адрес в Долине, которые он ей подсунул. Жил он неподалеку от восстановленного района Нохо. Там много галерей. Вероятно, потому и занялся фотографией. Но такая вероятность не принесла ей ни малейшего облегчения.

— Откуда бы вам знать? — старался утешить ее Мак. Правда вид у него был совсем убитый.

ГЛАВА 32

Четверг, 20 июня, 15:00. Библиотека Доэни

— Лучше будет, — сказала Клара Дистенфилд, — если вы конкретнее сформулируете, что вы ищете и зачем.

Айзек улыбнулся ей из-за стола и сказал:

— Извините, это все, что я могу сообщить.

— О господи, — вздохнула Клара. — Неужто государственная тайна?

Она служила старшим библиотекарем в отделе научной литературы. Ей исполнился сорок один год. Она была умной и образованной женщиной, с полными икрами, тяжелой грудью, длинными волнистыми ярко-рыжими волосами, которые подбирала возле висков заколками. Кожа на лице, словно персик.

Клара питала слабость к студентам-выпускникам. Репутация Айзека была широко известна, и Клара, мать двоих талантливых детей, старалась всегда прийти юному гению на помощь.

С первой встречи Айзек представлял Клару в своих пылких фантазиях.

Потом ее потеснила Петра. Тем не менее, когда он видел Клару вот в таких ярких платьях с цветочным рисунком...

Сегодня платье было бледно-зеленое с набивным рисунком — белые пионы и желтые бабочки. Облегающая тело ткань — не шелк, но похожа на шелк...

— «...Живи в земле, о которой Я скажу тебе, странствуй по сей земле»^[14], — провозгласила Клара, сверкнув белоснежной улыбкой.

— Извините, — сказал он. — Знаю, это звучит уклончиво, но я действительно ничего больше не смогу прибавить.

— Официальное полицейское задание, да? «Неужели она подмигнула?»

— Ничего сенсационного, — ответил он.

— Они хорошо к вам относятся?

— Очень хорошо.

— И все же, — сказала она, — здесь все совсем по-другому. И взмахнула пухлой рукой в сторону стеллажей, наполненных книгами.

— Да, по-другому, — согласился он.

Клара нагнулась над столом и прикусила ластик на конце карандаша. Роскошная грудь при этом движении колыхнулась.

Ему нравилось, как зрелые женщины... может, с ним что-то не так?

То, что было «не так», заключалось в позднем сексуальном развитии. Даже после двух неудачных встреч с проститутками, которые ему устроил Флако Джарамилло, Айзек оставался несчастным девственником.

— Вы нормально себя чувствуете, Айзек? — спросила Клара. — Вы кажетесь усталым.

— Все хорошо.

— Ну, если вы так говорите...

Она прокатила карандаш по своему бедру.

— Что ж, это и все, что мне удалось для вас сделать. Она устремила золотисто-зеленые глаза на компьютерную распечатку, которую положила ему на стол. 28 июня произошли сотни исторических событий. Теперь у него было все.

Возможно, ключ где-то здесь, в историческом прошлом, но если он и там, сейчас Айзеку было не до того.

— Я очень вам благодарен, Клара.

— Мне это доставило удовольствие.

Она подошла еще ближе, и он почувствовал сладкий запах мыла и воды. В ее взгляде читалась озабоченность, и она уже не улыбалась.

— Вы действительно выглядите усталым. Особенно здесь.

Бледной рукой дотронулась до кожи под его глазами. Кончик пальца прошелся по его правой щеке, и электрический разряд опалил ему бедра. Он скрестил ноги, надеясь, что Клара не заметила эрекции.

Она улыбнулась. «Неужели все-таки заметила?»

— Я теперь во всеоружии, — сказал он.

— Это хорошо. Приятно, что вы уверены в себе. Студенты делятся на две группы: лодырей и тружеников. Вы относитесь к последней категории, Айзек. Вы всегда здесь. Один.

Он сидел в дальнем углу помещения, окруженный старыми и старинными ботаническими атласами. С тех пор как открылась библиотека Ливи, студенты младших курсов занимались там. Огромное, великолепно отреставрированное помещение Доэни служило выпускникам, но занимались здесь все по очереди.

Иногда кто-то забредал сюда в поисках редкого текста. Чаще всего Айзек сидел здесь один. Не то что дома: там он делил тесную комнату с братьями, а в окна доносился шум с улицы...

— Я очень люблю одиночество, — признался он.

— Я это знаю.

Клара откинула с лица волну медных волос. Это лицо ни в коем случае нельзя было назвать красивым. Скорее... приятное. Чистое.

— Моя дочь Эми хочет стать врачом. Хирургом, никак не меньше. Она достаточно умна, но я ей говорю: «Тебе двенадцать лет, времени хватит, чтобы сделать окончательный выбор». Она получает только отличные оценки. Так что, возможно, все будет, как она захочет.

— Вы должны ею гордиться, — сказал Айзек.

— Я и горжусь. И ее братом — тоже.

Сейчас она улыбалась по-другому. Открытая материнская улыбка. Неожиданно Айзек представил себе, как она кормит грудью ребенка... но вдруг эти тяжелые груди заслонили ему все пространство. Она наклонилась к его лицу и подставила губы.

Он словно ступил с обрыва. Ее язык пах лимоном, сладким лимоном леденцов. Неужели она все подстроила? Такая возможность возбудила его еще больше, он готов был выпрыгнуть из штанов.

Теперь она сидела у него на коленях — мягкий, ощутимый вес — и обнимала его. Он гладил ее по спине, груди, просунул руки под платье, трогал гладкую плоть. Гладкие бедра, теплые и влажные... Она ему все позволяла, не останавливала.

Затем она взяла его за руку, положила на шелковую ткань. Бабочки подпрыгнули. Уже положив его на пол, она сказала:

— Ох, Айзек, извини. Этого делать не следовало. Неуклюже двинув бедрами и подняв глаза к потолку, она стянула с себя трусики.

ГЛАВА 33

Пятница, 21 июня, 15:49. Комната следователей. Голливудский участок

Петра сидела за столом и удивлялась, почему Айзек не появился ни вчера, ни сегодня.

Спросила у Барни Флейшера, видел ли он парня.

— В среду, — сказал Флейшер. — Сидел здесь часов до восьми.

— Что, совсем один?

— Я был здесь, — напомнил Барни. — О Шулкопфе слышали?

— Нет, а что?

— Развелся с третьей женой. Старик усмехнулся.

— Это же Лос-Анджелес, — сказала Петра.

— Да, не забыл.

Петра уселась. Устала после собрания. Работа следователя не из легких.

Следуя логике, надо бы немедленно бросить все усилия на поиск Омара Селдена, главного подозреваемого в побоище у «Парадизо». Петра должна была оформить нужные бумаги и найти подходящее объяснение тому, как детективы вышли на такого свидетеля, как Леон. Ей предложили сидеть, ничего не предпринимая, пока отдел по особо опасным преступлениям не выдаст дальнейшие указания.

В четверг позвонили и сообщили, что совещание состоится на следующий день, в два часа.

На заседание явились Петра, Мак Дилбек и трое мальчиков из центра. На доске объявлений написали: «Обмен мнениями между участками».

Трое детективов из отдела по особо опасным преступлениям настроены были благодушно. Похвалили голливудских коллег за то, что те вышли на Селдена. Петра понимала, что все эти разговоры — бред собачий, но вежливо улыбалась. В конце совещания Петра и Мак рассказали о ходе расследования, а золотые мальчики изложили все,

что им было известно о ВВО и других бандах Уэст-Сайда и Долины. Они принесли с собой планшет и демонстрировали диаграммы и статистические данные. С последнего листа на них свирепо смотрело увеличенное пористое лицо Омара Селдена.

На этом снимке Селден выглядел по-настоящему «плохим парнем». Петра осознала, что была совсем рядом со злодеем, и невольно содрогнулась.

В два часа пятьдесят восемь минут старший детектив из Даунтауна объявил, что план изменен: охотой на Омара Селдена займется новое подразделение Долины, потому что, если даже стрелял Селден, то ему наверняка помогали другие бандиты, и для их захвата требовались специалисты. Детективы Даунтауна осуществят «формальную связь» с подразделением и вернутся к Маку для последующего собрания и обсуждения операции.

«Не звоните нам, мы сами вам позвоним».

Петра подняла вопрос о пропаже Сандры Леон. Старший детектив сказал:

— Вы, кажется, предположили, что она мертва? Мы возьмем Селдена живым и, возможно, узнаем у него все подробности. Поэтому поисками Сандры сейчас незачем заниматься.

Петра вышла из комнаты совещаний более усталой, чем если бы она ездила по городу в поисках Омара.

Сейчас она сидела за своим столом и думала об июньских убийствах, потому что о «Парадизо» все уже было передумано. До даты следующего предполагаемого убийства осталось семь дней, а они с Айзеком давно не виделись.

Она сделала промашку, но за «Парадизо» ей должно проститься.

Семь дней. Да поможет Господь новой жертве! Если только Айзек не ошибся.

Вряд ли. Характеристики роковых вдавненных проломов были почти идентичными.

Под ключицей знакомая ноющая боль. Она взяла дела 28 июня, снова стала их просматривать.

Марту Добблер выманили из театра. Петра вспомнила Курта Добблера. Он вызывал у нее подозрения.

Дальше: старик Солис и мнимый кабельщик. Корал Лэнгдон с мертвой собакой. Чем больше Петра думала о сценарии с убийцей-

собачником, тем правдоподобнее он ей казался.

Между жертвами нет ничего общего, за исключением расчетливого психопата, стоявшего за этими преступлениями. Этот человек отличался изворотливым умом, способностью обмануть свою жертву... настоящий хамелеон.

Жертвы разного пола. Значит, дело не в сексе? Или убийца бисексуален?

А что, если своими преступлениями он бросал вызов? Развлечения ради.

Даже если так, все равно должно было что-то, что связывает шестерых мертвых людей.

Петра напряженно искала объединяющий фактор.

Семь дней. Наметил ли преступник свою жертву? Какими критериями он пользовался? Что выделяло его жертв?

Зачем понадобилось проламывать черепа? Такой способ куда более рискован, чем выстрел или удар ножом. Что это должно было означать?

Алекс Делавэр говорил ей когда-то о людоедах, поедавших мозги своих жертв, чтобы завладеть их душами. Уж не возрождение ли это каннибализма?

А может, так убийца хвастался: «Я — мозг».

Новоявленный гений? Множество психопатов ставят себя неизмеримо выше других людей. Этому преступнику много лет удавалось выходить сухим из воды. Может, он и в самом деле так умен.

Если это так, то лучшим оружием в ее арсенале был Большой Мозг. Но куда он запропастился?

Всему причиной юношеская эмоциональность. Сначала Айзек бегал вокруг нее, как щенок, а сейчас вдруг отстранился, почему? Потому что она его отпугнула? Или все дело в синяке? Петра, конечно же, не поверила в то, что он налетел на стену.

«Плохая из меня нянька».

А что если Айзек в беде? Она представила множество самых скверных сценариев, перед ее глазами замелькали газетные заголовки, статьи с упоминанием ее имени и оценкой «нерадивый коп».

Рейс потребует сдать ему полицейский жетон.

Желудок окатило кислой волной.

«Перестань, у него все нормально. Работает в библиотеке. Скоро защитит вторую докторскую диссертацию. Что ему здесь делать? Ты ведь не дала ему задания».

А может, Айзек не кажет носа, потому что у него ничего не выходит с 28 июня? Если гению не удастся решить эту загадку, то куда уж ей?

Она положила шесть дел обратно в ящик. Попыталась понять, отчего болит душа. Напомнила себе, что это она вышла на Омара Селдена.

Избитый способ — бесполезный для 28 июня...

Петра обратилась мыслями к Эрику.

Она не видала его со среды: ранним утром, хромя, он ушел из участка, пока разбирались с Лайлом Леоном. Эрик отвел Петру на лестничную площадку, поцеловал и поспешно ушел.

Позвонил всего раз. Утром обнаружила сообщение.

Скоро дам знать. Э.

Ушел, где-то продолжает делать свое дело. Означает ли это, что скоро он снова погрузится в продолжительное мрачное молчание?

Попыталась представить вкус его губ. Не удалось. Удовлетворение, связанное с Селденом, начало таять. Потому что поимка ублюдка не вернет Марселлу Дукет и других жертв «Парадизо».

Позвонила на отделение биостатистики Калифорнийского университета. Ей сказали, что Айзек к ним приходит редко, но она может оставить сообщение.

К черту! Она убьет следующий час, разъезжая по улицам и притворяясь, что наблюдает за территорией, контролируемой бандой гангстеров. Нет, лучше пойдет пешком, избавится от нервной энергии.

Взяла сумку, вышла из участка. На автомобильной стоянке увидела двух мужчин, топчущихся возле ее машины.

Она их не узнала. Темные костюмы, на нагрудных карманах опознавательные таблички. И тут вдруг сообразила, что видела их раньше. Два дня назад они разговаривали и смеялись на этой же стоянке.

В тот раз они ее проигнорировали.

Сейчас они ее поджидали.

Петра пошла к ним. Оба мужчины были усаты. Один белокожий, другой — смуглый. У того и другого синий галстук.

Светлый мужчина сказал:

— Детектив Коннор? Лью Родман, отдел по борьбе с организованной преступностью.

Тон деловой. Ни следа улыбки. Над бескровными губами усы цвета сухой травы. Усики его партнера, словно линия, проведенная черным карандашом.

Эти мужчины хотят поговорить с ней о Селдене? Потому что именно она его опознала? Приятно, когда тебя одобряют.

Петра улыбнулась.

— Рада встретиться с вами. Каковы ваши планы в отношении Омара?

Родман и Черный Карандаш переглянулись.

— Кто такой Омар? — спросил Карандаш. Одобрения в их глазах не было и в помине.

— В чем тогда дело? — поинтересовалась Петра.

— Можем мы поговорить в укромном месте?

— Прежде объясните, в чем дело.

Родман взглянул на партнера. Смуглый человек сказал:

— Дело касается практиканта, которого вы опекаете. Айзека Гомеса.

— Айзек? С ним все в порядке?

— Это, — сказал Карандаш, — мы и пытаемся выяснить.

Их бронзовая «краун виктория» стояла в дальнем конце стоянки. В машине было душно, стало быть, какое-то время они там находились. Петра села на заднее сидение, а Родман и Карандаш — его звали Бобби Люсидо — поместились впереди и открыли свои окна. О Петре не подумали и воздуха ей не дали.

— Жарко, откройте окно.

Родман повернулся, раздался щелчок, и она наконец-то могла дышать.

Люсидо оглянулся. Его редеющие волосы были напомажены, черные пряди полосами перечеркивали лысину.

— Так что вы можете нам сказать о Гомесе?

— Ничего, — сказала Петра, — пока не объясните мне причину вашего любопытства.

Люсидо бросил на нее раздраженный взгляд и отвернулся. Слышно было, как он вздохнул. Потом он снова обернулся и посмотрел ей в глаза.

— Вы ведь его нянька. Петра не ответила. Люсидо ей улыбнулся.

— Ситуация такова: Гомеса заметили в обществе известного наркоторговца и прочих очень плохих парней.

Синяк на лице. Мальчик действительно попал в беду.

— Вы, похоже, не удивлены.

— Конечно, удивлена. Вы, наверное, шутите.

— Да, мы затейники, — сказал Родман. — Сегодня выступаем в телешоу «Фабрика смеха», завтра — в «Ледяном доме».

— Кто этот «плохой парень»?

— А вы не знаете?

Она почувствовал, как вспыхнуло лицо:

— Я ему нянька в полицейском деле. То есть на работе он рядом: работает на компьютере, ездит вместе со мной, куда требуется. А знаю я то, что он гений: он поступил в медицинский колледж, ради удовольствия готовится защитить вторую докторскую диссертацию, и это в двадцать два года. Вы хотите рассказать мне, что происходит? Пожалуйста. Хотите драмы? Учитесь тогда актерскому мастерству.

Черная нитка усов на лице Люсидо опустилась и вновь поднялась. — Докторская диссертация ради удовольствия?

— Не может быть, — сказал Родман. Петра молча на них уставилась.

— Ну, хорошо, — сказал Люсидо, — возможно, ему нужны разные удовольствия.

Он снова от нее отвернулся, и Петра услышал шелест бумаги. Ей передали что-то через сидение.

Черно-белая глянцевая фотография семь на восемь. На ней Айзек и тощий парень. Сидят рядом друг с другом. Парень действительно тощий — втянутые, как у наркомана, щеки, опущенные уголки глаз. Сидят они, похоже, в кабине ресторана. Обитые фанерой стены, еды на столе нет. Возможно, дешевый бар. На наркомане черная одежда, над верхней губой жалкие усики. Агрессивно вызывающая прическа:

макушка обрита наголо, на висках волосы оставлены, через правое плечо перекинута косичка, длинная и тонкая, как угорь.

Айзек выглядел как Айзек: аккуратный, чистый, рубашка застегнута на все пуговицы. Только глаза смотрят по-другому.

Более напряженно. Сердито?

Они с наркоманом сидят очень близко друг к другу. Камера поймала их в серьезный момент.

— Кто этот тощий? — спросила Петра.

— Флако Джарамилло, — сказал Бобби Люсидо. — По-испански это так и звучит — «тощий». Флако Джарамилло или Мауси или Кун Фу — это из-за косички. Настоящее его имя — Рикардо Исидор Джарамилло. Он известный наркоторговец. Говорят, что он за деньги убивает людей, хотя никогда за это не привлекался.

— Из какой он банды?

— Он не член банды, — сказал Родман, — хотя знается с бандитами Восточного и Центрального Лос-Анджелеса.

Омар Селден хватался Марселле, что выполняет поручения различных банд. Уж нет ли здесь связи? Петра пригляделась к фотографии.

— Где это снято?

— Так много вопросов... — протянул Бобби Люсидо.

— Если вам требуются ответы, то вы обратились не по адресу.

— Как случилось, что вы стали работать с Гомесом?

— Мне его направил капитан. Он действовал в соответствии с приказом заместителя начальника участка Рэнди Диаса, а тот получил распоряжение от члена муниципального совета Рейса.

— Да, да, этот собачий бред мы прочли, а нас интересуют его связи с подонками, такими как Флако Джарамилло.

— Ну так его и спрашивайте, детектив Люсидо! — сказала Петра. — Я его знаю только как прилежного практиканта.

— Зовите меня Бобби, а это — Лью. Место, где мы сделали фотографию, находится на Пятой улице, рядом с «Кантина нуэва». Там ошиваются дельцы, негодяи, обманщики и прочая сволочь.

Петра провела ногтем по краешку снимка.

— У вас там есть свой человек?

— Скажем так: у нас есть возможность делать фотографии, — сказал Лью Родман. — Причем очень часто героем этих снимков

бывает Флако. Так что, когда появился ваш мальчик, весь такой чистенький, в одежде выпускника частной школы, его тут же заметили. Тем более что прямо из дверей он направится в кабину Флако. У нас проснулось любопытство, и мы проследовали за ним до дверей, чтобы записать номер машины. Оказалось, что у него и автомобиля-то нет. Он сел в автобус. Что ж, поехали за автобусом, узнали домашний адрес и вышли на отца Гомеса. Затем кто-то из наших, глядя на фотографию, узнал мальчишку по статье в газете. Оказывается, Рейс дал ему за талант что-то вроде награды.

— Очевидно, что он знаком с Джарамилло, но это не значит, что он его клиент.

— Они общаются, они партнеры, — сказал Роман. — Докторских диссертаций мы не защищали, но знаем, сколько будет дважды два. Ваш студент дружит с плохим парнем и встречается с ним в «Кантина нуэва».

— У вас есть доказательство, что Гомес связан с криминалом?

— Он говорил с Флако, — сказал Бобби Люсидо. — Флако встал, пошел за барную стойку. Вернулся. Через несколько минут Гомес ушел из ресторана с кейсом.

— Он всегда носит с собой кейс.

— Я был уверен в этом, — сказал Бобби Люсидо. Петре стало не по себе.

— Чего вы от меня хотите?

— Пока ничего. Продолжайте то, чем занимаетесь. Но будьте бдительны. Ситуация меняется. Мы дадим вам знать.

— Это что же получается? Я теперь работаю на вас?

— Вы работаете на участок, — сказал Люсидо. — Так же, как и мы. Как только в связи с этим делом у вас возникнет проблема, сразу обращайтесь к нам.

Петре захотелось немедленно выйти из машины, и она схватилась за дверную ручку — ничего не получилось. И не должно было получиться: ведь ее тоже подозревают.

Прежде чем она успела что-то сказать, Лью Родман рассмеялся и нажал на другую кнопку.

Когда она вышла, Люсидо спросил:

— А все же, кто такой Омар?

Петра наклонилась к его окну. Он отодвинулся, и она всунула голову в машину.

— Вы, ребята, откуда, из Долины? Люсидо дернул головой.

— Из Центрального.

— Тогда вам и знать это не надо.

ГЛАВА 34

Петра смотрела, как «краун виктория» выезжает со стоянки.

Айзек по-настоящему вляпался.

Гулять пешком ей расхотелось, она решила взять вещички и улизнуть с работы. Как только подошла к задней двери участка, кто-то окликнул ее по имени.

Петра обернулась.

Это был он, мистер Двойная Жизнь. Айзек махал свободной рукой, другая, как всегда, сжимала ручку кейса. Одежда на нем была та же, что и на фотографии в «Кан-тина нуэва».

Интересно, следил ли он за тем, как она говорит с детективами из Даунтауна?

Айзек подбежал к ней. Сияк побледнел, но щека все еще припухшая и намазана тональным кремом.

— Привет, — сказала она. — Давно не виделись.

— Извините, — сказал он, — работал поздними вечерами. «Это уж наверняка».

— Что, трудитесь над диссертацией?

— Да, по большей части над ней. И над 28 июня — тоже. К сожалению, здесь ничем похвастаться не могу. Библиотекарь все еще ищет. — Он нахмурился. — Если честно, то я уже начинаю сомневаться: может, я был не прав. Может, сделал поспешный вывод из статистического казуса.

— Зря сомневаетесь, — сказала Петра и бесцеремонно уставилась на сияк.

Рука Айзека поднялась к щеке и снова опустилась.

— Вы думаете, что я не ошибся?

— Время покажет.

Она поднесла к его глазам свои часы. Крошечные черные цифры в окошке календаря показывали 21-е число.

— Знаю, — сказал он и перебросил кейс в левую руку. Его плечи опустились.

— Вы выглядите немного побитым, — сказала Петра.

— Автобус опаздывал, и мне пришлось поехать по другому маршруту. Кончилось тем, что я прошел несколько лишних кварталов.

«В самом деле?»

— Должно быть, трудно обходиться без машины, — заметила Петра.

— Ничего, если привыкнешь. Я слышал, что по телевидению показывали одного из Леонов. Мой отец видел его лицо в «Новостях». Я рассказал родителям, что вы работаете над этим делом. Надеюсь, что я не сболтнул чего-то лишнего.

— Нет, — сказала Петра. — В этой передаче упоминали мое имя.

— Значит, все-таки стрелял Леон?

Она покачала головой, не зная, что может сказать ему — на данный момент.

Шум двигателя заставил ее взглянуть через его плечо. На стоянку въехал черный «форд» и агрессивно устремился к первому свободному месту. За рулем сидел один из детективов Даунтауна. Широкие плечи, уверенный вид — ни дать ни взять — коп из кино. У его напарника была такая же манера. И у того и у другого солнечные очки с отражательными стеклами. Двигатель порычал и замолк.

— Поговорим потом, — сказала Петра и, открыв дверь, подержала ее для Айзека.

«Перемена ролей, — подумал он и вошел в здание. — Для нее я всего лишь мальчишка».

Первый детектив сказал:

— Привет, к собранию готовы?

— Какому собранию?

— В пять часов. Мы звонили.

— Когда?

— Пятнадцать минут назад.

Стало быть, когда она сидела в машине с Родманом и Люсидо. Короткое извещение, словно она на них работает.

— А что за повестка? — спросила Петра.

— На собрании и узнаете, — сказал второй детектив.

Айзек сел за угловой стол и водрузил на него ноутбук. В комнате были еще два следователя — Барни Флейшер и незнакомый грузный

мужчина. На нем красовалась португепя с ремешками крест-накрест. Они впивались в тесную зеленую рубашку с воротником «поло».

Айзек включил компьютер, вызвал базу данных библиотеки Доэни, притворился, что ему надо что-то в ней найти.

Притворился, что с Кларой у него ничего не произошло.

На самом деле — произошло, и он низко пал в личном и профессиональном отношении.

Воспользовался слабостью беззащитной женщины, это подло. Большим прегрешением было смешивать дело с... удовольствием, рискуя завалить расследование убийств от 28 июня.

Он попытался рассуждать разумно, хотел убедить себя, что все было наоборот и воспользовалась им Клара. Что тонко чувствующий студент хотел лишь мира, покоя, шелеста книжных страниц, а не слияния бедер, не стонов...

Было замечательно. Во второй раз, не в первый. В первый раз он ничего не понял, чувствовал лишь, как стучит в голове от удивления и оргазма. Клара продолжала двигаться, и эрекция не пропала. Она взяла его лицо в свои ладони и прошептала:

— Да, продолжай, продолжай.

И эти слова, конечно, же, снова его вдохновили.

Во второй раз он испытал фантастические ощущения. Клара, похоже, тоже была под впечатлением. Она извивалась, стонала и пыталась заглушить крик, прикрывая рот рукой. Она его еще долго не отпускала, целовала шею, через рубашку скребла ногтями по его спине, щекотала лицо рыжими прядями. Он уже не мог более выносить этого и повернул голову. Она решила, что он устал и прошептала:

— Бедный мальчик. Тебе тяжело, я такая толстая.

Она улыбалась, но, казалось, вот-вот заплачет, поэтому он сказал:

— Нет, нисколько, — и поцеловал ее, через ткань с бабочками взял ее за бедра, мягкие, словно подушки.

— Господи, я все никак не успокоюсь, — сказала она и прослезилась. — Прости, Айзек. Ну, зачем тебе толстая, старая, истеричная женщина?

Пришлось ее утешать, ласкать. Целовать... хотя к этому моменту эмоции его угасли и телесный контакт был неприятен. Она действительно была тяжелой.

— Ты такой приятный, — сказала она. — Но это не должно повториться. Верно?

— Верно, — сказал он.

— Что-то ты очень быстро согласился. Растерявшись, Айзек промямлил:

— Я хочу того же, чего и вы.

— В самом деле? — сказала она. — Если бы это зависело от меня, то я потрахалась бы с тобой еще сотню раз. Но надо и честь знать.

Поцеловала его в подбородок.

— Стыдно... но жизнь — сложная штука. Я тебе в матери гожусь.

При этой мысли она нахмурилась. Айзеку тоже вдруг стало стыдно. Он попробовал избавиться от этого чувства, сосредоточился на бабочках и цветах. Чуть двинулся, желая дать ей понять, что ему неудобно.

— Но, — сказала она, сойдя с него наконец и вроде бы не желая больше к нему притрагиваться.

Не глядя на него, подняла трусики, надела туфли и взбила огненные волосы.

Айзек тоже натянул джинсы, застегнул на ширинке молнию и уселся, ожидая окончания фразы. Она слабо улыбнулась дрожащими губами.

— Но что? — спросил он.

— Но что? — удивилась она.

— Вы сказали «но» и более ничего.

— Ох, — она опустила руку и кончиками пальцев притронулась к его ширинке. — Но это была фантастика. Даже несмотря на то что я гожусь тебе в матери. Мы можем быть друзьями, правда?

— Конечно, — сказал Айзек, не уверенный в собственном ответе.

Клара криво улыбнулась.

— Значит, мы можем вместе пить кофе. Как друзья.

— Конечно, — повторил он.

— Сейчас?

— Сейчас?

— Прямо сейчас.

Они вместе вышли из библиотеки и отправились в кафе на Фигероа. Это было на другой стороне улицы, у восточной границы

кампуса. Прошли мимо студентов. Те прогуливались со своими ровесниками.

Клара покачивала бедрами и время от времени задевала его. Айзек пытался оставить между ними некоторое расстояние — достаточное, чтобы рассеять впечатление интимности, но не такое большое, чтобы ее обидеть. Она продолжала подталкивать его в бок.

В ресторане она повела его в кабину, заказала чай с мятой и сложный зеленый салат. Айзека вдруг замучила жажда, и он попросил колу.

Когда официантка отошла от них, Клара созналась:

— Я всегда начинаю испытывать голод. После. Шея ее порозовела.

За час она рассказала ему о своем детстве, о раннем замужестве. Она когда-то думала, что это на всю жизнь. О своих двух талантливых детях и о замечательной маме. Мать могла проявлять власть, но лишь с лучшими намерениями. Говорила и об отце-юристе, работавшем в фирме. Он ушел на пенсию и через год умер от рака простаты.

После недолгой задумчивости, заметила:

— Ты замечательно слушаешь. Мой прежний был ужасным слушателем. Ты не думал о том, чтобы стать психиатром?

Айзек покачал головой.

— Почему?

— Я пока не выбрал определенную специальность. Все впереди.

Она перегнулась через стол и дотронулась до кончиков его пальцев.

— Ты красивый мальчик, Айзек Гомес. Однажды ты станешь знаменитым. Надеюсь, вспомнишь обо мне с добром.

Он рассмеялся.

— Я и не думала шутить, — сказала Клара.

Он проводил ее до рабочего стола в справочном отделе библиотеки и пошел прочь, когда она начала болтать со своей помощницей, Мэри Золтан, женщиной с личиком крота. Мэри была на десять лет младше Клары, но выглядела старше. Когда Клара увидела, что он уходит, то побежала за ним, догнала его у дверей, прикоснулась к плечу и страстно прошептала, что он был прекрасен, что это было прекрасно, и жаль, что больше между ними ничего не будет.

Мэри Золтан смотрела на них. В кротовьих глазах никакой теплоты.

Клара стиснула его плечо.

— О'кей?

— О'кей.

Он высвободился и вышел из библиотеки. Слишком взволнован, чтобы сосредоточиться на диссертации, или на расследовании событий 28 июня, или на чем бы то ни было. Вышел на воздух, ощущая пульсацию в паху. Запах Клары прилип к коже, к горлу, к носовым пазухам. Он остановился в туалете в соседнем здании и вымыл лицо. Не помогло. Он пропах Кларой и собственным семенем.

Нет, сейчас он никак не может ехать к Петре.

Во всяком случае, ему нечего ей предложить.

Отчего он чувствует себя так, словно изменил ей?

Он пошел назад, к Фигероа, сел на 81-й автобус в сторону холмов, вскочил в автобус № 2 на перекрестке Цезаря Чавеса и Бродвея, проехал станцию Сансет — Вилкоккс, в Ла Бреа вышел и пешком одолел расстояние до бульвара Пико. Там пересел на «голубую линию» наземной рельсовой дороги из Санта-Моники к пляжу.

Было почти шесть часов, когда он подошел к пирсу. Купил поджаренный кукурузный початок, чипсы и еще одну бутылку колы. Прошелся, посмотрел на стоявших с удочкой японских старичков. Просто бродил. Его студенческая одежда и кейс привлекали внимание туристов, подростков и торговцев.

Может, дело не только в одежде, и они заметили что-то еще?

Человек не такой, как все, никогда не станет своим. Если бы только они знали, что болтается у него на дне кейса.

Сойдя с пирса, пошел по берегу. Под носки набился песок, он шел, не обращая внимания, потом закатал штаны, снял носки пошел босиком по холодной воде.

Постоял, пока ноги не занемели, ни о чем не думал.

Это было замечательно.

Вернулся мыслями к 28 июня.

«Петра думает, что я прав, но ведь я могу и ошибаться. Как бы хорошо на этот раз ошибиться».

Снова вышел на песок, надел носки и туфли прямо на мокрые ноги.

Домой вернулся почти в десять вечера, и мама нервничала, потому что он опоздал к свежеприготовленному ужину. В супе альбондигас вволю было и фрикаделек, и приправ, а еще мама натушила большую кастрюлю черных бобов с соленой свининой. Мама хлопотала вокруг него, считала каждую отправленную в рот ложку, и он съел столько, сколько мог вместить желудок. Когда показалось, что живот вот-вот лопнет, Айзек утер подбородок, сказал, что все было невероятно вкусно, поцеловал ее в щеку и пошел к себе в комнату.

Исайя уже спал на верхней койке. Он лежал на спине и ритмично храпел. Левой рукой прикрывал глаза. За прошедший год Исайю, ученика кровельщика, перебрасывали с одной строительной площадки на другую. Получал он за свою работу чуть больше минимальной зарплаты и за это время успел пропахнуть смолой. Айзек вроде бы привык к этому, но сегодня ему показалось, что маленькая комната пахла, словно только что заасфальтированная улица.

Старший брат фыркнул, повернулся и снова занял исходное положение. Ему надо было вставать в пять утра, чтобы вовремя оказаться на месте, мимо которого проезжал прораб, подбирая строительных рабочих.

Айзек снял туфли и тихо поставил их на пол. Койка младшего брата, Джоэла, пустовала. Она была застелена еще с утра. Он работал служащим на Альварадо, а вечером учился в колледже. Джоэл являлся домой поздно, без всяких объяснений. Если бы так поступали его старшие братья, родители устроили бы страшный скандал. Но красавцу Джоэлу, с улыбкой Тома Круза, позволялось все.

Исайя снова зашевелился. Что-то пробормотал во сне. Замолчал. Айзек осторожно разделся, повесил одежду на спинку стула и улегся на нижнюю кровать.

Верхняя койка закрипела.

— Это ты, братишка?

— Я.

— Где ты был? Мама вся извелась.

— Работал. Исайя рассмеялся.

— Что смешного? — спросил Айзек.

— Я чую все даже отсюда.

— О чем ты болтаешь?

— От тебя несет, как от грязного факера. Да, братишка. Именно так.

На следующий день он вернулся в библиотеку, приготовившись спокойно взглянуть в глаза Клары. «Мы ведь взрослые люди». Ее за столом не было.

— Заболела, — сказала Мэри Золтан.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Она позвонила утром, и, судя по голосу, ей было плохо.

— Простуда? — спросил Айзек.

— Нет, больше похоже на...

Мэри уставилась на него, и Айзек почувствовал, что его лицо загорелось.

Он долго стоял под душем, но если сонный Исая почувствовал это...

— Ну да ладно, — сказала Мэри. — Может, я могу вам чем-то помочь?

— Нет, спасибо.

Она самодовольно улыбнулась.

Больна. Больше, чем простуда.

Женщина в отчаянии, и виноват в этом он.

И так на душе погано, а тут еще грядет 28 июня.

Пока шел к своему столу, из сознания сыпались ночные кошмары, словно жетоны из игрового автомата.

Клара, осознав, что была просто сексуально использована юным наглецом, оказалась на дне глубокой, мрачной депрессии.

Боролась с ней путем самолечения.

Произошла передозировка.

Топила свое горе в наркотиках и алкоголе.

Да, это годится: транквилизаторы в бокале с «шардоне». С тяжелой головой, шатаясь, она идет к своему автомобилю. Другой автомобиль несется ей навстречу. Сворачивать поздно.

Двое талантливых детей осиротели. Начинается полицейское расследование. Что привело немолодого библиотекаря к столь безответственному поступку? С кем ее видели в последний раз?

Мэри знала. Судя по тому, как она на него смотрела, Мэри знала.

Он остановился посреди лестничного марша. Что, если, увлекшись, они вели себя недостаточно тихо? Что, если студент-ботаник, какой-нибудь проклятый любитель природы, забрел в тихий темный уголок за древним, пожелтевшим антикварным текстом, посвященным плесени, ноготкам или чему-нибудь еще в этом роде?

Вот так огласка и губит карьеру. Прощай, медицинский колледж.

Прощай, диссертация. Вместе с Исайей он будет подниматься в половине шестого утра и ждать заказа на кровельные работы.

Стыд. Его родители... врачи Латтимор. Весь состав школы Бертона. Университет.

Член муниципального совета Гилберт Рейс.

Пока шел до угла, успел представить себе Рейса, созывающего пресс-конференцию, чтобы отречься от своего чудесного протезе.

Оглянулся. В ботаническом отделе никого. Как обычно. Ну, так и что? На протяжении всех этих минут — проклятых пятнадцати, или сколько их там было, минут — глаза его были закрыты.

Он и сейчас их закрыл, словно вызывая в памяти тот момент. Открыл и увидел стеллажи. Темные, пустые коридоры.

Тем не менее все казалось ему не таким: в самом воздухе чувствовался упрек.

Он отвернулся и побежал назад к лестнице. Споткнулся, чуть не упал, но удержал равновесие.

Он не мог сегодня здесь находиться. Лучше снова поехать на побережье. Там ему было хорошо. Он поедет, купит поесть чего-нибудь соленого, поиграет в видеоигры, как какой-нибудь тупоголовый, постоит босиком в холодной воде. Сделает все, лишь бы забыться.

Так он и сделал. Но к полудню ему неудержимо захотелось поехать в участок.

ГЛАВА 35

Второе совещание кончилось для Петры хуже.

Через пять минут после начала явился представитель отдела по борьбе с организованной преступностью — огромный мужчина в форме с тремя нашивками. Голова наголо обрита, глаза ледяные, обаяние на том же уровне. Пока первый детектив читал лекцию о поведении банды, представитель рассматривал собственные ногти.

Поиски Омара Селдена и его сообщников официально поручены этому отделу.

Шулкопф решил отсидеться на собрании.

Говорил капитан мало. Он выглядел сонным и маленьким, и Петра, зная о его третьей жене, чувствовала к нему жалость. Во время доклада начальника она чуть не задремала. Наконец тот захлопнул блокнот и сделал жест подчиненному сложить планшет.

— Итак, — сказал он, затянув узел галстука, — мы с вами в одной лодке.

Петра глянула на огромного сержанта и спросила:

— Возможно, вы захотите кое-что проверить: наш Омар учился в колледже фотографии. Когда я встретила с ним в Венеции, при нем было все фотографическое снаряжение. Он указал вымышленный адрес в Нохо, но, может быть, его с этим местом что-то связывает.

— Это был ложный адрес, — вмешался Шулкопф. — Он вам солгал, детектив Коннор. Чтобы направить вас по ложному следу.

Это, конечно, была полная ерунда. Преступникам не хватало воображения. Они постоянно совершали глупейшие ошибки. Если бы этого не было, работа полиции была бы равносильна признанию в собственном бессилии.

На ее защиту никто не встал.

— И все же, сэр... — начала она.

Сержант поднялся во все свои шесть футов и четыре дюйма.

— Никогда в Нохо не встречал бандитов, за исключением ярмарочных дней. До следующего месяца никаких ярмарок не предвидится.

Он вышел из комнаты.

— Вперед, — сказал старший детектив из Даунтауна.

Когда Петра вернулась в комнату следователей, Айзек ждал ее. Сейчас ей хотелось пройтись, и она сказала ему об этом. Они вышли из здания и двинулись в южном направлении, к Уилкоксу. Айзек был достаточно умен, чтобы самому не начинать разговор. Так, молча, они и направились к бульвару Санта-Моника. Наконец она успокоилась и заметила, что парень держится от нее на некотором расстоянии. Возможно, он ее побаивался. Пора выдавить из себя улыбку.

— Итак, — сказала она, — 28 июня. Дата должна что-то значить — день рождения, годовщину, что-то значимое для преступника, Или какое-то важное для него историческое событие. Я проверила по базе данных информацию в отношении всех действующих лиц. В этот день никто из жертв не родился. Вполне возможно, что наш маньяк свихнулся на истории.

Петра ждала, что он ответит. Не дождалась.

— Есть какие-нибудь мысли?

— Все, что вы говорите, звучит резонно.

Неужели он теряет интерес? Может, его отвлекает та, вторая жизнь?

— Не устаю удивляться обаянию убийцы, — продолжила она. — Он умеет обольщать. Похоже, что человек он тонкий, умеющий выстраивать мизансцены. Марту Добблер вызвали из театра. Джеральдо Солиса обманул придуманный ремонт кабеля. Если кабельщик наш подозреваемый, то он, по-видимому, сначала осмотрел дом, а позже вернулся. В другом случае в качестве приманки он воспользовался собакой.

Она рассказала о двух видах собачьей шерсти, обнаруженных на одежде Корал Лэнгдон. Пересказала предполагаемый сценарий с прогуливающимся собачником.

— Мизансцены, — сказала она, — могут быть для преступника таким же сдвигом, как и убийство.

— Хореограф, — сказал Айзек.

— Хорошее определение. Так что думаете вы?

— Вы правы в том, что преступник действует изящно.

— Да, но лишь до рокового удара. Нападает он сзади, вышибает мозги. Изящным такое убийство не назовешь. Эти преступления могут свидетельствовать: во-первых, о трусости — он боится посмотреть

жертве в глаза и избегает поведения, свойственного сексуальному маньяку, то есть удушению, и, во-вторых, его раздражает от злости, которую он способен контролировать в повседневной жизни. Больше, чем контролировать. Он действует безупречно, пока не приводится в действие спусковой механизм. Мы знаем, что таким спусковым крючком является для него 28 июня, но и жертвы тоже как-то на него влияли.

Прошли еще немного, а потом она сказала:

— Все, что вы захотите добавить, будет мне очень кстати. Он покачал головой.

— С вами все в порядке?

Он вздрогнул. Она вывела его из задумчивости.

— Да, конечно.

— Кажется, вы меня не слушаете.

— Извините, — сказал Айзек.

— Не нужно извинений. Я просто хочу быть уверенной в том, что у вас все хорошо. — Она улыбнулась. — Спрашиваю вас как ментор. Я, правда, не очень менторила. Я тот глагол употребила?

Айзек тоже улыбнулся.

— Такого глагола нет.

— А теперь можете подумать о том, что я сказала.

— Все, что вы говорите, весьма разумно. Мне просто нечего добавить.

Прошли еще полквартала. И он сказал:

— Мне тут одна мысль пришла. Между убийством Марты Добблер и другими преступлениями существует нестыковка. Если убийца пришел в дом мистера Солиса в роли кабельщика, то, получается, что Солис его не знал. Если собачья история верна, то в случае с Корал Лэнгдон повторяется тот же сценарий: она встретила мужчину, прогуливавшего собаку рядом с ее домом. Разговорилась, повернулась, чтобы идти, и получила удар по голове. Убийца мог прорепетировать сцену с собакой, чтобы как следует ознакомиться с окрестностями. Но все же он мог быть относительным незнакомцем. К Марте Добблер такие сценарии не подходят. Она не вышла бы из театра посреди спектакля, если бы не знала, кто ее вызывает. К тому же незнакомец не знал бы, что Марта пойдет в театр.

— Она должна была доверять этому человеку, — сказала Петра. — Возвращаемся к мужу. Таинственному Курту. Есть и еще одно несоответствие между Мартой и другими жертвами. Те так и остались лежать на земле. Марту же убили на улице, но положили в автомобиль. Тут чувствуется больше уважения. Значит, опять напрашивается предположение, что убийца хорошо ее знал.

Он скривился.

— Как же я не подумал об этом?

«Был отвлечен. Кларой. Неуверенностью в себе. Пистолетом Флако... у меня теперь пистолет... воспользуюсь ли я им когда-либо?»

— Вот потому и надо время от времени устраивать мозговой штурм, — сказала Петра.

Они дошли до бульвара Санта-Моника. Движение, шум, пешеходы, веселые шлюхи на перекрестках.

— Отличало Добблер от всех остальных и то, что она была первой. Когда детектив Баллу сказал мне, что у Курта Добблера отсутствовала реакция, и потом я сама увидела Курта, то задумалась: а что, если преступник и не задумывал серию убийств? Что, если он убил Марту по личной причине и обнаружил, что ему это понравилось? И он превратил это в хобби. Такое предположение снова приводит нас к Курту.

— Хобби, осуществляемое раз в году, — сказал Айзек.

— Годовщина, — сказала Петра. — Что, если 28 июня стало значимым днем для Курта, потому что в этот день он убил Марту? Что, если каждый год он заново переживает это событие?

Он уставился на Петру.

— Это блестящее предположение.

К нему снова вернулась юношеская восторженность. Странно, но собственная мысль, напротив, убавила Петре энтузиазма, и она сказала:

— Вряд ли. Это теория. Но, по крайней мере, мы сфокусировали свое внимание.

— На Марте Добблер?

— За неимением лучшей кандидатуры.

— Может, — сказал он, рассеянно притронувшись к синяку, — нам следует выяснить, с кем она была в театре. Она ведь ходила с подругами?

На нее смотрело невинное, гладкое лицо развитого не по годам ребенка. Ей хотелось его поцеловать.

Они вернулись в участок, и Петра вынула дело Добблер. Марта ходила в театр с тремя подругами, и детектив Конрад Баллу добросовестно выписал их имена. Сообщил, что общался по телефону с двумя из женщин — Мелани Джэгер и Сарой Касагранде. Третьей, Эмили Пастерн в то время в городе не было.

Согласно заметкам Баллу, ни Джэгер, ни Касагранде не знали, кто вызвал Марту из театра.

Свидетель Касагранде сообщила, что жертва Добблер была взволнована телефонным звонком, жертва немедленно на него среагировала — «соскочила со своего места и ушла. Похоже, произошло что-то, не терпящее отлагательства. Она даже не извинилась за то, что не отключила мобильный телефон. Это не было похоже на Марту: она всегда очень тактична». Свидетель Джэгер, независимо от свидетеля Касагранде, сказала то же самое.

Муж жертвы, Курт Добблер, отрицает, что звонил в тот день жертве в какое бы то ни было время, отрицает наличие у него сотового телефона. К. Добблер согласился немедленно проверить звонки с домашнего телефона, и таковая проверка состоялась утром в 11:14 при содействии Тихоокеанской телефонной службы. Фирма подтвердила слова К. Добблера.

В последующей записи Баллу сообщает, что звонок на мобильник Марты поступил из телефона-автомата, находившегося неподалеку от театра.

Айзек прочитал эти записи через плечо Петры и сказал:

— Добблер мог приехать из Долины в Голливуд, позвонить Марте из телефонной будки и подождать возле ее машины. Может, потому он с такой готовностью и согласился проверить звонки, понимая, что они ничем его не скомпрометируют.

— Интересно, — сказала Петра, — была ли когда-нибудь у господина Добблера собака?

И вызвала соответствующую базу данных Долины. Собака в доме Добблера зарегистрирована не была, но ведь многие люди не

регистрацию своих животных.

Затем Петра позвонила подругам, ходившим с Мартой в театр. Оказалось, что и Мелани Джэгер, и Сара Касагранде свои телефоны поменяли.

Изменчивый Лос-Анджелес.

В базе данных Департамента транспортных средств калифорнийского адреса Джэгер не значилось, зато там была указана улица в Сакраменто, на которой проживала Сара Ребекка Касагранде. Петра узнала номер ее телефона из справочника Сакраменто и позвонила.

Ответил секретарь семейной медицинской клиники. Доктор Касагранде была с пациентом.

— Какая у нее специализация?

— Психолог. Вообще-то, она ассистент психиатра.

— Это что-то вроде медсестры?

— Нет. Доктор Касагранде недавно защитила докторскую диссертацию. Ее руководители — Эллис и доктор Гольдштейн. Если хотите попасть на прием...

— Я — детектив Коннор. Из лос-анджелесской полиции. Будьте так добры попросить ее позвонить мне.

Петра продиктовала телефон.

— Полиция?

— Не беспокойтесь, пожалуйста, — сказала Петра. — Это старое дело.

Затем она попыталась выйти на Эмили Пастерн, единственную подругу, с которой Баллу не удалось поговорить.

Телефон пикнул на пятом звонке, и веселый женский голос сказал: «Это дом Эмили и Гарри Дейзи. Сейчас нас нет дома, но если вы оставите...»

Петра дождалась конца сообщения. К словам не прислушивалась, потому что ее внимание привлек посторонний шум.

Слова Эмили Пастерн сопровождались собачьим комментарием.

Собачий лай.

Когда она повесила трубку, мимо ее стола прошел Мак Дилбек, печально посмотрел на нее и отправился в мужской туалет.

Петра вышла, подождала в коридоре. Когда Мак вышел, то почти не удивился.

— Что-то случилось, Мак?

— К сведению, — сказал он. — Ваше предложение насчет фотографии было удачным.

— Спасибо, — сказала она.

— Это хотя бы что-то, Петра. Этим динозаврам такое и в голову бы не пришло. — Его глаза блеснули. — Мне только что позвонила мать одной из жертв преступления. Тот веснушчатый мальчишка, Далкин, который хотел быть крутым. Бедная женщина рыдала. Хотела узнать, как продвигается следствие. Что я мог ей сказать?

Он хлопнул в ладоши. От громкого, словно выстрел, звука Петра едва не подскочила.

— Видите, что происходит, Петра? Мы выдаем им главного подозреваемого на блюдечке с голубой каемочкой, а они даже задницы не поднимут, чтобы найти его и арестовать. — Мак оглянулся, словно отыскивая место, куда сплюнуть. — Специализированное полицейское отделение. Все, чем они занимаются, это проведение собраний, с планшетами и диаграммами. Словно это футбол. Возможно, придумали себе какое-нибудь красивое название. «Боевой аллигатор» или что-нибудь еще в этом роде.

Он покачал головой. Напомаженные волосы не шевельнулись, но веки нервно подергивались.

— Прохлаждаются, — продолжил он, — пока Селден не узнает, что они пустились на его поиски, и не сбежит. Может, он уже сбежал.

Мак казался старым, усталым, жалким. Петра его не утешала. Такой человек, как Мак, плохо воспримет утешения.

— Тягомотина, — сказала она.

— Супертягомотина. Шоу «Клетка глупостей», — он нервно улыбнулся, на шее вздулись вены, заходили желваки. — Кстати, я пошутил.

Петра улыбнулась.

— Когда дома я высказываюсь подобным образом, все говорят, что шутка не получилась. Хотите верьте, хотите нет, но раньше я был весельчаком. Когда служил в армии на Гуаме, участвовал в театральных представлениях, и знаете — публика смеялась.

— Музыкальное представление? — спросила Петра.

— У нас были гавайские гитары. Он вдруг покраснел.

— В женщин мы не переодевались, этого не было. Я тогда умел пошутить. А сейчас? Юмор испарился. Неуместен.

Его смущение передалось и Петре. Она рассмеялась больше для себя, чем для него.

— Приходите ко мне почаще, Мак, и шутите вволю.

— Обязательно, -' сказал он и пошел прочь. — Именно это мы и называем полицейской работой, верно?

Петра смотрела ему вслед, пока он не исчез за углом. Люди всегда ее удивляли.

Вернулась к столу и увидела Айзека, сгорбившегося над ноутбуком.

Петра снова взяла дело Добблер и стала вчитываться в него, словно в Библию.

К половине шестого в пятницу ни доктор Сара Касагранде, ни Эмили Пастерн ей не позвонили. Петра сделала еще одну неудачную попытку. Все отправились на уик-энд.

Энергия, накопленная в результате мозгового штурма с Айзеком, неожиданно испарилась. Петра подошла к его столу. Он перестал печатать, закрыл файл. Выскочила заставка с Альбертом Эйнштейном. Гений в смешном галстуке-бабочке. Дико взлохмаченные волосы. Но глаза Альберта...

Айзек закрыл крышку ноутбука. Может, он не хотел, чтобы она что-то увидела?

— Не хотите пойти пообедать? — спросила Петра.

— Спасибо, но я не могу.

Он опустил взгляд и принялся разглядывать линолеум пола, и Петра приготовилась выслушать ложь.

— Я обещал матери, что буду больше времени проводить дома.

— Это похвально.

— Она всегда очень много готовит и страшно обижается, если еестряпню некому есть. Отец, конечно, принимает участие, но этого ей недостаточно: она хочет, чтобы за столом собирались все. Младший брат обычно приходит поздно, а старший ест иногда на работе, а потому приходит домой и сразу отправляется спать.

— Остаетесь вы, — сказала Петра. Он пожал плечами.

— Сейчас уик-энд.

— Я действительно думаю, что все это очень хорошо, Айзек. К матери надо относиться бережно.

«Ну, только тебе об этом и говорить». Он нахмурился. «Клара, ее дети...»

— Вы нормально себя чувствуете? — спросила Петра.

— Устал.

— Для этого вы еще слишком молоды.

— Иногда, — сказал он, — я не чувствую себя молодым.

Петра смотрела, как он уходит со своим тяжелым кейсом. Что-то явно на него давит. Может, наркоман Джарамилло? Может, следует послушаться детективов из Даунтауна и поговорить с мальчиком?

Нет, это уж точно плохая идея.

И все же они поставили ее в неудобное положение. Втянули в неоплаченную работу — присматривать за юношей — и лишили права что-нибудь предпринимать.

Быть нянькой, как и прежде.

Может ли быть, чтобы Айзек сделал что-то предосудительное и не предупредил ее об этом?

Ведь они вместе работают над делом 28 июня.

У Петры разболелась голова. Пора обедать. Еще одна одинокая ночь. Может, в выходные позвонит Эрик.

И он тут же позвонил, словно она наколдовала.

— Свободна?

— Только что освободилась. Что случилось?

— Я тут кое-чем занимаюсь, и хотел бы тебе об этом рассказать.

— С удовольствием послушаю.

Они встретились сразу после шести в тайском кафе на Мелроз, возле Гарднер, в излюбленном месте хиппарей и прочих странных людей. Однако готовили в кафе так хорошо, что о царившей здесь атмосфере тут же забывалось.

Петра подумала, что внешне она и Эрик не выбивались из окружения. На нем была белая полурасстегнутая рубашка, черные свободные штаны, черные же полуботинки на каучуковой подошве, на руке большие военные часы.

Убеждения Эрика не имели ничего общего с движением хиппи. Но если взглянуть на коротко стриженные волосы, бледную кожу,

глубоко посаженные глаза и бесстрастное лицо, то он был... точь-в-точь непонятый художник.

Да и ее, одетую в брючный костюм от Донны Каран и соответствующие туфли, можно было принять за стильную деловую женщину, возможно даже работающую в области развлечений.

Ха!

Помещение уже стало заполняться, но им удалось быстро занять столик. Официанты так же быстро их обслужили. Петра и Эрик, не тратя слов, тут же расправились с салатами из папайи.

— Ну, — спросила Петра. — Чем занимаешься? Эрик отложил вилку.

— Seriously подумываю о частной работе. Лицензионные требования не кажутся слишком жесткими.

— Они и не будут такими.

Он служил в отрядах специального назначения, поработал детективом в лондонской полиции, прежде чем заключить контракт с полицией Лос-Анджелеса. Все это научило его бесконечному терпению. Прекрасное качество для частной работы.

— Вопрос в том, — сказал он, — буду ли я полностью независим или стану работать по сложившимся правилам.

— Что бы ты ни решил, — сказала она, — все будет правильно.

Он покрутил черенком вилки.

Интуиция Петры, придавленная усталостью, теперь включилась на полную мощность.

— Тебя что-то беспокоит?

Холодок в ее голосе заставил Эрика поднять на нее глаза.

— Да нет.

— В самом деле?

— А ты что, расстроена? — спросил он.

— Зачем бы мне расстраиваться?

— Из-за меня. Из-за того, что я ушел.

Петра рассмеялась.

— Ну конечно нет. Возможно, я последую твоему примеру.

— Сегодня был плохой день?

У нее зашипало в глазу, и она его потеряла.

— «Парадизо»? — спросил Эрик.

— Нет, другие неприятности. Он ждал.

К разговору Петра была не расположена. И все-таки выложила все, что наболело: отстранение участка от «Парадизо», выволочка, устроенная ей Шулкопфом на глазах у других сотрудников. Нулевой результат в расследовании убийств 28 июня. До злосчастной даты осталась неделя.

— Кто-то умрет, Эрик, а я ничего не могу сделать. Он кивнул.

— Может, у тебя есть идеи? — спросила она.

— В этом отношении — никаких. Что до Селдена, то ты права в том, что продемонстрировала фотографии.

— Ты в самом деле так считаешь? — Да.

— Ты стал бы этим заниматься?

— Да, если бы это было мое дело.

Он сощурился и подцепил на вилку салат. «Интересно, — подумала Петра, — сейчас он думает о Саудовской Аравии или о придорожном кафе в Тель-Авиве?»

По его лицу пробежала тень.

— Что случилось? — спросила она. Он молча на нее посмотрел.

— Ты что-то от меня скрываешь, Эрик.

Он снова покрутил вилку, а она вытерпела еще одну его увертку.

— Если стану работать самостоятельно, буду получать меньше денег. Пока не приобрету клиентуру. В лос-анджелесской полиции я работал не так долго и не могу получать городскую пенсию. Все, что у меня есть, — это военная пенсия.

— Это приличные деньги.

— Их хватит, чтоб заплатить по счетам, а дом на них купить нельзя.

Он вернулся к еде. Жевал медленно, невыносимо медленно. Такая у него была привычка. Петра была быстрым едоком. Ее манеры сложились в детстве: она сидела за столом с пятью прожорливыми братьями. Сейчас она просто ждала, когда он закончит. Обычно такое положение вещей ее забавляло. Сейчас ей хотелось включить его рубильник на полную мощность, выжать из него эмоции.

— Дом, конечно, дело неплохое, однако и особой необходимости в нем нет.

Он положил вилку на стол. Отодвинул тарелку. Утер рот.

— Твоя квартира маленькая, моя — тоже. Я подумал, что если мы...

В груди у Петры стало горячо. Она тронула его за запястье.

— Ты хочешь, чтобы мы съехались?

— Нет, — сказал он. — Сейчас не время.

— Почему нет? — спросила она.

— Не знаю, — сказал он и стал похож на двенадцатилетнего мальчика.

Она подумала о его тяжелой потере. Ему трудно было выразить себя эмоционально даже на этом уровне. Петра услышала собственный голос.

— Я тоже не знаю.

ГЛАВА 36

Пятница, 21 июня, 20:23. Квартира Гомесов. Юнион-дистрикт

Кухня наполнена вкусными ароматами горячей пищи, ни следа асфальтового запаха Исайи.

Мать вымыла посуду, повернулась, подставила Айзеку щеку для поцелуя.

— Ты рано.

Это прозвучало, как обвинение.

— Что, нет больше работы?

— Уик-энд, ма.

— Ты не слишком занят, можешь поесть с нами?

— Я учуял запах твоей еды за несколько миль отсюда.

— Правда? Сегодня ничего особенного, тамалес и суп.

— Запах тем не менее бесподобный.

— Новая разновидность бобов. Черные. Они крупнее обычных. Я увидела их на рынке, и кореец сказал, что они хорошие.

Мать пожала плечами.

— Возможно, он и прав.

— Звучит заманчиво.

— Когда кто-нибудь из вас женится, я приготовлю настоящий обед.

Она принялась возиться у плиты.

— Еще я приготовила рис с луком и цыпленком. В этот раз я добавила побольше куриного бульона и положила морковь. Я готовлю такую еду для доктора Мэрилин, и получается вкусно. Для бульона я сварила целого цыпленка и добавила белое мясо в кукурузу. То, что осталось, положила в холодильник. Это в основном кожа, но ты можешь съесть ее, если проголодался.

— Я подожду. А где папа?

— Он в дороге. «Тойота» опять взбрыкнула, и ему пришлось показать ее Монталво. Надеюсь, там его не слишком обдерут.

— Что-то серьезное?

— Монталво уверяет, что дело в фильтре. Я в таких вещах не разбираюсь.

Она подошла к холодильнику и налила ему стакан лимонада.

— Выпей.

Напиток был холодным и чересчур сладким.

— Выпей еще стаканчик.

Он подчинился.

— Джоэл не придет, — сказала мать. — Вечернее занятие. В пятницу. Ты можешь в это поверить?

Айзек думал, что Джоэл врет. Если это и дальше будет продолжаться, он с ним поговорит. Осушил второй стакан лимонада и пошел в свою комнату.

— Исайя спит, не разбуди его.

— А он поел?

— Немного поел, но придет еще. Мать слегка улыбнулась.

— Ему нравятся мои тамалес. Особенно с изюмом.

— Мне — тоже, мама.

Она остановилась, повернулась. Ее губы были плотно сжаты, и Айзек приготовился выслушать упрек.

— Приятно видеть тебя здесь, мой доктор. Это бывает не так часто.

Вернулась к плите.

Он снял туфли и осторожно отворил дверь в спальню, но все же Исайя услышал и уселся на верхней койке.

— Привет... — он потер лоб, словно пытаясь взять его в фокус.
— Это ты.

— Извини, — сказал Айзек. — Поспи еще.

Исайя оперся на локти, глянул на жалюзи, через которые светила лампа вентиляционной шахты. В комнате сильно пахло асфальтом.

— Ты здесь, братец? — удивился Исайя.

— Пришел пораньше, — сказал Айзек.

Исайя хрипло рассмеялся. Закашлялся, утер рот тыльной стороной ладони. Айзек невольно подумал о его легких, о запахе асфальта, забившем все...

— Значит, говоришь, «пораньше», — сказал Исайя. — Звучит как условное освобождение.

Айзек засунул свой кейс подальше под кровать, снял рубашку, надел свежую футболку. Поднял штору и посмотрел вниз. На улице был разбросан мусор.

Исайя заслонил глаза от немилосердного света лампы.

— Опusti.

Айзек опустил жалюзи.

— От меня жутко пахнет. Чувствуешь?

— Нет.

— Не ври, братец.

— Спи, не буду тебе мешать.

Когда Айзек подошел к двери, брат его окликнул:

— Тебе звонили. Какая-то *леди*.

— Детектив Коннор?

— Я сказал «леди».

— Детектив Коннор — женщина.

— Да? Красивая?

— Кто звонил?

— Это был не детектив, — улыбнулся Исайя.

— И кто же?

— Что-то ты разволновался.

— Зачем мне волноваться?

— Потому что она тоже волновалась. Вот так-то, братец.

— Кто? — спросил Айзек. Он знал и боялся.

— Угадай.

Айзек стоял молча.

Исайя лукаво приподнял брови.

— Некто по имени Клара.

Он не давал ей домашнего телефона. Вероятно, она взяла его на кафедре биостатистики. Или в делах выпускников. Ну вот, начинается...

Он постарался, чтобы голос звучал спокойно.

— Чего она хотела?

— Поговорить с тобой, братец. — Исайя захихикал. — Я положил номер ее телефона тебе под подушку. Начинается с 818, значит, ты связался с девушкой из Долины?

Айзек взял бумажку и сделал вторую попытку уйти из комнаты.

— Она красивая? Белая? По голосу слышно, что белая.

— Спасибо за то, что сообщил, — сказал Айзек.

— Тебе следует получше меня благодарить. Исайя снова уселся.

Глаза засветились.

— Наверное, это та, с которой ты был вчера, верно? По голосу слышно, что с ней должно быть хорошо. Я прав?

— Не будь дураком, — сказал Айзек.

Исайя открыл рот, и лицо его сделалось старым. Он с размаху лег на спину, уткнулся в потолок. Одна рука, почерневшая от смолы, свесилась с кровати. Ногти растрескавшиеся, безобразные.

— Да, я дурак.

— Извини, братец. Я просто устал. Исайя повернулся лицом к стене.

ГЛАВА 37

*Суббота, 22 июня, 14:00. Галерея «Флэш имидж». Бульвар
Ланкершим, район Нохо*

Разговоров о том, чтобы съехаться, больше не было. В пятницу вечером, после ужина Петра и Эрик поехали в Венис послушать джаз. Каждый на своей машине.

Гвоздь концерта — квартет, парни с сонными глазами играли старые стандарты. К одиннадцати часам Петра обессиленла. Они вернулись в ее маленькую квартиру и уснули в объятиях друг друга. -

В субботу утром проснулись, чувствуя себя свежими и жаждущими секса.

Несколько часов бесподобных наслаждений. Потом засобирались в галереи Нохо: а вдруг удастся наткнуться на что-то, имеющее отношение к Омару Селдену.

Это была идея Эрика.

— Ты уверен? — спросила она.

— А почему бы и нет?

В самом деле, почему? Делать полицейскую работу — даже неофициально и, возможно, впустую — всяко легче, чем изводить себя мыслями о чем-то другом.

Квадратная миля в Ланкершиме к югу от Магнолии долгие годы имела недобрую славу рассадника мелких преступлений. Затем место облюбовала богемная публика, и благодаря услужливым застройщикам оно обрело возвышенную творческую атмосферу. Образовался этакий сплав богемной красоты и наследия сомнительного прошлого. Петра несколько раз бывала здесь на уличных ярмарках и в выставочных галереях. На ярмарках можно было отведать замечательные блюда национальной экзотической кухни. Там же торговали дешевыми сувенирами для туристов. В галереях выставлялись любопытные работы самонадеянных талантов.

В воскресенье ярмарок не устраивали, и Нохо казался тихим и серым, лишь в нескольких местах его оживляли красочные вывески клубов, кафе и выставок. Гуляющих было не слишком много, но выглядели они, по большей части, счастливыми.

Петра и Эрик поехали на ее «аккорде», припарковались на соседней улице и отправились на охоту. Из восьми галерей, посвященных фотографии, пять были закрыты. Из оставшихся трех одна знакомила с полароидными ландшафтами латвийского эмигранта (страшная дребедень). Вторая демонстрировала коллажи: на написанные маслом холсты с изображением деревянных блоков наклеены фотографии азиатских женщин.

Рядом с не функционировавшей Театральной академией находилась галерея, выставляющая черно-белые фотографии. Покоробившиеся деревянные полы и коричневые разводы на потолке говорили о протечках. Очень хорошее освещение и расписанные вручную перегородки обнаруживали попытку как-то принарядить помещение, отвлечь посетителя от бедственного положения здания. Но забыть об этом не позволял запах плесени.

Экспозиция этого месяца называлась: «Местные художники снимают Лос-Анджелес».

На первой перегородке вывешен список, где в алфавитном порядке перечислены полдюжины фотографов.

Первым в списке стояло имя: Овид Арназ.

Серийный убийца хорошо работал с камерой.

На выставку он представил полдюжины уличных сцен. Снимки не были обрамлены, они просто висели на деревянных стенах. Здания и боковые улицы, небо, голые деревья... людей на фотографиях не было. Судя по холодному свету и закрытым окнам, фотограф снимал зимой. Отсутствие активности говорило, что время съемок — раннее утро.

Ночной филин, прогуливающийся по пустым городским улицам с фотокамерой «Никон»?

«Хорошее использование структуры, Омар. Приличная композиция».

Фотографии были датированы и подписаны инициалами «О. А.». Снято полгода назад, значит, она была права, когда подумала, что фотографировал он зимой. Цены от ста пятидесяти до трехсот

долларов. Две лучших работы — «Бассейн Сепульведы» и «Здание компании "Карнейшн" на бульваре Уилшир» — снимок, сделанный фотообъективом «рыбий глаз», — были помечены красными точками.

Чтобы показаться праздными посетителями, они двигались от одной фотографии к другой, пока не вернулись к работам Селдена.

Петра спрятала черные волосы под платиновым париком. Она носила его в начале карьеры, когда расследовала автомобильные угоны. Играла роль женщины сомнительного поведения, возможно, даже проститутки, возжелавшей по дешевке купить «мерседес». Парик был отличного качества, сделан из натуральных волос, спасибо лос-анджелесской полиции. Она нашла его на полке в своем шкафу, под грудой зимней одежды, стряхнула пыль и причесала локоны.

Под черный жакет она надела свитер из черного джерси, джинсы, туфли, и большие очки тоже были черными. Очки остались у нее после замужества — это была одна из двадцати пар Ника. После его ухода она порвала всю одежду, которую он оставил, и всегда удивлялась, почему не наступила ногой на очки.

Карма: должны были пригодиться.

Эрик надел зеркальные очки, которые носят горнолыжники. На нем были те же черные штаны, что и накануне, туфли на мягкой подошве. Белую рубашку он сменил на черную. Сверху надел спортивную куртку из черного нейлона. В ней был карман для ношения оружия.

Хромал он уже меньше, и трость не требовалась, как он заверил Петру. Будет несколько дней принимать антибиотики.

В галерее работала девушка с розовыми волосами. Она успела несколько раз улыбнуться Эрику из-за своего поцарапанного металлического столика. Петра взяла его под руку, и оба уставились на одно и то же фото.

Автомобильная стоянка «Парадизо».

Черная площадка, без машин, окруженная цепью, повешенной на столбики.

Другое освещение. Тени длиннее, чем на других фотографиях.

Снимок сделан за неделю до убийства.

Название: «Клуб».

Можно купить за двести баксов.

Розововолосая девушка подошла к ним. На ней было короткое зеленое платье, мало сочетавшееся с волосами. Да и что может сочетаться с жевательной резинкой? Волосы, конечно, парик, причем более дешевый, чем у Петры. По какой-то причине это добавляло ей самоуверенности.

— Овид классный, правда? — изрекла розовая девушка.

— Точный ракурс, — сказала Петра. — Откуда он?

— Овид? Он местный.

— Из Лос-Анджелеса?

— Он живет здесь, в Долине.

— Как вы на него вышли?

— Он учился в Нортридже, — сказала девушка. — Но выбрали мы только его. Он гораздо лучше других студентов.

Эрик подошел поближе к фотографии, присмотрелся к деталям.

— Вы, похоже, заинтересовались? — спросила розовая девушка.

— Мы заинтересовались, милый? — улыбнулась Петра.

— Гм, — ответил Эрик.

— Что до меня, — сказала девушка, — так мне нравится у него чистая линия, тени и отсутствие людей.

— Да кому нужны люди? — пробормотала Петра.

— Вот именно.

Девушка улыбнулась, довольная тем, что нашла единомышленников.

Эрик перешел к другому снимку. Там был театр на Бродвее. Старинное нарядное здание. На маркизе современная вывеска «Ювелирные изделия! Золото! Оптовая торговля!»

Да, у Селдена острый глаз.

Петра смотрела на фотографию «Парадизо».

— Знаешь, милый, мне нравится этот снимок.

Эрик пожал плечами. Отступил на шаг, встал посередине между двумя снимками.

— Цень у нас хорошие, — заметила розовая девушка

— Нам нужны автографы автора, — сказала Петра.

На гладком лобике розовой девушки образовалась мелкая морщинка.

— Прошу прощения?

— Здесь лишь его инициалы. Мы хотим, чтобы он подписал нам свои работы, — пояснила Петра. — После того как мы с ним повстречаемся. Мы всегда так поступаем с работами для нашей коллекции.

Она одарила девушку холодной улыбкой.

— Приобретение предметов искусства для нас — не просто покупка. Это нечто сродни алхимическому ритуалу.

— Конечно...

— А мне больше нравится этот снимок, — вмешался Эрик. — И указал на театр.

— А мне — этот, любимый.

— Вы можете взять оба, — предложила розовая девушка. Молчание.

— Пожалуй, я спрошу Овида. Чтобы он их для вас подписал. Тем более, если вы купите обе фотографии.

— Мы начинаем любую коллекцию с единственного произведения, — сказала Петра. — Нам нужно, чтобы прошло какое-то время. Необходимо посмотреть, как мы будем себя чувствовать рядом с ним. После этого...

Она оглядела розовую девушку с головы до ног.

— Да, конечно... так которую из... — залепетала девушка.

— Я полагаю, у вас имеются скидки.

— Ну... мы можем уступить десять процентов.

— Нам всегда дают двадцатипроцентную скидку. В данном случае рассчитываем на двадцать пять.

— Знаете, я ведь не владелец галереи, — сказала девушка. — Двадцать пять процентов — это получается...

— Сто пятьдесят, — сказал Эрик, стоя к ним спиной.

— Я хотела сказать, что это слишком много. Больше, чем мы обычно уступаем, — заторопилась розовая девушка.

— Нет так нет, — сказала Петра и пошла в сторону.

— Нужно позвать владельца, — воскликнула девушка.

— Если это трудно, — сказала Петра, продолжая идти в сторону выхода, — то мы пойдем в другие галереи. Возможно, вернемся к вам, если...

— Подождите... Я хочу сказать, что владелец галереи — мой бойфренд. Я почти уверена, что он не станет возражать.

Она широко улыбнулась. Выбившаяся из парика прядь загорелась под искусственным освещением.

— Вижу, что вы серьезные коллекционеры. Все будет хорошо.

Эрик повернулся. Взглянул на нее стальными глазами. Петре показалось, что девушка вот-вот упадет в обморок.

— Сто пятьдесят, — сказал он.

— Хорошо, замечательно.

— Когда мы сможем увидеть фотографа? — спросила Петра.

— Не знаю... позвольте, я все устрою, если вы оставите задаток...

— Вот вам пятьдесят долларов.

Эрик протянул ей две купюры по двадцать и одну десятидолларовую.

Девушка взяла деньги.

— Прекрасно. Я запишу ваш телефон и дам знать... Я Ксения?

Она произнесла свое имя с вопросительной интонацией, словно и сама не была в нем уверена.

— Вера, — сказала Петра, подняв бровь, и нацарапала номер своего мобильного. — А он — Эл.

— Вера и Эл, замечательно, — сказала розовая девушка. — Вы не пожалеете. Думаю, однажды Овид станет знаменитым.

На обратном пути в Ланкершим Эрик сказал:

— Эл и Вера.

— Потому что мы с тобой такие гладкие и шелковистые. Он улыбнулся.

— Ты был очень хорош, — сказала Петра.

— В чем?

— В игре.

— Значит, меня могут взять официантом, и это принесет какой-то доход.

Она крепче взяла его за руку.

— У тебя есть военная пенсия, а когда ты займешься частными расследованиями, то, возможно, удвоишь свой доход.

— Если я ими займусь.

— А почему «если»? Он не ответил.

— Эрик?

— Частная клиентура требует угодничества, — сказал он. — Умения обаять.

— Ты можешь быть обаятельным.

Он продолжал шагать, глядя перед собой.

— Когда захочешь, — уточнила Петра.

Неожиданно он вывернулся из потока пешеходов и увлек Петру к бутику, торгующему винтажными товарами. Положил ей на плечи руки. В его глазах появилось что-то новое.

— Иногда мне кажется, что душа пуста, — сказал он. — С тобой я чувствую себя... полнее.

— Малыш, — сказала она, обнимая его за талию.

Он прижался щекой к ее щеке, нежно прикоснулся к шее.

— Ты на меня тоже хорошо влияешь, — сказала она. Они стояли, а люди шли мимо, некоторые посматривали на них, кто-то улыбался, но в основном не обращали внимания.

Они стукнули друг друга очками, потом и пистолетами, когда их карманы соприкоснулись. Они разомкнули объятие.

Петра разгладила свой жакет, намотала на палец пряди парика.

— Если девушка из галереи договорится о встрече с Омаром, я должна буду известить начальство. А это вызовет разные осложнения.

— Начальство будет благодарно, — сказал Эрик.

— А я сделаюсь богатой и знаменитой. Она нахмурилась.

— Это все сумасшествие. Я достаю им подозреваемого, передаю все, что надо, а они дурака валяют. Необходимо действовать осторожно, чтобы изловить пособников Селдена. Но если Омар будет находиться под арестом, у нас будет возможность сделать это.

— Верно.

— Сандра, скорее всего, мертва, да?

— В этом отношении я мог бы рискнуть деньгами.

— Глупый ребенок, — сказала Петра. — И дело глупое.

В ее сумке заквакал мобильник.

— Вера? Это Ксения, из галереи. Знаете что? Мне удалось разыскать Овида, и он находится неподалеку. Он может прийти сюда через полчаса и подписать вам фотографии.

— Здорово, — сказала Петра. Голова пошла кругом.

— И подумайте, может, возьмете сразу две? Элу понравился «Театр», правда? Это и моя самая любимая работа. Мой... владелец

говорит, что вы можете взять ее за ту же цену, что и «Клуб».

— Что ж, кажется, это неплохо.

— Да это просто замечательная сделка.

— Я посоветуюсь с Элом. Отвечу, когда мы придем.

— Хорошо, — сказала Ксения. — Но я серьезно вам рекомендую.

Овид по-настоящему талантливый художник.

ГЛАВА 38

У Петры сильно забилося сердце, однако внешне она сохраняла спокойствие. Оглядев Ланкершим, увидела на другой стороне бульвара мексиканское кафе. Из его окон хорошо просматривался вход в галерею. Им повезло: попали в кабину рядом с окном. Заказали еду, есть которую не собирались, и кофе, который был сейчас необходим.

Порывшись в сумке, Петра нашла номер телефона старшего детектива из Даунтауна. На рабочем месте откликнулся автоответчик, мобильник молчал. Петра оставила сообщение, говорила отчетливо и медленно, надеясь, что ее страх не будет замечен. Звонок в Центр Паркера также оказался неудачным, хотя она и убеждала клерка в том, что звонит по острой служебной необходимости. Шефа на работе нет, связаться невозможно.

Тот же результат с помощниками. Все три детектива отбыли на уик-энд.

Огромный сержант тоже уехал.

Неподалеку разгуливает серийный убийца, а разнежившиеся эксперты празднуют выходные. Та еще полиция. Знали бы об этом налогоплательщики...

Петра позвонила домой Маку Дилбеку. Его жена Луиза сказала:

— Привет, детка. Муж повез внуков в Диснейленд, а телефон с собой не взял. Вы хотите, чтобы я ему что-то передала?

— Неважно, — сказала Петра. — Завтра поговорим. Что теперь? По идее, надо бы проинформировать Шуль-

копфа... однако это невозможно: он загубит все дело. Выругает за нарушение субординации, а Омар тем временем уйдет. Если же вечером нарушить работу галереи, Омар заподозрит неладное и скроется.

Приехав в Нохо, Петра заметила троих полицейских: белого и чернокожего в одном квартале отсюда, возле автостоянки, и женщину-полицейского, патрулирующую бульвар Чэндлера. У женщины были тонкие губы, коротко остриженные волосы, шорты, открывавшие колени с ямочками, форменная рубашка.

Вызывать кого-либо из них было слишком рискованно. До них двадцать пять минут ходу. Нет времени на объяснения, да и Омара нельзя оставлять без присмотра.

Нет ничего хуже, чем плохо продуманная операция.

Им с Эриком приходилось рассчитывать только на себя. Он сидел напротив нее, очень спокойный. Петра отключила мобильник, положила в карман.

Попыталась взять с него пример и успокоиться.

«Либо попаду в беду, либо изловлю "плохого парня"».

Они составили план: Омар Селден никогда не видел Эрика, значит, он вернется в галерею один, притворится, что разглядывает товар, говорить будет мало. Петра останется в кафе и не спустит глаз с входной двери галереи. Как только увидит Селдена, позвонит Эрику на мобильник. После второго звонка отключит телефон. А потом начнется импровизация.

Через двадцать минут после звонка Ксении Эрик выпил кофе и вышел из-за стола, оставив на тарелке едва надкушенную лепешку с сыром.

Петра смотрела, как он идет по улице. Скользящая походка. Грациозный мужчина. В другом мире он стал бы знаменитым артистом балета.

Эрик в трико. Она невольно улыбнулась. Просто необходимо было улыбаться, потому что внутренности сжимались, в виски стучало, а руки окоченели.

Она потерла ладони. Опустила правую руку в карман, нащупала пистолет.

Официантка, латиноамериканка, по-матерински улыбаясь, подошла к столику и увидела почти нетронутую еду.

— Все в порядке?

— Замечательно, — сказала Петра и откусила кусочек лепешки.

— Моего бойфренда вызвали по телефону. Так что расплачиваться буду я.

— Хорошая подружка. «Мой бойфренд».

Оставшись одна, Петра отодвинула в сторону рис, бобы и блинчик с курицей. Закрыла глаза и глубоко вдохнула.

Открыла и увидела грузную фигуру Омара Селдена. Он шел к галерее с южной стороны бульвара.

Ему оставалось пройти двадцать ярдов. С ним была девушка. За толстым Омаром Петре никак не удавалось ее разглядеть.

Она набрала номер Эрика, дождавшись второго звонка, отключила мобильник. Не спускала глаз с Омара. Он шел вразвалку на плоскостопных ногах. Вел себя спокойно, уверенно, как человек, душу которого не омрачает ни одна забота.

Омар недавно подстригся — на солнце блестела бритая голова. На спине мешковатой коричневой футболки большими белыми буквами выведено «XXXXL». Шорты цвета хаки длиной по колено были еще просторнее. На ногах коричневые кроссовки.

Убийца следил за цветовой гаммой.

Петра видела только ноги девушки, грузный Омар полностью заслонял ее собой. Вот, черт возьми, какое осложнение.

Она прищурилась, чтобы лучше видеть обоих. Омар выступил вперед, и Петре удалось наконец увидеть его спутницу.

Маленькая, длинные светлые волосы, хорошая фигура. Черный топ со шнуровкой на спине открывал гладкую бронзовую кожу. Ультранизкие тесные джинсы демонстрировали стройные, красиво изогнутые бедра, хлопчатобумажная ткань обтягивала молодые, твердые ягодицы.

Туфли с узкими носами и открытой пяткой. Горячая маленькая мама на воскресной прогулке.

Тонкая рука девушки, как змея, обвилась вокруг торса Омара.

Петра смотрела, как эти двое почти дошли до галереи. Девушка обернулась.

Встряхнула волосами и засмеялась тому, что сказал Омар. Сандра Леон.

Петра взяла счет, бросила на стол деньги и, сунув руку в карман с пистолетом, вышла из кафе.

Кто-то окликнул ее сзади, и у Петры сжалось в груди. Официантка стояла на пороге кафе с белым мешком.

— Вы почти ничего не съели. Я упаковала вам еду. Возьмите с собой!

Петра примчалась назад, схватила мешок.

— Спасибо, вы просто прелесть.

— Не за что. Желаю приятного дня.

Как только официантка скрылась в кафе, Петра поставила мешок возле поребрика и направилась к галерее. Подумала: вот будет забавно, если поблизости окажется женщина-полицейский и оштрафует ее за засорение улицы.

Пора отбросить посторонние мысли. Надо думать только о работе.

Согнувшись над металлическим столом, Омар Селден подписывал «Клуб». С одной стороны стоял Эрик, с другой — улыбающаяся Ксения.

Сандры не было видно. Должно быть, в дамской комнате. Хорошо. Возможно, все пройдет гладко.

Петра подошла к ним. Омар поднял глаза.

— Я решил купить обе фотографии, — сказал Эрик. Омар улыбнулся. На Петру глянул мельком. Видно, что не узнал.

«Плохо, приятель. Художник должен быть более внимательным».

— Хорошо, — сказал он. — Подписал.

Заметно было, что, стараясь казаться хладнокровным, он едва сдерживал тщеславное авторское самодовольство.

— Классно, — воскликнула Ксения. — Мне так нравится ваша подпись, Омар.

Петра была в нескольких футах от них, когда голос позади нее сказал:

— Эй!

Сандра Леон вышла из-за перегородки. Уставилась на Петру.

Желтизны в глазах стало меньше, но она пока сохранялась. В глаза бросалось большое количество макияжа. Петра сделала успокаивающий жест рукой.

— Копы, Омар! Это же копы! — завопила Сандра.

Селден уронил перо, поднял голову. Растерянность длилась менее секунды. Затем глаза его засверкали лисьим блеском, и он сунул руку под мешковатую коричневую футболку.

Петра выхватила пистолет. Сандра колотила ее сзади по спине, продолжая орать. Петра сильно толкнула девушку свободной рукой, стараясь при этом, чтобы пистолет не дрогнул.

— Спокойно, Омар.

Селден выругался. Снова раздались крики: это Ксения визжала от ужаса.

Омар вынул руку из-под футболки. У него был черный пистолет, той же системы, что у Петры.

Нацелил его прямо ей в лицо.

Эрик зашел Омару за спину. Лицо его было бесстрастно. Петра увидела, как дернулось его плечо, больше никаких движений не было. '

Рука Эрика слегка подскочила. Лицо по-прежнему было бесстрастно. Хлоп, хлоп, хлоп.

Лицо Омара скривилось от боли и удивления, рот принял форму буквы «О». И вдруг из его носа, ушей и рта хлынула кровь, и он стал падать.

Лицом на стол. На собственные работы.

Черно-белые фотографии стали цветными.

Ксения попятилась и привалилась к стене. Прикрыла рукой рот, но не помогло: она по-прежнему громко и безудержно вопила. От ног побежала золотистая струйка. Ксения тяжело опустилась в лужу собственной мочи.

Сандра Леон оправилась от толчка, вскочила и набросилась на Петру. Длинные острые ногти, выкрашенные угольно-черным лаком, вцепились в рукав жакета Петры.

Когда Сандра попыталась добраться до ее головы, Петра изо всей силы ударила ее по лицу. Оглушив девушку, Петра развернула ее, заломив руку за спину и стукнула сзади по коленям. Справиться с ней было нетрудно. Петра толкнула девушку на пол, наступила коленом на гладкую поясницу и вынула наручники. Старалась держаться подальше от ее зубов, чтобы не подхватить вирус через слюну.

Сандра выкрикивала непристойные ругательства и называла Петру убийцей.

Ксения, пребывавшая в полу коматозном состоянии, выговорила:

— Я вызываю полицию.

ГЛАВА 39

Послышался оглушительный рев сирен. Это примчалась полиция. За нею последовали криминальные службы, коронеры.

Все, как обычно, но Петра смотрела на это другими глазами. Они приехали к ней и к Эрику. За все это время он даже глазом не моргнул. Человек, на которого можно положиться.

В участке Долины дежурил лейтенант, которого вскоре сменил капитан. Поначалу оба обращались с Петрой и Эриком как с преступниками, но вскоре все поняли.

Два следователя из отдела внутренних дел допрашивали Эрика и Петру по отдельности. Сначала — Эрика.

Петра знала, какую историю он рассказывает: они приготовили ее заранее. Это была его идея отправиться на поиски Селдена, ему пришлось уговаривать Петру. Как только встреча состоялась, она делала неоднократные попытки вызвать подкрепление, но под конец решила, что выбора нет, и стала действовать.

Тот факт, что все выстрелы сделал Эрик, подтверждал эту историю.

Петре недвусмысленно угрожали, и он защитил женщину-офицера.

В лучшем случае его отстранят от работы с выплатой жалованья, пока не проверят все обстоятельства. Если об этом прознают журналисты — какой-нибудь идиот из «Таймс» или одна из желтых еженедельных газетенок попробует углядеть в этой истории расовый след или жестокость полиции, дело примет неприятный оборот и затянется надолго. А это значит, что привлекут юристов, профсоюз и Эрика вообще уволят со службы без выходного пособия.

Петра пыталась уговорить его не становиться козлом отпущения.

— Сделаю так, как говорю, — сказал он. — А ты меня поддержи.

Быстро сжал ее руку и пошел на допрос.

Петра стояла, пока криминалисты его допрашивали. Видела, что поколебать его уверенность им не удалось, потому что они стали переглядываться друг с другом.

Она знала, что они думают, как все странно.

Комы, даже закаленные ветераны, проявляли некоторые эмоции, когда простреливали чью-то голову. По выражению лица Эрика можно было подумать, что он только что подстриг себе ногти.

Потому что он должен был так себя повести. Потому что он защищал ее. Она не могла припомнить, когда последний раз кто-то ее защищал.

В 15:40 — место происшествия было все еще оцеплено — появился старший детектив из Даунтауна. На нем был отглаженный костюм и галстук. Вероятно, отдыхал где-нибудь у водоема или играл в гольф, пока его наконец не нашли по телефону. Тогда он рванулся домой и по такому случаю приоделся.

Прежде чем ступить за оцепление, он огляделся по сторонам. Взглянул на машины журналистов, стоявшие за желтой полицейской лентой.

Надеялся, что его заметят. Когда этого не произошло, нахмурился. Увидев Петру, подошел к ней.

Она рассказала ему заготовленную версию, на что он сказал:

— Неприятная история.

Затем пошел поговорить с криминалистами.

Сандра Леон была на месте происшествия несколько часов. Ее держали под охраной в кладовой галереи. Петре страшно хотелось с ней побеседовать, но она знала, что этого никогда не случится.

Потом два полицейских проводили Сандру в патрульную машину, посадили на заднее сидение. Детектив Даунтауна подошел, открыл дверь, сказал что-то и попятился. Его лицо выразило изумление и гнев. Должно быть, девушка угостила его самыми сочными ругательствами.

Он приказал шоферу ехать, и черно-белые автомобили укатили прочь. Проехали мимо Петры. В боковое окно на нее разъяренно смотрела Сандра Леон. Она изогнулась, чтобы встретиться с ней глазами в зеркале заднего вида.

Петра тоже на нее смотрела и прочитала по ее губам самое известное ругательство. Машина становилась все меньше, пока совсем не исчезла.

ГЛАВА 40

Понедельник, 24 июня, 10:12. Комната следователей. Голливудский участок

Криминалисты оставили наконец Петру в покое. Когда она явилась на работу, первое, что увидела, была маленькая задница Кирстен Кребс. Секретарша примостилась на углу ее стола. Прямо на журнале регистрации. Смяла при этом некоторые бумаги.

С другого конца комнаты Петре сочувственно улыбнулся Барни Флейшер. Уходит ли старик когда-нибудь домой?

Кребс выгнула спину, словно позируя для фотографии в будуаре. Накручивала на палец светлую прядь волос. Что ей здесь понадобилось?

Увидев Петру, улыбнулась. Обнажила пожелтевшие от никотина зубы.

— Капитан Шулкопф ждет вас.

— Когда?

— Сейчас.

Петра уселась за стол. Бедро Кребс находилось от нее в нескольких дюймах.

— Вы слышали, что я сказала?

— Вам удобно, Кирстен?

Кребс сошла со стола, преисполнившись негодования. Потом загадочно улыбнулась. Словно вспомнила какую-то шутку.

Отчего секретарша лично пришла к ней с сообщением от Шулкопфа? Может, у нее особые отношения с капитаном?

Неужели Кребс и Шулкопф... может ли это быть?

А почему бы и нет? У двух мизантропов найдутся темы для общения.

Третий брак Шулкопфа распался. Из-за женщины, более молодой, чем даже его последняя жена?

Капитан и Кребс... ну разве не прелестно? Петра взглянула на Барни Флейшера. Старик сидел, повернувшись к ней спиной. Набирал обратным концом карандаша телефонный номер. Ошибся, повесил трубку, начал набирать снова.

Петра кашлянула. Барни не обратил на нее внимание.

Вперед. Ее ждет развлечение.

Шулкопф откинулся на спинку своего «трона», обтянутого шикарной искусственной кожей, почти неотличимой от настоящей. Два других стула — для посетителей, — стоявшие обычно по обе стороны от стола, были поставлены в угол комнаты. В помещении пахло ананасовым соком, хотя никаких напитков Петра не увидела.

Когда Петра пошла к одному из стульев, Шулкопф сказал:

— Оставьте стул в покое. Петра осталась стоять.

— Вы все профукали, — сказал он безо всякой преамбулы.

Его стол был почти пуст — ни бумаг, ни фотографий, только журнал для регистрации, ручки и электронные часы, которые показывали с обеих сторон время и дату.

Он вынул из ящика сигару и зажал ее между пальцами.

В помещении курить не разрешалось, но он некоторое время поиграл с сигарой. Петра до сих пор не знала, что он курит. Кирстен курила сигареты. Может, это ее подарок?

— Вы все профукали, Коннор.

— Что я должна сказать на это, сэр?

— Вы можете сказать: «Да, я профукала».

— Что, пришло время исповеди, сэр? Шулкопф оскалился.

— Исповедь хороша для души, Коннор. Если она у вас есть. Ну, вы понимаете.

Гнев сдавил ей горло.

— Вы аморальны, разве не так?

Петра сжала кулаки. «Держи рот на замке, девочка». Шулкопф небрежно махнул рукой, словно ее сдержанность его не впечатлила.

— Вы нарушили приказ и профукали хорошо продуманную операцию.

— Извините, — сказала Петра.

— Не думайте, что вас похвалят за «Парадизо». И не рассчитывайте на публичность.

— Публичность?

— Телевизионные интервью и прочую дрянь.

— Я не возражаю.

— Да уж, конечно. Мы оба знаем, чего вам хочется.

— Попасть на телевидение?

— Любое проявление внимания. Вам оно нужно, словно наркотик, вы гонитесь за публичностью, Коннор. А научились этому у Бишопа — киноактера, мистера Крашенные Волосы. Вы с ним — Кен и Барби. Большое модное шоу. Жаль, что вы испортили хорошего детектива, такого как Шталь. По вашей милости он теперь по уши в дерьме.

Стю Бишоп был ее первым напарником в расследовании убийства. Блестящий, фотогеничный детектив. Все говорили, что он станет заместителем начальника. Он хорошо ее натренировал. У Стю была карточка гильдии киноактеров, потому что иногда он участвовал в полицейских шоу.

Бишоп вышел в отставку, чтобы ухаживать за заболевшей раком женой и кучей детишек. Упоминание его в таком контексте выглядело сейчас кощунством. Лицо Петры горело, будто она проглотила перец хабанера, глаза немилосердно щипало, но сердце уже билось ровнее. Собираясь пойти в атаку, она собрала все свои силы.

Ей хотелось вцепиться в горло подонку, но она задавила свои чувства, отбросила все эмоции.

Вспомнила слова Эрика. «Ничего не говори. Ничего не показывай».

И все же не удержалась.

— У детектива Бишопа натуральный цвет волос, сэр.

— Так и есть, — сказал Шулкопф. — Вы аморальны и угодливы, Коннор. Сначала угодливо даете средствам информации фотографию Леона, вместо того чтобы сделать все как положено. Затем игнорируете инструкции специализированного полицейского подразделения и делаете свою собственную маленькую игру. Ищете жареного? Вы освобождаетесь от работы. Без оплаты. Оставьте ваше оружие и жетон сержанту Монтойя.

Петра попыталась пронзить его взглядом. Он не реагировал, открыл ящик стола, стал шелестеть в нем какими-то бумагами.

— Это несправедливо, сэр, — сказала она.

— Да-да, да-да. Идите.

Повернувшись, чтобы идти, Петра обратила внимание на большие цифры на его настольных часах. Сегодняшняя дата — 24.

До 28 июня осталось четыре дня, а ее отстранили от дел. От ее файлов, телефона, доступа к базам данных. От Айзека.

Ладно, она приспособится. Позвонит в телефонную компанию и попросит, чтобы звонки переадресовывали на ее домашний телефон. Возьмет все, что нужно, из стола и будет работать дома.

Петра Коннор. Частный детектив. Абсурд. Затем она подумала об Эрике, который решил действовать самостоятельно.

— Прощайте, — сказала она капитану.

Звучание ее голоса заставило его поднять глаза.

— Что смешного?

— Ничего, сэр. Наслаждайтесь своей сигарой.

Когда она вернулась к столу, на нем уже ничего не было, даже журнал исчез, на котором сидела Кребс. Петра дернула ящик. Заперт. Ее ключ не подошел.

И тут она увидела: новый, блестящий медный замок.

— Что за...

— Шулкопф пригласил слесаря, пока вы были у него в кабинете, — пояснил Барни Флейшер.

— Ублюдок.

Старик встал, оглянулся, подошел поближе.

— Встречайте меня внизу, у черного хода. Через две минуты.

Он вернулся к своему столу. Петра вышла из комнаты, спустилась по лестнице на нижний этаж. Менее чем через минуту послышались медленные шаркающие шаги, и появился Барни. На нем была твидовая спортивная куртка, а через руку перекинут длинный плащ.

Мягкий серый дождевик, который он всегда держал в шкафчике. Как-то раз она видела его повешенным на спинку стула Флейшера, но ни разу не видела, чтобы он его надевал. Сегодня-то уж его надевать ни к чему. Солнце обжигало с самого утра, столбик термометра подбирался к тридцати градусам.

Старик, похоже, готовился к зиме.

Он остановился в трех ступеньках от нижней площадки, посмотрел вверх. Потом развернул плащ и подал ей полдюжины синих папок.

Добблер, Солис, Лэнгдон, Хохенбреннер... все шесть.

— Подумал, что они вам могут понадобиться.

Петра взяла папки и поцеловала Барни в пергаментные губы. От него пахло луковым рулетом.

— Вы — святой.

— Да, иногда меня так называют, — сказал он и, посвистывая, пошел вверх по ступеням.

Дома она убрала мольберт и краски и устроила рабочее место на кухонном столе.

Сложила дела в стопку, вынула блокнот, достала новую записную книжку и ручки.

Эрик оставил ей в кухне записку:

П.

Квартира у Паркера до???

Люблю, Э.

«Люблю...» Тут же защемило сердце.

Надо сосредоточиться на том, что она может держать под контролем. Петра начала с телефонной компании, попросила переводить телефонные звонки ей домой. Женщина-оператор начала разговор дружелюбно, но после паузы, длившейся несколько секунд, изменила свое отношение.

— Номер, с которого вы просите переводить разговоры, принадлежит полицейскому участку. Мы не можем оказать вам эту услугу.

— Я — детектив лос-анджелесской полиции, — сказала Петра и прочитал номер своего жетона.

— Сожалею, мадам.

— Могу я поговорить с кем-то другим?

— Пожалуйста, передаю трубку начальнику. Подошла женщина, судя по всему, постарше, в ее голосе

звучали стальные нотки, под стать была и манера говорить.

Тот же ответ: переводить телефонные звонки они не станут.

Петра повесила трубку и подумала, что, наверное, она сама себе только навредила.

Может, такова воля судьбы? Даже если так, она будет работать над делом 28 июня. Иначе она сойдет с ума.

Петра взяла банку колы. Прихлебывая, стала пролистывать свои записи. Звонки, которые она сделала в пятницу.

Подруги Марты Добблер. Доктор Сара Касагранде в Сакраменто, Эмили Пастерн — в Долине.

Та Эмили, у которой лаяла собака.

На этот раз женщина ответила. Шума в квартире не было. Голос был по-прежнему веселый, пока Петра не сказала ей, в чем дело.

— Марта? С тех пор столько лет прошло...

— Шесть лет, мадам. Мы решили взглянуть на дело свежими глазами.

— Это как шоу на телевидении — «Остывшее дело»?

— Что-то вроде этого, мадам.

— Что ж, — сказала Пастерн, — когда это произошло, со мной никто не разговаривал. Как вы узнали мое имя?

— Оно было записано в файле, в числе людей, бывших в тот вечер с миссис Добблер.

— Понимаю... будьте добры, еще раз назовите ваше имя. Петра повторила. Сообщила также данные своих документов. Тем самым она снова нарушила правила.

«Выступила в роли действующего офицера...»

— А чего вы хотите от меня теперь? — осведомилась Эмили Пастерн.

— Просто хочу поговорить о деле.

— Даже не знаю, что я могу вам рассказать.

— Никогда не знаешь, что может открыться, мадам, — сказала Петра. — Хорошо бы встретиться на несколько минут в удобное для вас время.

Она старалась говорить весело, а сама молилась, чтобы Пастерн не позвонила в участок и не проверила ее личность.

— Согласна.

— Благодарю вас, миссис Пастерн.

— Когда?

— Чем скорее, тем лучше.

— Я должна выйти в три часа — забрать детей. Вы согласны встретиться через час?

— Превосходно, — сказала Петра. — Назовите место.

— Мой дом, — сказала Пастерн и тут же поправилась: — Нет, пусть это будет в «Рите» — это маленькое кафе на бульваре Вентура, южная сторона, в двух кварталах от Реседа. У них там есть дворик. Там и буду вас ждать.

Хочет дистанцироваться от своего дома. В открытом пространстве чувствует себя комфортнее.

— Хорошо, там и встретимся, — сказала Петра. «Не надо быть такой, подозрительной, Эмили».

Она сняла свой черный брючный костюм и заглянула в шкаф в поисках чего-то более... подходящего.

Попыталась подобрать платье — примерила серое шелковое с едва заметными лавандовыми завитками. Слишком облегающее, слишком вечернее. Черное джерси, с пышными рукавами и все еще пришитым ярлычком, показалось еще менее уместным.

Вернулась к классике. Серовато-синий брючный костюм без лацканов, по краям перевернутые стежки с вшитыми в них крошечными целлулоидными полосками. Когда она купила его на летней распродаже, то подумала, что он слишком броский. Оказалось, что на ней он выглядит изящно, хотя и нарядно.

Возможно, на Эмили Пастерн он произведет впечатление.

Петра приехала в Долину раньше, чем следует. Немного покружила в окрестностях и припарковалась точно в срок напротив кафе «Рита».

Заведение состояло из двух стильных бунгало с черепичными крышами. Одно строение в испанском стиле стояло в маленьком зеленом дворике, к которому с дорожки вели несколько ступеней. В центре зеленой лужайки тихо струился фонтан. Здесь же стояли домики, построенные в двадцатых годах, а то и раньше.

В те времена Тарзана была фермерской землей, и Петра подумала, что эти дома построили для мигрантов-рабочих. Теперь там помещались заведения мелких бизнесменов.

Косметика «Джованна Бьюти», бутик «Кожа и кружево», «Оптические иллюзии» и даже «Зоя, врач-консультант в области

психологии».

Дворик находился по правую руку от кофейного домика, был окружен низкой деревянной оградой с калиткой. Там сидела единственная женщина.

Хорошенькая рыжеватая блондинка, примерно тридцати шести — тридцати восьми лет, волосы зашпилены деревянной заколкой.

За открытыми стеклянными дверями, Петра заметила несколько хорошо одетых женщин. Они смеялись, пили кофе. На западе Долины было на десять градусов теплее, чем в городе. Жарко. Но Эмили Пастерн предпочла встречу на воздухе.

Петра поднялась по ступеням, и женщина заметила ее, когда она открыла калитку. — Миссис Пастерн? Пастерн кивнула и взмахнула рукой. Что ж, пока все хорошо.

Подойдя к калитке, Петра поняла, почему Пастерн выбрала столик подальше от ресторана. На женщине был бледно-голубой топ, модные джинсы и белые сабо. У Пастерн была молочно-белая кожа, множество веснушек, а глаза — цвета охлажденного чая или какого-то другого напитка, который в данный момент был налит в ее бокал.

Возле ног лежала причина, из-за которой она выбрала дворик.

Такую огромную собаку Петра увидела впервые. Пятнистая, с массивными костями, уши купированы до маленьких выступов. На теле и на морде складками свисала кожа. Форма головы, как у бегемота. Собака уткнула ее в каменный пол.

Огромная, как бегемот.

Петра остановилась, потому что собака подняла голову. Осмотрела Петру крошечными глазками, окруженными красной каймой. Умные глаза. Ну до чего огромная! Верхняя губа приподнялась, обнажились зубы, как у акулы.

Эмили Пастерн нагнулась и что-то шепнула собаке. Глаза животного прикрылись, и она вроде бы снова уснула или что уж там делают сторожевые собаки в свободное время.

Петра не пошевелилась.

— Все нормально, — успокоила ее Пастерн. — Просто сядьте с той стороны.

Она указала на стул, стоявший дальше всего от собаки.

— Она спокойно себя ведет, если не стараешься слишком быстро с ней подружиться.

Собака приподняла веко.

— В самом деле, — сказала Пастерн. — Все в порядке. Петра поставила стул подальше от «бегемота».

— Хорошая девочка, — прошептала Пастерн на ухо собаке.

Петра протянула руку.

— Петра Коннор.

— Эмили.

Пальцы Пастерн были длинными, прохладными и мягкими.

Собака лежала неподвижно. Уверившись в том, что ее нога не находится в непосредственной близости от собачьей пасти, Петра постаралась успокоиться.

— Это Дейзи?

— Нет. Дейзи осталась дома. Неужели у нее два таких чудища?

— Откуда вы знаете о Дейзи? А, вы ее слышали на автоответчике.

Нет, это София, маленькая сестренка Дейзи.

— Маленькая? — поразила Петра.

— Фигурально выражаясь, — пояснила Пастерн. — Я говорю в порядке рождения. Дейзи — десятилетний королевский спаниель. Она весит пятнадцать фунтов.

— Чуть полегче Софии. Пастерн улыбнулась.

— София любит покушать.

— А какой она породы?

— Мастино. Неаполитанский мастифф.

— И что, так и приехала из Италии? Пастерн кивнула.

— Мы ее ввезли. Она замечательная защитница.

— Дейзи на ней катается?

— Нет, на ней ездят мои дети.

Разговор о собаках расслабил женщину. Пора и за дело.

— Спасибо вам, Эмили, за то, что согласились со мною встретиться.

— Не за что.

Пастерн посмотрела поверх стеклянных дверей. Подошел тонкий женоподобный официант, и Петра заказала кофе.

— Дневную смесь?

— Конечно.

Он ушел озадаченный. Пастерн сказала:

— Они к этому не привыкли. Вы его не расспросили. Большинство здешних посетителей относятся к кофе очень разборчиво.

— Половина кофеина, семнадцать драхм соевой пены, одна пятая кенийского, четыре пятых ямайского и чуть-чуть занзибарской гвоздики.

Пастерн продемонстрировала красивые зубы.

— Вот именно.

— Мне не важно, лишь бы не было октана, — сказала Петра. Явилась большая кружка чего-то темного и горячего. Официант покачал ее над столом. Пошутил, должно быть: столешница была выложена мозаичной керамикой. Из синих, желтых и зеленых кусочков складывались грациозные цветочки. Петра провела пальцами по контурам. Красивая работа, но непрактично.

— Нравится? — спросила Пастерн. — Кафель.

— Очень красиво, — сказала Петра.

— Моя работа.

— В самом деле? Просто замечательно.

— Я сейчас мало этим занимаюсь, — сказала Пастерн. — Трое детей, муж ортодонт.

Первое обстоятельство объясняло ее признание, а второе казалось странноватым.

— Заняты, — кивнула головой Петра.

— Еще бы... но скажите мне, детектив, почему шесть лет назад никто со мной не говорил? Моих подруг, тех, что были в театре, допрашивали.

«Потому что следователь, работавший по делу, был запойным алкоголиком и не стал дозваниваться до вас, когда первый раз это у него не получилось».

— Миссис Джэгер и доктора Касагранде? — спросила Петра.

Пастерн подняла тонкие брови.

— Сара — доктор?

— Она физиолог в Сакраменто.

— Подумать только! — воскликнула Эмили Пастерн. — Она всегда говорила, что собирается стать терапевтом, но я не верила, что это произойдет. В Сакраменто ей повезло.

— Сколько времени она живет там?

— Они с мужем переехали туда вскоре после убийства Марты. Алан — лоббист, ему нужно было все время находиться в столице штата. А как дела у Сары?

— Я с ней пока не говорила. С Мелани Джэгер тоже не удалось связаться.

— Мел во Франции, — сказала Пастерн. — Переехала туда два года назад. После развода. Хотела найти себя.

Она помешала ложкой чай.

— Детей нет, может ехать, куда хочет.

— Ну и как? Нашла себя? — поинтересовалась Петра. Пастерн отбросила назад красивые рыжие волосы.

— Она думает, что она художник. Живописец.

— И что, таланта не оказалось?

Петра погладила столешницу. Этим жестом она хотела сказать: «...в отличие от вас, Эмили».

— Не хочу злословить, мы ведь были подругами, но... странно: в Долине я осталась одна... так почему со мной никто не говорил?

— Из того, что мне удалось узнать, детектив не смог с вами встретиться.

— Он звонил, когда меня не было дома. Оставил свой телефон, — сказала Пастерн. — Я ему позвонила.

Петра пожала плечами.

— Шесть лет, — сказала Пастерн. — Что за причина, по которой снова обратились к этому делу?

— Ничего драматического. Нам просто захотелось почистить дела.

Пастерн нахмурилась.

— Вы местная?

— Вообще-то, я из Аризоны, — сказала Петра. Разговор приобретал личный характер. Одинокая женщина? Или Пастерн не хотела отвечать?

— У меня в Скотсдейле есть кузены, — Пастерн запнулась. — Вам ведь это неинтересно. Вы пришли поговорить о Марте. У вас есть предположения относительно убийцы?

— Пока нет. А у вас? — спросила Петра.

— Конечно, есть. Я всегда думала, что это Курт. Но моего мнения никто не спрашивал.

Петра крепко взялась за чашку. Керамическая поверхность сильно нагрелась, и она отдернула пальцы.

— Почему вы так думаете, Эмили?

— Я не утверждаю, будто знаю это. Мне так сердце подсказывает. Брак Марты и Курта всегда казался мне странным.

— Почему?

— Каждый был сам по себе. Их отношения можно было назвать платоническими. Словно у них не было начальной страсти, с которой все начинается у большинства людей. Понимаете, о чем я?

— Конечно, — сказала Петра.

— Чувства постепенно остывают у всех, но у Марты с Куртом, похоже, и остывать было нечему. Марта, правда, ничего подобного не говорила. Она ведь немка, а европейцы все сдержанные.

— Каждый сам по себе, — сказала Петра, вспоминая Курта Добблера.

Двое холодных людей. Одному из них вдребезги разбили череп.

— Я никогда не видела, чтобы они целовались, — продолжила Пастерн. — Или прикасались друг к другу. Да и вообще не припомню, чтобы Курт выражал какие-то эмоции. Даже когда Марта умерла.

Она наклонилась к Софии, помяла складки на ее шее.

— Он по-прежнему живет здесь. В том же доме. В семи кварталах от меня. Когда мы слышали о Марте, я принесла еду, предложила помощь. Курт взял еду возле дверей, не пригласил меня в дом, не поблагодарил.

— Очаровательный человек.

— Вы его видели? Петра кивнула.

— Значит, понимаете. Я не могу доказать, что сделал это он. Просто чувствую. Всегда чувствовала. И не только я, но и Сара, и Мел. И не потому что Курт со странностями, а потому, как все произошло. В тот вечер, в театре, когда зазвонил телефон, Марта вскочила так быстро, что едва не наступила мне на ноги. Затем побежала без всяких объяснений, словно от этого зависела ее жизнь.

Пастерн слабо улыбнулась.

— Вышло все плохо.

— Она открыла мобильник и прочитала имя звонившего? — спросила Петра.

Пастерн задумалась.

— Не думаю... впрочем, я просто уверена: у ее телефона такой функции не было. Ведь шесть лет прошло, во всяком случае мой мобильник тогда этого не умел. Она просто отключила его, вскочила и выбежала. Мы были в недоумении: Марта всегда отличалась необычайной вежливостью. Сара хотела выйти — проверить, в чем дело, но Мелани сказала, что, возможно, в ее семье что-то произошло, а вмешиваться в чужие дела нетактично. Марта отличалась скрытностью. Мы никогда не знали, что у нее на уме. После ее ухода мы громко зашептались, и люди на нас зашикали, поэтому пришлось ждать антракта.

— И долго ждали?

— Минут Десять, — сказала Пастерн. — Или пятнадцать. Когда Марта не вернулась через две минуты, я не могла сосредоточиться на спектакле. Потом решила, что она не хочет возвращаться и мешать зрителям, все равно до перерыва осталось совсем немного. Возможно, она ждет нас в фойе. Как только занавес опустился, мы бросились из зала, но в фойе ее не было. Стали звонить ей по мобильнику — ответа не было. Вот тогда мы и забеспокоились. Решили разделиться и пойти искать ее в театре. Это была нелегкая задача: «Пентаж» — огромное здание, да еще и масса народу.

Она нахмурилась.

— Мне поручили проверить дамские комнаты. Я приседала и заглядывала под двери кабин — искала ее туфли. Марты там не оказалось. Ее нигде не было. Стали думать, что теперь делать. Пришли к выводу, что ее вызвали по личному делу. Возможно, Курт. Может, что-нибудь случилось с Катей. Что-то серьезное, из-за чего она не захотела возвратиться и даже нас не оповестила. Может, она не хотела занимать телефонную линию, поэтому мы не стали ей звонить, а пошли в зал и досмотрели спектакль до конца, хотя мне было уже не до представления.

— Беспокоились о Марте?

— В тот момент меня больше беспокоила причина, побудившая ее поступить столь импульсивно, — сказала Пастерн. — У вас есть дети?

Петра покачала головой.

— Это постоянное, ежеминутное беспокойство. Ну, ладно, после спектакля мы втроем пошли к моему автомобилю. Все, кроме Марты, она приехала в собственной машине.

— Почему?

— Она назначила встречу в городе и не хотела ехать в Долину и снова возвращаться. Приехала в одно время с нами, поставила автомобиль рядом с моей машиной. Когда мы вышли из театра, ее автомобиля на стоянке не было. Это обстоятельство несколько прояснило ситуацию.

— Где была стоянка?

— Недалеко от театра, на другой стороне улицы.

Автомобиль Марты был найден в двух кварталах от театра. Баллу не упомянул в деле, что автомобиль переместился со стоянки.

Она уехала с убийцей. Ее заманили в темное, тихое место. Ударили по голове на улице, потом посадили за руль собственной машины.

— Что за встреча в тот день была у Марты? — спросила Петра.

— Она не сказала.

Пастерн беспокойно задвигалась. Посмотрела на столешницу собственной работы.

— Марта часто ездила в город. Поначалу я думала, что Долина наводит на нее скуку. Она выросла в интеллигентном Гамбурге. В Германии она была математиком или инженером. Там и с Куртом повстречалась. Он занимался ракетами или чем-то в этом роде. Делал что-то для правительства на одной из военных баз. В Германии они поженились, там родилась Катя. Вскоре они переехали в Штаты.

Длинный ответ на короткий вопрос. Пастерн быстро мешала ложкой чай, словно хотела испарить жидкость. Ее взволновали разговоры о времяпрепровождении Марты.

— Вашим первым предположением была скука, — сказала Петра.

— Есть другая причина столь частых поездок в город?

Промежутки между веснушками сильно покраснели.

— Я не хочу ничего утверждать, когда я доподлинно ничего не знаю.

— Утверждать что, Эмили?

— Вы замужем, детектив?

— Была.

— Ох, извините за вопрос.

— Ничего страшного.

— Забавно, — сказала Пастерн. — Мы разговариваем, словно две девушки... Я рада, что полиция доверяет женщинам важную работу.

Зашевелилась София. Пастерн окунула палец в стакан, смочила жидкостью нос и рот собаке.

— Жара ей не на пользу, но она крепкая. В Италии они живут на открытом воздухе, сторожат дома и участки.

— У Добблеров была собака?

— Нет, никогда не было, — сказала Пастерн. — Одно время Марте хотелось иметь собаку. Для Кати. Она сказала, что Курт ей этого не позволил. Я считаю, что это жестоко. Хорошо, когда у детей есть животные. Они учат их отдавать и делиться.

— Верно, — согласилась Петра. — Значит, Курт животных не любит.

— Он сказал Марте, что от животных грязь. Пастерн намотала на палец прядь волос.

— Да, что я говорила? Я всегда думала, что это сделал Курт. Я не наврежу ему этими словами? Я ведь не обвиняю, просто у меня такое чувство. И живет он неподалеку.

— Нет, Эмили, не навредите.

— Я вам верю.

— Может, поговорим о делах Марты в городе? — спросила Петра.

Пастерн быстро ответила:

— Она любила ходить по магазинам, в которых товары продают со скидкой.

«Так, это пропустим».

— Хорошо... какая, на ваш взгляд, причина, из-за которой Курт убил Марту?

— Значит, вы его подозреваете?

— На данной стадии я знаю мало фактов, чтобы кого-то подозревать. Поэтому, Эмили, так важно, чтобы вы рассказали мне все, что вам известно.

— Я уже рассказала. Эмили слабо улыбнулась.

Петра тоже ей улыбнулась. Попробовала кофе. Ужасный. Сейчас она сделает еще одну попытку подобраться к Пастерн и, если женщина снова будет сопротивляться, позвонит ей на следующий день по телефону.

Эмили распустила волосы и тряхнула головой. Они у нее были уложены в тугий узел, и это придавало ее лицу аскетический вид.

— Так что же с поездками? — напомнила Петра.

— Хорошо, расскажу, раз после стольких лет вы заинтересовались этим делом. Видно, что вам не все равно.

Она снова смочила собачью пасть. Глубоко вдохнула. Склонна к драматизму. Интересно, какую часть ее рассказа можно воспринимать серьезно.

— Хорошо, — повторила Пастерн. — Я уверена в том, что у Марты был роман.

Петра подождала, пока дыхание женщины станет ровным.

— С кем?

— Не знаю. Но все признаки были налицо. Петра нетерпеливо протянула к ней руку.

— Марта стала лучше одеваться, ее походка сделалась пружинистой, сексуальной. На лице заиграл румянец. Она была все еще сдержанной, но под спокойной поверхностью что-то зашевелилось. Сияние. Огонь.

Щеки Эмили запылали.

— Она стала счастливее? — задала Петра наводящий вопрос.

— Это было больше, чем счастье. Она ожила. И произошло это не из-за Курта, можете мне поверить. Курт остался тем, кем и был, — старый скучный Курт.

— Но Марта изменилась.

— Все, кто знал ее, увидели бы перемену. Она перестала сидеть дома. Ездил туда, сюда. На Марту это совершенно не было похоже. Я говорила правду, что она заскучала. Она говорила мне, что жизнь в Долине была слишком медленной. Сама она много лет сидела дома. Была образцовой мамой, занималась коллекционированием — собирала стеклянные фигурки, маленькие японские чайники. Часто посещала блошинные рынки. Затем все это прекратилось, она убрала свои коллекции и начала регулярно ездить в город.

— И в это же время она стала уделять внимание одежде, выглядела сексуально?

— Совершенно верно, — сказала Пастерн. — Вы женщина, вы знаете, что я права.

— Вы говорите интересные вещи, Эмили.

— Возможно, Курт что-то узнал. Может, потому он это и сделал. С его стороны никакой романтической причины не было. После смерти жены Курт так и не женился, и если он и завел связь с другой женщиной, то я об этом не слышала.

— Да разве вы могли услышать? — удивилась Петра. — Он ведь такой скрытный.

— О да, — сказала Пастерн. — Мы живем в семи кварталах друг от друга, и наши дети ходят в одну школу. Можно назвать это одной деревней.

Петра смотрела, как она изящно утирает губы. Драматическая она актриса или нет, Эмили дала ей пищу для размышлений. Петра спросила, не хочет ли она что-то еще добавить, и, когда Пастерн помотала головой, поблагодарила ее, вынула из сумки десять долларов и встала.

София зарычала.

Пастерн, успокаивая, похлопала собаку и тоже потянулась за кошельком.

— Нет, дайте мне заплатить.

— Это против правил, — улыбнулась Петра. «Маленькая мисс из нравоучительной книжки. Ха!»

— Вы уверены? Ну ладно, приятно было поговорить с вами. Надеюсь, вы найдете убийцу.

Когда Петра повернулась, чтобы уйти, Пастерн сказала:

— Почему вы спросили, была ли у Курта и Марты собака?

— Обыкновенное любопытство, — сказала Петра. — Пыталась понять их как людей.

— Он — холодный человек, — сказала Пастерн. — Она — замечательная. Скажу вам, кто любил собак. Катя. Она всегда играла с Дейзи. Видно было, что ей хотелось собаку. Но Курт и слышать об этом не желал.

— Слишком грязные.

— У него навязчивые идеи, — нахмурилась Пастерн. — Настоящая жизнь совсем другая.

— Разумеется, — согласилась Петра. — Ваша Дейзи какой масти?

— Прекрасный глубокий цвет — красное дерево. Ее можно показывать на выставках.

На Корал Лэнгдон такой шерсти не было. С придуманным Петрой сложным сценарием ничего не получилось. От дочери к отцу...

— Не сомневаюсь. А как дела у Кати?

— Моя дочь учится в параллельном классе. Она говорит, что Катя очень спокойная, тихая. Чего еще можно ожидать? С таким-то отцом. Девочке нельзя без матери. Об этом все психологи говорят, верно?

Петра натянуто улыбнулась, простилась. Ушла.

ГЛАВА 41

Петра направилась на восток, от бульвара Вентура к каньону Лорел, поехала к городу по извилистой, зеленой трассе. Ей нравился этот район. В нем было все: и дряхлые строения, и новомодные дома, и роскошные особняки. Если когда-нибудь у нее заведутся деньги (что маловероятно), она будет жить здесь.

Петра проехала мимо старого имения Гарри Гудини. Эх, если бы здесь сохранилось умение творить чудеса, она бы тогда узнала, верны ли подозрения Эмили Пастерн.

Неверность Марты, Курт — мстительный убийца.

Если это правда, то он все тщательно спланировал: выманил жену из театра, по всей вероятности, использовал Катю как приманку. Потом снова использовал дочь — в качестве алиби.

Из всего, что она увидела, — и это подтверждали комментарии Пастерн — Курт был человеком необщительным. Технар, рассматривающий мир как уравнение.

Ты меня унижаешь? Значит, я тебя убью.

Вполне возможно, что все так и случилось. Она прокрутила в голове сценарий: Курт вызывает Марту из уличного телефона-автомата, затем идет к театральной стоянке и ждет. Марта выходит, они отъезжают, он за рулем. Он останавливается неподалеку и сознается, зачем он приехал. Он знает о ее отлучках в город. Возможно, конфронтация происходит прямо здесь, либо сбитая с толку Марта пытается уладить отношения. Курт непреклонен, он захватил с собой оружие.

Или он заранее спрятал его в машине Марты? А может, оно служило для другой цели — в качестве домкрата, например?

Нет, судя по отчету, инструмент был более широким и гладким.

Марта пытается убежать. Он настигает и хватает ее.

Разворачивает, становится сзади. Такой высокий человек, как Курт, вполне мог нанести сокрушительный удар.

Она падает на землю, он продолжает выбивать ей мозги. Делает это на улице. «Раз ты вела себя, как шлюха, то и умри, как шлюха».

Может, взглянув на истекающее кровью тело, он вспомнил, что она была его женой, а потому не стал оставлять ее на улице? Засунул тело в автомобиль? Или сделал попытку спрятать труп, чтобы успеть приехать домой, залезть в постель и насладиться одним из снов, из тех, что, должно быть, являются убийцам?

Марту нашли только утром. Курт, готовя Катю к школе, имел уйму времени, чтобы «удивиться».

Проезжая мимо рынка, Петра подумала о третьей возможности. Посадив Марту за руль, он, вероятно, приговаривал что-то типа: «Ты ездила на машине на свидания с любовником. Сиди теперь с вышибленными мозгами за рулем той же машины».

Он уничтожил ее человечность, ее душу. Может ли технарь, такой как Курт Добблер, верить в существование души? Или он видит людей как сумму клеток?

«Я размозжу твое серое вещество. Превращу тебя в ничто».

Пастерн думает, что Курт страдает навязчивыми состояниями. А что, если под холодной бесстрастной манерой таится вулканический темперамент?

Он убивает Марту и выходит сухим из воды. Вероятно, это ему нравится.

Он решает отмечать эту дату.

Что такое годовщины, как не воспоминания? А маньяки-убийцы любят вспоминать такие моменты.

Кажется, она рассуждает логично. Единственная проблема — многое не сходится. Например, собачья шерсть на Корал Лэнгдон: ведь Курт терпеть не может животных. К тому же такого необаятельного человека, как Курт, Петра вряд ли когда встречала. Странно, что Корал остановилась и стала болтать с ним о собаках.

Может, он обладает актерскими способностями, о которых никто не знает?

Петра решила, что она слишком большое внимание уделила собачьей шерсти. Лэнгдон — собачница, она могла подцепить чужую шерсть, общаясь с другими людьми.

Ну а как же тогда визит фальшивого кабельщика в дом Джеральдо Солиса? Чем мотивировать визит к нему Добблера?

Может, прежде чем стать ракетчиком, Курт работал электриком или же подрабатывал в студенческие годы? Если даже это и так, если

он хотел отметить годовщину убийства жены, почему не выбрать жертву, похожую на Марту? Да просто женщину, а не ворчливого старого бывшего моряка?

Если только Солис не был как-то связан с Добблерами... что, если он был городским любовником Марты? Тогда зачем Курт ждал целый год, прежде чем с ним расправиться?

Солис был вздорным одиноким стариком, на тридцать лет старше Марты. Бывает, что люди делают странный выбор, но здесь явно что-то не сходится.

Петра просмотрела весь список жертв: Лэнгдон, Хохенбреннер, молодой чернокожий моряк. Джуэл Бланк и Кертис Хоффи, двое уличных подростков.

Что их *объединяет*?

Когда добралась до бульвара Сансет, в голове была мешанина, и она решила, что занимается пустыми домыслами.

На перекрестке Фейрфакс и Шестой улицы заиграл мобильник. Звонил Мак Дилбек.

— Только что услышал, Петра. Сожалею.

— Другого я и не ожидала, Мак.

— Они глаз от земли не поднимают, где уж им увидеть свет истины.

— Спасибо, Мак.

— Это я должен вас благодарить, — сказал он. — За то, что раскрыли дело. Спасли нас всех от бумажной работы, а город — от суда. Некоторые люди заслуживают того, чтобы их убили, и он расплатился по счету, верно?

— Верно.

— А как дела у Эрика?

— Проходит разбирательство у Паркера.

— Когда все разъяснится, все у него будет в порядке. Он поступил правильно.

— Да, я тоже так думаю.

— Хочу также рассказать о Сандре Леон. Боги с Олимпа позволили мне присутствовать при ее допросе. Она вообще не хотела с ними говорить, поэтому они ушли посоветоваться. — Мак фыркнул. — И вот, когда они удалились, я поговорил с ней, как дедушка, и что же? Она начала общаться.

— Да ну? — улыбнулась Петра.

— Да, да, — сказал Мак. — Диктофон у меня, разумеется, был включен. Когда они вернулись с планом, большим планом допроса, она уже говорила, и они сообразили, что им лучше помолчать. Сандра рассказала, что она и ее двоюродная сестра Марселла не ладили друг с другом. Во всем была виновата ревность. Этот подонок Лайл долгие годы спал с ними обеими. Кончилось тем, что они стали соперничать друг с другом, добиваясь его внимания. Когда Марселла сошлась с Омаром Селденем, Сандра решила, что это неправильно: ведь хорошенькая только она. Поэтому она ступила на территорию Марселлы. Была и другая обида: когда Сандра дожидалась в приемной врача по поводу гепатита, Марселла оставила ее одну, пошла на бульвар и два часа играла там в какие-то игры. Сандра ей этого не простила.

Это похоже на мотив для убийства.

— Слышали бы вы эту девчонку, Петра. Ни капли доброты. Это она сказала Омару, что Марселла сделала аборт. Сказала, что Марселла шутила по этому поводу и назвала свой плод мусором.

— Господи, — ужаснулась Петра. — Она подставила Марселлу.

— Если бы только это. Она сказала Омару, что они пойдут в «Парадизо», и подробно объяснила ему, когда и откуда они выйдут с Марселлой.

— Омар сфотографировал стоянку за неделю до концерта. Убийство было тщательно спланировано.

— О господи, — охнул Мак.

— Потому-то Сандра и была так спокойна после стрельбы. Занервничала немного, лишь когда я попыталась записать ее показания. Но горя не было. Вот вам и подросток. По какой статье ее обвинят?

— Еще неясно. Я высказываюсь за восемьдесят седьмую статью, но единственное свидетельство — записанный мною на пленку разговор, так что ей, возможно, сделают снисхождение. Она довольно спокойна, кажется, думает, что ее отпустят как несовершеннолетнюю. Вполне возможно, что так и будет. Сегодня и частный адвокат появился. Он не говорит, кто его нанял, но я уверен, что ему платят «Игроки». Он уже поднимает шум, хочет объявить признание недействительным, потому что перед разговором я не предупредил

Сандру о ее правах. Помощник окружного прокурора заявляет, что я входил в команду детективов из Даунтауна, так как был в комнате, когда они сделали первое предупреждение.

— А что с Лайлом? Ему грозит обвинение в развращении несовершеннолетних.

— Если бы Омара вызвали в суд, перед нами бы встали проблемы. Поэтому очень хорошо, что суда не будет. За это еще раз хочу вас поблагодарить.

— Всегда рада вам услужить, — сказала Петра.

— Как ваши дела?

— Отдыхаю. А вы?

— Играю в гольф с внуком. Не позволяйте им загрызть себя. Вы девушка стойкая.

Психиатры вели прием по сорок пять минут в час, поэтому в четыре сорок пять Петра позвонила в клинику, где работала доктор Сара Касагранде. Оставила сообщение на автоответчике. Ответа не было. В пять сорок пять сделала вторую попытку. На этот раз ответил живой женский голос.

— Это Сара.

Интонации были мягкие, неуверенные.

— Я как раз собиралась вам позвонить.

— Спасибо, — сказала Петра. — Как я уже сказала в своем сообщении, дело касается Марты Добблер.

— Столько лет прошло, — сказала Касагранде. — Что-то изменилось?

— В каком смысле?

— Детектив, с которым я тогда говорила, дал понять, что дело вряд ли будет раскрыто.

— В самом деле?

— Да, — сказала Касагранде. — Думаю, он говорил искренно, но в то время такое признание было тяжело услышать.

— Вы не помните, какую он выдвигал причину?

— Он сказал, что не имеет вещественных доказательств. У него были подозрения, но ничем не подтвержденные.

— Кого он подозревал?

— Курта. Я тоже так думала. Мы все трое были в этом уверены.

— Вы ему об этом сказали?

— Конечно.

Кое-что Баллу ей не рассказал. И не записал в дело.

— Почему вы подозревали Курта?

— В его обществе я чувствовала себя неловко.

— У него были порочные наклонности? — спросила Петра.

— Нет, я бы этого не сказала. Кажется, он не испытывал ко мне интереса. Все было наоборот — отсутствие эмоций. Во время барбекю или других совместных посиделок он смотрел на меня или на что-то другое, и я сознавала, что смотрит он сквозь меня. Об этом я сказала мужу. Оказывается, он тоже это заметил. Все мужчины думали, что Курт странный, никто не приглашал его играть в покер.

— Вы психолог. Диагност?

— Я помощник психолога, — уточнила Касагранде. — Год назад получила лицензию.

— И все же, — сказала Петра. — Вы знаете больше обыкновенного человека. Как бы вы охарактеризовали Курта Добблера?

— Никогда не даю такие оценки. Анализ со стороны немногого стоит.

— Без протокола, доктор.

— Если без протокола, то я бы сказала, что Курт обнаруживает шизоидные черты. Это не означает, что он сумасшедший. Он просто асоциальный тип. Бледные эмоции, неумение общаться с людьми.

— Способен ли такой человек к убийству?

— Послушайте, — сказала Касагранде, — вы хотите, чтобы я вышла за пределы своей...

— Без протокола, доктор.

— Большинство асоциальных людей не склонны к насилию, но когда их доводят, когда шизоидные тенденции соединяются с агрессивными импульсами, тогда все может быть.

«Тщательное планирование, за которым следует страшное насилие».

— На ум приходит Унабомбер, — сказала Сара Касагранде. — Одиночка, ненавидевший людей. Он мотивировал свое убийство борьбой за экологию, но хотел-то он прежде всего разрушения.

«Унабомбер тоже был технарем. Защитил докторскую диссертацию по математике. Тщательно все спланировал. И как много лет ушло на его поимку...»

— Я не утверждаю, что Курт похож на Унабомбера, — сказала Касагранде. — Это были серийные убийства, а мы с вами говорим о человеке, убившем свою жену.

«Если бы ты только знала».

— Если Курт убил Марту, то какой у него был мотив? Касагранде нервно рассмеялась.

— Ох уж эти предположения!

— Детектив Баллу думал, что дело раскрыть не удастся, и, возможно, он был прав. Но я пытаюсь доказать обратное, и мне нужна всесторонняя помощь.

— Вы говорили... о мотиве. Я бы сказала, что это — ревность.

— К кому?

— Возможно — а это уж явное предположение, — Марта с кем-то встречалась.

— Да, мне это говорили.

— Вот как?

— Эмили Пастерн.

— Эмили... — задумалась Касагранде. — Да, Эмили первая высказала такое предположение, хотя я и сама думала то же самое. Мы все заметили изменения в поведении Марты. Она казалась счастливее. В ней стало больше жизни. Она по-другому держалась, начала уделять больше внимания своей одежде.

— Ее гардероб стал сексуальнее? — спросила Петра.

— Нет. Марта всегда была сдержанным человеком. Даже после всех этих изменений до сексуальности ей было далеко. Но ее одежда стала более женственной — платья, чулки, духи. У нее была прекрасная фигура, но она скрывала ее под просторными свитерами. Черты лица у нее были замечательными. Ей совсем немного надо было, чтобы превратиться в очень привлекательную женщину.

— Сколько времени прошло между этими изменениями и убийством?

— Несколько месяцев. Четыре или пять. Впрочем, для всего этого могли быть и другие причины.

— Например?

— Возможно, пыталась оживить скучный брак. Но я не видела, чтобы эти изменения произвели какие-то перемены в супружеских отношениях.

— А какими были эти отношения?

— Платоническими.

То же слово использовала и Эмили Пастерн. Должно быть, в разговорах женщины пришли к такому заключению. С другой стороны, женщины эти были умны, внимательны, и Марту Добблер они знали лучше, чем Петра могла надеяться.

Она еще немного попытала Касагранде, но ничего, кроме вежливых отрицаний, не получила. События театрального вечера в ее изложении ничем не отличались от рассказа Пастерн.

— Спасибо, доктор.

— Надеюсь, вы его изобличите, — сказала Касагранде. — Если это он... то чем он сейчас зарабатывает на жизнь?

— Разработкой ракетных установок, — сказала Петра. — Систем слежения.

— Интересно, — задумалась Касагранде. — Он изыскивает способы разрушения.

ГЛАВА 42

Вторник, 25 июня, 15:47. Лос-Анджелес, Пятая улица. Публичная библиотека. Отдел истории и генеалогий. Нижний этаж

У Айзека уже минут двадцать как болели глаза, но он откладывал перерыв, пока не закончил чтение «Джералд экзаминаер».

Он дал самому себе задание на день: вернуться ко всем лос-анджелесским газетам и просмотреть выпуски от 28 июня. В случае с «Джералд» обращать внимание на фотографии, сделанные в морге.

В газетах было полно повторов, большинство преступлений — а их тут были сотни — относились к разряду краж, ограблений, нападений. С наступлением автомобильной эры аресту подвергались водители, управлявшие машинами в пьяном виде.

Он обращал внимание на убийства, которые происходили не в баре, не в результате семейной ссоры и были бы не связаны с ограблением. Те, что остались, были психопатическими: в начале века убивали китайских проституток; были и утопленники, и застреленные люди. Попадались даже жертвы с пробитыми черепами. Но эти преступления не были похожи на те шесть, что он имел в виду.

Неудивительно. Когда Айзек впервые заметил повторяющийся мотив, то до того, как пойти к Петре или подвергнуть свое открытие статистическим тестам, он изучил подшивку номеров «Лос-Анджелес тайме». Необходимо было проявить осторожность: вдруг он что-то пропустил.

До 28 июня осталось три дня, а после семичасовой кропотливой, изматывающей работы он пришел с нулевым результатом. Вчерашний день был таким же пустым. Он провел его на третьем этаже в отделе редких книг. Туда он явился исполненный надежд, но ему сказали, что требуется направление. И это было логично: там находились коллекционные экземпляры. О чем он только думал?

Он показал им удостоверение студента-выпускника, сочинил историю о том, что кафедра биостатистики уже сделала в отношении

него запрос, и библиотекарь, худой пожилой человек с седыми жесткими усами, проникся к нему сочувствием.

— Что именно вы разыскиваете?

Когда Айзек объяснил — он старался говорить туманно, но слово «убийство» было не обойти, — библиотекарь посмотрел на него другими глазами. Но все же помог ему — выдал Айзеку бланк для заявления и провел в отдел.

История Калифорнии, Мексиканская коррида, Орнитология, Тихоокеанские путешествия...

— Думаю, что вас заинтересует первое название, мистер Гомес, так как птицы и быки убийств не совершают.

— Ошибаетесь, совершают, — сказал Айзек и произнес маленькую речь на тему о жестоком поведении животных.

В стаде или в стае появляется порой странный экземпляр, который вел себя антисоциально. Время от времени Айзек размышлял об этом феномене.

— Гм, — сказал библиотекарь и направил его к историческому каталогу.

Пять часов спустя Айзек покинул комнату, уставший и неудовлетворенный. В кровавой истории Калифорнии не было недостатка в антисоциальных людях, совершавших убийства, однако ничего похожего на шесть его преступлений Айзек не нашел.

«Его». Он словно гордился такой собственностью. Что ж, так и есть. Ведь это он наткнулся на некую закономерность.

Теперь ему больше всего хотелось отказаться от прав на эту собственность... Петра, возможно, права. Дата была личной, а не исторической. Ему нечего ей предложить.

Он не говорил с ней с пятницы. На работу пришел с утра в понедельник, раньше обычного. Готов был снова приступить к мозговому штурму. Ее не было, и стол ее был пуст. Совершенно пуст.

В комнате сидели три детектива, Флейшер, Монтойя и человек возле доски объявлений.

— Кто знает, где сейчас детектив Коннор? — обратился Айзек ни к кому конкретно.

Плечи Флейшера поднялись, но он ничего не сказал. Монтойя нахмурился и вышел. Что бы это значило?

Человек возле доски объявлений обернулся и сказал:

— Ее нет.

Темный костюм, редущие черные волосы, тонкие усики. Женоподобный. Порочный?

— Может, знаете, когда она придет? Женоподобный человек подошел поближе. Детектив Номер Два. Роберт Люсидо. Центральный участок.

Почему он ответил на его вопрос?

— Я сам ее ищу. А вы...

— Практикант. Я работаю с детективом Коннор, занимаюсь научным исследованием.

— Исследованием?

Люсидо посмотрел на жетон Айзека.

— Ее нет, Айзек.

Флейшер сидел с телефонной трубкой в руке, но не набирал номер. Что он делает здесь целый день?

Айзек написал для Петры записку и положил ей на пустой стол, а сам направился в свой угол и уселся. Флейшер положил телефонную рубку и поманил его к себе.

— Не трать зря время.

— Что вы хотите этим сказать?

— Она не придет. Ее отстранили.

— Отстранили? С какой стати? Почему?

— Была перестрелка в Северном Голливуде, в субботу. Кустистые брови Флейшера стали похожи на воротца в крикете.

— Об этом сообщали в новостях, сынок.

Айзек телевизор не смотрел. Слишком был занят.

— Но она не пострадала? Флейшер кивнул.

— Что же произошло?

— Петра и другой детектив выследили подозреваемого, вступили в схватку, и плохой парень отреагировал не как положено.

— Умер? — спросил Айзек.

— Погиб.

— Подозреваемый по делу «Парадизо»?

— Тот самый.

— За это ее и отстранили?

— Это процедурное наказание, сынок.

- И что это значит?
- Были нарушены правила.
- Как долго продлится отстранение?
- Не слышал.
- Где она сейчас?
- Где угодно, только не здесь, — сказал Флейшер.
- У меня нет ее домашнего телефона. Флейшер пожал плечами.
- Детектив Флейшер, — сказал Айзек, — очень важно, чтобы я с ней связался.
- У нее есть твой номер?
- Да.
- Тогда я не вижу проблемы, сынок.

Она не позвонила, а сейчас уже был вторник. У нее сейчас собственных проблем выше крыши. Должно быть, она забыла о 28 июня.

У него, кстати, ничего для нее нет.

Неожиданно сильно заныла шея, он встал из-за стола в зале истории и генеалогии, потянулся.

Несколько последних дней он игнорировал телефонные послания Клары. В кампус не приезжал, сделал местом своей работы публичную библиотеку, лишь бы не встречаться с ней.

Решение прервать общение сам он расценивал как милосердие. У Клары такая нежная эмоциональная натура, пожалуй, встречи с ним принесут ей одни страдания. То, что произошло в подвальном помещении библиотеки, было достойно сожаления, хотя уголовным преступлением назвать случившееся было нельзя. Двое взрослых людей занимались тем, чем часто занимаются взрослые люди. Случилось это, правда, в странном месте и в странное время. Виноваты гормоны.

Вспоминая тот эпизод, он не мог поверить в то, что сделал это. Все случилось так неожиданно...

Какие бы сложные чувства ни обуревали сейчас Клару, она должна осознать, что он...

— Сэр? — сказал за спиной тонкий голос.

Айзек обернулся через плечо, опустил на несколько дюймов взгляд и увидел старую чернокожую женщину. Она улыбалась ему,

задрав голову. В одной руке большущая сумка, под мышкой другой руки — большой зеленый справочник. Женщина крошечная, согнутая, на вид лет девяноста. Кожа у нее была красивая, цвета чернослива. На тощей фигурке тяжелый шерстяной жакет. Зеленая фетровая шляпа задорно торчала на курчавых волосах цвета выпавшего снега.

— Вы закончили, сэр? — сказала она, и Айзек сообразил, что в комнате только на его компьютере замерло изображение.

За остальными мониторами сидели фанатики генеалогии, щелкали мышью. Огонь в глазах старой женщины говорил, что, возможно, она такой же фанатик.

Айзеку надо было посмотреть «Джералд» еще за несколько лет, но он сказал: «Да, конечно» и уступил старушке место.

— Благодарю вас, юный джентльмен латинос.

Произношение у нее было четкое, но речь звучала напевно, по-эллис-айлендски. Она обошла его, шлепнулась в кресло, убрала с экрана монитора газетные ссылки, щелкнула мышью, нашла то, что искала, и начала прокручивать базу данных.

Иммиграционные записи, Эллис-Айленд, данные 1911 года. Должно быть, она почувствовала, что Айзек заглядывает через плечо, обернулась и снова ему улыбнулась.

— А вы искали свои корни, сэр? Мексика?

— Да, — солгал Айзек.

Он слишком устал, чтобы посвятить ее в подробности.

— Это страшно интересно, вы не находите? Прошлое так захватывает!

— Да, — согласился он.

Глухой голос убил восторг старушки. Она заморгала, и он вышел из комнаты. Торопился: не хотел погубить день другим людям.

ГЛАВА 43

В понедельник Петра потратила уйму времени на поиски Мелани Джэгер, четвертого члена театральной компании Марты Добблер. Она жила где-то на юге Франции.

Она снова позвонила Эмили Пастерн. Та, похоже, в этот раз не была расположена к разговорам, Петра настояла, и Эмили чуть сузила зону поисков: «где-то возле Ниццы, как мне кажется». Петра воспользовалась Интернетом, картами и позвонила во все отели и пансионы этого региона.

Процесс был долгим и изнуряющим. Будучи отрезанной от официальных баз данных, она живо ощутила, что отныне является лишь рядовым гражданином.

Она говорила с множеством озадаченных французских клерков. Лгала, пыталась очаровать и наконец нашла иголку в стоге сена. Это место называлось Ла Мер. Женщина-консьерж прекрасно говорила по-английски. Она и соединила ее с номером мадам Джэгер.

После всех этих трудов Джэгер ничего нового ей не сказала. Она тоже была уверена, что Марту убил Курт Добблер.

— Почему?

— Потому что он зануда и похож на привидение. Он никогда не улыбается. Надеюсь, вы найдете его и оторвете ему яйца.

Одиннадцать вечера, а от Эрика ни слуху, ни духу. Проглотив две таблетки снотворного, она погрузилась в десятичасовое мутное забытие. Проснулась во вторник, готовая работать.

Снова к компьютеру. Пытливость собственного взгляда диктовала методы, которые помогали проникнуть туда, куда остальные копы никогда не забредали. Собственное невежество ее угнетало. Эрик быстро учился. Скоро он все это сумеет постичь.

Если захочет.

Она позволила себе пофантазировать: они работают вдвоем, партнеры в высококласной фирме. Красивый офис на бульваре Уилшир или Сансет, а может быть, даже рядом с океанским побережьем. Элегантная, со вкусом подобранная обстановка, богатые клиенты...

Ты пишешь сценарии, а я помещаю их в Сеть.

Он позвонил в полдень, когда она заканчивала быстрый ланч — тост, зеленое яблоко и крепкий кофе. Петра быстро прожевала.

— Ты где?

— В Даунтауне.

— Второй день, а ты все крутишься?

— Возможно, это последний день, — сказал он.

— Как все проходит?

— Они очень... вьедливы.

— Ты не можешь свободно говорить.

— Зато могу слушать.

— Хорошо, — сказала она. — Я ужасно сожалею, Эрик.

— О чем?

— О том, что тебе пришлось через это пройти, и все из-за...

— Пустяки. Все, должен идти. И очень тихо добавил:

— Дорогая.

Система «Гугл» выдала ноль на Курта Добблера — само по себе неплохо, потому что этот мощный поисковик был просто монструозным кибер-пылесосом.

Она не удивилась бы отсутствию персонального вебсайта, поскольку Добблер был асоциальной личностью. Но его имя нашлось на домашней странице «Тихоокеанской динамики». В длинном перечне сотрудников компании «Сениор Стафф».

Курт был представлен как старший инженер-проектировщик. Название проекта — «Прибытие». Никаких подробностей о его содержании приведено не было. В досье Добблера указывалось, что он поддерживал связь с 40-м инженерным батальоном, размещавшимся на базе Баумхольден, в Германии. Он окончил среднюю школу неподалеку от Гамбурга, прекрасно владел немецким языком, поэтому «лучше других был подготовлен к этому заданию».

Это казалось странным. Американские военные инженеры говорили только по-английски.

Может, Курт был шпионом?

Только этого еще не хватало, чтоб еще более усложнить ее жизнь.

С Айзеком она не говорила с пятницы. Поскольку показывать ей нечего, стоит ли беспокоить мальчика? Согласно биографии, Курта

Добблера высоко ценили как системного разработчика, проработавшего пятнадцать лет в «Тихоокеанской динамике». Стало быть, пришел туда сразу после колледжа. Упоминания о том, что когда-то он работал кабельщиком, Петра не нашла. Впрочем, зачем об этом писать?

Она распечатала информацию, перечитала еще раз. Связи с Германией выводили ее на новое направление, и она потратила несколько часов на международные звонки, пока не попала на нужного человека в полицейском департаменте Гамбурга.

Старший инспектор Клаус Бандорффер. В Германии в эти часы занималось утро, было еще темно, и Петра удивилась, что старший инспектор в такое время на работе. Но Бандорффер говорил бодрым голосом, показал себя профессиональным, но в то же время любезным человеком. Он был заинтригован звонком американского детектива.

Махнув рукой на то, что сама умножает будущие неприятности на работе, она заявила, что официально расследует убийства от 28 июня и что она отвечает за это расследование.

— Еще один, — сказал Бандорффер.

— Еще один кто, старший инспектор?

— Серийный убийца, инспектор... Коннор?

— Да, сэр. У вас что же, в Гамбурге много серийных убийств?

— Сейчас пока тихо, но были и у нас, — сказал Бандорффер. —

Вы, американцы, и мы, немцы, кажется, умеем выращивать таких вот психопатов.

— Может, просто умеем обнаруживать закономерности. Бандорффер засмеялся.

— Умение и ум — мне нравится такое объяснение. Значит, у вас на подозрении есть человек, который жил в Гамбурге?

— Возможно.

— Какой период времени вас интересует?

Курту Добблеру было сорок. Учеба в средней школе означала, что с тех пор прошло двадцать два — двадцать пять лет. Она сообщила Бандорфферу эти параметры и подробности черепных травм.

— В прошлом году у нас было такое убийство, — сказал он. — Двое пьянчуг подрались в пивном баре. Один другому выбил мозги. Наш убийца — безграмотный плотник, никогда не был в Соединенных Штатах... Как, вы говорите, его фамилия? Добблер? А имя? Куртис?

— Просто Курт.

Клик, клик, клик.

— Я ничего не нахожу под этим именем в своих файлах, но проверю. Возможно, на это уйдет день или два.

Петра сообщила ему свой домашний телефон и номер мобильного, сердечно поблагодарила. Бандорффер снова рассмеялся.

— В наше время такие трудолюбивые, умные офицеры, как мы, должны объединяться.

Она обзвонила все кабельные компании в Лос-Анджелесе, Орандже, Вентуре, Сан-Диего и Санта-Барбаре, говорила с продавцами газет, врала, когда это требовалось.

Никто не слышал, чтобы Курт Добблер когда-либо работал монтером или представителем подобного рода профессии. Хотя надежды было мало: трудно рассчитывать, чтобы кто-то сохранил такие старые сведения.

Добблер по-прежнему находился у нее на подозрении. Особенно как убийца собственной жены.

28 июня она устроит слежку за его домом. Петра надеялась на чудо и одновременно готовила себя к разочарованию.

Возможно, пришло время подключить Айзека. У него было несколько дней на размышления. Может, высокий коэффициент умственного развития способен на то, на что не способен ее заурядный мозг.

Вероятно, он был вчера в участке и узнал о ее отстранении. Какими бы ни были его дела с Джарамилло, она знала, что известие о ее отстранении его расстроит. Она так сосредоточилась на своих переживаниях, что и не подумала об Айзеке. Хорошенькая же из нее получилась нянька!

Шесть часов пятнадцать минут вечера, все университетские кафедры закрыты. Она позвонила Гомесу домой. Айзек поднял трубку. Голос совершенно заспанный. Неужели он спит в такое время?

— Айзек, это...

В трубке послышался громкий зевок, словно лошадиное ржание. Такого Айзека она не знала.

— Вы? Опять? — сказал он.

— Опять?

— Это Клара, да? Послушайте, мой брат...

— Это детектив Петра Коннор. Вы брат Айзека? Молчание.

— Простите, я спал. Я его брат.

— Извините, что разбудила. Айзек дома?

Снова зевок. Откашливание. Голос похож на голос Айзека. Но пониже, и речь медленнее. Словно Айзек, пребывающий в депрессии.

— Его нет дома.

— Все еще на занятиях?

— Не знаю.

— Пожалуйста, передайте ему, что я звонила.

— Обязательно.

— Что ж, ложитесь спать, брат Айзека.

— Исайя... да, сейчас лягу.

В восемь часов она подавила желание остаться дома и пообедать на скорую руку, открыв какие-нибудь банки. Вышла на улицу. Если ее заставили жить, как обыкновенную горожанку, то надо хотя бы воспользоваться преимуществами такого статуса.

Она немного поехала по району Фэйрфакс, соображая, куда лучше направиться. Выбрала маленький ресторан в Беверли-Хиллз, где подавали кошерную рыбу. Там она время от времени завтракала со Стю Бишопом. Отец владельца, врач, был коллегой отца Стю, офтальмолога. Ресторан находился недалеко от ее дома, полы в помещении засыпаны древесными опилками, пахнет свежей, вкусной, недорогой едой. Самообслуживание тоже устраивало: ей не хотелось разговаривать с официантами.

Сегодня владельца не было. Ресторан обслуживали два латиноамериканца в бейсболках. Шумно, много народу. Хорошо.

Она заказала лосося на гриле с печеным картофелем и салат из шинкованной капусты. Заняла последний свободный столик и уселась рядом с семьей хасидов с пятью шумными малышами. Отец в черном костюме, бородатый, притворялся, что не замечает ее, но, когда она поймала взгляд матери в красивом парике, женщина застенчиво улыбнулась и сказала:

— Извините за шум.

Словно бы в этом было виновато исключительно ее потомство.

— Они очаровательны, — улыбнулась ей Петра. Женщина засветилась.

— Спасибо... прекратите, Шмуль! Яков! Оставьте в покое Израэля и Циви!

Без пятнадцати десять она подъехала к дому. Увидела джип Эрика. Когда приоткрыла дверь, он поднялся с дивана гостиной и обнял ее. На нем был бежевый костюм, голубая рубашка, желтый галстук. Она никогда еще не видела его в светлой одежде. Цвет костюма подчеркивал слегка землистый оттенок его кожи.

— Совсем необязательно было одеваться ради меня. Он улыбнулся и снял пиджак.

Они быстро поцеловались.

— Ты поела? — спросил он.

— Только что. А ты хотел куда-то пойти?

— Пойти или остаться — это неважно.

Он снова потянулся к ней губами. Она отвернула голову.

— От меня пахнет рыбой.

Он взял ее лицо в свои ладони, нежно притронулся к губам, просунул между ними язык и заставил ее открыть рот.

— Гм... форель?

— Лосось. Я могу и выйти. Попью кофе и посмотрю, как ты ешь.

Он пошел в кухню, открыл холодильник.

— Я что-нибудь найду.

— Позволь мне за тобой поухаживать.

Но он уже вынул яйца и молоко, вынул из хлебницы буханку.

— Французский тост, — сказала она. — Я его хорошо готовлю.

Она разбила яйца, нарезала хлеб. Он налил молоко и сказал:

— Ты не слышала о Шулкопфе?

— А что такое?

— Об этом говорили в новостях.

— Я уже два дня не смотрю телевизор. В чем дело?

— Умер, — сказал Эрик. — Три часа назад. Его убила жена.

Она вышла из кухни и села на обеденный стол.

— О господи... которая жена?

— Последняя. А сколько их у него было?

— Она была третья. Как же так? Она от него ушла, а потом решила его убить?

— Из того, что я слышал, — сказал Эрик, — это он от нее ушел.

Никто из участка не подумал ей позвонить.

— Что случилось?

— Шулкопф несколько недель назад выехал из дома, арендовал квартиру неподалеку от участка — одну из дорогих на бульваре Голливуд, к западу от Ла Бреа. Он был там со своей девушкой, клерком. Они направились пойти обедать, спустились на подземную стоянку к машине. И тут вышла жена и начала стрелять. Она трижды попала ему в руку, а одна пуля вошла прямо сюда.

Он похлопал себя по лбу.

— Девушку тоже подстрелила, но она была жива, когда подъехала «скорая помощь». Затем жена выстрелила в себя.

— А девушку звали Кирстен Кребс? Блондинка, около двадцати пяти лет, работала у нас секретаршей?

Эрик кивнул.

— Ты знала об этом?

— Догадалась. Кребс вела себя со мной очень высокомерно. В тот день, когда Шулкопф вызвал меня в кабинет, именно она передала приказ. Она сидела на моем столе, словно это была ее собственность. А что с женой?

— Ей поддерживают искусственное дыхание. Считают, что не выживет. Кребс тоже в плохом состоянии.

Петра встала, включила телевизор, нашла новости на пятом канале. Веселая латиноамериканка в костюме а-ля Шанель передавала плохие новости:

— ...Расследуют сегодняшнее убийство сорокасемилетнего капитана, ветерана лос-анджелесской полиции Эдварда Шулкопфа. Его застрелила брошенная им жена, Миган Шулкопф, тридцати двух лет. После убийства она покончила с собой. Предполагают, что она, совершая самоубийство, искала выход из создавшегося любовного треугольника. Ранена также пока неопознанная молодая женщина...

В кадре появилось очерченное мелом место, где ранее лежало тело, и свадебная фотография, сделанная в более счастливые времена.

— ...Происшествие шокировало спокойный район Голливуда и коллег Шулкопфа. Ну а теперь переходим к другим местным новостям...

Петра выключила телевизор.

— Я его не выносила, и он меня презирал — почему, уже никогда не узнаю — но это...

— Он ненавидел женщин, — сказал Эрик.

— Ты говоришь, словно это установленный факт.

— Когда он впервые проводил со мной беседу, то пытался прощупать меня. Узнать мое мнение насчет меньшинств, женщин. Особенно женщин. Было ясно, что он их не любил. Он думал, что действует осторожно. Хотел узнать, согласен ли я с ним.

— А как ты себя повел?

— Молчал. Поэтому он предположил, что со мной можно говорить свободно, и он рассказал мне несколько гадких антифеминистских шуток.

— Ты мне этого никогда не говорил.

— Какая в том была необходимость?

— Никакой.

Она села. Эрик встал позади нее, начал массировать ей плечи.

— Я понял, — сказал он, — что в большинстве случаев чем меньше говоришь, тем лучше.

«Но не во всех ситуациях, мой милый».

— Шулкопф мертв... Что это значит для нас? Я имею в виду наше отстранение.

— Еще до того, как это случилось, мне дали понять, что они не будут к нам слишком суровы. Вероятно, наше восстановление задержится.

— Тебе это все равно. Ты же уходишь. Его рука остановилась.

— Может быть.

Петра развернулась. Подняла на него глаза.

— Я все еще думаю, — сказал он.

— Решение трудное, стоит подумать.

— Разочарована?

— Конечно, нет. Ведь это твоя жизнь.

— Мы все еще можем купить дом, — сказал он. — Если оба будем работать, возможно, рано или поздно попадем в приличное место.

— Конечно, — сказала она и удивилась тому, как холодно прозвучал собственный голос.

— Какая-то проблема?

— Я все еще под впечатлением. И все потому, что я помогла избавиться от настоящего преступника.

Она высвободилась, встала, пошла на кухню.

— К тому же еще 28 июня. Осталось три дня, а я по-прежнему ничего не знаю.

— А что наш муж — Добблер?

— Все уверены в том, что это он убил свою жену, но доказательств нет. В каких-то отношениях он подходит, в других — нет.

— Например?

Она рассказывала. Он слушал. Петра увидела на столе яйца, хлеб и молоко. Пора сделать что-нибудь полезное. Она выложила на сковородку масло, включила газ, намочила хлеб в яично-молочной смеси и, когда масло забулькало и стало почти коричневым, опустила в него два куска.

Приятный звук, шипение.

— Ты можешь проследить за Добблером двадцать восьмого числа. Куда он, туда и ты.

— А если это не он, кто-то умрет. Он пожал плечами.

— Мистер Скептик. Он не ответил.

Французский тост был готов. Она положила его на тарелку, поставила перед ним. Он не двигался.

— Извини за прозвище, — сказала она.

— Я не был расположен к болтовне, — сказал он.

— Ты не сказал ничего дурного.

— Я не отнесся к твоим словам серьезно, — сказал он. — А ты так поглощена своей работой.

Он смотрел на нее, и таких нежных глаз она у него еще не видела.

Она обняла его за шею. Взяла вилку, вложила ему в руку.

— Ешь, пока не остыло.

ГЛАВА 44

*Среда, 26 июня, 10:00. Автобус № 7, маршрут Санта-Моника —
Пико и далее*

Айзек едва не оставил дома бумажный пакет.

Ночь он провел беспокойно, после чего проспал до восьми сорока. Родители и братья уже ушли, и он признался себе не без стыда, что тишина ему кажется восхитительной.

Ванная досталась в полное его распоряжение, и он долго стоял под душем, побрился, походил в голем виде, вынул из-под кровати кейс. Поднял бумаги и убедился, что оружие на месте.

А где же ему еще быть?

Он вытащил пистолет, прицелился в зеркало. — Бац!

Глупая идея — достать пистолет. О чем он только думал? Он снова завернул его, положил на дно кейса, потрогал синяк на щеке. Опухоли больше нет, боль едва ощущается. Эти подростки — глупые панки, он без труда их обманул.

Может, лучше вернуть пистолет Флако?

Приподнял жалюзи, выглянул наружу, увидел над вентиляционной шахтой полоску неба. Оно было голубым, с перистыми облаками.

Надел чистые брюки цвета хаки и желтую рубашку с короткими рукавами. В комнате было уже тепло, а значит, на улицу следует выйти в легкой одежде.

Жарко будет даже на берегу, там, где воздух всегда прохладнее.

Он, кажется, стал любителем песка и океана.

Да ладно, бывают увлечения похуже.

Ночью во время бессонницы он позволил себе фантазии: когда-нибудь он будет там жить. Станет богатым врачом. У него будет красивая жена, умные дети, он поселится в большом доме недалеко от побережья.

Или — если все произойдет, как в мечтах, — дом его будет стоять прямо на песчаном берегу.

Прилив, чайки, пеликаны, дельфины. Каждое утро он будет просыпаться под шум океана... а может, будить его будет натуральная блондинка.

Он может провести еще один день на пирсе.

Работал он усердно и заслужил отдых.

Испорченный сопляк. При чем тут заслуги?

Ключ к успеху — не благонравие, а знания. Знания — сила.

В голову пришло старинное семейное заклинание: «Стремись к цели, стань образованным». Сначала — доктор философии, потом — медицины. Прибери специальность, публикуй как можно больше работ, получи штатную должность преподавателя, приобрети репутацию, занимайся консультированием.

Может даже, он получит степень магистра делового администрирования и работу в фармацевтической компании...

Когда-нибудь он станет доктором Гомесом. А пока он запутался в отношениях с Кларой.

Она все звонила. Как долго это будет продолжаться?

Он должен с этим разобраться — раньше или позже. А сегодня... пляж.

Он пошел в кухню, снял со стола кейс и налил себе стакан молока. Передумал: он вернется в публичную библиотеку, воспользуется средством, в которое верил: тщательно проверит события, случившиеся в эту дату, проведет дедуктивный и индуктивный анализ. Проблему можно решить, необходимо найти ответ.

Залпом выпил молоко и пошел к дверям. Увидел пакет на столике справа от двери.

Коричневая бумага. Аккуратно сложенный пакет — фирменный знак матери. Красным фломастером выведено его имя. Шаткие буквы. Она никогда не была уверена в собственной грамотности.

Точно так же она помечала пакеты с завтраком, когда он учился в школе Бертона. Другие дети питались в школьном кафетерии — в чудесном месте, за теплыми столами, где их обслуживали женщины с забранными под сетку волосами. Им подавали нежно-зеленые и солнечно-желтые овощи, куски розового мяса и белую индейку, блюда, которые он никогда не видел — сакоташ? Гренки с сыром?

Его мать всегда боялась иностранной еды. Во всяком случае, она так говорила. Позже он узнал, что студенты, обучающиеся на стипендию, не имели права на бесплатное питание в кафетерии: щедрость школьной администрации имела пределы.

Айзек стыдился своих пакетов, пока кто-то из детей не сказал, что его тамалес и черные бобы — отличная еда. Раздавались и смешки, в конце концов, это была средняя школа, но большинство учащихся Бертона с пониманием относились к классовым различиям, и стряпня Ирмы Гомес им нравилась.

Айзеку легко было обмениваться своими завтраками с содержимым подносов богатых студентов. Ему страшно хотелось быть своим, таким как все.

Давно уже мама не приготавливала ему завтрак. Может, он его выбросит и возле библиотеки купит у уличного торговца жареную сосиску.

Нет, его замучит совесть. Он сунул пакет в кейс и побежал вниз по ступенькам.

Он постоянно испытывал чувство вины — хотя бы за сегодняшние мечты о Британской академии и фармацевтической компании.

К этому следует добавить и дом на океанском побережье.

Выйдя на улицу, он снова заколебался. Два дня работы в библиотеке прошли впустую. Что он надеется найти? Он пошел к Пико, сел на автобус № 7 и поехал в Оверленд. Сквозь коричневую бумагу к нему подобрался аромат материнской еды, желудок явно начал выделять сок и требовать своего. Айзек развернул бумагу и заглянул внутрь.

Сверху на завернутых в фольгу кусочках лежал клочок сложенной бумаги. Он вынул его и прочитал: «БРАТЦУ». Надпись была выведена большими неуклюжими печатными буквами. Айзек развернул листок.

ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ ЗВОНИЛА ЛЕДИ КОП.

Только это, без номера.

Айзек поднялся с кресла, нажал на звонок. Вышел на следующей остановке.

Дверь черного хода в участок была заперта. С тех пор как он пришел сюда работать, это случилось лишь дважды, потому что кто-то забывал ее открыть. Он нашел ключ 999.

Ключ не лез в скважину. Поменяли замки? И тут он заметил над дверью видеокамеру. Со стены, где ее установили, осыпалась краска. Объектив был нацелен прямо на него. Он почувствовал себя преступником и пошел назад.

Новые меры безопасности? Что, еще один террористический акт?

Он думал обо всем этом, когда увидел старый серебристый «кадиллак». Машина въехала на стоянку. Это же пожилой сержант, детектив Дилбек.

Айзек подошел к машине, и Дилбек опустил окно.

— Доброе утро, детектив.

— Доброе утро, мистер Гомес.

— Дверь заперта, а мой ключ не подходит.

— Мой — тоже, — сказал Дилбек. — Все будут ходить через переднюю дверь, пока все не успокоится.

— А что случилось? Дилбек обнажил зубы.

— Вчера был убит капитан Шулкопф.

— Да не может быть.

— У нас на всякий случай решили проявлять экстремальную осторожность. Впрочем, то, что случилось с капитаном, к другим отношения не имеет. Он изменил своей жене, она впала в ярость, и все такое. Вы в последнее время женщин не обижали, мистер Гомес?

Айзек улыбнулся, хотя внутри у него все перевернулось. Дилбек вышел из машины и направился к входу стоянки. Айзек остался на месте.

— У вас сегодня нет работы, мистер Гомес?

Айзек почти его не слышал. Думал: повышенные меры безопасности наверняка означали установку детектора, реагирующего на металл. Пистолет...

— Вообще-то говоря, я еду на занятия, просто заскочил, чтобы взять номер телефона детектива Коннор. Она вчера вечером мне звонила, а брат не записал ее телефон.

— Она дома, — сказал Дилбек. — Вы знаете, что с ней произошло?

— Да, сэр. Мне очень важно с ней поговорить. Она пыталась связаться со мной насчет дела, над которым мы... она работает.

— Сейчас она ни над чем не работает, мистер Гомес.

— Все же я хотел бы с ней поговорить. Дилбек хлопнул его по плечу и заглянул в глаза.

— Вы хороший молодой человек, но мы хотим, чтобы ее не беспокоили. Может, мне позвонить детективу Коннор и сказать, что вы сюда заезжали? Дайте мне номер, по которому она может вам позвонить.

Айзек дал ему номер кафедры биостатистики. Теперь он должен был вернуться в кампус. «Все мы попадаем в чьи-то сети».

Он приехал в университет через сорок минут, пошел на кафедру кружным путем, остановился возле своего почтового ящика. Несколько дней он в него не заглядывал, и ящик был забит до отказа. Циркуляры, напоминания, реклама.

Пять записок от Клары, он сразу узнал их по кудрявому почерку. Последние три были датированы вчерашним днем. На них стояло множество восклицательных знаков.

Между этими записками лежал листок с именем Петры и телефонным номером. Он начинался с 933, следовательно, это ее домашний телефон.

Айзек попросил у секретаря разрешения воспользоваться телефоном.

— А вы не посторонний? — сказала она. Он пожал плечами.

— Работаю над диссертацией.

— Бедный ребенок. Идите в комнату ксерокопирования. Наберите цифру восемь, чтобы выйти в город, и звоните. Только не в Европу.

Дверь в комнату была открыта. Он уже почти вошел туда, как вдруг чья-то рука легла ему на плечо.

Легкое касание, едва уловимый контакт. Он повернулся и увидел Клару Дистенфилд. На ней было ярко-голубое платье с крошечными золотыми рыбками. На губах — свежая помада, тушь, духи. Духи те же, что тогда. Она не убирала руку — она почти касалась его шеи.

Клара улыбнулась и сказала:

— Наконец-то.

В комнату он вошел вместе с ней.

— Что за неуловимый молодой человек.

— Клара, прошу прощения...

— Да уж, следовало бы и попросить.

В голосе никакой злобы, и это его по-настоящему обеспокоило. Он внимательно осмотрел ее. Рыжие волосы уложены в прическу, но несколько прядей все же выбилось. Голубое платье обтянуло круглый живот и мясистые бедра. Грудь. Запах духов. О боже, он снова возбудился.

Она прищурила золотисто-зеленые глаза.

— Ты знаешь, сколько раз я пыталась до тебя дозвониться?

— Меня не было дома. Семейные проблемы...

— Семья есть у всех.

Она поджала губы, и на них образовались морщинки.

— Каковы бы ни были эти проблемы, вряд ли они очень серьезные. Я говорила с твоим братом, и он об этом ничего не сказал. Ваши голоса очень похожи.

Перспектива сочинять новую ложь его утомила.

— Ничего серьезного, просто на это ушло время.

— Значит, с тобой все в порядке?

— Да. А как ваши дела?

— Мои? — Она рассмеялась. — У меня все прекрасно. А почему ты спрашиваешь?

— Я думал, что вы расстроены.

— Из-за тебя?

— Из-за того, что произошло.

— Я? — Она прижала изящную руку к пышной груди. — Я была немного... взволнована. Но потом мы выпили кофе. Помнишь? И все пришло в норму. Разве тебе показалось, что я не в себе?

— На следующий день вас не было на работе. Мэри Золтан сказала, что вы больны. Она намекнула, что это больше, чем простуда.

Он покачал головой.

— Может быть, я не так все понял.

— Мэри — идиотка. Я вовсе не была больна. А не ходила два дня на работу, потому что болела моя дочь. Высокая температура, красное горло. Мы боялись, что...

— Что это менингит? А как она сейчас?

— Она поправилась. Это был просто вирус. Но я очень о ней беспокоилась.

Клара подошла к нему поближе.

— Ты подумал, что у меня нервная реакция из-за нашей с тобой маленькой шалости? Это даже трогательно.

Она лукаво улыбнулась.

— За исключением того, что ты старался *избегать* меня.

— Нет, дело не в этом, — сказал он. — Я думал, что я... Он покачал головой.

— Ты думал, что травмировал бедную сексуально озабоченную библиотекаршу, и она собирается отравить твою жизнь.

Клара откинула голову и рассмеялась. Тихий смех. Сексуальный. Ее рука поползла к его ширинке.

— Неужели ты так волновался?

— Клара, то, что случилось...

— Было замечательно. И не думай ничего другого.

Она легонько сжала то, что нашла, убрала руку. Подмигнула.

— Клара...

— Химическая реакция, Айзек. Объяснить это рационально никто не может. Это не значит, что мы должны поддаваться нашим импульсам. — Лукавая улыбка. — Хотя я могу подумать о куда более нехороших вещах.

Она погладила его по щеке.

— Ты действительно красивый молодой человек. Я восхищаюсь твоим умом, и я обожаю твоё тело, но это никогда не станет большим, чем просто эротическое приключение. Что само по себе и не плохо, верно? У тебя есть потенциал стать фантастическим любовником, и я готова быть хорошей учительницей.

Еще один взгляд вниз.

— Не беспокойся, это не приглашение к эпизоду номер три. Потому что сейчас нам нужно обсудить более важные вещи. Потому-то я несколько дней и добивалась встречи с тобой. Во-первых, ко мне приходил коп, он выспрашивал о тебе. Кстати говоря, он только что ушел из библиотеки. Потому я и пришла к твоему почтовому ящику, чтобы оставить тебе еще одну записку.

— Коп? — удивился он. — Как его имя?

— Детектив Роберт Люсидо.

— Это тот человек, что стоял возле доски объявлений. С тонкими усиками?

— Точно, — подтвердила Клара. — Такие усы я видела только у Джона Уотерса^[15].

— Что было нужно Люсидо?

— Он сказал, что проводит рутинную проверку волонтеров лос-анджелесской полиции в связи с угрозой нового 11 сентября. Хотел знать, что ты за человек, с кем общаешься. Затем, нарушая Конституцию, спросил: какие книги ты берешь. Разумеется, на такой вопрос я отвечать не стала.

— Как он на вас вышел? Она смотрела на дверь.

— Сначала он пришел на кафедру биостатистики, и ему сказали, что большую часть времени ты занимаешься в библиотеке. Его заявление — о рутинной проверке — похоже на выдумку?

— Возможно.

— Что на самом деле происходит, Айзек?

— Сам не знаю, — ответил он. — Это правда. Я только что ездил в участок. Они поменяли замки. Может, потому что убили капитана...

— Да, я слыхала.

— А может, это терроризм.

— Это меня пугает, — сказала Клара. — Ты знаешь, что наш кампус совсем не охраняется. Тебе жаль капитана?

— Я его почти не знал.

— Он изменял жене, — сказала Клара. — Тот, кто изменяет, должен быть осторожен. И тот, с кем изменяют, — тоже.

Она опустила руку, и Айзек приготовился к следующему щипку. Вместо этого, она взяла его за руку. Она его возбуждала. Так много неясных вопросов, а у него опять непроизвольная эрекция. «Да, падай же, маленький ублюдок».

— И что же, Люсидо ушел?

— Минут десять назад, — сказала Клара. — Я прежде убедилась, что он за мной не следит, а уж только потом пришла сюда.

— Спасибо, — сказал Айзек.

— Поблагодари поцелуем. Он повиновался.

— Гм, — сказала она. — У тебя серьезный потенциал, но сначала поговорим о деле. Главная причина, по которой я старалась тебя найти, не Люсидо. Я пришла по поводу июньских убийств.

— Что?

Она прижалась к нему, положила ладони на его ягодицы. Когда заговорила, их губы почти соприкасались.

— Думаю, я разгадала твою тайну, Айзек.

ГЛАВА 45

Клара вышла из здания первой: надо было убедиться, что Люсидо ушел. Айзек ждал в вестибюле. Через несколько минут она просунула голову в дверь и подняла большие пальцы. Заметно было, что приключение ей нравится.

Пошли к библиотеке Доэни, влились в поток студентов. Возле пятиэтажного дома на лужайке лежала девушка в шортах и лифчике, читала учебник по философии. Куда-то бежали парни в футболках с надписью «ЛСУ сокс, тенн. свал-лоус» на спине.

Клара радостно улыбалась.

Когда вошли в здание, то вместо того, чтобы спуститься в подвал, поднялись на два этажа.

Отдел редких книг. Несколько запертых комнат и пустых коридоров. У Клары были ключи.

Внутри, в приемной, тихо, уютно, на стенах новые дубовые панели, матовые белые лампы и канделябры, свисавшие с потолка, заливали помещение мягким светом. Зеленые кожаные кресла, дубовые столы. Слева несколько административных кабинетов.

Никого не видно. Перерыв на обед?

Клара повела его в комнату с табличкой «Читальный зал». Внутри средних размеров стол для заседаний, ксерокс, маленький стол и рядом кресло.

— Это для куратора, — объяснила она. — Куратор сидит и наблюдает, как студенты читают редкие книги. Я отпустила ее пообедать.

— Я здесь бывал, — сказал Айзек. — Изучал творчество Льюиса Кэрролла. Пользоваться разрешали только карандашами, а не ручками, надевали белые хлопчатобумажные перчатки.

— У нас замечательное собрание сочинений Кэрролла. Садись. В нашем распоряжении час.

Он подошел к столу, думая, что она сейчас выйдет и что-то ему принесет. Вместо этого она уселась рядом с ним. Расстегнула сумку.

На свет явилась книга — вернее, брошюра — коричневая бумажная обложка, грубая надпись черными буквами. Книжка была

вложена в прозрачный пластиковый пакет, застегивавшийся на молнию.

— Я была очень плохой девочкой, — сказала Клара, — взяла ее оттуда. Сделала это, потому что рядом был Люсидо, и мы не смогли бы вернуться.

Он взял ее руку и поднес к губам.

Она засмеялась, осторожно вынула буклет из пластика.

— Вот и рассуждай о тайных учениях. Я обнаружила ее среди сочинений Грэма^[16]. Она даже не была занесена в каталог главной коллекции.

Клара достала из сумки пару мягких белых перчаток.

— Ты мне напомнил, — сказала она и повернула буклет так, чтобы Айзек увидел заголовок.

Надел перчатки. Прочел.

ГРЕХИ СУМАСШЕДШЕГО ХУДОЖНИКА

Отчет об ужасных деяниях Отто Ретзака В пересказе Т.В. Джозефа Теллера, эсквайра, бывшего суперинтенданта тюрьмы штата Миссури Опубликовано им в Сент-Луисе А.Д.МСМХ

Коричневая обложка на уголках была слабо-коричневой, готовой рассыпаться. Айзек начал осторожно листать страницы.

Прочитав первый параграф, повернулся к Кларе.

— Вы великолепны. Она сияла.

— Мне об этом не раз говорили.

Отто Ретзак был сыном баварских фермеров-иммигрантов, которые приехали в Америку в 1888 году и поселились на каменистой земле южного Иллинойса, известного как Маленький Египет. Он был шестым из девяти детей и младшим сыном. Отто был рожден на американской земле.

Произошло это 28 июня 1897 года.

Ровно за сто лет до убийства Марты Добблер.

У Айзека затряслись руки. Он постарался успокоиться и склонился над текстом.

Ретзаку исполнилось восемь лет, когда пьяница-отец ушел из семьи. Мальчика считали на редкость умным и в то же время

необучаемым, в связи с «гиперактивностью и горячим темпераментом». Отто выказывал недюжинные способности в умении «посредством угольков создавать правдивые изображения». Его художественный талант не находил одобрения у вечно пьяной матери. Она избивала его всем, что попадалось под руку, и оставляла на попечение старших братьев, а те подвергали его сексуальному насилию.

Девятилетний неграмотный Отто ограбил соседнюю ферму: украл двадцать пять центов, спрятанных в горшке с мукой, и «жирную несущку». Украденные деньги он отдал мальчишке с другой фермы за ржавый складной нож. Птицу нашли рядом с грязной тропинкой, ведущей к лачуге Ретзака. Курица была выпотрошена, глаза выколоты, голова свернута на сторону.

При допросе Отто признал вину, не выказывая при этом «стыда, свойственного ребенку. Напротив — он хвастался». Мать избивала его с особой жестокостью и прогнала к соседям, которые добавили свою долю, отходяв его по нежной заднице. Затем они заставили его работать на них в течение месяца по четырнадцать часов в день.

Вернувшись домой, на следующий же день Отто без всякого повода ударил младшую сестру ножом в лицо. Суперинтендент Джозеф Теллер написал: «Холодные глаза, злорадная улыбка, и все это в присутствии заливавшейся кровью плачущей сестренки».

Вызвали местного шерифа. Отто посадили в тюремную камеру вместе со взрослыми арестантами. Спустя два месяца хромящего избитого мальчишку привели к мировому судье, и тот объявил о «врожденной дегенеративности характера» Ретзака и поместил его в исправительное учреждение сроком на пять лет. Там Отто узнал, что

...человечество и не славно, и не хорошо, и не создано по образу Божьему. Всех этих грешников и лицемеров следовало уподобить вонючей навозной куче. На протяжении всей проклятой жизни мною правила ненависть, возвращенная в этом темном месте. То, что там совершали с моим телом и душой во имя духовной заботы, невозможно представить. Они превратили мое тело в железо, а душа жаждала отмщения.

Ему пришлось просидеть два лишних года из-за постоянных дисциплинарных нарушений. В шестнадцать лет Отто был наконец отпущен на свободу. Он стал очень силен физически. «Удивительно приятен в общении, если его не разозлить. Его манеры и задумчивый вид прибавляли Ретзаку возраста, и его можно было принять за двадцатилетнего. Однако все могло измениться в одно мгновение».

В исправительном учреждении мальчик подружился с женой одного из надзирателей, женщиной по имени Бесси Арбогаст. Ее поразили рисунки Отто, и она принесла ему бумагу и угольки. В ее дом он и пошел в первый день свободы.

Освободившись от оков, он отплатил миссис Арбогаст за ее доброту. Влез в ее спальню через открытое окно.

То, что последовало, записано со слов Ретзака, хотя цветистый слог заставил Айзека усомниться в подлинном авторстве этих строк. Ему показалось, что Теллер внес в них свои коррективы.

В простой и уютной комнате я имел удовольствие совершить насилие над червяком-мужем, а потом и над ее дряблым телом и простодушной душой. Размахнувшись деревянной щеткой для причесывания волос, я изо всей силы ударил по голове мужа. Затем овладел ею, и это доставило мне невероятное удовольствие.

Вильям Арбогаст выжил, но остался калекой. Его жена «практически потеряла способность говорить».

Ретзак ушел и избежал поимки. Ездил по стране в товарных вагонах, крал домашних животных и питался ими. Иногда его кормили добросердечные хозяйки. Часто он расплачивался с ними тем, что делал для них какую-то работу. Иногда оставлял им свои рисунки, которые «неизменно всем нравились. Молодой человек умел перенести на бумагу с большой точностью сад и мебель. А вот человеческие фигуры ему не давались.

«Интересно, — продолжал Теллер, — что в этот период Ретзак не совершал над этими добрыми женщинами насилия, подобного тому, что он учинил над миссис Арбогаст. Когда я спросил его о причине такой несурзности, Ретзак и сам пришел в недоумение».

Я и сам не знаю, почему я это делаю и зачем. Иногда на меня накатывает такое желание, в другое время я веду себя нормально. Иногда мой мозг остается спокойным, в другие времена там словно что-то кипит, подобно горшку с салом. В отличие от других людей, я не могу контролировать свои поступки, но не жалею об отсутствии в своем характере сдержанности. Мною управляет Сатана или какой-то Темный ангел, и я подчиняюсь своему хозяину так же автоматически, как некоторые дураки и трусы, посвящающие свои жалкие жизни лживому божеству и склоняющие колени перед его алтарем.

«Большой загадкой для медицины и психологии, — заключил Теллер, — явилось то, что с точки зрения анатомии организм Ретзака, включая и мозг, был обследован выдающимися врачами, и они не нашли в нем ничего примечательного. Специалисты-френологи (некоторые ученые, правда, относятся к ним с изрядной долей скептицизма) детально изучили его череп: они надеялись выяснить причину злодеяний Ретзака. Тщательный анализ не выявил ничего аномального. То же самое показали и остальные исследования. Можно только надеяться, что скромный отчет об извращенной душе этого монстра послужит на благо человечеству. В этом и заключается цель автора».

В возрасте восемнадцати лет Ретзак приехал в Сан-Франциско, где его взяли матросом на пароход «Гран Триполи», направлявшийся на Восток. Судно сделало остановку на Гавайях. Там Ретзак сошел на берег и покинул свой пост.

«В Гонолулу Ретзак запил, устраивал драки, якшался с женщинами легкого поведения. Вскоре он стал жить с проституткой, уроженкой Эльзаса по имени Илетт Флам. Она была бледной и худенькой, любительницей опиума. Ретзак сказал, что будет защищать ее, и почти год жил на ее грешные деньги».

По случаю девятнадцатого дня рождения Ретзака Илетт устроила в его честь пирушку на берегу моря. Во время праздника она сделала замечание, которое вызвало в нем раздражение, и, когда они вернулись домой, началась ссора. Ретзак уверял, будто не помнит, чем именно обидела его Илетт Флам. Тем не менее, стараясь оправдать себя, говорил, что

...речь шла о моей лени. Эта свинья напилась и, по-видимому, решила, что ром подействовал на мой рассудок, потому что позволила себе оскорбить меня безо всякой на то причины. Я возмущился, каждое глупое замечание, слетевшее с ее пороссячьих губ, все больше меня воспаляло! Когда она изрекла очередную колкость — возможно, высказалась насчет моего ума — в моей голове возникло видение, подобное маяку: твой пороссячий мозг — это мозг тупого животного.

Когда Илетт впала в пьяный ступор — «последнее время она была не такой уж плохой, так как заработала приличную сумму денег», — Ретзак положил ее на кровать, повернул на живот, схватил железный прут и ударил по затылку.

Череп треснул, как яйцо, из трещины вытекла светлая жидкость, в ней плавали куски мозга, затем вылилось немного крови. Эта картина взволновала меня, как никогда. Мною завладели новые чувства. Серое вещество рассеялось тончайшим туманом и прилипло к стенам. Когда по ее платью скользнул большой кусок мозга, я уставился на него в изумлении. Неужели этот уродливый сероватопрозрачный студень мог вмещать в себя то, что дураки-христиане называют хранилищем души? Может ли быть что-то более безобразное? Стоит разумному человеку бросить взгляд на эту мутную слизь, и он поймет, что религия — пустое место. Неожиданно я почувствовал полное спокойствие. Сел и с чувством восторга посмотрел на дело своих рук. Это было новое ощущение, и мне оно очень понравилось, я схватил альбом для рисования и несколько перьев, которые украл в магазине. Пока свинья лежала, истекая слизью, я с увлечением рисовал ее. Мне впервые удалось изобразить человеческое тело с большой долей достоверности.

И это был, как заключил Ретзак, «прекрасный подарок ко дню рождения».

У Айзека пересохло в горле. Стянуло затылок. — Должно быть, это то, что нужно, — сказала Клара охрипшим голосом.

Он кивнул. Но думал о другом.

28 июня стало двойной годовщиной для Отто Ретзака. День рождения и дата первого убийства.

Его первая жертва, убийство гражданской жены.

Лос-анджелесский убийца начал в 1997 году. Отметил столетие со дня рождения Ретзака.

Его первая жертва — жена.

Подруги Марты были уверены, что ее убил Курт Добблер. Иногда факты совпадают с предположениями. Айзек перевернул страницу.

Закончив рисовать искалеченный труп Илетт Флам, Ретзак завернул его в окровавленную простыню, упаковал в брезентовый мешок, пошел в гавань Гонолулу и нанялся на работу на танкер, идущий в Венесуэлу.

Память о том, что я сделал со свиньей, всю дорогу горела в мозгу, как священный символ. Способность погасить пламя, власть! Все время, пока драил палубу и выливал помои, я едва ли думал о чем-то еще. Я был гораздо больше, чем палубный матрос: я исполнил танец, станцевать который могли редкие люди. Ночью я лежал на койке, окруженный храпящими свиньями. Как же мне хотелось проломить всем им череп! Но хитрость и благоразумие удерживали меня от такого порыва: ведь корабль — это тюрьма на море: с него не сбежишь. Лишь спустя несколько месяцев, на берегу в Каракасе, я позволил себе следующее восхитительное приключение. Хозяин кабака, старый метис-сквернослов, раздражил меня, и я решил, что он будет моей новой жертвой. Дождавшись, когда он закроет кабак и уйдет наверх, в собственные комнаты, я сломал замок на задней двери его заведения и удивился, увидев его сидящим за столом и поедающим ужин — рис со свининой... в общем, какие-то помои. Как только он начал ругаться, я схватил сковороду, стоявшую на плите. Чудесная литая посуда, тяжелая, с крепкой ручкой. Несколько секунд — и серый студень потек в испанский ужин. Все это ничем не отличалось от моей первой свиньи. Запечатлев эту сцену, я стал думать, что люди всего лишь жалкие мешки с плотью, хрящами и отвратительной жидкостью. Наши представления о чистоте и благородстве — полная брехня. Мир управляет с помощью лицемерия

и лжи, и высшее проявление гуманизма и честности — выпустить эту жидкость. Мое назначение, — решил я, — принести миру Истину.

Ретзак покинул корабль и на несколько месяцев затерялся в Южной Америке. Возвращаясь в Штаты, он занимался кражами, исполнял поденную работу, батрачил, помогал на кухне, работал ночным сторожем в захудалых гостиницах. В свободное время дрался, пил, курил опиум, марихуану, употреблял наркотики, спал с проститутками, воровал, ради удовольствия убивал диких и домашних животных.

Убил пятерых людей.

Третьей жертвой стала матрона, прогуливающая собаку в пригороде Сент-Луиса. Поздняя вечерняя прогулка. Она удивилась, увидев красивого молодого человека с дворняжкой на поводке.

Я много дней наблюдал за этой здоровой свиньей. Мне нравились и фигура, и походка. Думал, что мне приятно будет ее познать — в библейском смысле слова. Но потом мною овладел порыв, идущий дальше этого простого желания. В соседнем дворе я украл старую желтую дворняжку. Пес был таким старым и слепым, что не оказал сопротивления, когда я перекинул его через забор. Сделал поводок из веревки, посмотрел, будет ли он меня слушаться, и он послушался, хотя и неуклюже. Дал ему кусок мяса, и он стал смотреть на меня, как дурак на Спасителя. В тот вечер я спрятался за домом свиньи. Она появилась, как всегда, в девять часов со своей курчавой маленькой шавкой на шелковом поводке. Выйдя из дома, она стала напевать веселую мелодию, и меня это вконец воспламенило. Я пошел за ней на расстоянии, пока она не оказалась в темной части улицы. Я прибавил шаг и понес на руках украденного пса. Оказавшись поблизости, спустил собаку на землю, прошел мимо нее, остановился впереди, в нескольких ярдах от нее, притворился, будто глажу пса. Увидев во мне владельца собаки, она прониклась ко мне доверием и подошла безо всякой опасности. Вскоре мы уже болтали, как два идиота, и я чувствовал, что она относится ко мне как к джентльмену. После нескольких вежливых фраз она повернулась, чтобы уйти, и тут ей на голову опустился топор, который я прятал под пальто. Студень! Ее маленькая курчавая собачонка начала скулить, и я прихлопнул ее на

десерт. Собачий холодец, на мой взгляд, ничем не отличался от студня хозяйки, и мне показалось это забавным. Закончив рисунок, я взял желтого пса и унес его в лесок, находившийся в полумиле от этого места. Мертвая собака смотрела на меня с умилением, и я свернул ей шею. Осмотрев внутренности, пнул ногой, и она свалилась под дерево.

Айзек выдохнул. Он ощущал мятное дыхание Клары. Подождал, прежде чем перевернуть страницу. Он знал, что должно за этим последовать.

Номер четыре: «Чернокожий матрос». Он убил его в Чикаго, в глухом переулке.

Номер пять: «Наглая проститутка, тонкая, словно юная девушка, но нахальная и зараженная сифилисом». Ее он убил в парке Нового Орлеана.

Номер шесть:

Отвратительный парень-проститутка, живший в Сан-Франциско в той же гостинице, что и я. Взглянув на меня, он в развратной манере вытянул губы, а на следующий день повторил оскорбление. Я сделал вид, будто его внимание мне по душе. Дождался безлунной ночи и последовал за ним, когда тот вышел на улицу, словно готовясь исполнить его намеки. Обратившись к нему в безлюдном переулке, я согласился на его просьбу. Он наклонился и поднял на меня глаза, живо напомнившие мне о желтой собаке. Я сказал, чтобы он закрыл глаза и раскроил череп содомита, с энергией и ловкостью, используя при этом ручку топора, который я украл в то самое утро. Мне особенно приятно было осуществить свой замысел в отношении столь извращенного черепа. Его мозг ничем не отличался от мозга нормального человека.

Все совпадает.

Но на шести жертвах Ретзак не остановился.

Путешествуя автостопом из Сан-Франциско до Лос-Анджелеса, странствующий убийца решил, что научился изображать человеческую фигуру и лицо. Установив мольберт возле центрального вокзала,

пытался заработать себе на пропитание тем, что писал портреты туристов.

«Однако, — писал суперинтендент Теллер, — обладая способностями рисовальщика, он не мог подавить своей натуры и писал людей в виде мрачных, циничных персонажей. Особенно огорчало людей то, как он писал их глаза, и они часто отказывались платить ему за портрет. Ретзак сохранил непроданные рисунки, и эти работы впоследствии изучали психиатры Бостона и Вены».

Карьера художника ему не удалась, и Ретзак вновь принялся за воровство и случайную работу. Он копал канавы, был поваром, сторожем в школе, и даже работал курьером в маленьком независимом банке. Он старался не красть денег, но однажды его застали за воровством бумаги и ручек и тут же уволили. Дело было летом и, чтобы не платить за жилье, Ретзак стал спать на улице, возле железных дорог и в садах. Его скитания привели его в парк, где «многие десятилетия в тени раскидистых деревьев стоял санаторий для сирот-туберкулезников и других больных детей. Ретзак, всегда старавшийся выглядеть чисто и респектабельно, привлек внимание работниц санатория. Он сидел на скамейке рядом с игровой площадкой и рисовал. И детей, и их воспитательниц охватило любопытство. Вскоре Ретзак стал писать для них картины. Они смотрели на него как на дружелюбного, приятного молодого человека. Это было, разумеется, самое обманчивое впечатление».

Мне не составляло труда изобразить из себя здорового, вежливого и до глупости приветливого человека. Все это время, даже когда я улыбался, и болтал, и рисовал хрюкающих поросят, в моем мозгу горел огонь. Я представлял, как заманю одного из них прочь от кормушки и вышибу его маленькие мозги на жесткую землю, буду смотреть, как в песок уходит тающий студень. Прошло уже несколько месяцев, с тех пор как я занялся любимой игрой. Были периоды, когда я пытался воздерживаться. В это время меня поддерживали приятные воспоминания. Но в последнее время я извелся от ностальгии, мне хотелось новых, свежих и более дерзких поступков. Я узнал все, что мог, о жидком содержимом мозга, и мне захотелось узнать все о человеческом организме — от черепа до пальцев ног. Состав жидкости, движение ее в теле поднимало меня

на новые высоты. Поросята уже не интересовали, хотелось чего-то зрелого.

И тогда мои глаза обратились на улыбчивых щебечущих медсестер в накрахмаленных халатиках, приставленных к поросятам. Скоро моей любимицей стала одна свинка — то ли итальянка, то ли португалка. Красивая фигура, темные глаза. Натура у нее была холодная, она не присоединялась к остальным женщинам, разглядывавшим мои рисунки. Напротив, держала дистанцию, нагло смотрела на меня. Похоже, к искусству она относилась с презрением.

Такую грубость терпеть было нельзя, и я решил дать ей суровый урок.

Клара потянулась.

— Ужасные вещи, правда?

— Когда книга поступила в библиотеку? — спросил Айзек.

— Сорок лет назад. Доктор Грэм был психиатром-криминалистом. Он умер в 1971 году. Его сыновья стали богатыми банкирами, и они подарили нам его книги в зачет налогов.

— Мне необходимо знать всех, кто читал эту книгу.

— Это — нарушение конституционных прав.

— Но не в то время, когда ФБР ищет террористов. Клара не ответила.

— Пожалуйста, — сказал Айзек. — Это жизненно важно.

— Закончи чтение.

Когда он закончил, она сняла для него копию брошюры и вывела из комнаты. Айзек пошел за ней в справочный отдел. Там, повернувшись к ним спиной, сидела пожилая женщина, смотрела микрофильм. Ни Мэри, ни других библиотекарей не было.

— Иди туда, — Клара указала ему на стеллаж с периодикой.

Айзек подчинился, взял журнал «Нью Рипаблик» и притворился, что читает. Клара села за компьютер, надела очки. Стала что-то печатать. На экране появился текст.

Поджав губы, она притронулась к правому виску. Оглянулась по сторонам. Обратилась к Айзеку.

— Знаете, — сказала она, — у меня страшно разболелась голова. Пойду, поищу аспирин, пока не поздно.

И вышла, красиво покачивая бедрами. Айзек шагнул вперед.

ГЛАВА 46

Среда, 26 июня. Квартира Петры. Детройт-стрит, недалеко от Шестой улицы

— Медсестра, — проговорила она.

— Мария Джакометти, — сказал Айзек. — Ее убийство отличалось от остальных. Гораздо более жестокое. Более разрушительное. Инстинктивно закрыл глаза, вспоминая подробности зверства. Быстро открыл, опасаясь тошноты.

— Эскалация жестокости — типичное явление, — заметила Петра. — То, что заводит их поначалу, перестает волновать, поэтому они делаются все свирепее.

Айзеку было об этом известно. На лекциях им говорили о сенсорном насыщении, но он не стал говорить ей об этом. Они сидели за обеденным столом Петры. Она листала ксерокопии брошюры.

Такая аккуратная, чистая квартира, слабый женственный запах. Все так, как он себе и представлял.

Петра перевернула страницу, охнула.

В семь часов они с Эриком обедали в ресторане. Потом он поехал в Камарилло, к родителям, и сказал, что вернется утром. Когда Петра в девять часов вошла в квартиру, на автоответчике было сообщение от Барни Флейшера. Айзек Гомес приходил в участок, очень хотел с ней поговорить. Вел себя нервно. И еще — добавил Барни — этот клоун из Центра расспрашивал его о мальчишке.

Петра позвонила Гомесу домой, более из чувства, схожего с материнским, нежели в надежде услышать от него что-то новое.

Пока звонил телефон, она волновалась, что снова разбудит бедного брата. Однако трубку взял Айзек. Услышав, что это она, закричал, затараторил с немислимой скоростью.

— Ну, слава богу! Я весь день пытаюсь до вас дозвониться!

— Детектив Флейшер сказал мне, что вы...

— У меня есть ответ, Петра. В отношении 28 июня. И мотив, и алгоритм преступлений. Кто это сделал и почему, то есть все. И кто будет его следующей жертвой.

— Кто он? Молчание.

— Добблер!

Айзек тяжело дышал, почти задыхался.

— Начните с начала, — сказала она.

Она подъехала к его дому в 9:40. Он расхаживал по тротуару, размахивал кейсом и прыгнул в машину, прежде чем колеса перестали вращаться. Его глаза отражали свет уличных фонарей. Яркие. Беспокойные. Петре пришлось напомнить, чтобы он надел ремень безопасности.

Петра повернула домой. Сначала она хотела встретиться с ним в ресторане, потом решила, что необходима полная приватность. Еще час назад она думала, что привезти Айзека домой совершенно невозможно. Сейчас положение в корне изменилось. Все личное побоку, в голове одна работа.

Она закончила чтение буклета.

— Где список?

Айзек вынул из папки сложенный листок бумаги. Распечатка из компьютера Клары.

Теллер, Т. В. Дж.

Преступления сумасшедшего художника Раздел: криминал, США, история, Ретзак, О. Колл. Грэма. Катал. # 4211-3

Внизу список всех, кто выписывал требование на прочтение буклета.

Короткий список.

4 сентября, 1978. Профессор А. Р. Риччи, колледж Питцер

25 марта, 1997. К. Добблер, воспользовался карточкой бывшего студента университета.

Курт Добблер ознакомился со всеми страшными преступлениями за месяц и тринадцать дней до убийства жены.

Искал вдохновения? Или буклет попал в его руки случайно, и он решил повторить «подвиги» Отто Ретзака?

Она спросила, что думает по этому поводу Айзек.

— Мне кажется, что он уже знал о Ретзаке. Возможно, прочитал, эту книжку в каком-нибудь другом месте и хотел освежить все в памяти.

— Где Добблер раздобыл столь редкое издание?

— Не думаю, что оно такое уж редкое. Теперь, когда имя Ретзака известно, я могу воспользоваться им как ключевым словом, и обращусь в Интернет. Его историю обсуждают в нескольких чатах раздела настоящих преступлений, а брошюра имеется по меньшей мере в двадцати библиотеках. После первой публикации ее перевели на французский, итальянский и немецкий языки. В отрочестве Добблер жил в Германии.

— Похоже на правду, — сказала она. — Он мог случайно на нее наткнуться, попасть под впечатление, а потом решил взглянуть еще раз. — Петра стала расхаживать по маленькой гостиной. Айзек смотрел на нее, а потом вдруг отвернулся и уставился на ковер.

Она заметила и вспомнила, что он мужчина. Похоже, она слишком откровенно одета. Просторный шоколадный свитер и черные леггинсы. Очень обтягивающие леггинсы. Они открывали бедра больше, чем ей бы хотелось, но никто не мог бы обвинить ее в попытке соблазнить.

Петра поймала взгляд Айзека. Он был похож на смущенного школьника.

— Ладно, — сказала она. — Давайте разложим все по полочкам: Марта изменила Курту. Он узнал об этом и впал в гнев. По натуре он человек холодный, умеющий держать себя в руках, но на этот раз контроль не сработал. Он копил в себе злость, на память пришла книжка Ретзака, которую он прочел в пылком юношеском возрасте. Или же он был настоящим серийным убийцей. В чатах там на этот счет ничего нет?

— Я мельком просмотрел их, думал найти какую-то ссылку. Если она и есть, то я ее не обнаружил.

— Может, посмотрим повнимательнее? Он покачал головой.

— Чаты отследить нельзя, потому что они записываются в реальное время и на жестком диске не хранятся. Я говорил с

человеком, который считается компьютерным гением, и он со мной согласился.

— Черт! — Петра щелкнула пальцами. — Ладно, как бы там ни было, Добблер этот буклет читал. В его голове засело первое убийство, совершенное Ретзаком, — гражданская жена, что вывела его из себя. Неожиданно Добблер узнает, что его жена ему изменяет, и приключения Ретзака приобретают для него новый смысл. Убийство Марты стало для него не просто мстью. Он хочет заново пережить историю, ему вздумалось играть роль большого злодея... Петра покачала головой.

— Добблер захотел стать Отто Вторым, ему вздумалось умертвить семерых невинных людей. Это извращение, но, кажется, здесь просматривается смысл.

— Жертвы, которые вроде ничем друг с другом не связаны, придали ему уверенности, — сказал Айзек. — Он даже не может вообразить, что на него падет подозрение.

Петра улыбнулась.

— Он не знал, что попадет на вас. -в Мне повезло.

Айзек опустил глаза в пол. Покраснел. Петре захотелось найти ему подходящую девушку. Семь невинных людей.

Она села и перечитала буклет. Несмотря на деликатность суперинтенданта Теллера в описании деталей, от убийства Марии Джакометти кровь стыла в жилах.

Ретзака нашли под калифорнийским дубом, неподалеку от санатория. Кишки Марии он повязал себе на шею. Лицо его было спокойно, колени скрещены, как у йога. Он что-то напевал себе под нос и, казалось, пребывал в трансе.

Сезонный рабочий, шедший по парку, заметил этот кошмар и в ужасе бросился к первому попавшемуся полицейскому. Большой детективной работы не понадобилось: Ретзак оставил за собой кровавый след, протянувшийся от игровой площадки к дереву.

— Похоже, он проиграл, — сказала Петра.

— Слава богу, — проговорил Айзек. — Догадываетесь, кого он наметил следующей жертвой?

Петра отложила буклет в сторону. Ей казалось, что голова распухла. Сердце бешено стучало.

— Ретзак убил семерых, Добблер — пока шестерых, — сказала она. — И надо, чтобы все так и осталось.

Она сварила кофе — ему и себе, еще раз прочитала последнюю главу буклета. Последние дни Отто Ретзака; его арест, суд и казнь — все это заняло три недели. Добрые старые дни.

Ретзак поднялся к виселице с вызывающим видом. Заявил, что ненавидит Бога, человечество и «все то, что вы, безмозглые бараны, почитаете за святыню. Дайте мне шанс уйти, и я разможду каждого из вас, проглочу ваши внутренности, устрою себе пиршество с кровью и студнем».

— Интересно, сколько у нас медсестер итальянского происхождения, — сказала Петра.

— Если Добблер действительно повторяет все до мелочей, — сказал Айзек, — то мы должны искать среди медсестер, ухаживающих за пациентами с заболеваниями органов дыхания.

— Это сузит поиски. Впрочем, это не столь важно. Чтобы предотвратить преступление, мы должны следить за Добблером, начиная с завтрашнего утра. Он не должен подобраться к седьмой жертве.

— Вы только скажите, что мне следует делать.

Он так и подался вперед. Похоже, что всерьез отнесся к местоимению «мы». «О господи!»

— Под словом «мы» я имела в виду сотрудников полиции. Я не имею права вовлечь вас в это дело, Айзек.

Лицо его вытянулось, хотя он тут же попытался скрыть разочарование и кивнул.

— Да, конечно. Я понимаю. Активного участия я принимать не буду. Просто постою в сторонке и посмотрю. Если понадобятся лишние руки или потребуется чем-то помочь, я всегда к вашим услугам.

Петра покачала головой.

— Извините. Вы, разумеется, настоящий герой этого расследования. Без вас ничего бы не случилось. Но привлечение гражданского населения в столь рискованных операциях строго запрещается. Особенно сейчас. Неприятностей мне хватает и без вас.

— Это полный абсурд, — сказал он неожиданно очень твердо. — Я имею в виду ваше отстранение. Селден поубивал столько подростков, а участок беспокоится о соблюдении дурацких процедурных правил.

— Участок — полувоенная организация, и я вынуждена подчиняться.

Петра надела маску спокойного и мудрого ментора, хотя голова шла кругом. Кого же я имела в виду под местоимением «мы»?

Это должны быть она и Эрик. Простите, преподобный Боб и Мэри, сейчас ваш сын нужен мне больше, чем вам.

Эрик станет главным козырем. В слежке ему нет равных: он обладает терпением и хладнокровием. А что, если в доме Добблера есть еще один выход? Или этот подлец изберет сложный маршрут и они завязнут в транспортном потоке?

Потерять его ни в коем случае нельзя. Этого никак не должно случиться.

Три человека лучше, чем два. Три профессионала...

Она посмотрела на Айзека. Удручен, но пытается это скрыть. Может ли она рискнуть? Особенно сейчас, когда сам он находится на подозрении у отряда по борьбе с организованной преступностью.

Может, ей следует прояснить этот вопрос?

Нет, плохая идея.

А почему бы и нет?

— Как поживает Флако Джарамилло? — спросила она. Он побелел. Едва не свалился с дивана.

Прошло несколько мгновений.

— Почему вы спрашиваете?

— Вы мне не ответили, Айзек.

— Что я должен ответить?

— О своих отношениях с Флако Джарамилло.

Он постарался выглядеть спокойно, но лицо его приобрело жесткое выражение. Хищное, слегка испуганное. Руки сжались в кулаки, на предплечьях вздулись вены. Крепкие руки и мускулы приличные. Петра впервые обратила на это внимание. Мощный мозг Айзека заставил ее забыть о том, что он здоровый молодой человек в расцвете лет.

Она затронула что-то, что взволновало его физически. Интересно, как много он от нее скрывает.

— Вот, значит, как, — сказал он.

— Это вы о чем?

— О том, что кто-то из полиции расспрашивал обо мне в кампусе. Детектив по имени Люсидо.

— Бобби Люсидо. Он и его партнер разговаривали со мной несколько дней назад.

Глаза Айзека гневно сверкнули.

— А вы мне об этом не сообщили.

— Я никак не могла этого сделать, дружок. Потому что не знала, что у вас за дела. До сих пор не знаю.

— Идиоты, — пробормотал Айзек. И невесело, дробно рассмеялся.

— Это я не о вас. Но вы работаете с кучкой очень глупых людей.

— Не все же могут быть гениями.

— Я не в этом смысле.

Он потер переносицу, и на ней выступило розовое пятно.

— У них есть фотографии, Айзек. У него напряглись плечи.

— И что там?

«Ну вот, придется все выложить».

— На фотографии вы и мелкий наркоторговец. Сидите в каком-то низкопробном баре.

Петра сложила на груди руки. Он попытался расслабиться.

Тело повиновалось, но глаза бегали, словно у подозреваемого. Юноша раскрыл дело, а она лезла к нему со своими подозрениями. Неужели жизнь должна быть такой суровой?

— Я понимаю, что это может привести к ложному впечатлению.

— Не надо меня обманывать, — сказала Петра.

Он заморгал. Теперь перед ней был не крутой парень, а напуганный подросток. Какой же из них настоящий?

— Я вас не обманываю, — настаивал он. — В наших отношениях нет ничего страшного. Мы с Флако знаем друг друга с детства. В средней школе я помогал ему с учебкой. Это было еще до Бертон. Время от времени встречались друг с другом на улице. Я знаю, что у него были неприятности, но к этому я не имею никакого отношения.

Несколько дней назад он позвонил мне и попросил встретиться. Помочь ему в одном семейном вопросе.

— Что это за семейный вопрос?

— Его мать больна. Рак. Она на нелегальном положении, поэтому не может рассчитывать на лечение. Он думал, что я смогу помочь ей получить бесплатную медицинскую помощь. Я встретился с ним, потому что в детстве он всегда обращался ко мне в трудную минуту. Я объяснил, что не имею отношения к этой системе. Он не хотел ничего слышать, настаивал. Я пообещал разобраться. Приехав в кампус, сделал несколько звонков. Ничего не вышло. Так ему и сказал. Вот и все.

— Все?

— Да, черт возьми.

— Может, вы курьер: занимаетесь доставкой наркотиков? Он широко раскрыл глаза?

— Вы серьезно? Петра не ответила.

— Клянусь, Петра, клянусь. Я никогда не имел дела с наркотиками. Никогда. Да у меня и возможности-то такой не было. Флако — психопат и обманщик, но мы с ним не общаемся. Дело шло об услуге, и все. Просто безумие — подозревать меня в этом. Жаль, что вы раньше мне не сказали: я бы тогда все прояснил.

— Больная мать, — сказала она.

— Да.

— Это легко можно проверить.

— Проверяйте.

Темные глаза встретили ее взгляд. В них было спокойствие и усталость.

— У полиции вызвал подозрение ваш кейс. Флако мог пойти в бар с целью передать вам что-то под столом.

Он рассмеялся.

— Кейс. Вы когда-нибудь видели меня без кейса? Хотите проверить?

Он поднял кейс и протянул его ей. «Молись, Айзек».

— Все в порядке, — сказала она.

— Я никогда не торговал наркотой, и я уж точно не наркоман. Господи, Петра, можете представить, что произойдет с моей медицинской карьерой, если меня поймают за такими делами?

Он нахмурился.

— И что еще может случиться, если ваши коллеги-идиоты вздумают предъявить мне обвинение?

Он закусил губу.

— Может, мне пора обратиться к адвокату?

— Делайте то, что считаете нужным. Но я не думаю, что огласка может вам помочь.

— Верно, — покачал головой Айзек. — Какая путаница.

— Если ничего не произошло, проблем не будет.

— Как я докажу обратное? — спросил он.

— Пройдите через полиграф, если до этого дойдет дело. Я сделаю все, что смогу, чтобы помочь вам. Для вашего же блага нужно, чтобы на работе мне не предъявляли новых претензий. Вы мне все рассказали?

— А ваше отстранение произошло не по моей вине?

— Нет, я это заслужила сама.

Она встала, налила себе еще кофе, предложил Айзеку.

— Нет, спасибо.

— Нет ли новых озарений в связи с Добблером? Он помотал головой.

— Я отвезу вас домой, — предложила Петра.

— Я могу поехать на автобусе.

— Нет, — возразила Петра. — Не в такой поздний час. Кстати, о синяке. Что произошло на самом деле?

— Мы с братом немного поцапались, — сказал он. — Ничего серьезного. Вы знаете, как это бывает у родственников.

— По-моему, вы оба вышли из драчливого возраста.

— Исая — хороший парень, но жизнь обошлась с ним сурово. Он работает, как вол, а спит мало.

— Когда я в прошлый раз вам звонила, то разбудила его. Бедный парнишка.

Айзек улыбнулся.

— Он мне говорил. Встал, взял кейс.

— Хорошо, — сказала Петра. — Я рада, что мы прояснили ситуацию.

— Я тоже рад.

Они вышли из дома в теплый июньский вечер. До запланированного убийства осталось двадцать пять часов.

— Я совершенно искренно сказала вам, Айзек, что вы герой.

— С другой стороны, если бы я не заметил повторяющийся мотив, то вы бы сейчас ни о чем не беспокоились.

— Да, невежество может быть благом, — сказала она. — Но я предпочитаю знание.

ГЛАВА 47

*Четверг, 27 июня, 14:30. Предприятие по производству пластмасс.
Уэстридж-Хиллз, Уэстлейк-Виллидж*

Предприятие по производству пластмасс размещалось в двух милях от автотрассы. Массивную белую коробку без окон окружала неохраняемая стоянка. Заасфальтированная площадка занята была лишь наполовину. Между легковушками, грузовиками и фургонами зияли большие пустоты. С первых нескольких рядов по диагонали хорошо были видны небольшие кирпичные строения.

Кирпич песочного цвета. Зеркальные окна, черные буквы над зеркальной входной дверью. «Тихоокеанская динамика».

Место работы Курта Добблера было не таким приветливым, как соседнее здание. Его окружала чугунная ограда. Над входом навис шлагбаум. Под ним можно было пройти, но не проехать. Стоянки перед зданием не было. Подъездная дорожка змеей уходила вниз, к левому крылу строения, и, продолжаясь, выскакивала с западной стороны. Стоило его «инфинити» сделать поворот, как машина тут же пропала из виду. Черт!

Петра начала подумывать о служебном входе в здание, когда в начале дорожки показалась высокая, угловатая фигура Добблера. Длинные, худые ноги двигались медленно, осторожно. На нем была бледно-зеленая рубашка с короткими рукавами, коричневые слаксы, белые кроссовки. В одной руке сумка с логотипом кафе «Данкин Донатс», в другой — атташе-кейс. Очки в черной оправе, разболтанные неуклюжие суставы... этот человек был ходячей рекламой канала «Тупица».

Однако в этом тупице ничего смешного не было. Петра смотрела, как Добблер дошел до здания «Тихоокеанской динамики» и исчез за дверью.

Это было в девять тридцать утра. Миновало пять часов, за которые ничего не произошло. Петра и Эрик находились в

противоположных концах стоянки, пили кофе, жевали приготовленные загодя бутерброды. Переговаривались по мобильнику.

Лучше, конечно, было бы иметь двустороннюю полицейскую рацию.

Лучше бы иметь санкционированное разрешение на открытие дела Курта Добблера.

Жаркий день. Воздух провонял какой-то химией. Небо, несмотря на жару, подернуто серой пеленой. Вчера, за несколько минут до полуночи, Петра позвонила Эрику в родительский дом, но сначала доставила домой Айзека. Парень был расстроен тем, что его отстранили от засады, однако обиду перенес с достоинством. Как только с делом будет покончено, она постарается уладить неприятности, связанные с Флако Джарамилло.

Сначала Эрик не брал трубку, и она было подумала, что он уже спит. По природе он был совой, но преподобный Боб и миссис Шталь ложились рано, так что, возможно, он шел им навстречу.

Спал он в комнате, которую выделили ему еще в детстве, в скромном домике на ранчо Камарилло. Там по-прежнему висели вымпелы, постер, спортивные награды. Все это бережно сохранили родители. Военные медали, которые он чуть не выбросил, разложены были матерью на пробковой доске.

Когда она уже хотела повесить трубку, он сказал:

— Привет.

— Я тебя разбудила?

— Нет, я на ногах.

— Извини, что отрываю, но 28 июня, кажется, состоится. Она рассказала ему об Отто Ретзаке и о Добблере, вздумавшем воплотить в жизнь убийства столетней давности.

— Когда ты меня ждешь? — спросил он.

На следующий день они встретились в 6:45 в закусочной на бульваре Реседа, в миле от Вентуры. Это место было в пяти минутах езды от дома Добблера на Росита-авеню.

Очевидно, что Эрик, не знакомый преступнику, должен был находиться на переднем плане. Он поехал на своем джипе в северном направлении, сделал разворот на 180 градусов и остановился в тени

деревьев. За рулем сидел низко, к тому же и окна его автомобиля были тонированы темнее, чем полагалось по дорожным правилам.

В квартале стояла тишина. Трусцой пробежала группа поклонниц здорового образа жизни. Мужчины в строгих деловых костюмах вышли из седанов последних моделей, отправились на работу. Черный джип Эрика не бросался в глаза — прекрасный выбор для такого района. Если кто-либо спросит, у Эрика имелось наготове несколько историй. В крайнем случае, покажет полицейское удостоверение.

Этого не потребовалось.

Петра остановилась в южном конце Вентуры, возле тротуара. Приготовилась следовать за Добблером. Он мог направиться в сторону побережья, к сто первой автостраде, или же повернуть в любую сторону на бульвар. Левый поворот был более вероятен: до «Тихоокеанской динамики» в западном направлении шестнадцать миль.

Эрик позвонил в восемь пятнадцать.

— Добблер с дочерью садятся в «инфинити»... Едут на восток. Если ее школа не в горах, он скоро проедет мимо тебя. Быстро посмотрю что там, позади дома, и нагоню тебя.

Спустя несколько минут седан Добблера цвета шампанского проехал на зеленый свет на бульваре Вентура. Петра пропустила перед собой две машины и последовала за ним. Добблер продолжал ехать в северном направлении. Возле Риверсайд повернул налево, проехал четыре квартала, свернул направо. Еще три квартала, и «инфинити» влился в поток автомобилей, едущих к частной школе с громким названием «Общеобразовательная подготовительная академия Западной долины». Нанятый школой полицейский управлял медленно двигавшейся моторизованной колонной. Эрика не видно. Она позвонит и даст знать, где находится. Но только начала набирать код, как заметила черный джип в зеркале заднего вида. Может, чей-то еще? Нет, те самые затемненные окна и пыльная решетка. Эрик проехал мимо нее, словно незнакомый, обогнул очередь и исчез из виду.

Петра припарковалась и сидела, не спуская глаз с Добблера. «Инфинити» выделялся из общего ряда: единственный седан в параде огромных четырехколесных «бегемотов». В них сидели холеные мамы со свежими прическами. Они выпускали из машин откормленных детей в школьной форме, а сами тем временем болтали

по мобильным телефонам. У всех учеников были белые рубашки, у мальчиков оливковые брюки, у девочек — оливковые плиссированные юбки.

Мимо проехала рыжеватая блондинка в голубом «вольво» с откидывающимся верхом. Эмили Пастерн была за рулем, на заднем сидении — несколько детей.

Полицейский-распорядитель взмахнул рукой, и Добблер двинулся вперед.

Подготовительная академия Западной Долины, несмотря на громкое имя, была небольшим заведением. В центре небольшой газон, самое здание за высокой металлической оградой. Дети сутулились под огромными ранцами. Все они были белыми, причем преобладали блондины. «Инфинити» подъехал к воротам, и из машины вышла Катя Добблер, высокая для своего возраста. Прямые темные волосы стянуты в хвост. Она вошла в школьные ворота, не сказав ни слова и не оглянувшись на отца.

Печальный ребенок. Скоро она станет еще печальнее.

Добблер выехал на улицу. Секундой позже позвонил Эрик.

— Я заехал в тупик. Сейчас вернусь.

— Я поеду за ним, — сказала Петра.

Эмили Пастерн выгрузила свое потомство и вышла поболтать с другой мамашей. Петра приготовилась следовать за Добблером. Она увидела подлеца. Он ехал, не обращая ни на кого внимания. Сидел, выпрямив спину, смотрел перед собой. Очки, острый подбородок. Непроницаемое лицо.

На руле обе руки. Поза настоящего водителя.

Законопослушный гражданин.

Снова на бульваре Реседа. Поток пригородных водителей двинулся по бульвару Вентура, но Эрик сумел выехать вперед, и, когда Добблер свернул в западном направлении, джип держался за ним, пропустив вперед три машины.

Обе машины ехали в правом ряду. Из центрального ряда, на расстоянии пяти автомобилей, Петра смотрела, как Эрик твердо выдерживал позицию, при этом машина его не бросалась в глаза, казалась почти невидимкой. Стиль езды у него был плавный, без

усилий — настоящий балет, при этом он не терял из виду свою добычу. Ее мужчина обладал грацией.

Ее мужчина.

Она рассмеялась, но собственный смех ей не понравился. Поэтому сказала самой себе:

— Да заткнись ты.

Добблер ехал к Уэстлейк-Виллидж не торопясь, все в том же правом ряду. Останавливался на желтый сигнал светофора, позволял обгонять себя другим автомобилистам, пропускал пешеходов.

Никакого нарушения правил и связанного с этим разбирательства. На сегодняшнюю ночь у него большие планы.

За полмили до работы Добблер остановился у «Данкин Донате», вышел с пакетом.

Фаст-фуд на завтрак? Кто бы мог подумать?

К автомобилю подошел все с тем же бесстрастным, словно у робота, лицом.

Быстро оглянувшись по сторонам, сел в «инфинити» и так же медленно и осторожно поехал по залитой солнцем Долине.

Пять часов восемнадцать минут страшной скуки. За все это время два перерыва.

В десять сорок Эрик поднырнул под шлагбаум стоянки и пошел по западной подъездной дорожке по следам «инфинити». Его не было десять минут.

Появившись возле окошка Петры, сказал:

— Погрузочная платформа заперта с наружной стороны, и, судя по всему, ею не пользуются. Стоянка наземная, нижний этаж закрытый, верхний открыт. Добблер припарковался наверху. Если он выедет, то вернется тем же путем, что и заехал.

— А если пойдет пешком?

— Сзади стена высотой в пятнадцать с половиной футов. С другой стороны что-то вроде склада. Если он не скалолаз, альтернативы нет. Мы обязательно увидим, когда он поедет.

В 11:50 Петра выехала в поисках столь необходимой ей дамской комнаты. Проехала приличное расстояние, прежде чем нашла то, что

нужно. Купила чипсы для поддержки сил — себе и Эрику. Бегом пробежала к джипу и протянула ему пакет.

Спустя несколько минут, после того как она снова уселась в машину, из «Тихоокеанской динамики» вышли люди, она насчитала тридцать три человека. Они выходили группами, оживленно беседуя. Садись в машины, отъезжали. Двадцать пять мужчин, по большей части без пиджаков, как Добблер. Восемь женщин, тоже налегке.

Время ланча. А их человека нет.

— Возможно, ест донатсы, — сказала Петра. — Заправляется для большой ночной работы.

Голос Эрика звучал в трубке негромко:

— Перекусывание за рабочим столом изобличает человека с навязчивыми идеями.

Такую характеристику можно было дать Эрику. Да и ей самой.

Она посмотрела на припаркованный джип.

— Странно разговаривать с тобой вот так, на расстоянии. Может, займемся телефонным сексом?

— Согласен, — сказал он, — но только как прелюдией к настоящему сексу.

К 15:20 Добблер все еще не появился. Чтобы убедиться, что они ничего не пропустили, Эрик набрал его рабочий номер. Добблер взял трубку, и Эрик сказал:

— Мистер Добблер? -Да.

— Это Дуэйн Хикхэм из «Нью-Джерси лайф». Вы не задумывались над нашими...

Короткие гудки.

— Дружелюбный господин, — прокомментировала Петра. Эрик не ответил.

В 15:53 проквакал ее телефон. К тому времени она отсидела себе все что можно, от голода разболелась голова, мочевого пузыря готов был взорваться. Пейзаж в окошке казался ей надоевшим полотном бездарного художника. Что Эрик хочет сказать?

Нажала на кнопку «разговор».

— В чем дело? Радостный голос сказал:

— Детектив Коннор? Тевтонский акцент.

— Старший инспектор Бандорффер?

— Да, это Клаус. Я подумал, что сейчас хорошее время, чтобы соединиться с вами.

— Да, сэр. Что случилось?

— Случилось то, что я попал на кое-что интересное в наших отчетах. Это не серийное убийство, да и вообще не убийство. Нападение. Но оно произошло 28 июня, и его детали вызывают интерес.

— В каком году это случилось? — спросила Петра.

— В 1979. Молодая женщина по имени Гудрун Вигланд, кондитер в одной из наших лучших пекарен. По дороге домой подверглась нападению. Она украшала свадебный торт и ушла с работы незадолго до полуночи. В двух кварталах от дома кто-то схватил ее за шею, опрокинул на землю животом вниз и стал пинать ногами по ребрам. Затем она ощутила страшную боль в затылке. Нападавший был позади нее, и она его так и не увидела. Полученные ею ранения были серьезными: три сломанных ребра, повреждение внутренних органов и разбитый череп. Женщина находилась без сознания два дня, а, когда пришла в себя, не смогла рассказать полиции ничего полезного. Сегодня я нанес ей визит. Сейчас это напуганная немолодая женщина. Живет вместе со старой матерью, получает пособие. Из дома выходит редко.

— Бедняжка.

— У фройляйн Вигланд была репутация разбитной девушки, и наши полицейские подозревали в случившемся бывшего любовника, пекаря, любителя выпить. Они часто публично выясняли отношения. Но мужчина смог доказать свое алиби, и преступление так и не было раскрыто. Я выяснил, что ваш мистер Добблер и его семья в то время жили в наших краях.

— Сколько ударов было нанесено по голове? — спросила Петра.

— Один, — ответил Бандорффер.

— Наш преступник наносит своим жертвам многократные удары, — сказала Петра.

— Возможно, запаниковал, будучи юным и неопытным. Разумеется, если это ваш парень.

Двадцать четыре года назад Курту Добблеру было восемнадцать.

Маньяк из книги Теллера начинал, будучи подростком, в тот момент что-то повернулось в его голове.

Быть может, гормоны? Сексуальное смятение?

Повреждение какого-то нерва? Да бог знает что еще.

Замышлял, планировал, но оказался неспособен совершить свое первое убийство. Переживал из-за неудачи и через восемнадцать лет решил вернуться и исправить ошибку?

А может, все наоборот?

«Другие города, другие юни». От этой мысли Петре стало тошно. В любом случае, измена Марты стала для него катализатором.

Спасибо, инспектор, — сказала она.

— Мне было приятно вам помочь. Пожалуйста, дайте мне знать, если придете к решению.

Бандорффер повесил трубку.

«Айзек снова оказался прав», — подумала Петра.

ГЛАВА 48

Четверг, 27 июня, 20:45. Мотель «Каса Фигероа». Бульвар Джефферсона

— Это было восхитительно, — сказала Клара.

Она опустила простыню до талии, погладила белую, мягкую, веснушчатую грудь, ущипнула розовый сосок и с удовлетворением увидела, что он набух. Протянула руку к обшарпанной тумбочке, взяла бокал с вином, отпила глоток.

Пятнадцать долларов за бутылку шардоне — она настояла, что заплатит за нее сама.

Айзек лежал рядом на спине, смотрел в потолок. Разглядывал коричневое пятно, оставшееся от протекшего кондиционера. Коричневая клякса, похожая на...

— Правда? — спросила Клара, обмакнула палец в вино и провела им по его верхней губе. — Тебе понравилось?

Он кивнул. В этой позе казалось, что он кивает потолку. Она наклонилась над ним, куснула за мочку уха.

— Несколько минут назад ты проявлял большой энтузиазм, мой милый. Гораздо больший. Я бы сказала, вулканический.

Айзек улыбнулся. Он понял, на что похоже коричневое пятно. На двух медведей — большого и маленького. Они мерились силами. Или танцевали. Что это может сказать о его подсознании?

— Мой персональный Везувий, — сказала Клара и опустилась на него. — Готов к следующему извержению?

У Айзека все ныло, но Клара проявила максимум изобретательности, и второй заход завершился весьма достойно. Затем она сказала: «Пора в душ» и отправилась в крошечную ванную мотеля, похваливаясь своим полным телом, ничуть не беспокоясь ни о складках на талии, ни об обвислой груди, ни о целлюлите. За это она нравилась ему еще больше, и, когда она крикнула: «Заходи», он послушался. Под

струей воды она притянула его к себе, впилась в губы, и он ничего не имел против этого.

Душевая кабина была сделана из фибергласа, как и у него дома, но не такая чистая. Клара с энтузиазмом его намылила, положила его руки на свое тело, откинула голову и захохотала.

— Представь себе, что это водопад, — сказала он. — Что-то экзотическое, специально для нас.

Она вымыла свою голову шампунем из бутылочки, которую захватила с собой, сполоснула, выжала рыжие волосы и завернула их в полотенце. Вернулись на огромную кровать с феном-массажером, прикрученным к подголовнику и работавшим, когда в его щель опускали монеты.

Айзек удивился, что ему понравилась такая безвкусица.

Он не знал, как произошел этот переход, как он превратился в кого-то другого. В человека, которого воображал, когда занимался с ней любовью.

Крутой латиноамериканский жеребец, подчинявший себе охочую до секса женщину с пламенными волосами, занимавшийся этим в тесной комнатухе, где в занавесках зияли дыры — следы от непотушенных сигарет, а от потертого тонкого ковра поднимался запах греха, пива и растворимого кофе.

«Каса Фигероа». Два этажа грязных известковых стен под хлипкой крышей. Тридцать две комнаты, окна которых смотрели на плавательный бассейн в форме почки. В каждый номер вел отдельный ход. Клара расплатилась карточкой «Дискавери», взяла у клерка ключ и, покачивая бедрами, повела Айзека по ступеням.

Ни малейшего стыда. Ему от этого стало легче. И все же, если бы мама или кто-нибудь из церкви видел его сейчас...

Она все запланировала заранее. Наняла женщину посидеть с больной дочерью, купила вина и презервативы, сняла номер с вибрирующей кроватью.

— Десерт, милый? Они тут же его съели.

— Полнит, — сказала Клара, слизывая с губ шоколад. — Но вкусно, хоть и с антиоксидантами. Разве мы не заслужили удовольствие, раскрыв такое трудное дело?

В шесть часов вечера она нашла его на привычном месте погрузившимся в цифры и старающимся не думать, что в это время делает Петра. Подошла к нему, взяла его руку и сунула себе под платье.

Трусиков на ней не было.

У Айзека вспыхнуло лицо. Она поняла, что он заводится, и улыбнулась.

— Собирай свои вещи, сэр, мы уходим.

Они двадцать минут смотрели противное шоу, пока Клара причесывала волосы. Во время рекламы она сказала:

— Пора домой, милый. Домашние обязанности и все такое. Мы сделаем это еще раз.

Она высунула язык, сладкий от шоколада.

— Скорее раньше, чем позже.

Когда Айзек повел ее к автомобилю, она сказала:

— Это действительно была фантастика. За день мы раскрыли все убийства. Только подумай, Айзек. Люди вроде нас — книжные люди — оказались настоящими детективами.

— Вы настоящий сыщик, Клара. Она легонько хлопнула его по плечу.

— Ну конечно же, нет! Я была лишь орудием твоего интеллекта.

Они подошли к ее машине, и она положила голову ему на плечо. Чувствуя, что ей требуется похвала, он сказал:

— Клара, без вас я ничего бы не сделал.

Она прижалась к нему в темном и тесном помещении стоянки. Наконец отстранилась и открыла машину.

— Я снова ее перечитала, — сказала она. — Ужасная книжонка.

Она содрогнулась.

— Как может человек быть таким чудовищем? Айзек пожал плечами.

— Я действительно не понимаю, — сказала она. — Как ты объяснишь такое явление?

— Ретзак решил, что его оскорбили.

— А кого не оскорбляли? Но люди ведь так не поступали.

— Верно.

Она взяла его за руку, поиграла его пальцами.

— Я знаю, тебе нужно быть осторожным, и все такое, но тот человек, которого полиция взяла на подозрение, тоже был оскорблен? Я спрашиваю, потому что напрашиваются параллели, верно? Между его преступлениями и убийствами Ретзака. Иначе — зачем имитировать Ретзака, а не поступать по-своему?

— Не знаю, — сказал Айзек. — Мне мало что о нем известно.

— Ладно, одну вещь мы знаем. Он — воплощение зла. А ты сделал великое дело, чтобы убрать его с наших улиц.

— Это сделает полиция.

— Надеюсь, им хватит компетенции, — сказала она. — Потому что — скажу тебе правду — я не слишком им верю. Однажды, много лет назад, в моем районе произошло ограбление. Пострадала моя соседка, одинокая женщина, и, кроме отчетов, полиция ничего не сделала.

— Детектив, который расследует это дело, — настоящий профи, — сказал Айзек.

Кажется, он выступил в роли защитника.

— Надеюсь, что он и в самом деле профессионал. Во всяком случае, когда ты сможешь рассказать мне больше, пожалуйста, сделай это. Все это меня очень занимает. По специальности я историк, но меня всегда занимала психология. Интересно, что преобразует людей. Это великая загадка, согласен?

Она притронулась к его щеке.

— Когда-нибудь ты станешь врачом. Не психиатром, но — кто знает: может быть, ты приблизишься к разрешению этой загадки.

— В данный момент я довольствовался бы завершением своей диссертации.

— Завершишь. У тебя есть характер, а люди с характером доводят дело до конца.

Она открыла дверцу машины, взяла его лицо в свои ладони.

— Я верю в тебя, Айзек Гомес. Я не влюблена в тебя и никогда не буду. Но ты мне очень нравишься. Мы можем быть друзьями?

— Мы уже друзья.

Ее глаза увлажнились. Но она тут же подмигнула правым глазом.

— Мамочке пора домой. Но буду думать о вулканах.

ГЛАВА 49

Четверг, 27 июня, 21:21. Дом Добблера, Росита-авеню, Тарзана

— Он здесь, — слышался из трубки шепот Эрика.

— Что делает? — спросила Петра.

— Читает журнал и делает упражнения для рук.

— Упражнения для рук?

— С пружинным тренажером. Пока читает.

— Готовится к большой ночи. Оружия не видно?

— Нет.

— Возможно, хранит его в одном из автомобилей, — предположила Петра. — А что Катя?

— Ее здесь нет.

— Вероятно, наверху. В тот день, когда я с ним говорила, она все это время оставалась там. А каким он тебе кажется? Напряженным?

— Да нет.

— Выражение лица нормальное?

— Непроницаемое — ответил Эрик.

— Это для него нормально.

Она нажала на кнопку, и дисплей мобильного потемнел. Две линии, и только одна настроена на режим ожидания. И только для Эрика. Функционально они отгородились от всего мира. Это стоило немалых трудов, но они добились, чтобы все звонки, кроме их собственных, отправлялись им на стационарные телефоны. Каждые полчаса они проверяли сообщения, чтобы знать, что ничего не пропустили. Последний раз это было десять минут назад: два пустых рекламных сообщения и звонок от ее брата Брэда. Ничего срочного: он просто хотел передать привет. Разберется с этим завтра.

Сидя на месте водителя, Петра выпила воду из бутылки и, не отрывая глаз от серого дома, сунула в рот две горошины «скитглз». В этот раз она предполагала увидеть Эрика, который должен был выйти из заднего двора и вернуться к джипу.

От передней двери дома Добблера ее отделяло пятнадцать ярдов. Джип находился далеко, и отсюда его не было видно. Неважно, в какую сторону направится Добблер, кто-то его непременно бы увидел.

Здесь росло несколько деревьев, но темная улица хорошо просматривалась. И ограды не давали возможности незаметно перейти с одного участка на другой.

Добблер непременно бы себя обнаружил.

Десять с лишним часов ничего не происходило. Мозг Петры изнывал от безделья.

Курт Добблер покинул «Тихоокеанскую динамику» в половине пятого, вместе с другими служащими. Купив по пути пиццу, поехал к школе Кати. Это было за несколько минут до пяти. В этот час подготовительная школа Западной Долины выглядела закрытой, но звонок Добблера вызвал мрачную Катю. Она подошла к воротам с седовласой учительницей, которая и выпустила девочку на улицу.

Учительница улыбнулась, что-то сказала Добблеру, а он никак не отреагировал. Отец с дочерью молча направились к «инфинити». Ранец Кати казался тяжелым. Добблер не сделал попытки взять его у дочери.

«Инфинити» направился прямо домой. Приехали в пять часов двадцать шесть минут. Добблер пошел к дверям, опережая дочь на несколько футов. Машину, не оглянувшись, запер дистанционным блоком. Девочка заторопилась, чтобы нагнать отца, и он подержал для нее дверь.

Вынул почту из ящика, прибитого к стене рядом с дверью. Постоял, просматривая конверты. На улицу не взглянул. Вошел в дом и закрыл за собой дверь.

С какой стати он будет нервничать? Он делал это шесть лет подряд.

С тех пор они не видели ни Курта, ни девочки. Оба автомобиля Добблера стояли на подъездной аллее. В девять вечера Петра и Эрик решили, что кто-то из них должен наблюдать за черным входом, чтобы Добблер незаметно не ушел из дома пешком.

Этот «кто-то» был Эрик.

Часы Петры показывали двадцать восемь минут десятого. Эрик пробыл на другой стороне восемь минут и до сих пор не давал о себе знать. Что-то его отвлекло?

Зазвонил ее телефон.

— Снова я.

— Ты где?

— Снова в машине.

— Я высматривала тебя. Как ты умудряешься это делать?

— Делать что?

— Господин Невидимка.

— Я просто прошел.

— Разумеется, мастер Ниндзя.

Она говорила шутливым тоном, но на самом деле была уязвлена. Вопреки попыткам сосредоточиться мысли ее разбредались. Господи, как же ненавидела она все эти засады: они притупляли мозг.

— Что там тебя задержало?

— Наблюдал.

— Что-нибудь новое?

— Нет.

Бесконечность ожидания можно сравнить только с адом.

Они прервали разговор, и Петра съела еще конфетку. Смерть мозгам и разрушение зубам. Оставалось, по меньшей мере, два с половиной часа. Как убить время? Добблер, должно быть, сидит сейчас в кресле, читает журнал и разминает руки.

Что именно он читает? Последнее издание «Современного убийцы»?

Два с половиной часа. Выходит, он так хорошо все спланировал, что ему нет необходимости выходить пораньше?

Заранее выбрал жертву. Медсестру. Кого-то из тех, кто ухаживает за детьми. Возможно, с заболеваниями легких. Быть может, это итальянская девушка, если он в точности повторяет убийства Ретзака.

Она уже узнала, что в парке «Элизиум» нет ни одной больницы. Когда речь заходит о детях, первое, что приходит в голову, — это Западный педиатрический медицинский центр в Голливуде. Расположен он неподалеку от парка, и Добблеру это могло подходить.

В этот час из Тарзаны можно доехать до медицинского центра самое меньшее за полчаса, а то и больше, так что, судя по всему, Добблер поедет в последний момент.

Петра знала, когда в больнице происходит смена. Сестры, работавшие днем, должны были пойти к своим автомобилям между

одиннадцатью и половиной двенадцатого. В это время их сменяли ночные сестры. В эти полчаса множество женщин входят и выходят со стоянки.

Окраинные улочки. Восточный Голливуд. Не самое безопасное место, но во все время службы в голливудском участке Петра ни разу не сталкивалась с серьезной проблемой.

Столько женщин... как же Добблер выберет из них жертву?

Он уже выбрал.

Прошло пять минут. Десять, пятнадцать, по-прежнему никакого движения в сером доме. Поездка в Голливуд кажется все более невероятной. Возможно, Петра ошиблась насчет Западного педиатрического центра. Ладно, в городе полно таких центров.

Поскольку время продолжает утекать, Добблер, возможно, наметил место, расположенное поближе к дому. Где-нибудь прямо здесь, в Долине.

До нортриджского госпиталя пятнадцать минут езды, даже меньше, с учетом слабого движения. Интересно, тамошние медсестры работают по тому же расписанию, что и персонал Западного центра?

Петра быстро позвонила Эрику и сказала, что ее линия будет несколько минут занята: ей нужно навести справки. Ночной дежурный из Нортриджа подтвердил, что дневная смена заканчивает работу в одиннадцать.

Добблеру времени более чем достаточно. Жаль, что она не знает, как в Нортридже устроена автомобильная стоянка.

Да и нет уверенности в том, что это Нортридж.

Долина — большой район. Когда Добблер пустится в дорогу, ей придется импровизировать.

В конце концов ей всегда приходилось это делать.

ГЛАВА 50

Четверг, 27 июня, 22:59. Дом Гомеса. Юнион-дистрикт

С верхнего яруса доносился храп Исаяи, громкий и навязчивый, словно шум машины, подбирающей листья. Старший брат пришел поздно, усталый, в плохом настроении, так что невольно в доме все примолкли. Он сбросил рабочую одежду на пол и улегся спать.

Комнату наполнил запах смолы и перегара. Айзек решил промолчать об этом: зачем расстраивать маму?

С другой стороны каморки спал Джоэл на надувном матрасе. Грудь мерно вздымалась и опадала, на красивом лице блуждала улыбка. Удивительная натура: бурное кипение либидо и легкое отношение к жизни. Джоэл всегда будет счастлив.

Айзек поужинал вместе с Кларой в мотеле, а потому дома ел не много и быстро уснул. Первая фаза сна была беспокойной и невразумительной. Проснулся он в холодном поту от кошмара, сродни картине художника-абстракциониста, и в первый момент ничего не соображал. Храп с верхней койки подсказал ему, где он находится. Слава богу, Исаяя поменял позу.

Сон совершенно улетучился, Айзек старался не думать о Кларе, но, разумеется, ни о чем другом думать не мог.

Но не о том, что она сделала. О том, что сказала.

«... напрашиваются параллели... иначе — зачем имитировать Ретзака».

Эксцентричная женщина, возможно, невротичная женщина, но отнюдь не глупа. Нельзя игнорировать то, что она сказала. Айзека бросило в пот по другой причине.

«Петра знает, что делает».

Айзек потянулся к деревянному ящику, служившему тумбочкой, и взял часы: 23:02.

Осталось менее часа. Преступление скоро будет совершено.

Будет?

Он закрыл глаза, и факты словно бы укрупнились. Несуразности, от которых невозможно отмахнуться. Айзек встал с кровати, нашел кейс, на цыпочках двинулся по комнате.

Исайя заворочался, пружины заскрипели.

— Кто? — пробормотал он спросонья.

Айзек вышел из спальни, осторожно затворил за собой дверь и направился в кухню, надеясь, что родители в соседней комнате его не услышат. В особенности мать, которая спала чутко, как чихуахуа.

Включил маленькую лампочку, сел и задумался. Решил, что не поддастся психозу.

Вынул из кейса ноутбук, отодвинув при этом в сторону завернутый в тряпку пистолет, включил компьютер, покопался немного и взял модем. Присоединил коробку к телефонной розетке, уповая на удачу. Модем он установил несколько лет назад и редко им пользовался. Не было причины: в кампусе у него был высокоскоростной выход в сеть. Телефонная линия была старой, и он не слишком ей доверял. Даже если он выйдет в Интернет, то процесс пойдет страшно долго.

«Неандертальская техника».

Испорченный мальчик.

Испуганный мальчик.

Модем заверещал. Замолчал. Снова заверещал. Мама вошла, шаркая ногами, потеряла глаза.

— Что ты делаешь?

— Занимаюсь.

— В такое время?

— Я кое о чем вспомнил.

— О чем?

— О своем исследовании. Это неважно, мама.

— Если неважно, то иди ложись. Ты мало спишь.

— Через несколько минут, ма. Это докторская диссертация.

— Она не может подождать до завтра?

— Нет, ма. Иди ложись.

Модем зажужжал, зазвонил, запел свою песню. Нескончаемую!

— Что это? — спросила мать.

— Эта штука соединяет с Интернетом.

— Зачем она включена в розетку?

- Я использую телефонную линию.
- А если кто-нибудь позвонит?
- Некому звонить, мама. Она посмотрела на плиту.
- Я тебе что-нибудь приготовлю.
- Нет.

Он повысил голос, и она вздрогнула. Айзек встал и обнял ее за плечи.

- Нет, спасибо, ма. Мне ничего не надо.
- Я... — мать беспомощно оглянулась. Он отвел ее в комнату.

Когда вернулся к кухонному столу, подключение завершилось, и он присоединился к университетскому серверу. Просматривая свои примечания, он обнаружил, что текст, который он оставил в чате, получил продолжение.

Пять минут спустя сердце заколотилось так сильно, что он боялся, как бы оно не пробило грудную клетку.

Онлайн Хост: ***** Вы в кровавом чате***** Бульдог: Вам не следует его восхвалять, он был просто одним из серийных убийц

Разбойница: Это не восхваление (грамотей!). Это факт. Бульдог: Я могу писать грамотно, просто не хочу. Разбойница: Ладно, проехали. Я все же думаю, что он был интересным, возможно, уникальным для своего времени.

Пи-Кассо: Вы оба упускаете главную идею. Мефисто: Эй, послушайте! Всегда найдется парень с идеей.

Разбойница: Я всегда готова выслушать умную идею. Говорите, Пи.

Пи-Кассо: Ретзак стоит выше остальных, потому что он обладал цельностью художника. Его мотивация выше домов, денег и прочей ерунды. Для него превыше всего искусство, он переносит на бумагу сцену. Я ставлю его на уровень Ван-Гога. Мефисто: Того, что отрезал себе ухо? Ха-ха. Разбойница; Не смешно.

Бульдог: Пи-Кассо, ты, наверное, из этих дрянных мазил, поэтому так и говоришь?

Мефисто: Ответить нечего?

Пи-Кассо: Моя кисть известна.

Бульдог: Как насчет крепкой дубины?

Мефисто: Что, опять затих?

Разбойница: Похоже, он слинял.

Мефисто: Струсил.

Разбойница: Да зачем он нам сдался...

Пи-Кассо: Я все еще здесь. Но я ухожу. Вы, ребята, все безмозглые.

Мефисто: Много о себе воображаешь, придурок. Разбойница: Я все еще жду умных речей. Бульдог: А что скажете о Джоне Гасее? Он в приятельских отношениях с Джимми Картером. И все это время прятал трупы.

Мефисто: Это была Розмари Картер. Разбойница: Розалин, тоже мне знаток нашелся.

Пи-Кассо, художник с собственным стилем, самый большой поклонник Ретзака.

Айзек вернулся к началу, перечел чат. Почувствовал, как похолодели пальцы. Отключил модем, поспешил к висевшему на стене телефону, набрал номер мобильного Петры.

Звонок переключился на ее стационарный телефон, на автоответчик. Он передал сообщение, стараясь говорить ровным голосом — не слабым, не испуганным и не взволнованным. Понял, что у него это не получилось.

Позвонит ли она себе на автоответчик? Вряд ли. Она сейчас в засаде.

Думает, что знает.

Часы над плитой показали: 23:11.

Пи-Кассо.

Айзек бросился обратно в комнату, поискал туфли, не нашел, пошарил под кроватью, нашел сначала правый башмак, потом левый. Спать он лег в футболке и спортивных штанах, без носков. Ну, да ладно. Схватил туфли и побежал к двери.

Исайя уселся на своем лежаке.

— Что за...

— Спокойной ночи, братец.

— Куда... ты?

— На улицу.

Джоэл откатился от стенки и улыбнулся.

— Что, пошел к девчонке? — поинтересовался Исайя. Айзек закрыл дверь.

У Исайи был пикап, которому не хватало двигателя. Единственным действующим транспортным средством семейства Гомес была «тойота». Папа иногда рисковал отправиться на ней на работу. Папины ключи висели в пластиковой лягушке, прикрученной к стене рядом с холодильником.

Автомобиль был недавно в ремонте: поставили новые фильтры. Айзек снял со связки ключ от зажигания, при этом чувствовал себя взломщиком. Остановился.

Маленькое упущение.

Исправил его и вышел из дома.

ГЛАВА 51

Четверг, 27 июня: 23:03. Дом Добблера. Росита-авеню, Тарзана

— Ты уверен? — спросила Петра.

Эрик только что вернулся из разведки за дом. В этот раз она его разглядела — очень слабое пятно на фоне густо-черной ночи Долины. Возможно, он специально дал себя увидеть, чтобы она лучше себя почувствовала.

— Журнал отложил, смотрит телевизор. К сожалению, экран с улицы разглядеть невозможно. Ровно в одиннадцать встал, выключил свет, пошел наверх.

Осталось менее часа. Оба автомобиля Добблера стояли на месте.

— Ты уверен, что он не может выйти с черного хода?

— Крутой горный склон вплоть до соседских владений, затем чугунная ограда. Все возможно, но...

— Возможно, что нам об этом следует беспокоиться Маленькая мисс Язва. Прежде чем она могла извиниться,

Эрик сказал:

— Хочешь, чтобы я вернулся и проследил?

— Тогда мы не сможем смотреть на улицу с двух сторон, хотя...

— Просто скажи мне.

— А ты что думаешь?

— Не знаю, что и подумать.

— Тут что-то не так, Эрик. Даже если место преступления находится возле больницы, он слишком затягивает. Он страдает навязчивой идеей. И должен придерживаться точного времени.

— Может, он сейчас готовится. Мысленно.

— Может быть, — сказала она. — Хорошо, иди, посмотри с той стороны. Если ничего не произойдет в течение десяти... пятнадцати минут, то я подойду к входной двери и позвоню.

Молчание.

— Ты думаешь, что это плохая идея?

— Нет, — сказал он, — я уже иду смотреть.

ГЛАВА 52

*Четверг, 27 июня, 23:23. Вермонт-авеню, один квартал к югу от
Пико*

«Тойота» снова заглохла.

В третий раз за одну милю. Айзек перевел коробку передач в нейтральное положение, переместился в правый ряд. Автомобили скользили мимо него. Надавил сцепление, отпустил, стараясь оживить мотор. Перебои, мгновенная паника, и хилый двигатель снова запыхтел. Сделал паузу на пороге смерти... ожил.

Едва жив.

Чертова жестянка. Вот тебе и Монталво, приятель отца, хваленый механик.

А может, он сам виноват? Водить не умеет. Он так давно не садился за руль.

Он полз на север Вермонта, как улитка, изо всех сил старался поддерживать ровное поступление газа, подгадывал смену огней светофоров, чтобы свести к минимуму остановки.

На небе половинка луны, неверный лунный свет пробивается сквозь Неоновые огни рекламы, смог и влажный воздух. На Вермонт-авеню не утихает движение. Неоновые радуги на испанском, корейском и вновь на испанском языках. Автомобиль катился мимо темных зданий, перемежающихся яркими и шумными барами, клубами и магазинами, торгующими алкогольными напитками.

Снова подростки, толпящиеся вокруг приличных на вид клубов. Хорошая одежда, самоуверенные улыбки.

И опять бедные кварталы, рабочий класс — мексиканцы и сальвадорцы.

Его родным языком был английский, но иногда снились сны на испанском. Впрочем, сны он видел редко.

В непрезентабельном танцевальном клубе гремела музыка.

Убийственное времяпрепровождение. Убийство времени. Время убийства.

А вот погода не предвещает ничего дурного — теплая ночь, приятный ветерок.

Может, и не будет никаких убийств.

Скорее всего он ошибся.

Пи-Кассо.

Даже если сегодня что-то и произойдет, он был почти уверен, что взял на себя дурацкую миссию.

Отправился куда-то, исходя из надуманных теоретических соображений и опираясь на холодную категоричную религию, имя которой было логика.

Единственный вывод, основанный на фактах. Но что означали эти факты?

Не исключено, что он снова ошибся. Ужасно, трагически ошибся.

На Третьей улице «тойота» снова зачихала, и двигатель едва не заглох. Затаив дыхание, он плавно нажал на акселератор, и чертова развалюха уступила.

Он доехал до Четвертой, Беверли...

Он, конечно же, идиот, но что еще мог он сделать? Мобильник Петры по-прежнему не отвечал — полицейская уловка, разумеется. То, что копы называли тактической линией. Связываться с кем-то из участка бессмысленно. Разве будут копы обращать внимание на него?

«Чокнутый латинос, едущий по Вермонту на разваливающейся колымаге».

Он проехал Мелроз. Еще две мили... И что потом?

Припаркуется на безопасном расстоянии, пойдет пешком. Осмотрит окрестности и найдет удобное для наблюдения место.

Игра в детектива.

Место предполагаемого преступления: Западный педиатрический центр. Сейчас начнется пересменка, и выйдут сестры, ухаживающие за детьми.

Он ходил в этот центр, будучи студентом второго курса. Профессор биологии хотел, чтобы будущие врачи увидели, что такое уход за больными.

Больница показалась Айзеку удивительным, ужасным местом, переполненным через край сочувствием, бешеной активностью,

печалью.

Широко открытые глаза очень больных детей. Лыбые головы, восковая кожа, тонкие, как палочки ноги.

Он решил тогда, что педиатрия не для него.

Теперь он сдуру сам возвращался туда, внутренне содрогаясь.

Автомобиль издал звук, похожий на приступ рвоты. Айзека потрянуло и вдавило в сиденье, так как машина неожиданно набрала скорость. Ему удалось взять ее под контроль, и он проехал через перекресток к югу от бульвара Санта-Моника. Чудом пролетел на красный свет, едва увернувшись от огромного фургона.

Его оглушил рев клаксона.

Через две секунды «тойота» сдалась.

Пешком.

Полмили бегом до бульвара Сансет, поближе к домам, стараясь не привлекать внимания.

Когда добрался до места назначения, на часах было 23:43. Замедлил шаг и, оставаясь на южной стороне бульвара, двинулся к большим зданиям больничного комплекса.

В окнах большинства домов было темно. Главное здание освещали сверху два луча — белый и голубой, — словно сомкнутые руки.

Айзек оставался в тени, когда женщины, в основном молодые, в белой, розовой, голубой и желто-канареечной форме, вышли из нескольких дверей и стали переходить Сансет.

Отстали от других примерно двадцать сестер. Если каким-то чудом он оказался прав, то преступник должен был где-то притаиться и наблюдать.

Но откуда?

Айзек смотрел, как сестры устремились к вывеске «Служебная стоянка». Стрелки указывали в обоих направлениях, и группа разделилась на две части. Большинство женщин пошло в западном направлении, несколько человек — в восточном.

Две стоянки. Куда идти?

Он подумал, что если Добблер здесь, то он захочет, чтобы все было, по возможности, тихо. В восточном.

Он последовал за пятью женскими фигурами по удивительно темной улице. Обшарпанные здания, похожие на его собственный дом. Посередине квартала двухэтажная стоянка.

Темно. Айзек подошел поближе и увидел окруженный цепями вход. К воротам прибито объявление:

«Реконструкция объекта защиты от землетрясения. Окончание работ — август 2003».

Сестры продолжали идти. Двадцать футов, тридцать, пятьдесят. Почти до конца квартала. Еще одно объявление, слишком далеко, чтобы прочитать, но Айзек разглядел автомобили.

Прибавил шаг.

«Временная служебная стоянка»

Яркий свет заливал правый угол стоянки. В левом углу было темно.

Плохое обслуживание или кто-то это сделал сознательно? Айзек понадеялся, что угадал правильно.

Глупая надежда. В городе полно больниц, и во многих из них лечат детей. Сколько из них специализируются по легочным заболеваниям? Ни малейшего понятия.

Это было хуже, чем академические споры вроде тех, сколько ангелов поместится на кончике иглы. Он действовал вслепую, и это грозило самой страшной ошибкой.

Айзек перешел улицу, проскользнул между двумя жилыми домами и ощутил под ногами что-то мягкое. Почувствовал запах собачьего дерьма.

Отступил на шаг и убедился, что отчетливо видит грязную стоянку. Насколько он знал, Добблер стоит сейчас поблизости и может услышать его.

Айзек затаил дыхание. Увидел, как пять медсестер направились к своим автомобилям. Некоторые из них стояли под фонарями другие тонули в темноте.

Преступник должен направиться к темному участку. Если...

23:54.

Если... если... если...

ГЛАВА 53

27 июня, 23:46. Дом Добблера, Тарзана

— Я пойду к передней двери, — сказала Петра.

— Хочешь, чтобы я оставался здесь? — спросил Эрик.

— Да.

Она вынула из сумки пистолет, вышла из машины, подождала, чтобы успокоить дыхание, приблизилась к входной двери Добблера.

Положила руку на пистолет, готовясь ко всему, что может произойти.

Чутье подсказывало ей, что случиться может что угодно.

Все было неправильно. Как она могла так обмануться?

Позвонила. Ничего. Повторный звонок также не принес результата. Может, Добблер все же вышел из дома, и они с Эриком его не заметили?

Ну ладно, надули ее. Но Эрика?

Позвонила в третий раз. Ничего. Набрала телефон Эрика.

— Никто не отвечает.

— Да нет, он спускается по лестнице... включает свет на площадке. На нем махровый халат и пижама. Похоже, ты его разбудила. Он рассержен.

— Оружие?

— Оружия не вижу. Ладно. Он подходит к двери. Я сейчас обогну дом.

Из-за двери слышался голос Курта Добблера.

— Кто там?

— Полиция. Детектив Коннор.

Петра отступила назад на несколько шагов. Позади нее, укрывшись за кустами, стоял Эрик. Она чувствовала его запах. Такой приятный запах.

Добблер молчал. Петра повторила свое имя.

— Я слышал.

— Прошу вас, сэр, откройте, пожалуйста.

— Зачем?

— Попрошу открыть дверь.

— Зачем?

— Это дело полиции.

— Что за дело?

— Убийство.

Дверь отворилась, и Добблер уставился на нее. Длинные руки скрещены поверх белого банного халата. Рукава слишком короткие. Руки большие, костлявые, огромные руки. Под халатом полосатая пижама. На больших босых ногах голубые вены. Серые волосы всклокочены. Без очков он казался более привлекательным, хотя и угловатым, и холодным.

Глаза Петры пришлись вровень с шалевым воротником его халата. Она заметила маленькое рыжее пятнышко на правой стороне, которое можно было принять за засохшую кровь. Подняла глаза и увидела порез от бритвы на шее Добблера.

Старый Курт немного нервничает? То, что собирался сделать сегодня, пришлось отменить. Заметил, что за ним идет слезка?

«Как он узнал?»

— Сэр, могу я войти?

— Вы? — сказал он.

В этом единственном коротком слове заключалось больше презрения, чем можно было бы представить. И загородил собою дверь.

— Решили остаться сегодня дома, сэр? — спросила Петра.

Добблер отбросил волосы с потного лба. Под его глазами лежали тени. Руки Добблера дернулись, и на секунду Петра подумала, что он закроет перед ее носом дверь. Она решительно двинулась вперед.

Он посмотрел на нее и нахмурился.

Петра повторила свой вопрос.

— Решил остаться дома? — сказал он. — А что я должен был сделать?

— Выйти на улицу.

— Зачем мне выходить на улицу?

— Да ведь через несколько минут настанет 28 июня, — сказала Петра.

Добблер побелел.

— Вы больны.

И схватился рукой за косяк. Он был так высок, что рука едва не коснулась потолка.

— Я не выхожу по вечерам из дома, — сказал он. — Некоторые люди предпочитают работать и заботиться о детях. Зато другие делают свою работу в высшей степени некомпетентно.

Что-то пробормотал под нос. Петра почти услышала слово «слабоумная».

— Могу я войти, сэр?

— Войти?

— В дом. Поговорить.

— Это что же, маленький социальный визит? — спросил Добблер и выдавил из себя улыбку.

Одними губами. Глаза оставались сердитыми. Соединил огромные руки и, щелкнув костяшками, посмотрел на нее сверху вниз.

Взгляд был, как и в первый раз, сквозь нее. Так он смотрел и на Эмили Пастерн, и на Сару Касагранде. По позвоночнику Петры проползла холодная, сухая змея страха, и она была рада, что Эрик здесь, неподалеку.

Она улыбнулась Добблеру.

Он же захлопнул перед ней дверь.

ГЛАВА 54

Пятница, 28 июня, 00:06. Западный педиатрический медицинский центр, временная служебная стоянка. Родни-авеню

Айзек посмотрел на свои электронные часы, когда одна цифра сменила другую: 00:07. Цифровой упрек. Дневная смена почти разошлась.

Но не ушла еще темноволосая девушка, возможно, итальянка...

Он представил, что с ней могут сделать, и по спине пробежал холодок. Он сторбился, как старик.

Айзек оставался на месте, не зная, что ему делать. Смотрел на грязную стоянку. На освещенной стороне три автомобиля, в затемненной части, возможно, две, а может, и три машины. Трудно сказать.

Вероятно, это автомобили ночных сестер.

Но если это так, то почему машин так мало?

Чему удивляться? Персонал, конечно же, предпочитал западную стоянку. Там, кажется, и с освещением порядок, так что тот, кто приезжал рано, старался поставить свою машину именно туда.

00:08.

Он выждет еще пять минут, потом вернется к месту, где оставил отцовскую «тойоту». Он забыл запереть ее. Что там у отца в салоне? Вряд ли что-то ценное. Отец у него аккуратный человек.

Рабочая одежда, сложенная на заднем сидении. Возможно, несколько газет в бардачке. Айзек надеялся, что стянуть из машины будет нечего.

А может, сама машина там уже не стоит?

Если ее там нет, как он объяснит это родителям?

Прошло пять минут. Он медлил, не желая посмотреть правде в лицо.

Вот уже и двенадцать минут первого. Чувствуя себя идиотом, он вышел из укрытия и пошел в южном направлении.

Голоса с бульвара Сансет заставили его остановиться. Женские голоса.

Три женщины... маленькие женщины, судя по голосам, молоденькие, прошли на грязную стоянку.

Айзек заторопился к прежнему месту, взгляделся.

Белые халаты, темные волосы, стянутые на затылке. Крошечные девушки... Филиппинки? Они весело болтали. Прошли десять футов. Одна медсестра осталась на освещенном участке, две другие вошли в темноту.

Нет опасности. Добблер к двоим не пойдет, дождется одинокую жертву.

Освещенная девушка завела двигатель своего маленького автомобиля и уехала. В темноте засветились фары, и небольшой спортивный автомобиль — желтая «мазда RX» — грохоча, выскочил наружу.

В темноте осталась одна медсестра.

Он ждал, когда зажгутся другие фары.

Темнота.

Безмолвие.

Уж не пропустил ли он чего-то — другого выхода? Прошел ближе к дороге, в ночи раздался тихий, невнятный звук. Двигатель не хотел заводиться. Открылась дверь машины. Затем — крик.

Сунув руку в карман, Айзек помчался вперед. Пистолет зацепился за что-то и не хотел выходить наружу. Он надбавил скорости, закричал:

— Стой!

Крикнул еще раз, громче.

Яростно рванул карман. Пистолет безнадежно застрял. Он добежал до площадки, как буря, понесся по грязному цементу. Не видел ничего, бежал на крик. И тут он увидел.

Мужчина — очень высокий, в белом длинном, врачебном халате — возле его ног лежала крошечная женщина.

Она лежала на животе. Мужчина встал ногой ей на спину. Прижал, словно бабочку.

Она извивалась в грязи, била руками и ногами. Снова закричала.

Человек полез в халат, вытащил что-то, размером и формой напоминающее бейсбольную биты. Не деревянную... прозрачную.

Толстый кусок пластика.

Гладкий, плотный. Поэтому в ранах не оставалось следов.
«Перестань анализировать, идиот. Сделай что-нибудь!»

Айзек кинулся к высокому человеку. Сам удивился собственному, незнакомому голосу, хриплому, громкому:

— Стой, сволочь, или я прострелю тебе задницу!

Мужчина в белом халате по-прежнему стоял ногой на крошечной черноволосой женщине. Хорошенькая. Айзек видел ее застывшее от ужаса лицо. Молоденькая, может, даже моложе его. Не филиппинка. Латиноамериканка.

Или, может, итальянка.

— Стой!

Он был в трех футах от них, по-прежнему не мог вытащить пистолет.

Высокий мужчина, должно быть, крепче наступил на лицо девушки, потому что черты ее исказились. В рот попала пыль, девушка задыхалась, кашляла.

Айзек рвал карман. «Черт бы тебя подрал, идиот, клоун».

Человек уставился на него. Прозрачную дубину прижал к груди. Очень высокий, широкоплечий, сильный. Под белым халатом рубашка и джинсы. На ногах кроссовки.

Эта обувь оставит следы в пыли, но Тед Добблер был человеком методичным: он наверняка уберет их, когда сделает дело.

Красивый мужчина и самоуверенный. Высокие красивые мужчины обычно все такие. Присутствие Айзека его не испугало. Он знал, что легко справится с таким дурачком.

— Привет, — произнес он.

— Пи-Кассо? — крикнул Айзек.

С лица Добблера слетела ухмылка. Дубина заблестела под лунным светом.

Айзек продолжал бороться с карманом. Прошло несколько секунд, но ему казалось, что промчались годы.

Подавив панику, остановился. Проанализировал. Ствол зацепился за какие-то нитки, надо высвободить его вращательным движением, а не дергать понапрасну.

Тед Добблер, не снимая ноги со спины девушки, сделал шаг вперед свободной ногой. Нога длинная, шаг широкий. Расстояние от

него до головы Айзека сократилось до двух футов. Теперь он мог нанести ему удар.

Добблер поднял свое оружие, а Айзек попятился, штаны поднялись кверху и обтянули пах. Тед Добблер рассмеялся.

«Видела бы меня сейчас Петра. Идиот, клоун, несчастный идиот».

Девушка застонала от боли.

Тед Добблер продвинулся на несколько дюймов и еще более приблизился к Айзеку.

— Отпусти ее, или я буду стрелять, я не шучу, — крикнул Айзек.

Добблер, улыбаясь, посмотрел на Айзека.

— Чем? Своим маленьким членом?

Айзек, наконец-то, выхватил пистолет. Увернулся от руки Добблера, описавшей смертельную дугу. Удар прошел впустую. Айзек с трудом устоял на ногах и прицелился вверх.

В красивое лицо.

Он нажал на курок.

Невольно зажмурил глаза и продолжал жать.

ГЛАВА 55

Понедельник, 1 июля. Дом Торнтона (Тед) Добблера. Калифорния, Окленд, Верхний Рокбридж

Тед, историк.

Этакий ренессансный человек. Компьютерный дизайнер, художник-график, умеющий работать и иллюстратором комиксов, компьютерный аниматор.

Скульптор, использующий современные материалы — пластмассы, полимеры.

Абстрактное направление. Этот вид творчества Петре был чужд, однако она вынуждена была признать, что работы были талантливы. Серпантинные изгибы прозрачных трубок с вкраплениями полихромных волоконно-оптических частиц. Выглядят гармонично, удачно решены с композиционной точки зрения.

В прошлом году он выставлялся на другом берегу залива, в Сан-Франциско, в галерее на Пост-стрит. Работы были оценены в две и три тысячи, и три скульптуры были проданы.

Пи-Кассо.

Он и Омар. Повезло ей в этом году на художников.

В гараже Добблера были аккуратно сложены вязанки пластмассовых труб разных размеров.

Самая большая трубка соответствовала оружию, наносившему 28 июня смертельные удары.

Когда она встретила его в доме брата, он заявил, что живет в Сан-Франциско, но на самом деле проживал в Окленде, хорошем районе. Небольшой дом, подражание стилю Тюдоров, на холме, с которого открывался красивый вид. Залива не было видно, зато из окон спальни перед его глазами простирались чудесные, поросшие деревьями оклендские холмы.

В спальне одежда, несколько книг в бумажных обложках с рассказами о настоящих преступлениях да телевизор на журнальном

столике. Остальные помещения в доме такие же спартанские.

С другой стороны дома был гараж, к которому примыкала невысокая, без окон, цилиндрическая башня, площадью в четыреста квадратных футов. Вход в башню преграждала тяжелая стальная дверь. За дверью находилась студия Добблера.

Музей Теда Добблера.

Многоликий Тед. Петра видела в нем самовлюбленного человека, хроникера собственных темных деяний.

Деяния эти продолжались двадцать четыре года.

Добблер ничего не выбрасывал: у него сохранились все театральные программы, авиабилеты, квитанции, и не вперемешку, а аккуратно разложены. За несколько секунд Петра смогла отследить все его полеты в Лос-Анджелес. Но Петра уже знала, что «дядюшка Тед» жил в доме на Росита-авеню со старшим братом Куртом и племянницей Катей.

Ему выделили комнату рядом со спальней Кати. Там он держал несколько пар брюк, три рубашки, кожаный пиджак и черную спортивную куртку. На первый взгляд, ничего интересного для криминалистов, однако впоследствии при исследовании эксперты сумели соскрести крошечные маленькие пятнышки с двух рубашек и джинсов. Эти пятна пережили стирку и глажение.

Возможно, дело было в старой, ненадежной стиральной машине. Серьезная Катя сказала:

— Хлам. Течет постоянно и плохо отстирывает. Свирепо посмотрела на отца.

Курт мигнул. Наконец-то хоть какая-то эмоция.

— Я куплю новую, Катя.

— Ты всегда это говоришь.

Три пятна были слишком слабыми и не годились для анализа ДНК. Зато одно пятно полностью вписывалось в дело Марты Добблер, другое обязано происхождением косметике Корал Лэнгдон, а третье указывало на матроса Хохенбреннера.

Петра пришла на место преступления, как только услышала о нем по своей рации. В это время она находилась в доме Курта Добблера.

Прибыв туда, увидела, что два голливудских следователя, которые как следует не знали Айзека, обращаются с ним как с подозреваемым. Он упомянул в разговоре имя Рейса и заместителя начальника Рэнди

Диаса. Наконец кто-то позвонил Диасу, и тот приехал в «корвете». На нем были тренировочные штаны из черного бархата и кроссовки за двести долларов. Удачно, что приехал: Петра успела схватить его и проинформировать.

— Сэр, дело раскрыл этот мальчик. Она рассказала подробности.

— Впечатляет, — удивился Диас. — Думаю, наряду с участком и он заслуживает благодарности.

— Благодарность, кажется, мало что для него значит, — сказала Петра. — Он хороший мальчик, выдающийся. Я за него ручаюсь.

Диас улыбнулся. Возможно, подумал, что не такое у нее сейчас положение, чтобы за кого-либо ручаться.

— Такая рекомендация дорогого стоит, детектив Коннор.

— Он ее заслужил.

— Айзек убил преступника нелегальным оружием. Его ожидает разбирательство.

— Это можно уладить, — сказал Диас и многозначительно посмотрел на Петру. — То же самое и в отношении *вас*, детектив. Если все будут помалкивать. В вашем участке будут перемены. Я бы хотел, чтобы они прошли гладко.

— Какие перемены?

Диас приложил палец к губам и пошел к Айзеку.

На следующий вечер Петра вылетела в Окленд и воскресным утром, в сопровождении дружелюбно настроенного оклендского следователя по имени Арвин Ладд, приступила к работе в башне преступника. Она провела здесь два дня.

Обнаружила в картотечном шкафу папку с надписью «Путешествия».

Три тетради в муслиновых переплетах — должно быть, он их купил во Франции — были исписаны каллиграфическим почерком Теда. Там были изложены подробности его фантазий на тему убийства, начиная с двенадцатилетнего возраста.

Опьяняющий коктейль стремления к сексу, насилию и власти, подкрепленный случайно попавшейся на глаза брошюрой Теллера, которую Тед купил в букинистическом магазине Гамбурга.

Ретзак — это я, и я — это он. Не знаю, почему люди, подобные нам, такие, как есть. Просто так вышло. И мне это нравится.

После этого, на протяжении жизни, превращение фантазии в действительность.

Тед описал свою неудачу с убийством немки Гудрун Вигланд — «понятное упущение, произошедшее в результате юного возраста, неопытности, негодного орудия и беспокойства». В эпизоде с Вигланд он воспользовался «ломом, украденным из автомобильного магазина». Тогда он был шестнадцатилетним сынком военного. На два года моложе «вечного пешехода Курта».

Возможно, беспокойство Теда было даже сильнее, чем он хотел в том признаться. По его собственному признанию, прошло восемь лет, прежде чем он попытался осуществить следующее убийство.

После двухлетнего срока службы в армии, большую часть которого он пробыл редактором армейской газеты в Маниле, Тед переехал в Питсбург и поступил в Университет Карнеги-Меллона на факультет искусства и дизайна.

Альма-матер Энди Уорхола. Мне говорили, что он рисовал башмаки для газетной рекламы. Я куда более концептуален.

Вскоре после окончания он устроил засаду на восемнадцатилетнюю студентку по имени Рэнди Кори, любившую поздние пробежки по территории кампуса.

28 июня 1987 года. Весенний семестр закончился, но Кори не уехала: решила летом позаниматься с тренером гимнастикой.

Тед Добблер остался в городе, чтобы убить ее.

Девушка получила три сильных удара по затылку и, согласно газетной вырезке, которую Тед поместил в первом томе своей хроники, «скорее всего так и останется в вегетативном состоянии».

Раскрыв ей череп, я увидел студень. Но немного. Кости не поддались, когда я попытался их раздвинуть. Тут я услышал, что кто-то идет, и бросился наутек. Два дня спустя услышал, что снова, по необъяснимой причине, мне не удалось приложить достаточного давления и задуть свечу души. Больше такой оплошности я не повторяю.

Спустя два месяца фатальный удар по голове получил Герберт Линкольн, пятидесятидвухлетний университетский техник по обслуживанию оборудования. Это случилось, когда он шел к автомобильной стоянке, что находилась по соседству с кампусом. Петра поняла, что никакой связи между убийством Линкольна и нападением на Рэнди Кори полиция не заметила.

Молодая женщина, пожилой мужчина. Некоторое сходство с преступлениями Отто Ретзака, но Добблер пока не придерживался алгоритма 28 июня.

Пока тренировался. Впрочем, отступления не приглушали триумфального настроения.

Я смотрел, как из черепа вытекала жидкость, а из глаз уходила жизнь, и последовательно зарисовывал все фазы. Более радостного ощущения полноты свершения невозможно представить.

В тетрадь были всунуты иллюстрации. Они казались еще более ужасными, потому что этот монстр умел рисовать.

Конец первого тома.

Отложив тетрадь в сторону и взяв следующую, Петра сделала мысленную заметку: попытаться связаться с питсбургским детективом, работавшим над делами Кори и Линкольна. Надо выяснить, жива ли до сих пор девушка и захотят ли узнать правду родственники ее и Линкольна.

Открыла новую тетрадь.

— Интересно? — спросил Арвин Ладд.

— Да, если вам по душе этот жанр.

Он улыбнулся, скрестил ноги. Пока Петра работала, он нежился в оригинальном фанерном кресле работы дизайнера Имса. Теперь он встал, потянулся.

— Я бы кофе выпил. Какой предпочитаете — с молоком или без?

— Двойной экспрессе, если можно.

— Отчего же нельзя!

Ладд был живым, синеглазым. Безупречно одет, наверное, гей. Играя ключами от машины, он вышел на улицу.

Оставшись одна, Петра почувствовала, как гнетет ее эта комната. Безмолвная, холодная. Самое место для убийцы. Настоящее логово.

Приносил ли Добблер свои жертвы домой? Предварительные тесты крови не обнаружили. И все же Петра сомневалась. Она сказала Ладду, чтобы тот привел из полиции специальных собак и сонар для обследования двора. Он выслушал, кивнул, и не сказал ни да, ни нет. Трудно понять этого человека. Может, он и не гей...

«Том второй. Приступим».

После убийства Герберта Линкольна Тед обратился к сценарию 28 июня. Но не с годовой регулярностью. Он был служащим, имел известные ограничения. Преступления зависели от его командировок.

28 июня 1989 года. Компьютерный семинар в Лос-Гатосе, Калифорния. Тед прилетел из Филадельфии, где он временно работал кассиром в банке, пока подыскивал место в сфере компьютерной анимации. Вскоре после полуночи ударом в голову была убита секретарь «Интел икзекьютив» Барбара Боханнон. Преступление произошло на подземной парковке отеля, в котором она остановилась. У Боханнон пропала сумка, и следователи решили, что мотивом убийства стало ограбление.

Добблер вынул содержимое сумки и выбросил ее, оставив себе наличные деньги, кредитные карты и фотографии, на которых был запечатлен муж Боханнон и их трехлетний сын. Деньги истратил, остальное положил в ящик с надписью «Сувениры».

На его рисунке была изображена круглолицая, светловолосая женщина, приятно выглядящая даже после смерти. В ее волосах запутались куски древесины, следовательно, Добблер еще не обнаружил незаменимые свойства пластмассы.

28 июня 1991 года. Снова в Филадельфии. Еще одна компьютерная конференция. За год до этого Добблер нашел работу в городке Сан-Матео, но тут же уволился без объяснения причин. Занялся оптовой торговлей, в результате купил дом в Окленде и некоторое время был свободным художником — скульптором.

В час пятнадцать ночи в гостинице, на западе Филадельфии, обнаружено тело официанта Мелвина Ласситера. Проломлен череп, исчез кошелек. Жена Ласситера сообщила, что Мелвин приносил в

номера еду из кухни отеля. Вещественных доказательств не обнаружено.

Паста «примавера», отварной лосось. Вкусно. Салат Цезаря оказался сыроват, но когда вынул влажные гренки, стало неплохо.

28 июня 1992 года. Денвер, Колорадо. Конференция аниматоров. Этель Фергюсон, пятидесяти шести лет, занималась разведением пуделей. Обнаружена с проломленным черепом в лесистой местности возле собственного дома.

28 июня 1995 года. Океанское побережье. Калифорния, Матиас Делано Браун, моряк. Обнаружен возле причала с проломленным черепом. Тед Добблер брал трехдневный отпуск, путешествовал один, останавливался в отеле Валенсия.

Чудесно; заслуженный отдых. Из своего окна видел дельфинов.

Затем: невестка Марта.
Любовница Марта.

Тед описал свой роман во всех подробностях, радуясь «раскрепощению тевтонской сексуальности Марты», равно как и одурачиванию Вечно Скучного Курта («с этого момента он будет зваться ВСК»).

Во время трехмесячного адюльтера двенадцать раз ездил в Лос-Анджелес. Говорил брату, будто у него контракт с рекламным агентством в Беверли-Хиллз.

На самом деле моя работа стояла. Стоило ВСК отчалить на свою скучную службу, как я принимался исполнять за него его супружеский долг. Сначала Марта притворялась, будто ей не так все и нужно, тем не менее каждый раз сдавалась. Более того, орала под конец как оглашенная. Я решил, что со временем услышу другие крики из этого благонаправного ротика: уж слишком утомила меня ее эмоциональность.

Однажды едва не случилось скандала: Курт вернулся домой вскоре после отъезда, чтобы взять рабочий журнал, который он

оставил возле кушетки.

ВСК даже не поднялся наверх, чтобы попрощаться с М. Просто взял свой журнал и ушел. У него начисто отсутствует способность к общению. Тем лучше для М. и меня, ибо наше общение в тот момент было... гм... слишком близким. Я закрыл ладонью ей рот и еле удержался, чтобы самому не рассмеяться.

После этого Марта настояла, чтобы они встречались в гостиницах Голливуда.

«Дела в центре города» — так она лгала своим приятельницам.

Когда Марта объявила Теду, что любит его и готова уйти от Курта и Кати, он решил ее убить.

Он все обдумал, дождался ее похода в театр. Позвонил ей на мобильник из соседнего телефона-автомата, сказал, что планировал для нее сюрприз: хотел встретиться с ней в ее автомобиле после спектакля. Он, мол, забронировал номер в отеле «Рузвельт» в Голливуде. Однако в данный момент неважно себя чувствует. Боли в груди. Впрочем, возможно, все дело в несварении. Собирается поехать в Голливудскую пресвитерианскую больницу скорой помощи, чтобы выяснить, в чем дело. Позвонит ей, когда освободится.

Она взволновалась и сказала, что отвезет его сама. Встретилась с ним возле своей машины. Не успела опомниться, как он уже сидел за рулем. Выглядел прекрасно.

— Я думала, что ты заболел, — сказала она.

Он рассмеялся и сказал, что с их отношениями покончено.

Она заплакала, хотела узнать, в чем дело. Молила его об ответе.

Он припарковался на темной боковой улице. Обнял ее, поцеловал. После этого грубо оттолкнул ее от себя и вышел из машины.

Она бросилась за ним. Попыталась ударить.

Он схватил ее за руку, вывернул и швырнул на землю. Тут же ударил по затылку пластмассовой дубиной, которую скрывал под курткой. Он сшил себе специальный карман. Руки у Теда всегда были на месте.

Она взвизгнула и тут же замолчала.

Эта женщина была полностью в моей власти. Я знал ее интимно, насколько это было возможно. Но жидкость, что вытекла из ее черепа, ничем не отличалась от той, что я видел у других. Тем не менее это приключение укрепило меня в решимости достижения цели. Я почувствовал экстаз. Решил праздновать это событие в память об О. Р. Отмечать каждую годовщину.

Чувствуя, что ей вот-вот станет дурно, Петра быстро дочитала остальной текст и посмотрела посмертные зарисовки — Марты Добблер и всех остальных.

Портрет Марты чем-то отличался от прочих. В глазах женщины было обожание.

На мертвом лице он написал полные жизни глаза.

В тот вечер в гостинице она долго лежала в очень горячей ванне, смотрела телевизор и заказала чизбургер себе в номер.

Приятная комната: белые стены, голубое покрывало на кровати. Цена выше, чем мог позволить себе участок, но зато она вволю попользовалась Интернетом.

Снаружи жизнь была ключом. Отель находился на площади Джека Лондона. В другой раз она бы все здесь обследовала. На этот раз желания выходить на улицу у нее не было. Завтра утром она сразу же поедет в аэропорт.

Запив чизбургер колой, она подошла к минибару, оглядела бутылочки с пивом и коктейлями. Поколебавшись, решила отказаться от выпивки.

На тумбочке зазвенел мобильник. Все еще в прежнем режиме, она не переключила его с момента засады на Курта Добблера.

Еще один ее ляп, угрожающий и без того не слишком гладкой карьере. Ворвалась в дверь, набросилась на Курта, надела на него наручники. Разбудила бедную дочку.

Она оправдалась вынужденными обстоятельствами.

Заместитель начальника Диас вошел в ее положение.

Курт Добблер, лежа на полу собственной гостиной, угрожал подать на нее в суд.

Он бы и подал, и выиграл бы дело, если бы не криминальное поведение брата.

В шкафу на одежде обнаружили кровь. Курт заявил, что он и понятия не имел о том, что Тед спал с Мартой, а уж тем более пользовался его домом как ночлежкой, откуда он ежегодно ходил на преступления.

Возможно, он говорил правду: что можно узнать у такого человека? Угроза публичного скандала заставила «Тихоокеанскую динамику» нажать на Курта, и он не стал обращаться в суд.

Черт с ним, в конце концов. Петре было жаль Катю, хотя это было не ее дело. Она ведь полицейский, а не социальный работник. Тед Добблер больше никому не вышибет мозги, и дело закрыто.

С помощью друга.

Это сделал Айзек. Пригодился подарок Флако Джарамилло. Наконец-то он объяснил ей, зачем ему понадобилось оружие.

Она и не подозревала скрытности в характере юноши. Слава богу, все обошлось.

Петра взяла телефон, посмотрела на высветившийся номер, надеясь, что звонит Эрик. Завтра в Лос-Анджелесе у них обед в ресторане. Эрик намекал, что им предстоит серьезный разговор, что-то связанное с карьерой.

Высветились цифры 213. Не Эрик, но человек, с которым она была не прочь поговорить.

— Привет, — сказала она.

— Привет, — откликнулся Айзек. — Надеюсь, я вам не помешал?

— Нисколько. Что случилось?

— Я просто хотел сказать, что был сегодня в участке, и там теперь новый капитан. Некто Стюарт Бишоп. Он сказал, что знает вас, и был дружелюбно настроен.

— Стю? Вы шутите.

— А что, есть проблема?

— Нет, — воскликнула Петра. — Никакой проблемы. Она даже рот раскрыла. Невероятно.

— Он показался мне очень приличным человеком, — сказал Айзек.

— Он замечательный. Был моим напарником, пока не ушел из участка.

— Значит, вернулся.

Как и Эрик, Стю хотел стать частным детективом. В отличие от Эрика, у него имелись семейные деньги и связи. Значит, он снова в участке. Он ей раньше ничего об этом не говорил.,

Впрочем, они ведь несколько месяцев не общались. Вернулся, стал капитаном. Как он это провернул? «В вашем участке будут перемены».

— Значит, я сообщил вам хорошую новость, — сказал Айзек.

— Еще бы, — улыбаясь сказала Петра. — А как ваши дела, герой? Когда состоится церемония?

— Когда-то на следующей неделе. Надеюсь, они ее отменят.

— Еще чего, — сказала она, — наслаждайтесь моментом. Вы и Рейс — обожаемые жители нашего города. Будет пресса. Вы это заслужили.

— Я не герой, Петра. Мне просто повезло.

— Вы молодчина. Хизер Сальсидо родилась в рубашке.

Маленькая Хизер из Ла Бреа, Калифорния. Темноволосая, большеглазая, девушка двадцати трех лет. Капитан болельщиков. Хорошенькая, несмотря на синяки на щеке. Недавно окончила сестринскую школу, проработала в отделении педиатрической пульмонологии менее года. Жила в семье. Семья традиционная: отец — отставной шериф, мать — домохозяйка, старший брат — офицер, настоящий мачо.

По тому, как девушка смотрела на Айзека со своей госпитальной кровати, и тому, как смотрел на нее он, видно было, что эти юношеские отношения скоро примут новый оборот.

Петра улыбалась.

— Нет, — сказал он. — Нам просто повезло.

— Значит, вы счастливчик, — сказала она. — И я вам за это благодарна.

— Это я должен вас благодарить. За то, что вы так многому меня научили.

— Мне было только приятно, доктор Гомес.

— Еще одна вещь...

— Пистолет, — догадалась она.

— Я...

— Его внесли в дело как законно зарегистрированное оружие. Оно вам принадлежит с января. Вы имеете полное право носить его с

учетом того, что проживаете в криминогенном районе. Оказывается, все на свете к лучшему. Вы согласны?

Пауза.

— Спасибо, — сказал он растерянно.

— Не за что. Ну а теперь ступайте и развлекитесь немного.

ГЛАВА 56

Пятница, 5 июля, 20 часов. Закусочная Леонарда. Лос-Анджелес, к западу от Даунтауна, перекресток Восьмой улицы и Олбани

Айзек вцепился зубами в стейк, большой, словно бейсбольная перчатка, мягкий, словно пышка.

— Нравится? — спросила Хизер.

Она невероятно быстро расправилась со своей порцией. Как такая крошка сумела умять столько первоклассной говядины?

— Классный, — ответил он совершенно искренно.

— Мне нравится это место, — сказала она. — И не только из-за еды, с ним еще многое связано. Мой папа был еще шерифом. Ему приходилось допоздна засиживаться в суде, и он звал нас сюда. Мама, Гарри и я встречали его здесь, и мы чудесно обедали. Будний день посреди недели казался мне воскресеньем.

Она промокнула рот уголком белоснежной салфетки. Красивый рот. Изящный изгиб лука. Блеск на губах еще остался. Царапины на гладкой смуглой коже быстро заживали. Она скрыла темные пятна тональным кремом. У нее получилось намного лучше, чем у него с синяком.

— Моя семья в ресторан не ходит. «И зачем я это сказал?»

— Многие семьи не ходят, — заметила Хизер. — Да и мы делаем это не слишком часто. Поэтому такие походы и запоминаются, правда?

— Мне это нравится.

Он улыбнулся. Она улыбнулась в ответ. Они ели и пили вино. Красное вино — калифорнийское каберне шестилетней выдержки. Он мало в них разбирался, знал лишь, что красным вином запивают говядину. Притворившись, что думает, выбрал наугад и надеялся, что не ошибся.

Затем с видом знатока закрутил бокал, понюхал, в общем, сделал все, что запомнил по фильмам.

Гомес. Джеймс Гомес.

Агент 00 Липа.

— Неплохое, — сказал он сомелье.

— Очень хорошо, сэр.

Хизер сделала один глоток и сказала:

— О, это фантастика. Ты разбираешься в винах.

Он дважды посетил ее в больнице, но сейчас было их первое свидание. Произошло оно нечаянно, сразу после церемонии, на ступенях муниципалитета.

Она занимала его мысли с тех пор, как он только ее увидел.

На церемонии присутствовал член муниципального совета Гилберт Рейс, двое помощников, журналисты, Айзек и его семья.

Родители сияли, а братья смущенно переступали с ноги на ногу, когда ему вручали благодарность, написанную каллиграфическим почерком на бумаге, напоминающей пергамент. Айзек сказал несколько слов. В лицо ему уткнулись микрофоны, жужжали телевизионные камеры.

Он ненавидел каждое мгновение, мечтал о тишине библиотеки и о своем ноутбуке. Ему хотелось погрузиться в размышления, заняться новым делом. Только без Клары: ее для него слишком много. Впрочем, дружеские отношения он непременно будет поддерживать.

Наконец, его мучения окончились многочисленными рукопожатиями, улыбками и ожиданием момента, когда можно будет ускользнуть.

Затем к нему подошла Хизер. Где же она до сих пор была? Прежде чем он успел задать ей этот вопрос, девушку заметил Гилберт Рейс, заставил позировать перед фотоаппаратами, при этом втиснулся между ней и Айзеком.

Позднее Айзек узнал, что она хотела присутствовать на церемонии с самого начала, но застряла в пробке.

— Впрочем, я твою речь слышала, — заверила она. — Церемонию передавали по радио. Папа всегда слушает новости. Да вот и он.

Огромный мужчина вышел вперед. Белые волосы и усы, загорелая кожа. Железное рукопожатие. Потом появилась маленькая, стройная, живая женщина, очень моложавая для своего возраста. Хизер была на нее очень похожа.

Значит, она будет красиво стареть.

Нэнси и Роберт Сальсидо поблагодарили его, а затем заговорили по-испански с Ирмой и старшим Исайей Гомес.

Айзек и Хизер незаметно отделились от толпы и перешли в тенистое место. Незаметно она заставила его говорить о себе.

— Доктор философии и доктор медицины, — сказала она. — Это невероятно! Не говори никому, но я тоже подумываю о медицинском колледже. У меня были хорошие отметки, и мой куратор думает, что мне нужно продолжать учебу. Раньше я считала, что моего образования мне достаточно, но теперь не уверена.

— Тебе следует идти дальше, — сказал он.

— Думаешь?

— Уверен, у тебя получится. Словно он знал, о чем говорит.

— Хорошо, — сказала она, — спасибо за доверие. Не знаю. Может, я... хорошо бы еще раз с тобою встретиться.

— Наше знакомство не должно прекратиться.

Она загадочно на него посмотрела, и сердце Айзека упало. Потом улыбнулась, и на щеках появились ямочки.

— Может, позавтракаем? — предложил он. — Прямо сейчас.

«Держись, дурачок!»

— Сейчас? Хорошо. Я скажу родителям. Они хотели пойти в ресторан всей семьей, но твое предложение мне нравится больше.

Ресторанов он боялся, поэтому был благодарен, когда она предложила закусочную Леонарда. Несмотря на то, что она опустошит его карманы. Рейс намекнул, что ему следует ждать денежного вознаграждения. Может, и в самом деле. Да ладно! Живи рискуя.

Сейчас он смотрел, как Хизер отделяет мясо от кости, жует и глотает. Все, что она делала, казалось ему обворожительным.

— Что? — спросила она.

— Прошу прощения?

— Ты что-то замолчал, Айзек.

— Я просто наслаждаюсь, — признался он. — Тишиной и покоем.

— Конечно, — она положила свою ладонь на его руку. Он сразу же почувствовал, как пылает кожа.

— Жизнь — забавная штука, — сказала она. — Ты строишь планы, и вдруг, откуда ни возьмись, что-то происходит.

— Знаю, — сказал он. — Мне жаль, что тебе пришлось пройти через это.

— О, нет! — она сжала ему пальцы и улыбнулась. — Я говорю не об этом.

notes

[1] *Semper Fi* — *Semper Fidelis* (лат.). — Всегда верен! — Девиз корпуса морской пехоты. Современные морские пехотинцы часто говорят сокращенно: «*Semper Fi*». — Здесь и далее примеч. ред.

[2] Долину Сан-Фернандо — район Лос-Анджелеса — жители часто называют просто Долиной.

[3] Коронер — в США должностное лицо, на которое возложено установление причин смерти в тех случаях, когда они не известны или имеются основания предполагать, что смерть была насильственной. Как правило, коронер избирается населением соответствующего округа. Существует тенденция избирать на должность коронера специалиста в области судебной медицины. Выводы коронерского расследования, называемые вердиктом, излагаются в письменной форме. В вердикте должно быть указано: имело ли место убийство; медицинское заключение о причине смерти; когда, где и каким образом было совершено убийство; имя виновного, если он установлен. Коронер и проводивший вскрытие судебно-медицинский эксперт выступают затем в суде в качестве свидетелей.

[4] Хирургическое вскрытие грудной полости при травме легкого.

[5] Привилегированное общество студентов и выпускников колледжей. Его членами избираются студенты, достигшие наивысших показателей в учебе. Название — аббревиатура греческого «*philosophia biou kybernetes*» — «философия руководит жизнью».

[6] Помесь кокер-спаниеля с пуделем.

[7] Дин, Джеймс (1931-1955), киноактер. Играл роли молодых людей, не удовлетворенных жизнью, бунтующих против общепринятых ценностей. Был героем молодого поколения 1950-х годов. Погиб в автомобильной катастрофе.

[8] Полицейский чин выше старшего инспектора, но ниже старшего суперинтендента.

[9] Кукурузные листья с пряной мясной или сладкой начинкой.

[10] Джон Диллинджер (1903-1934), бандит и убийца, грабитель банков, терроризировавший Средний Запад в 1930-х годах. Был объявлен «врагом общества номер один». Застрелен в Чикаго агентами ФБР.

[11] Тетрагидроканнабиол (ТНС) содержится в марихуане и поглощается различными жиросодержащими тканями организма, следы ТНС могут быть обнаружены в моче через несколько дней после курения марихуаны.

[12] Flaco — тощий (исп.).

[13] Мэнсон, Чарльз (1933) — убийца киноактрисы Шарон Тэйт и еще шести людей в Лос-Анджелесе в 1969 г. У Мэнсона, выступавшего в качестве духовного лидера, была группа последователей (так называемая «семья»), вместе с ним принимавших наркотики.

[14] Отсылка к библейскому сюжету о Господнем завете земли иудейской Исааку, сыну Авраама (Быт 26:2,3).

[15] Джон Уотерс (1946) — культовый эпатажный режиссер, актер, продюсер.

[16] Уильям Франклин Грэм (1918) — священник-евангелист, выступавший с проповедями перед массовой аудиторией в городах по всему миру (особенно был популярен в 1950-1960-е гг.). Свои проповеди называл «Крестовые походы во имя Христа».